

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ

Не верь. Не бойся. Не проси!

Владимир Поселягин

ДИТЁ

Автор за помощ в написани книги благодарит: Сергея «Уксуса»; Сергея Павлова «Мозг»; Екатерину Корчагину; Кристин-Алису; и многих других, кто искренне помогал мне на форумах ЛитОстровка и СамИздата.

От автора читателям: Книга изначально планировалась как довольно серьезное чтение по альтернативной истории. Ее я старался писать в легком жанре, чтобы легко читалось, с юмором. Однако у автора, человека не очень серьезного и слегка веселого, книга быстро преобразилась в треш — мне просто надоело нудно описывать все преобразования при попадании в СССР. Поэтому сразу сообщаю — эта книга НЕ альтернативная история, а фантастико-приключенческий боевик с элементами альтистории. Так и читайте ее.

ПРОЛОГ

Больно, как же больно. Боль протекала по всему телу огнем. От неожиданной вспышки адской боли в груди Артур невольно застонал. Сквозь шум в голове было слышно чей-то успокаивающий женский голос:

— Все хорошо, Артурчик, все хорошо. Сейчас доктор придет и сделает укольчик. И все пройдет, потерпи немножко, — и тут же кому-то: — Константин Сергеевич, он только что стонал от боли.

Со стороны ног послышался молодой мужской голос:

— Хоть стонет, а то два дня под капельницей пластом лежал.

Артур с трудом приоткрыл глаза. Сквозь застилавшие их слезы разглядел стоящих рядом женщину в белом медицинском халате и молодого парня лет двадцати пяти, тоже в белом халате. Похоже, что движение век медики заметили, поэтому склонились к нему:

— О, очнулся малыш?

Артур непроизвольно поморщился. Так обращаться к человеку, который старше тебя, — это неуважение к нему. Он всегда считал, что надо выказывать уважение прожитым годам. Даже к своему соседу, который старше его всего на одиннадцать лет, он обращался по имени-отчеству. Поэтому, с трудом различая свой голос сквозь шум в голове, с трудом шевеля сухим языком, ответил:

— Мой малыш у тебя во рту не поместится, сынок. Разговаривая с человеком старше тебя, надо оказывать ему уважение. Называть хотя бы по имени-отчеству.

Эта отповедь у Артура отняла немало сил. На лицах стоящих медиков отразилась целая гамма чувств, от изумления до гнева. Врач остановил движением руки открывшую было рот возмущенную женщину. Положив больному руку на лоб, спросил, глядя ему прямо в глаза:

— Ты помнишь, кто ты? Как звать? Расскажи.

Чувствуя, что вот-вот вырубится, Артур ответил:

— Я Александров Артур Кириллович, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Мне тридцать пять лет, — и, глядя презрительно на доктора, добавил: — Майор ГРУ в отставке. Ветеран второй Чеченской войны. Все. Хватит с вас.

Доктор насмешливо улыбнулся:

— Ну и как там, в будущем? СССР всех впереди?

Настала очередь Артура изумиться:

— Какой, на хрен, СССР?! Он же развалился в девяносто первом?!

Артур с удивлением смотрел на лица ошарашенных медиков. Врач встал и обменялся с женщиной странными взглядами. Что-то было не так. Вдруг он понял, что чувствует конечности. С трудом приподняв под взглядами врачей правую руку, посмотрел на нее. Это была пухлая, исцарапанная рука ребенка, от неожиданности у Артура закружилась голова, и все померкло перед глазами, после чего он провалился в спасительную темноту...

* * *

... — И все-таки мне бы хотелось, чтобы Артур задержался у нас подольше, — говорил врач-педиатр родителям мальчика.

Разговор происходил на следующий день после того, как ребенок очнулся. Родители мальчика переживали, не отразится ли на ребенке происшедшее, нормальным ли будет он. Врач повернулся к отцу Артура:

— Кирилл Андреевич, расскажите снова, как это произошло. Только подробно, по секундам.

Поведя здоровенными плечами, тот начал рассказ:

— Да что там говорить? Пришел я за ним в садик, сказал воспитательнице, чтобы позвала сына. Где-то через две минуты прибежал Артур. Я посадил его на скамейку и начал надевать ему на ноги ботинки. Но Артур внезапно сказал, что забыл любимую игрушку, скинув обувь, побежал в игровой зал. И через секунду я услышал крик Елены Викторовны, воспитательницы Артура. Когда я забежал в зал, увидел лежащего на полу сына. У него шла кровь из ушей. Воспитательница дала мне аптечку и начала звонить в скорую, а я перевязал его и вынес на улицу. Скорая быстро приехала. Привезли в больницу, Артура сразу на каталку, а меня выставили в коридор, вроде все.

Мать мальчишки после рассказа мужа вытерла слезы платком и уткнулась лицом в плечо мужа. Александров повернулся к врачу, задумчиво наблюдающему за ними:

— Понимаете, Артур — наш поздний ребенок. Родился четвертым и стал любимчиком в семье, поэтому несколько избалован. Все за него переживают. Все-таки скажите, что с ним?

Врач печально вздохнул и отвел взгляд:

— Улучшений нет. Артур продолжает оставаться в коме. Вчера были судороги, после — остановка сердца. Мы еле успели откачать его. Боюсь, у Артура шансов нет.

Крепко прижав зарыдавшую жену к груди, Кирилл Андреевич с тоской смотрел на доктора. Тот, подняв трубку внутреннего телефона и продолжая отводить глаза, набрал номер дежурной медсестры:

— Алло! Светлана Аркадьевна, пожалуйста, срочно принесите успокоительного ко мне в кабинет, — положив трубку, врач сказал: — Есть детская городская клиническая больница номер тринадцать, имени Филатова. Она находится в Москве. И, возможно, там что-нибудь смогут сделать. Мы бессильны. Извините.

Постучав, в кабинет зашла медсестра, сделала матери ребенка укол и вышла.

Объяснив родителям ребенка, что они не могут сопровождать его в Москву и что этим займётся специально обученный медперсонал, доктор распрощался с Александровыми. Устало откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла, врач-педиатр, заместитель главврача детской больницы Кокренев Константин Сергеевич прикрыл глаза и посидел несколько минут. Отдых нарушил внезапно зазвеневший городской телефон. Встряхнувшись, врач снял трубку:

— У аппарата!

Голос на той стороне провода был хорошо знаком. Он принадлежал родному брату, служащему в Комитете государственной безопасности СССР в звании капитана.

— Привет, Кость. Как все прошло? Они поверили?

— Да, похоже, что да, поверили.

В трубке раздался смешок:

— Это хорошо. Ладно, сейчас о другом, через час подойдут два наших сотрудника. Проверишь их документы, я тебе потом сообщу их данные. Они при тебе должны связаться со мной. Так надо, Костя, так надо. Проведешь их к палате, но внутрь не пускаешь. Они должны охранять палату снаружи, в коридоре. Понял?

— Да понял я, понял! Стас, неужели все так серьезно? Я же в шутку рассказал тебе!

— Серьезней некуда, Кость. Хорошо, что ты связался со мной перед совещанием с начальством. Я должен был делать доклад первому заместителю председателя, генерал-полковнику Чебрикову. И ты связался как раз вовремя. Генерал хоть и не поверил во вселение, но заинтересовался этим ребенком. Все-таки такое происходит впервые. Это шанс, понимаешь?

— Стас, а вдруг я ошибся? Ты представляешь, каких трудов мне стоило уговорить его мать оставить ребенка одного и отправить ее домой?

— Ничего, подождут, не до них пока.

— Вдруг мне показалось?

— Тебе и медсестре показалось? Несмешно. Ты же по основной специальности кто? Детский психиатр. И различить, где ребенок фантазирует, можешь. Так что не комплексуй.

— Да, что-то меня... А, ладно. Как думаешь, он не сбежит?

— Кстати, как он?

— Нормально, встал, походил по палате туда-сюда, движения и

рефлексы в норме, хотя нет... слегка заторможенные. Поел хорошо, все съел с аппетитом. Только вот...

— Что?

— Понимаешь, взгляд у него недетский, пронизывающий. Смотрит, как рентген, как будто насквозь. У меня от его взгляда мурашки по коже. Еще медсестра-практикантка на него жаловалась. Говорит, что он ее взглядом раздевал, а когда нагнулась поправить одеяло, демонстративно стал разглядывать ее груди. Хотя надо сказать, что с бюстом у нее все в порядке. Еще когда уходила, он ее по попке шлепнул и подмигнул.

В трубке снова рассмеялись:

— Однако, какой он Казанова! Ты поставил кого-нибудь присматривать за палатой?

— Да, там прямо у двери стол дежурной медсестры находится. Я велел его не выпускать.

— Меня гложут смутные подозрения. Если он майор ГРУ, то твоя медичка ему не помеха. Черт, сходи проверь, ладно?

— Хорошо, сейчас проверю.

— перезвонить не забудь.

— Ладно. Давай, пока, — однако трубку врач положить не успел.

Без стука в кабинет ворвалась дежурная медсестра и закричала:

— Его нет, он пропал!

— Кто пропал? Да скажите вы толком, Светлана Аркадьевна!

— Мальчик из сорок седьмой. Артур пропал!

В трубке послышался отборный мат.

— Костя, Костя, дай ей трубку! — было слышно, как надрывался Стас в динамике.

Ошарашенный доктор поднял трубку и спросил:

— Что? Извини, не расслышал.

— Дай ей трубку!

Константин протянул трубку медсестре:

— Возьмите. С вами хочет поговорить мой брат.

Подойдя, медсестра взяла протянутую трубку.

— Здравствуйте. С вами говорит капитан КГБ Кокренев. То, что вы сейчас скажете, вы повторите нашим сотрудникам, которые скоро подойдут. А пока расскажите мне все подробно. Как это произошло?

— Здравствуйте, я, товарищ капитан, относил обед лежащим больным. К ним относится и мальчик из сорок седьмой палаты. Когда я открыла палату и внесла поднос с обедом, то увидела, что кровать пуста. Я думала, что ребенок играет в прятки, и минуты две искала его по палате. Его нигде

не было. Только окно было не закрыто на шпингалеты, а просто прикрыто. Еще пропала простыня. Как только я поняла, что ребенок пропал, сразу же побежала к Константину Сергеевичу. Но он же не мог сбежать в окно? Третий этаж все-таки?

— За палатой никто не наблюдал?

— Я попросила санитарку, она сказала, что никуда не отлучалась!

— Хорошо, я все понял. Спасибо, вы действительно все подробно рассказали. А теперь верните трубку моему брату.

Медсестра передала трубку телефона врачу и по его знаку покинула кабинет.

— Да, Кость, он нас сделал.

— Вы его найдете?

— Если бы он был простым обывателем, то да, не сразу, но нашли бы. Но он же не идиот, а профессионал, глупости делать не будет. Ладно, я на доклад к начальству...

Положив трубку, Константин задумался. Ему хотелось что-то предпринять, но что? Так ничего и не придумав, он запер кабинет и направился к сорок седьмой палате. Зайдя в открытую палату, врач осмотрелся. Действительно, простыни не было. Подойдя к полуоткрытому окну, распахнул его и высунулся наружу.

— Ну и как он спустился? Третий этаж все-таки.

Пожав плечами, доктор закрыл дверь и строго-настрого запретил медсестре открывать ее. Вернувшись в кабинет, сел в кресло и, достав из тумбочки стола початую бутылку коньяка, отмерил ровно пятьдесят грамм. Выпив, потер виски. Ночное дежурство давало о себе знать. Прикрыв глаза, Константин почти уже задремал, когда раздался резкий стук в дверь и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошли два человека в штатском. Один высокий и широкий в кости брюнет, второй невысокий и рыжий. Их принадлежность к органам была отчетливо видна.

— Мы пришли по приказу сверху. Вы должны быть в курсе, — заговорил высокий.

— Да-да. Конечно. А-а-а?.. — Оба синхронно достали документы и, раскрыв их, показали врачу, не давая в руки.

— Капитан Корнилов. — Встав и перегнувшись через стол, Константин посмотрел удостоверение высокого.

— Лейтенант Кошкин. — Удостоверение второго было явно новеньким.

Когда офицеры убрали документы, старший заявил, что ему нужно позвонить, и быстро набрал номер. Поговорив с кем-то несколько секунд,

он передал трубку Константину.

— Алло?

— Костя, это я, все в порядке, они те, кто должен был подойти. Передай трубку старшему.

Выполнив требуемое, Константин, не обращая внимания на кагэбэшников, спокойно налил себе второй стакан, выпил, откинулся в кресле и прикрыл веки.

Из дремоты доктора вывел голос капитана:

— ...так точно, товарищ полковник, сделаем. — Положив трубку, старший кагэбэшник достал платок из нагрудного кармана и вытер пот со лба. Посмотрев на напарника, он сказал:

— Приказ из Москвы. Найти ребенка во что бы то ни стало, — затем повернулся к Константину и, поставив кулаки на стол, потребовал: — Рассказывайте. ВСЕ!

Выйдя на крыльцо больницы, оперативники закурили, чисто механически поглядывая по сторонам. Наконец, в очередной раз стряхнув пепел, Корнилов вздохнул:

— Да, ушел он чисто. Никто ничего не видел, не слышал. Ты под окном все внимательно осмотрел? — повернулся он к напарнику. — Точно никаких следов?

— Никаких, Сергей Викторович. Чисто все. Я опросил всех, кто гулял около больницы. Никто, ничего. Ребенка не видели.

Тут их отвлекла маленькая пухленькая симпатичная девочка в синеньком платьице, стриженная под мальчика, с огромным белым бантом. Она подошла и, вытирая рукой полные слез глаза, с надеждой спросила:

— Дяденьки, вы мою маму не видели? Потерялась я.

Капитан, присев, ласково сказал:

— Маму мы не видели. Давай поищем ее, — затем, взяв девочку за руку, повернулся к напарнику: — Сходи в регистратуру, скажи, что тут ребенок потерялся. Пусть заберут, с ними посидит. Нам некогда.

Когда лейтенант скрылся за дверями больницы, Корнилов стал спрашивать у девочки, как ее зовут.

— Я не помню-ю-ю, — плаксиво заныла та.

— Ты помнишь, как тебя мама звала?

Девочка, вытирая нос, кивнула.

— Давай, я буду говорить имена, и ты вспомнишь свое?

Девочка усиленно закивала.

— Маша? Даша? Катя? Оля?.. — перечислив несколько имен, капитан сдался.

Девочка стояла рядом, ковыряла в носу и ждала, глядя на оперативника.

— Давай, я буду говорить буквы, и ты скажешь, на какую начинается твое имя, согласна?

В это время вышел напарник в сопровождении пожилой женщины в халате.

— Вот, Сергей Викторович, санитарка посидит с девочкой, пока не найдут ее мать.

Женщина ласково сказала:

— Пойдем со мной, чай с конфетами попьем и маму твою найдем. Меня баба Валя зовут.

Девочка оживилась:

— Конфетки, хочу конфетки!

Санитарка, взяв ее за руку, повела в больницу.

— Убивал бы таких матерей, — сказал капитан, глядя вслед ушедшим. И, повернувшись к лейтенанту, добавил: — У меня самого такая же дочка.

Лейтенант промолчал, у него детей не было.

— Эх! — махнул капитан рукой. — Ладно, нужно опросить всех еще раз. Начни с того дома, его окна выходят как раз на больницу. А я еще раз пройду по гуляющим больным. Все, расходимся.

Очнулся я как-то сразу. Даже не очнулся, просто проснулся. В теле чувствовалась непривычная легкость. Одновременно почему-то болели все мышцы. Зевнув и со скулежом потянувшись, с закрытыми глазами вскинул странно легко взлетевшие руки вверх. Чтобы ухватиться за прикрученные скобы и, несколько десятков раз подтянувшись, закинуть себя в инвалидное кресло, стоящее рядом с кроватью.

Руки ухватили пустоту — скоб не было. Широко открыв глаза, я смотрел на детские ладошки перед собой:

— Что за?.. — скинув с себя одеяло, с отвисшей челюстью разглядывал тело, в которое попал. То, что попал, теперь не сомневался.

Это было тело мальчика лет пяти-шести. И самое главное, у него были НОГИ. Причем ОБЕ НОГИ. С трудом двигая руками и ногами, сполз на пол. Такое впечатление, как будто все мышцы заоченели. Перед глазами замелькали звездочки, и я понял, что не дышу уже довольно долго.

Ноги подчинялись плохо, как чужие. Пришлось долго ходить вдоль кровати, держась за неё, прежде чем я наконец решился оторваться от дополнительной опоры. Наконец, отпустив кровать, храбро сделал

несколько шагов без подпорки. Голова немного кружилась, и сердце готово было вот-вот выскочить из груди, но я шел. Покачиваясь из стороны в сторону, но шел. И только сейчас, внимательно осмотрев палату, в которой находился, определил, что она двухместная. Но вторая кровать стояла без белья. Значит, соседа нет, отлично.

Плохо побеленный потолок, окрашенные в непонятный цвет стены с грубо нарисованными солнышком, лисичками и зайчиками, деревянная дверь с закрашенным краской стеклом, корявые окна со следами бумажной ленты и клочками ваты в щелях. Черные круглые выключатели и розетки на стенах, тумбочка с перекошенной дверцей, на которой намалеван корявый коричневый медвежонок, — все это ввело меня в недоумение. Где я?

Двигаться было тяжело из-за болевших мышц. Но все-таки дошел до зеркала, висящего несколько высоковато, хотя мне хватило. Подойдя, уставился на самого себя, только помолодевшего на тридцать лет. Передо мной стоял я сам с детских фотографий.

Несколько минут кривляния удовлетворения не принесли. Даже свирепое лицо, от которого в одной операции во время допроса обделался пленный боевик, в исполнении нынешнего тела превратилось во всего лишь забавно оскалившуюся рожицу, в глазах которой прыгали весёлые бесенята.

Махнув рукой на двойника, отошел в сторону и спустил трусики. Да, это точно был я. Во-первых, мой парень, хоть и маленький, но точно мой. Во-вторых, родинка справа от паха в форме копеечной монеты. В-третьих, повернув ногу, посмотрел на правую икру — шрама не было. Шрам в виде звёздочки я получил в шестилетнем возрасте, летом, играя в индейцев, — мне засадили стрелу в ногу. Какой вывод? Мне меньше шести лет. Осталось выяснить, где я.

Крепко сжав зубы и стараясь экономно двигаться, донес крашенную в белый цвет табуретку до окна, взобрался на подоконник и, откинув штору, выглянул на улицу. Это был не современный, знакомый мне город, а город времен СССР. Объяснялось это одним только видом проезжей части, находящейся между больницей и девятиэтажным домом. Новенькая «тройка», «копейки», «Волга» и ЗИЛ-130, проехавшие перед больницей. Но не это повергло меня в изумление, а плакат на соседнем с больницей доме с изображением Брежнева и надписью: «Советские люди знают: там, где партия, — там успех, там победа!»

Покачав головой, я задумался. Назвать этот перенос счастливым — значит ничего не сказать. Несмотря на уже привычную боль в мышцах, мне

хотелось плясать и петь от счастья. В крови просто бурлила энергия.

Ушатом холодной воды стало воспоминание, как я в первый раз очнулся в своем детском теле. Выражение физиономии врача заставило задуматься. Размышляя, отнес табуретку обратно под стол. Встав посередине комнаты и продолжая обдумывать свое положение, начал делать легкий разминочный комплекс. Такое впечатление, как будто в суставы насыпали песку. Мышцы встретили гимнастику крайне отрицательно. Но, крепко сжав зубы, терпел. Не обращая внимания на слезы, ручьем текущие из глаз, продолжал разминку.

Врач явно с интересом слушал мой бред, но в глазах его было и недоверие. Я надеялся, что все-таки оно перевесит и представитель племени эскулапов просто махнет на непонятно что лопочущего пацана рукой и быстро все забудет. Если он не лох, то будет молчать, чтобы не схлопотать неприятности. А если этот идиот кому-нибудь проболтается, то что? Попасть в руки какому-нибудь костолому-дуболому мне не улыбалось. Надо будет выходить на руководство, на генсека.

В прямой видимости из окна торчала приметная труба котельной, находящейся недалеко от моего дома. Значит, я был в родной Казани...

Мои размышления прервали приближающиеся голоса в коридоре, застав меня врасплох. В это время я отжимался на кулаках. Крутанувшись на полу и вскочив на ноги, бросился к кровати. Запрыгнув на нее, успел укрыться одеялом и вытереть мокрое лицо. Мое тело было как будто из парной — все в поту.

В открывшуюся дверь вошла смутно знакомая медсестра, наткнулась на мой внимательный взгляд и попятилась. Тут я ее узнал. Это была та женщина, от голоса которой я очнулся. Поскольку совсем палиться не хотелось, пришлось сделать испуганное выражение лица и сказать:

— Тетенька, а где я? Где мама? А вы кто? Я кушать хочу, — быстро захлопав глазами, изобразил на лице просительное выражение.

Медсестра вздохнула с облегчением. Стараясь ничем себя не выдать, я, сложив кулачки на груди, снизу вверх жалобно смотрел на нее. Надеюсь, что покрасневшие глаза меня не подведут. Эту фишку я позаимствовал у дочки соседа по площадке, трехлетней Ксюши. Она именно так выпрашивала у меня конфетки и другие сладости, когда приходила вместе с отцом в гости. И, надо сказать, у нее это блестяще получалось. К моему изумлению, сработало и здесь.

Умильно глядя на меня, медсестра подошла, села с краю на кровать и, погладив по влажным волосам, сказала:

— Сейчас кушать принесем, Артурчик, и ты покушаешь. У тебя ничего не болит?

Я отрицательно покачал головой, успокаиваясь. Не люблю, когда меня гладят. Очень. И дергаюсь. Сейчас с трудом удержался от рефлекса откатиться в сторону.

В дверь заглянула молоденькая, удивительно красивая медичка. От ее бюста у меня сработал рефлекс Павлова, и я громко сглотнул.

Пожилая медсестра восприняла это по-своему:

— Катя, принеси завтрак, пожалуйста.

Молча кивнув, Катя озадаченно глянула на меня и быстро удалилась, прикрыв за собой дверь. Похоже, мои пламенные взгляды от нее не укрылись. Меня это немного смутило — вроде маленький, а девчонку хочу. Не могу, а все равно хочу. Блин, вот попал! Хорошо, что медсестра ничего не заметила, а так и сидела рядом, продолжая меня гладить.

Я продолжал играть роль ребенка. Не думаю, что смогу долго водить ее за нос, но время выиграю.

Когда я с аппетитом завтракал, в палату вошёл доктор. Стоял у двери, о чём-то разговаривая с медсестрой, которую, оказывается, зовут Светлана Аркадьевна, и то и дело поглядывал в мою сторону. Судя по выражению его лица, он явно меня сдал.

«Блин, какая все-таки вкусная манная каша».

Подождав, когда я закончу есть, врач подошел к кровати.

— Ну что, покушал?

«Ой, не могу! Он бы еще по-доброму улыбнулся! Правильно говорят, что глаза — зеркало души».

Постаравшись сделать испуганное лицо, я ответил:

— Да, вкусно очень. А еще можно?

Врач сел на краешек кровати и покачал головой:

— Режим нарушать нельзя. Через два часа будет обед. Там и покушаешь.

Взяв стетоскоп, он стал прослушивать мою грудь, говоря привычные слова «дыши, не дыши».

Постоянное общение с врачами не добавило мне любви к ним. И если бы не мой брат, ведущий хирург одной из московских больниц, который в основном и занимался мной... Он же и сократил общение с врачами. Все вопросы по лечению и операциям решались через него. Если бы не он и не мой сын, постоянно живущий со мной после развода с женой, то я, несомненно, скатился бы в пропасть отчаяния. Именно брат нашел для меня работу на дому. Так как я прилично владею двумя иностранными

языками, он нашел мне работу в одном из издательств переводчиком. Так как моей мизерной пенсии едва хватало на проживание, это была существенная помощь. Настолько существенная, что я даже оплатил путевку сыну без помощи брата, когда его класс отправился во Францию.

— Я в туалет хочу.

Проблема действительно стояла для меня остро. После завтрака давление на мочевой пузырь превысило все пределы.

— Хорошо, — ответил он мне, после чего обратился к медсестре, продолжавшей стоять у двери: — Светлана Аркадьевна, утка под кроватью?

Медсестра кивнула и, подойдя, достала эмалированную утку. Стыд и смущение я потерял давно, поэтому спокойно сделал свои дела под взглядами медиков.

— Хорошо. Молодец. Теперь походи по комнате.

Пришлось слезть с кровати и сделать несколько шагов.

— Хорошо, молодец. Теперь ложись, будем тебя лечить. — Похоже, мы оба понимали, что играем друг перед другом.

Я залез на кровать и укрылся одеялом. Судя по положению солнца, скоро здесь будет парная. Врач вышел за дверь, не забыв запереть ее на замок.

Проводив его взглядом, я задумался. Надо валить прямо сейчас, пока это сделать можно без проблем. Пока думал, привычно для себя, но не для тела, делал разминку рук. Мои размышления прервал звук ключа, поворачивающегося в замке.

Дверь открыла Светлана Аркадьевна, впустила в палату красавицу Катю, несущую в руках поднос с лекарствами, и снова заперла замок снаружи. Подойдя к столу, Катя поставила поднос и взяла с него стаканчик с таблетками. Я с восхищением разглядывал ее, проходясь взглядом по выпуклостям фигуры. Сам понимаю, что это глупо, а ничего поделать не могу. Ну нравится она мне! Залившаяся краской Катя подала мне таблетки со стаканом воды, чтобы их запить, и быстро отвернулась к столу, что позволило мне убрать лекарства под подушку. Демонстративно допив воду, я протянул ей стакан. Взяв его, медсестра нагнулась поправить одеяло.

О, это было великолепное зрелище! Заметив мой взгляд, красная, как помидор, Катя быстро выпрямилась. И, повернувшись, чтобы уйти, предоставила мне прекрасный шанс, который я не упустил.

Проследив за выскочившей из палаты Катериной и дождавшись звука закрывшегося замка, стал действовать. Выйти из палаты оказалось просто.

Заранее открыл окно, оставив заметную щель. Снял и сложил простыню, которую взял с собой. Вскрыть замок труда не составило. Аккуратно придерживая дверь, чтобы она не скрипнула, осторожно выглянул и осмотрелся.

Палата находилась в середине коридора, прямо напротив стола дежурной медсестры, которая как раз куда-то отлучилась, а её на месте сидела пожилая санитарка и с интересом листала потрепанный журнал «Крестьянка». В это время открылась соседняя палата, и из нее выглянула женщина лет тридцати:

— Извините, у сына озноб начался, посмотрите, пожалуйста!

Через полминуты препирательств санитарка шустро куда-то поковыляла, а женщина вернулась в палату, прикрыв за собой дверь.

Это была прекрасная возможность улизнуть. Мысль остаться и дожидаться родителей, чтобы они забрали меня, я отбросил после некоторых раздумий. Валить надо сейчас, а не потом! Шансы, что до меня допустят родителей, минимальны, а вот огрести неприятностей...

Подождав, когда двое детей лет восьми-десяти, прогуливающих по коридору, скроются за поворотом, прошел к соседней палате, держа простыню в руках. Двигаться после тренировки мышц было все легче и легче.

Первым делом мне нужно было найти гардероб. Своей одежды в палате я не нашел. Значит, ее забрали родители или медсестра.

Найдя гардероб, попытался с помощью ложки, припрятанной во время обеда, открыть его. К моему удивлению, он оказался не заперт. В коридоре слышались голоса, и я торопливо вошел в помещение. Прикрыв дверь, подпер ее обнаруженным рядом стулом.

Странно: как мне кажется, у пятилетнего мальчика сил должно быть поменьше. Решив в этом разобраться попозже, стал осматриваться.

На стеллажах и вешалках висела и лежала одежда, на полу стояла обувь. Быстро одевшись, я сложил часть вещей в маленький синий рюкзачок из джинсовой ткани — явную самоделку.

Грабить детей мне не хотелось, но некуда было деваться.

Выйдя из гардероба, я направился к лестничному пролету и, спустившись на первый этаж, вышел в широкий коридор, просматривающийся со всех сторон. В коридоре находилось несколько человек.

Судя по плану, висящему на стене, запасной выход находился за дверями в конце коридора. Но была одна проблема. Даже две. Две

медсестры стояли и разговаривали у меня на пути. Просочиться мимо них просто не получится — обязательно заметят. Тем более одна из них стоит лицом в мою сторону.

Спрятавшись обратно за угол, из-за которого наблюдал за медичками, стал обдумывать, что делать. В это время медсестёр позвали, и они торопливо удалились. Это был шанс. Рванув с места, я добежал до двери, терпя боль в мышцах. Дёрнул дверь за ручку, с усилием открыл ее и проскользнул в следующий коридор, получив хороший толчок под зад. Обернувшись и почесывая пострадавшее место, озадаченно посмотрел на пружину.

Сразу было понятно, что маленький ребенок дверь с такой пружинной открыть не сможет. По крайней мере, пятилетний точно. Это даже для более старших детей будет сложно. Все чудесатей и чудесатей, как сказала одна выдуманная девочка. Вздыхнув, решил изучение этой странности оставить на потом. Надо сначала выбраться из больницы.

Пройдя еще одну дверь, добрался до заднего выхода, в который таскали матрасы два мужика, и спокойно вышел во двор больницы.

Дальше было просто: открытые ворота, за которыми никто не приглядывал, и, наконец, свобода. Убыстря шаг, я завернул за угол забора и через небольшой парк потопал к домам, видневшимся сквозь деревья.

Найдя приметное место с густыми кустами, спрятал под ними свой рюкзачок. Осмотрев схрон и прихватив простыню, направился к пруду, от которого слышались птичьи крики. Там, подобравшись почти к самой воде, разделся догола и занялся разминкой, затянувшейся почти на час. Затем наступила очередь водных процедур.

Одевшись и припрятав уже ненужную после купания простыню, я направился к домам, виднеющимся сквозь деревья. После такой мощной гимнастики мне казалось, что если подпрыгну, то взлечу, хотя тело продолжало тупо ныть. Меня это не беспокоило — скоро пройдет, знал по собственному опыту, приобретенному еще в той жизни. Быстро перебирая уже привычными маленькими ногами, думал о дальнейших планах.

Чтобы спрятаться, мне надо было замаскироваться. Те, кто мог в этом помочь, наверняка находились возле тех домов. Я решил идти путем героя Ералаша, «который за хлебушком ходил».

Искомые нашлись возле стайки мальчишек, играющих в лапту. Некоторые играли с ними. Выбрав жертву, я со скучающим видом подошел к девочке лет восьми, улыбнулся и поздоровался:

— Привет. Меня Сема зовут. А тебя?

— Привет. А меня Ксанкой. Ты новенький? Я тебя не помню.

— Да, новенький. Мы въехали во-о-он в тот дом, — показал я на крышу, видневшуюся над деревьями.

Продолжая улыбаться, предложил:

— А давай дружить?

— Давай!

Услышав, что мне нужно, Ксанка громко засмеялась, привлекая к нам внимание, и предложила:

— Пойдем ко мне домой. Там посмотрим, что можно найти.

Через полчаса я подошёл неспешным шагом к центральному входу больницы и, прислонившись плечом к забору, стал наблюдать за обстановкой.

Появившийся из-за угла корпуса, в котором находилась моя палата, рыжий парень направился к крыльцу, на которое изнутри вышел высокий здоровяк. Встретившись, они закурили и о чем-то стали говорить.

Хмыкнув, я поправил белый бант на голове и направился к ним, на ходу делая страдальческое лицо. Подойдя, сказал, добавив в голос слез:

— Дяденьки, вы мою маму не видели? Потерялась я.

Здоровяк сразу повелся:

— Маму мы не видели. Давай поищем ее.

Потом взял меня за руку и приказал рыжему:

— Сходи в регистратуру, скажи, что тут ребенок потерялся. Пусть заберут, с ними посидит. Нам некогда.

Рыжий быстро ушел. Здоровый же, повернувшись к ко мне, спросил, как меня зовут.

— Я не помню-ю-ю, — плаксиво заныл я.

Здоровяк поморщился:

— Ты помнишь, как тебя мама звала?

Я для убедительности вытер нос и кивнул.

— Маша? Даша? Катя? Оля? Юл... — перечислив несколько имен, здоровяк сдался.

Все это что-то мне напомнило. Задумчиво ковыряясь в носу, я вспоминал. О, вспомнил, девочка Гадя! Если есть возможность, почему бы не пошутить?

— Давай, я буду говорить буквы, и ты скажешь, на какую начинается твое имя. Согласна?

О, точь-в-точь, как в приколе. Но все обломал этот гадский рыжий, выйдя с пожилой женщиной, похожей на санитарку.

— Вот, Сергей Викторович, санитарка посидит с девочкой, пока не найдут ее мать.

Женщина назвалась бабой Валею и позвала с собой, пообещав напоить чаем и угостить конфетами. А заодно и маму найти.

Самое то: покажите мне пятилетнего ребёнка, который устоит перед таким соблазном.

Подойдя к дверям, я обернулся, посмотрел на стоящих ко мне спиной оперов и, не выдержав, показал им язык.

Информация. Именно недостаток информации вернул меня в больницу. Источником я решил сделать врача, Константина Сергеевича, если не ошибаюсь. Помимо информации надумал стянуть с него денег — не люблю стукачей и поэтому считаю, что их надо учить материально. Для моих дальнейших планов деньги были нужны. Вряд ли у врача с собой будет много, но на безрыбье и лягушка рыба.

Приведя меня в подсобку и налив кружку горячего чая, санитарка поставила рядом розетку с конфетками и, пока я пил, завалила вопросами. Потом её куда-то позвали, и она вышла в коридор.

Убедившись, что женщина удалилась, осмотрел помещение, отыскал среди стоящего в углах приборочного инвентаря сломанную рукоятку от швабры длиной около полуметра и, прихватив её, отправился по делам. Путь к кабинету врача занял минут десять — спрашивать ни у кого не хотелось, так что пришлось искать методом тыка.

Заглянув в кабинет, я увидел сидящего за массивным столом врача, успевшего, судя по пустой бутылке из-под коньяка, изрядно напиться. Хлопок закрывшейся двери заставил его встрепенуться:

— Девочка, тебе чего?

Да уж, он и правда успел хорошо набраться.

И тут доктор меня узнал.

Глаза его расширились, он вскочил и шатающейся походкой ринулся ко мне. Я вскинул рукоятку, которую до этого держал за спиной. Врач не ожидал, что встречу его с палкой, и затормозил, озадаченно глядя на нее. И тут же получил два удара по болевым точкам, парализовавшим руки.

Третий — футбольный удар со всей силы головой между ног, и завершающий — по затылку согнувшегося врача. После чего хозяин кабинета свернулся калачиком на полу. Машинально поправив сбившийся бант, быстро, пока он не очухался, задрал платье до подбородка и стал развязывать бельевую веревку, обмотанную вокруг пояса. Которую, мне вместе с платьем и бантом дала Ксанка.

Врач держась за гениталии, тихо стонал на полу. Мне это было не

нужно, поэтому очередной удар снова пришелся ему по затылку.

Самое сложное было рассчитывать силу. Ведь кем я раньше был? И кем стал сейчас?

С трудом завернув полупарализованные руки врачу за спину, связал их, накинув еще и удавку на шею. Так что если он попытается развязаться, то задушит сам себя. Вздохнув свободней, огляделся. Нужно было торопиться.

Закончив обыск, я разложил найденное на столе. Мне достались четыре скальпеля в кожаном чехле, массивный мужской кожаный бумажник с деньгами (тридцать один рубль купюрами плюс мелочь), часы, снятые с руки врача, и свежая газета за 22 мая. Развалившись в кресле, я стал изучать газету.

От этого занятия меня отвлек шум на полу. Начал оживать врач.

— Здравствуйте, дяденька, — на меня опять напала какая-то веселость.

— Уйё! Зачем между ног-то было бить?

— Шансов завалить вас у меня было очень мало. Я использовал то, что свалит наверняка.

— Что тебе нужно?

— Информация. И еще раз информация. А то, что мне было нужно, я уже себе подобрал, — взяв со стола вещи, показал их врачу.

Тот поморщился:

— Оставь хотя бы скальпели. Подарок все-таки.

— Хрена тебе лысого, а не скальпели. На фигу меня сдал? Не мог промолчать? Или сделать вид, что ничего не понял! Так что это моя компенсация, — ответил я возмущенно.

Врач перевернулся на спину и посмотрел на меня выжидающе. Похоже, отвечать на заданные вопросы он не собирался. Демонстративно вздохнув, я взял лежащую на столе палку и подошел к нему. Допрос продлился около двадцати минут.

Сам рассказал, даже бить не пришлось... почти. Дважды в дверь стучались, и доктору по моим подсказкам пришлось отвечать, что он очень занят.

Вернувшись в кресло, я задумался было над полученными сведениями, но встряхнулся, вспомнив, что кое-что забыл:

— Вы ведь детский доктор? У меня вопрос. В последнее время со мной происходит что-то странное.

— После того как вы попали в это тело?

— Да, конечно. В общем, проблема в том, что я начинаю вести себя как ребенок. Сперва это незаметно было. То есть я не замечал. Но в последнее

время как-то странно себя чувствую.

Доктор сразу принял серьезный и задумчивый вид. Подумав, спросил:

— В чем заключается странность?

— Стал вести себя как ребенок. Хочется играть, беситься, смеяться, шутить. Как-то так вот.

Помолчав несколько минут, он ответил:

— Я с таким не сталкивался. Может, слияние происходит? Возможно, что ваша личность начинает адаптироваться к телу. Гормоны-то другие.

— Это как-то отразится на мне?

— Не знаю. Нам с таким еще встречаться не приходилось. Ну не было у нас еще переселенцев! Это нужно изучать! Вот тебе тяжело эмоции контролировать?

— Да я их почти не замечаю, так что подавить их нетрудно. Но все равно же: не заметно, но тянет. Хотя еще в той жизни я был еще тем, хм... приколистом.

— Со временем, скорее всего, пройдет.

Разговору помешал зазвеневший телефон. Посмотрев на дернувшегo собеседника, показал ему палку. Что сразу заставило его молча замереть. Встав на кресло, я дотянулся до аппарата.

«Блин, когда же вырасту!»

Маленький рост начал уже меня доводить.

— Алло, Костя? Сейчас придут наши люди. Так что с работы не уходи. И весь персонал чтобы оставался на месте. Понял? Алло? Костя? Почему молчишь?

Врач, дернувшись, крикнул:

— Стас, он здесь!

В трубке наступило молчание, потом послышался шорох, и Стас спросил:

— Артур?

Скрываться я посчитал бессмысленным, поэтому буркнул:

— Нет, папа римский.

В динамике снова послышался шорох. И трубку, похоже, взял кто-то другой.

— Артур Александров?

— Да я это, я!

— С вами говорит полковник Чурин. Оставайтесь в кабинете. Наши сотрудники сейчас подойдут.

— На фига? Встречаться я с вами не хочу. Поэтому слушайте меня. Я знаю, что вы хотите получить от меня информацию. И вы ее получите, не

сомневайтесь. Я патриот своей родины. Но вот встречаться с кем-нибудь не хочу категорически. Мне нужен номер телефона. Номер, по которому будет ждать звонка Андропов. Сегодня двадцать второе мая. Значит, двадцать второго июня, ровно через месяц, я позвоню на него. Звонить буду в час дня.

— Но вы же понимаете, что это невозможно?

— Это не мои проблемы, а ваши. Номер?

— Погодите, его сейчас подготовят и вам скажут.

— Время не тяните. Номер?

Записав продиктованный номер, я хотел было положить трубку, но меня остановил вопрос полковника:

— Девяносто первый — это правда?

— Вы даже не представляете, насколько, — ответил я, после чего, не дожидаясь следующего вопроса, оборвал разговор.

Быстро сложив трофеи в коричневый портфель, на всякий случай заткнул доктору рот сделанным из полотенца кляпом и, как и в прошлый раз, покинул больницу через запасной выход. Правда, дверь его была заперта, но это не стало для меня препятствием.

Вернувшись к схрону, достал рюкзак, переоделся в темно-синие штаны и белую футболку, аккуратно сложил платье и убрал его в портфель, который сунул на место рюкзака, — Ксанке я объяснил, где искать одолженные вещи. Затем разобрался с деньгами — сунул в карманы рубль мелочью и пять бумажками, а остальное убрал в рюкзак.

Увы, воспользоваться ближайшей автобусной остановкой не получилось — там уже торчал рыжий опер. Пришлось сразу же развернуться в обратную сторону.

Зайдя за дом, я задумался. Покидать город нужно немедленно. Позже будет поздно. Честно говоря, уже начал жалеть, что не свалил из больницы с родителями. Впрочем, после прихода в сознание они так и не появились. Даже матери не было, хотя она просто обязана была находиться со мной постоянно из-за маленького возраста, как та женщина из соседней палаты.

Под такие мысли я дворами прошагал несколько кварталов, пока не заметил в стороне универсальный магазин. Перебежал дорогу с удивительно слабым движением и уже спокойно вошёл в универсам.

Направо от входа располагался хозяйственный отдел, прямо — трикотажный, налево — продовольственный. Принюхавшись к запахам, направился, как всегда это делал, налево. Сперва подошел к хлебобулочному прилавку. Дородная продавщица, принявшая деньги за

две буханки у седого дедушки, выбила чек. Подождав, когда она закончит, я подошел к кассе:

— Тетенька, а хлебушка ржаного купить можно?

Продавщица, лишь мельком глянув на меня, ткнула пальцем в стеллажи с хлебом:

— Хлеб там. Выбирай.

«Вот курва, — подумал я про неё. — Ведь видит же, что до верхних полок я не достаю. А ржаной именно на них лежит».

Огляделся — рядом никого, чтобы помочь, не было. Пожав плечами, подумал: «Как вы с нами, так и мы с вами».

Подошёл к стеллажу и, не обращая внимания на возмущенный вопль продавщицы, стал по полкам подниматься наверх. Ухватив буханку ржаного, начал слезать, но чьи-то руки подхватили меня и опустили на пол.

Сердито обернувшись, я увидел парня лет тридцати, смотрящего на меня с улыбкой:

— Ну что, бандит, поймали на месте преступления?

Поняв, что он шутит, ответил в том же духе:

— Да кассирша решила, что я летать умею и смогу достать сверху хлеб сам. Так пришлось ее убедить, что это не так.

Лицо парня вытянулось от удивления, и я понял, что спалился со своей речью. Но делать было нечего, надо торопиться. Склонив голову набок, спросил:

— Помочь сможешь?

Парень открыл рот. Закрыл. Снова открыл и наконец ответил:

— Чем именно?

Отведя его в сторону, сказал:

— Понимаешь, я вундеркинд. Знаешь, кто это? — после кивка парня, продолжил: — Я живу в другом районе. И там все продавщицы меня знают. А здесь я в первый раз. В общем, что мне надо, не продают. Поможешь?

Парень, ненадолго задумавшись, ответил:

— У меня времени почти нет. Если только быстро.

Меня это устраивало, поэтому я радостно закивал.

Заплатив за хлеб сердитой продавщице восемнадцать копеек, мы подошли к колбасному отделу, где я выбрал круг копченой колбасы. Пройдясь по продовольственному, купил все, что мне нужно. При оплате оказалось, что оно стоит аж три рубля с шестью копейками.

Пока ходили по магазину, познакомились. Парня звали Степан. Он

помог купить мне отличный раскладной нож, литровую пластиковую фляжку, большую железную кружку и консервный нож. На все вопросы Степана про покупки я отвечал, что с родителями собрался в поход. Поэтому покупал, что не хватало. Вряд ли он мне поверил, но промолчал.

Тщательно упаковав все в рюкзак, мы вышли из магазина и распрощались. Степан торопливо направился в сторону ближайшей остановки автобуса. Так как мне надо было туда же, то я не спеша направился следом.

Зайдя в «пазик», спросил у водителя, где проходит маршрут. Оказалось, там, где нужно. Пройдя по салону к свободному месту, сел и помахал из окна Степану, оставшемуся дожидаться своего маршрута.

Положив набитый до треска швов рюкзак на колени, я стал рассматривать сидящих внутри пассажиров. С любопытством разглядывал родной, но в то же время незнакомый город, мелькавший за окном. Через двадцать минут заметил, что мы выехали в пригород Казани. Встав, подошел к двери и стал ожидать остановки. Вышел у РКБ.

Помешивая суп в большой кружке, которую я использовал вместо кастрюльки, вспоминал, как смог выехать из Казани. Это было проще некуда. Вышел на Оренбургский тракт и стал смотреть на редкие проезжающие машины. Нужная мне показалась минут через семь — старенький «москвич-403». Заметив сидящих впереди старичка и бабульку, стал активно махать руками, пытаюсь обратить на себя внимание. Скрипнув тормозами, «москвич» остановился.

В окно выглянула старушка:

— Тебе чего, внучок? Аль потерялся?

Я отрицательно замотал головой:

— Нет, бабуль. Отстал я от отряда. Меня родители отпустили с братом на природу с его классом. С ночевкой... а я отстал. Может, догоним их?

Старичок, внимательно слушавший, спросил:

— Давно они отъехали?

Я пожал плечами:

— Недавно, дедушка.

— Садись, догоним!

Бабушка открыла мне заднюю дверь, и я, закинув рюкзак, залез в кабину. Представился Сашей.

Старички оказались удивительно любопытными и мучили меня вопросами всю дорогу. Я отвечал вежливо, стараясь не уклоняться от возраста пятилетнего.

— Что-то не видно, Санек, твоего автобуса. Уже километров десять проехали.

Делать нечего, хотя планировал проехать с ними подальше. Пришлось сказать, что подъезжаем к повороту на озера, где будем отдыхать. Первая же проселочная дорога привлекла мое внимание.

— Вот, дедушка! Вон тот поворот! Мы в прошлом году тут проезжали, когда отдыхать ездили! — ткнул я пальцем в первую же просёлочную дорогу, отходившую от трассы.

Старик остановил машину, но вопросы задавать не прекратил.

— А может, не здесь отдыхать будете?

— Здесь, дедушка! У нас двоих родители на машинах привезут. Договаривались, что снова будем здесь. — Я открыл дверцу и, держа в руках рюкзак, прыгнул на землю.

Но старичок не унялся:

— Как же все-таки они не заметили, что тебя в машине нет?

— Да я же говорил, Арсений Викторович! В автобусе сзади было навалено много вещей, а я за ними сидел. Там на заднем сиденье на кочках высоко подбрасывало. Мне прыгать нравилось. Ну а когда автобус остановился на заправке, я пописать пошел. Вернулся, а автобуса и нет.

— И что, никто не видел, что ты выходил?

— Там сзади дверь. Я через нее и вышел.

Поблагодарив и попрощавшись с подозрительным дедушкой и добродушной бабушкой и с трудом отказавшись, чтобы они подвезли меня до лагеря, демонстративно направился по полевой дороге.

Сзади послышался звук стартера. Обернувшись, помаhal на прощание рукой уезжающему «москвичу» и задумался, что делать. Но тут о себе дал знать желудок, сильно забурчав.

— Ладно, давай поедим, — сказал я, похлопав себя по животу. Мышцы пресса отдались привычной ноющей болью.

Посмотрев на росший недалеко небольшой лес, прекрасно подходивший, чтобы перекусить на природе, я поправил лямки рюкзака и неспешным шагом направился выбирать место.

Зайдя в лесок, обнаружил, что он занят. На небольшой поляне стояли красные новенькие «жигули-двойка» с открытым капотом, рядом с которыми суетился невысокий парень лет двадцати двух. В стороне на расстеленном одеяле сидели молодая женщина и две девочки дошкольного возраста. Меня они не видели.

Минуты две понаблюдав за метаниями парня вокруг машины, понял, что он полный ламер в обращении с техникой; Это же подтвердили едкие

комментарии женщины, внимательно наблюдающей за его вознёй:

— Ну зачем ты там лазил? Если бы не твое любопытство, мы бы уехали отсюда уже час назад. — Женщина еще минуту пилила его.

Тихо отступив вглубь леса, я оставил семью на поляне и трусцой двинулся дальше. Через полкилометра с меня градом тек пот, а сердце готово было выскочить из груди — то ли из-за возраста, то ли из-за лечения, но физическая форма у меня не фонтан.

Оглядевшись и решив, что место достаточно живописное, да ещё и родник рядом, развёл небольшой костерок, сварил в кружке суп из пакета и, долив во фляжку воды, направился дальше после получасового отдыха.

Перейдя вспаханное поле, я опять вышел на проселочную дорогу и почти два часа топал по ней мимо дач, пока вдаль не показались окраины Казани. Затем свернул в лесополосу, отыскал подходящую группу кустов и, спрятавшись за ней от дороги, стал устраиваться на длительную стоянку. До наступления темноты, когда можно было бы войти в город, времени хватало, так что можно было заодно и поужинать.

Слушая перестук колес под вагоном, я начал уже подремывать, как вдруг что-то привлекло мое внимание. В голове сразу же включился аналитический процессор. Ложный след с машиной и старичками я оставил жирный. И он должен был сработать. На железнодорожный вокзал пробрался чисто. Самое сложное — влезть в товарный вагон следующего в нужном мне направлении поезда — прошло как по маслу. Тогда в чём же дело?

Посторонний шум! Кто-то ходил по крыше вагона, и он был не один. Похоже, неизвестные взобрались на поезд во время заметного торможения на одном из поворотов.

Вдруг дверь медленно поползла в сторону, и в щель протиснулась невысокая удивительно подвижная фигура в тёмной одежде. Благодаря яркому свету луны, я сумел разглядеть, что это парень, и, спрятавшись за пустыми картонными коробками, принялся наблюдать за ним.

Осмотревшись, неизвестный высунулся наружу, что-то сказал, принял от напарника какой-то предмет, а ещё спустя пару минут возле так и незакрытых дверей сидели уже трое. Причём один из них — высокий в плаще — забрал у парнишки неизвестный предмет, оказавшийся автоматом Калашникова.

Судя по всему, «гости» были беглыми зэками, вряд ли дезертирами. Не то время.

Медлить было нельзя — рано или поздно они обыщут вагон и

обнаружат меня.

Возблагодарив собственную предусмотрительность, заставившую потренироваться в метании скальпелей во время стоянок на станциях, я медленно, прячась за коробками, стал сдвигаться к углу, где находился мой рюкзак. Добравшись до него, достал из кармашка чехол со скальпелями. Заодно и перочинный нож, который использовал как кухонный. Лишний шанс не помешает.

Проблема в том, что уверенный бросок получался у меня на расстояние не более пяти метров. До попутчиков же было около восьми.

Выйдя из-за коробок, тенью проскользнул вдоль стены. Меня никто не заметил.

Первый скальпель получил в глаз шустрый парнишка. Я вложил в бросок все силы. Голова беглеца дернулась, и он начал заваливаться назад. Но смотреть на него было некогда — я наблюдал за полетом второго скальпеля, кидая третий. Второй получил громила. Так как он сидел ко мне спиной, то скальпель вошел ему в шею, достав позвоночник.

Третий успел дернуться в сторону, и пришлось бросать последний, использовавшийся как тренировочный. Этот попал куда надо.

Минут десять мне пришлось сидеть в стороне, успокаивая еще не привыкшее к адреналину сердце. Выброс был мощный, и у меня изрядно тряслись руки.

Успокоившись, вытер рукавом куртки потный лоб, встал и двинулся к своему рюкзаку. Вытаскивание скальпелей и обыск трупов должны быть кровавыми. То есть я мог запачкаться. Поэтому, прежде чем приступить, пришлось полностью снять с себя одежду. Разорвав одну из картонных коробок, спичкой поджег ее. Неяркий огонек осветил побоище.

«М-да, привычное для меня зрелище, и не такое видеть приходилось!»

Сначала я занялся громилой. Сдёрнув с ремня обнаружившийся под плащом подсумок с запасными магазинами, отложил его в сторону вместе с АКМом, быстро проверил карманы и перешёл к следующему — мужичку в гражданской явно с чужого плеча одежде. Итог — ворох мятых купюр мелкого достоинства, ПМ и запасной магазин к нему. Понюхав ствол, определил, что, в отличие от автомата, из пистолета не стреляли. Третий, и самый молодой, был чист. Кроме мелочи в карманах и десятка таких же смятых купюр, как и у остальных. Теперь предстояло самое грязное. Вытаскивание скальпелей. За пару минут справился и с этим, но как ни берегся, сумел испачкаться.

Помыв скальпели водой из бутылки, убрал их в чехол, а чехол в рюкзак. Туда же уложил и ПМ с запасным магазином. Отрезав от рубашки одного из убитых кусок материи, протёр места, которых касался, уделив особое внимание автомату и железным ручкам двери. Помывшись остатками воды, оделся и, убрав в бумажник, в отдельный отсек, найденные деньги зеков, стал собираться.

С сожалением поглядел на автомат — увы, но машинка не для моего нынешнего тела. Придётся оставить.

Достав пакетик с перцем, насыпал все, что можно, подошел к открытой двери и стал ждать, когда состав замедлится.

Оставаться опасно. Вычислить, в какой поезд беглецы могли сесть, не проблема, поэтому надо валить, пока не поздно.

Прыгать на ходу в моем возрасте смерти подобно. Но деваться было некуда. Я сидел, свесив ноги в темноту, и, держа рюкзак на коленях, ждал, когда товарняк хоть немного сбавит ход. Ждать пришлось почти час. Заметив, что поезд начал притормаживать, приготовился.

Впереди в ночи показались огни станции. Замедлившись, товарняк проехал платформу для пассажиров, на которой стояли люди в форме и с оружием. Но я этого уже не видел. Только успел разглядеть отсветы фонариков и лай собак, когда убежал от прогромыхавшего мимо состава. На ходу достав из бокового кармана рюкзака последний пакетик с перцем, стал насыпать мелкими порциями свои следы.

Железнодорожная станция находилась на окраине небольшого городка. Бежать в темноте было не очень удобно. Как назло, луна скрылась за тучами и видимость сильно упала.

Двигаясь практически на ощупь, я вышел на пустынную асфальтовую дорогу, посмотрел на близкие огоньки городка и, поправив рюкзак,

направился к нему прямо по шоссе.

Темная громада здания выросла передо мной через полчаса хождения по населенному пункту. Обойдя здание, обнаружил, что это школа.

Вскрыть замок задней двери удалось только через десять минут — он оказался на удивление приличным. Немного поблуждав по первому этажу, я наконец добрался до учительской, оказавшейся незапертой, и завалился спать на диван, предварительно подперев дверь стулом.

Утро встретило меня щебетом птиц за окном, и женским криком из коридора.

«Черт, проспал!» — мелькнула паническая мысль.

Быстро достав часы, обнаружил, что уже полвосьмого. Следовало поторопиться. Хорошенько зевнув и потянувшись, вскочил и сделал несколько разминочных движений. Углядев на тумбочке в углу графин с водой в окружении стаканов, напился, долил флягу и, плеснув немного в ладонь, обтёр лицо.

Учительская находилась на первом этаже. Подойдя к окошку и взобравшись на подоконник, оценил расстояние до земли. Нормально, невысоко. Спрыгнув на пол, я подошел к двери и, убрав стул, выглянул в коридор. Он был пока пуст.

Пожав плечами, вернулся к дивану и, подобрав рюкзак, ушел через окно, обнаружив при этом еще одну проблему. Когда бросал скальпели, невольно потянул связки руки. Теперь она плохо поднималась выше плеча. Требовалось отыскать какую-нибудь нору и спрятаться в ней, чтобы физически привести себя в порядок.

Город встретил меня приятной свежестью и солнечными лучами весеннего утра. Отойдя от школы, попытался определиться, где я. На улице народу было не очень много. Пристроившись рядом с бойкой старушкой и делая вид, что мы вместе, направился вслед за ней. Пройдя две улицы, мы вышли на небольшую площадь невдалеке от железнодорожного вокзала, на которой находился продовольственный рынок. У афиши я сразу засек милиционера, который внимательным взглядом просеивал людей на площади. Отлипнув от так ни разу и не обернувшейся бабки, направился вглубь прилавков.

Этот рынок стал для меня просто неограниченным источником информации. Прогуливаясь и внимательно слушая разговоры вокруг, я анализировал услышанное и делал выводы. Самым печальным было, что

город наверняка оцеплен и огородами не уйдешь. Конечно, вряд ли ищут именно меня, но задуматься стоит. Не знаю, выяснили ли, во что я одет, что стащил из больничного гардероба, но сменить одежду не помешает. В магазин не пойдешь: будут вопросы, почему маленький мальчик покупает без родителей. Поэтому оставался самый простой путь.

Черт, то, что я оказался именно в себе пятилетием, просто бесило. Покинув рынок, направился гулять по городку. Нужно мне здание обнаружил довольно быстро. Завертев головой, я подошел к густым кустам шиповника, растущим у высокого забора. Протиснувшись в небольшой проход, оказался внутри зарослей. Вытащив из рюкзака вещи, аккуратно сложил их, прикрыл сверху грязной футболкой и выбрался обратно.

Подойдя к примеченному ранее детскому садику, прошмыгнул в раздевалку старшей группы и стал быстро открывать шкафчики.

В каждом брал что-то одно. Плотно набив рюкзак, вышел на улицу, улыбнулся женщине, ведущей за руку маленькую девочку, и подумал: «До чего докатился, опять граблю детей».

Переодевшись в ближайших кустах (за что мне нравятся такие городки, так это за обилие растительности), вернулся на рынок. Теперь на мне были плотные синие брюки, серая футболка, отличные полуботинки и старая серая куртка.

Немного побродив по базару и послушав сплетни, купил в рядом находящемся магазине зубную пасту, щетку и мыло в мыльнице. В продуктовом отделе пополнил запасы перца и продовольствия, беря в основном хлеб и колбасу. Выйдя и держа в руках еще теплую сладкую булочку, завернутую в бумагу, направился к станции. Там, купив в автомате стакан газировки с сиропом (пришлось просить взрослых о помощи — самому роста не хватило), с аппетитом съел булочку, внимательно присматриваясь к людям.

Допив газировку и взяв рюкзак, лежащий под ногами, направился к группе детей лет десяти, идущих к вокзалу в сопровождении двух взрослых мужчин. Подойдя ближе, стал внимательно слушать, о чем они говорят, и был изрядно обрадован: выяснилось, что они едут в поход под Ленинград. И что поезд идет до самой северной столицы.

Пристроившись за ними, спокойно сел в поезд и пошел в вагон-ресторан. Подошедшую официантку попросил принести поесть.

Пока обедал, мимо несколько раз проходили парные милицейские патрули, осматривающие взрослых пассажиров. На детей и подростков они

не обращали внимания. Значит, ищут остальных беглых зеков. Наконец, лязгнув сцепкой, поезд тронулся и стал набирать ход, погромыхивая колесами на стыках.

Расплатившись за обед и наврава любопытной официантке, что еду в поход с «четвертым Б», где вожатым мой брат, я вышел из-за стола, пропустил милиционера и направился в противоположную от него сторону.

Пройдя пару вагонов, наткнулся на проводницу с плутоватыми глазами. Посмотрев, как она разговаривает с пассажиром, подумал: «А что? Вполне может быть».

Подождал, когда она зайдет к себе в купе, постучал:

— Здравствуйте, тетенька, можно мне зайти?

Проводница пропустила меня внутрь и закрыла дверь.

Подойдя к столику и скинув рюкзачок на сиденье, я достал пятёрку рублей и вместе с запиской якобы от бабушки, накарябанной мной в вагоне-ресторане, протянул женщине, спросив:

— Можно мне с вами доехать до Ленинграда?

Проводница заметно растерялась:

— Что? Как?

Не дав ей засыпать меня градом вопросов, объяснил:

— Это денюжку бабушка дала. Сказала, чтобы я отдал ее тетеньке проводнице вместе с запиской, и она довезет меня до дома.

Женщина взяла протянутую записку, проигнорировав деньги, и стала вчитываться в содержание листочка из блокнота...

В общем, записка от якобы больной бабушки, купюра и очаровательная улыбка сыграли свою роль. Правда, пришлось пообещать, что она проводит меня прямо до дома в Ленинграде.

Из купе проводницы я не выходил все пять часов пути до конечной станции, разве что перед конечной в туалет сходил.

Город встретил нас мелким дождиком и сбивающим с ног ветром. Попытка по-быстрому смыться не получилась. Проводница все время ошивалась в коридоре, из-за чего мне пришлось вернуться в купе. Выглянув в окно, ничего, кроме мокрых рельсов и каких-то построек вдали, не заметил. Встав на стол и отжав защелку, с трудом потянул вниз окно, не дойдя до конца, оно остановилось. Но чтобы протиснуться хватило! Высунув голову наружу, внимательно осмотрелся. Невдалеке находился какой-то тип в дождевике, стоящий ко мне спиной.

Быстро протолкнув рюкзак наружу, я аккуратно бросил его на щебень

возле рельсов. Взглянул на типа в плаще — тот не изменил своего положения — вылез следом. Щебень больно ударил меня по пяткам. Кувыркнувшись, чтобы погасить инерцию, схватил рюкзак и направился вдоль поезда.

Добравшись до складов, обнаружил, что один из них не используется из-за здоровенной дыры в боковой стене. Поскольку я был уже насквозь мокрым, решил устроить в нём временную стоянку. Тем более что выгородка кладовщика уцелела — даже стёкла оказались на месте!

Разведя костерок и развесив вокруг него выжатую в меру сил одежду, натянул извлечённую из рюкзака сыроватую рубашку. Судя по старому кострищу, не я первый обнаружил это место, так что надолго задерживаться в нём не стоило.

Пока вещи сохли, осмотрел помещение и нашёл в углу местную газету недельной давности. И очень заинтересовался фотографией на первой странице. Точно, это лицо мне было знакомо, видел репортаж о нем в одной из передач еще в свое время.

Закончив читать, надел еще горячую, но до сих пор влажную одежду, после чего убрал в рюкзак аккуратно сложенную газету и вышел под начавшийся проливной дождь. С территории станции я выбрался только через час — уж больно она была большая.

Город я совсем не знал, попросту никогда в нем не был, и ориентироваться, тем более в сумерках, оказалось очень сложно, а очень хотелось отдохнуть и высушиться. И когда я заметил детский сад, долго не раздумывал — быстро осмотрев заднюю дверь и не обнаружив сигнализации (то ли не увидел из-за своего роста, то ли её просто не было), с трудом вскрыл замок. Проникнув внутрь, разулся, поскольку на ботинки налипло много грязи, и, шлепая по полу мокрыми носками, на ощупь двинулся вглубь здания.

Спокойное место для себя я нашел на третьем этаже, в спальне одной из старших групп. Отыскав ведро, выжал мокрую одежду и применил дедовский способ. Аккуратно расстелив её на одной кровати, накрыл одеялом с соседней, уложив поверх получившегося «бутерброда» матрац. Постелив на него простыню и взяв подушку, заметил слабый свет, чиркнувший по окну.

Взобравшись на подоконник, увидел на улице человека в дождевике и с фонариком в руке. Человек вдруг протянул руку ладонью вверх, после чего снял капюшон. Только тут я заметил, что дождик закончился. Скорее всего, это был сторож. Мазнув фонариком по окнам, что заставило меня

отшатнуться, он подошел к парадному входу, задержался на несколько секунд и двинулся дальше, скрывшись за углом.

Проводив сторожа подозрительным взглядом, я подошел к двери и заблокировал ее стулом. Так, на всякий случай. После чего пошел отмывать ботинки в туалет, через полчаса кровать без скрипа приняла мое уставшее тело.

Казалось, только закрыл глаза, а уже солнышко слепит сквозь стекло. Перевернувшись на другой бок, я сладко зевнул и потянулся. Вот как попал в это тело, так вставать утром не просто неохота, а прямо-таки неумоготу. Взяв часы со стоящей рядом тумбочки, посмотрел на время, и тут же вырвалось:

— Блин, пять утра же всего!

Встав и еще раз сладко зевнув, с недовольным выражением лица направился в туалет. Теперь понял точно, что не люблю ранних подъёмов. В свое время я вставал поздно, привык. После водных процедур вернулся в спальню и стал делать уже привычный разминочный комплекс. Сегодня мышцы почти не болели, только когда начал отжиматься на кулаках, стало покалывать в трицепсах. Через час после разминки мокрый как мышшь вернулся в туалет и помылся над раковиной, вытершись висящими на крючках полотенцами. Все-таки удобно, даже раковины под мой рост. Насвистывая бодрую мелодию из репертуара Татьяны Булановой, вернулся в комнату.

Приведя спальню в порядок, оделся в высохшую одежду, собрал выложенные для просушки вещи во всё ещё влажный рюкзак и, посмотрев на часы, стал ждать, наблюдая за черным ходом.

Первым появился тот сторож, оказавшийся седым стариком. Звякнув ключами, стал открывать дверь, через которую я попал в здание. На часах было без пяти семь, нормально, как раз в это время и должны подходить сотрудники детсада. Как только сторож скрылся в здании, я, спрыгнув с подоконника, направился на кухню, где спрятался за большой плитой и опять стал ждать. Спустя несколько секунд раздался скрип открывшейся двери, и через помещение прошествовал старик. Посмотрев ему вслед, я закинул лямки рюкзака на левое плечо и вышел во двор. Быстрым шагом дойдя до угла здания, осмотрелся. И увидел совсем рядом двух женщин, идущих к садику. Резко повернувшись, побежал на другую сторону и едва успел укрыться в домике на игровой площадке, как появились обе женщины — судя по комплекции, поварихи — и, беседуя, неторопливо направились к открытой двери.

— Ой, Павловна, что-то не верится. Прямо побил?! До крови?!

— Сама удивилась. Всегда спокойным был, а тут... Как начал его гонять да ремнем... — Женщины скрылись в здании, не дав мне дослушать продолжение разговора.

Хмыкнув, я выбрался из домика и, шагая вдоль стены детсада, направился к выходу с территории.

«Так, сегодня вторник, двадцать пятого. Значит, с того дня, как я очнулся, прошло чуть более трех дней. Звонка ждут через двадцать семь дней, но планы у меня изменились. Обойдутся».

На открытые участки улицы старался не выходить. Шел, вертя головой во все стороны. Чуть что — сразу нырял в какое-нибудь укрытие.

По поводу возраста и роста у меня был только мат. Как же заколебало от всех прятаться! Я получил новое тело взамен старого не для того, чтобы прятаться по всяким кустам! А для новой жизни! Новой!!! И собирался обеспечить себе ее на все сто. Не деньгами, нет. Уверенностью в будущем, счастьем и спокойствием. Я не хотел беспредела девяностых. Не хотел позволить внешним и внутренним врагам развалить СССР. Два года в инвалидном кресле заставили по-другому взглянуть на свою жизнь. Да я сам изменился после потери ног, хоть и раньше паинькой не был, после двух лет существования, а не жизни, я стал еще более невыносим. Это другие быстро становятся растениями, можно сказать, забитыми существами, но со мной такого не случилось. За это можно сказать спасибо моему брату, который свел к минимуму общение с врачами, и моему характеру. И сейчас я направлялся на поиски того, кто реально мог в этом помочь. Того, кто не даст развалить государство. Поэтому-то снаряженный и вычищенный снаружи пистолет лежал сверху в рюкзаке, готовый к бою.

Прошмыгнув в небольшой сквер, я вышел к каналу, подошел к парапету и, просунув голову между столбиков ограждения, с интересом осмотрел проплывающий мимо трамвайчик. Оглядев канал дальше, заметил метрах в трехстах пешеходный мостик, изгибающийся кверху. Вдруг какая-то сила выдернула меня с места наблюдения и подняла вверх. Вот блин, только что никого же не было!

С бешенством поглядел на качка, одетого в смешной мешковатый спортивный костюм и кеды. Теперь понятно, как он тут оказался — спортсмен. Скорее всего, бегал-тренировался по набережной. Заметив задницу, торчащую из ограждения, решил проявить героизм, спасая глупого мальчишку.

«Ага, щаз!»

Сердито посмотрев ему в глаза, вежливо попросил:

— Поставьте, где взяли!

Но парень, широко улыбнувшись, ответил:

— Ага, поставлю, а ты опять к парапету. Потом бултых, и поминай как звали. Родители где? — На землю он меня все-таки поставил.

«Хм, позитивный. Даже бить жалко!» — подумал я, прикидывая свой и его вес.

Сразу видно, что в жизни у него все хорошо. Прямо так и светится внутренней энергией. У меня в группе был один такой, все сверкал голливудской улыбкой. А после плена смех в его глазах исчез навсегда. Гнилая та история с пленением была, гнилая. Вспоминая, невольно поморщился, отчего парень спросил:

— Случилось чего, малыш?

И отшатнулся от моего бешеного взгляда. Видно, мои ужимки он принял за желание заплакать. Выдохнув сквозь стиснутые зубы и подавив желание говорить матом, уже свободней сказал:

— Деда потерял. Вот ищу.

Парень огляделся. Среди прохожих никого похожего на пожилого человека не было. Смотря на его поиски, спокойно сказал:

— Я помню, где он живет.

Держась за пальцы качка, я шёл с ним в указанном мной направлении и вспоминал бойца с голливудской улыбкой.

Началось все с того, что он в одной из операций по уничтожению диверсионной группы противника изрядно пострелял. В том бою сержант Коваль из своей снайперки снял несколько боевиков, включая некоего Шамиля, командира группы. Правда, приказ был брать бандитов без полного уничтожения, но я на этот раз положил на него, за что и получил после операции. Однако жесть была в том, что у этого Шамиля оказалось несколько братьев, как и он, из непримиримых. И они назначили изрядную сумму за живого, а не мертвого убийцу брата.

Его продали свои! Свои!!!

Воспоминание было не очень приятным. Натворил я тогда делов, после этого меня все, кто был в курсе, за глаза называли отморозком. История началась, когда я со своей группой возвращался после выполнения поставленной задачи. Радист получил кодированный сигнал с базы. После моих переговоров с командиром, полковником Тарасовым, которого мы все называли Дед, ко мне подошел зам, лейтенант Егор Шепелько. Сам я тогда еще бегал в звании старшего лейтенанта.

— Что там, командир?

— Разведка засекла вот в этом квадрате группу боевиков, — достав карту, показал где.

Егор, почесав переносицу, хмыкнул:

— Совсем рядом. Километров восемь, если по прямой. Много их?

Я пожал плечами:

— Дед сказал, около двух десятков. Просил хотя бы половину взять живыми.

— Раз надо, значит, возьмем.

Сложив карту, объявил отдыхающим подъем. В моей РДГ — разведывательно-диверсионной группе — было пятнадцать бойцов. Привычно попрыгав и пропустив головной дозор, мы двинулись. Я решил перехватить банду на одной из троп по пути следования.

В общем, как и предполагал, встретили мы их вовремя. Бойцы, успевшие хорошо укрыться и наметить ориентиры, готовились к бою. Снайперы заняли позиции чуть в стороне и на возвышенности с охраной из трех бойцов. Как только услышал щелчки по радиации от дозора, приказал готовиться.

Саперы, в это время заканчивающие установку и маскировку растяжек по обочине тропы, быстро скрылись на заросших лесом склонах.

«Эх, жалко, МОНки закончились», — подумал я. С операции мы возвращались почти пустыми, на минимуме.

Вот в просвете ветвей склонившегося над тропой дерева показалось передовое охранение чеченцев. Три боевика в заграничном камуфляже грамотно двигались, страхуя друг друга. Ничего не заметив, бандиты проследовали дальше, ими займется Егор с двумя бойцами, следующие параллельно.

Показался первый боевик основной группы. Отодвинув стволом автомата мешающие ветки, осмотрелся и, не заметив засады, махнул кому-то рукой и последовал дальше. За ним стали выходить тяжело нагруженные боевики.

Наконец дозор подал сигнал, что все боевики прошли, и я первым открыл огонь. Выпустив полмагазина и свалив двух бандитов, отправил гранату из подствольника в группу огрызающихся огнем боевиков. А когда ответный огонь был полностью подавлен, приказал снайперам добить раненых. Раздалось несколько хлестких выстрелов, после чего Шалепин, старший снайперской группы, доложил, что движения не наблюдает. Пока досмотровая группа под командованием прапорщика Топорова занималась

контролем, связался с замом:

— Слон, что у тебя?

— В порядке, командир. Сейчас будем. Как у вас?

— Тоже норма. Топор работает!

— Ясно.

Возвращение на базу не сказал бы, что было триумфальным. На КПП меня вежливо попросили к Деду на подробный доклад — по рации я рассказал только в общих чертах. Из кабинета полковника вышел на цыпочках и неторопливо направился к своей казарме.

Да, давно меня так не имели. Последний раз видел Деда таким злым месяцев пять назад, после того как уничтожил куратора боевиков в этом районе.

Наша база находилась в расположении мотострелкового батальона. Да и документы мы имели разведвзвода именно этого батальона.

Зайдя в комнату, которую я делил с Егором, застал его готовящимся к процедуре омовения — проще говоря, он собирался в душ. Сбросив сбрую и разгрузку, поставил автомат в шкафчик, используемый нами как арсенал. Потом почищу. Сходил, проверил, как мои раненые бойцы, вернулся и, почистив оружие, направился в душ.

Об объявленной цене за голову того, кто убил Шамиля, я узнал от своего информатора, когда пришел на встречу. Наиль сообщил, что боевики не знают, кто именно это сделал, но уверены, что бойцы батальона. И последние два дня вокруг базы идёт подозрительное шепуршание.

Особисты с ног сбивались, но никого поймать не смогли. А еще через три дня пропал мой сержант-снайпер, не вернувшись из увольнительной в город.

— Твоего человека взяли люди Аслана. Большие деньги, Михаил, кружат голову.

Наиль поставил чашку с чаем на стол и, взяв заварочный чайник, долил мне и себе. Прихлебывая обжигающую жидкость, я думал. Мысли металась в голове, меня переполняла просто черная злоба: взяли моего парня, этого я никогда не прощал и прощать не буду. Поставив чашку на столик, посмотрел прямо в глаза Наилью, что заставило его испуганно отшатнуться:

— Рассказывай, что знаешь! Кто? Где? Когда?

От информатора я вышел с изрядно опустошенным кошельком и с

некоторой информацией. Наиль работал только за деньги, и немалые. В общем-то, платить было чем. С убитых боевиков снималось немало зеленых бумажек, которые шли в общий фонд. Понятное дело, о них не сообщалось никому, хотя я думаю, что Дед об этом подозревал.

Выйдя на улицу села и поправив ремень автомата, сползающий с плеча, направился к базе. Сзади следовала пара бойцов, страховали меня на всякий случай. Пройдя сквозь базар и поздоровавшись со знакомыми офицерами из местной комендатуры, подумав, повернул и направился к следующему стукачу.

Возвращаясь на базу, анализировал поступившую информацию. По ней Шепелева взяли в чайхане, куда он зашел. После заряженного напитка сержанта вынесли через черный вход и погрузили в армейскую «буханку» с красными крестами. Но не это было главное: я знал, КТО его взял.

Получив от Деда добро, взял в парке пару бэтээров и, прихватив всю группу, кроме раненых, направился по известному мне адресу.

Наблюдая за большим, крашенным известкой домом, стоявшим на окраине небольшого аула, подслушал с помощью трофейного японского сканера переговоры часовых, потом нажал два раза на тангенту, давая сигнал на открытие огня.

Двое часовых, прохаживающиеся у ворот, синхронно повалились на утрамбованную землю от неслышных выстрелов «Валов». Снайперы страховали штурмовую группу, подбежавшую к воротам и сделавшую контроль из пистолетов с глушителями. Потом во двор полетели светошумовые гранаты, и бойцы, выстроившись лесенкой, перекидывали штурмовиков одного за другим через забор. После бойцов пришла и моя очередь.

В дом через окна также полетели светошумовые гранаты. Подождав пару минут, пока бойцы закончат, я спокойно зашел в разгромленную комнату, в которой находился Аслан в окружении своих людей, сейчас лежавших уткнувшись лицами в пол и со скрученными за спиной руками. Их оружие было свалено в углу. Показав Топорову на Аслана, приказал:

— Этого в отдельную комнату.

Сидя на мягкой подушке и держа в руках пиалу с чаем, я посмотрел на связанного пленника:

— Ну что ты, Аслан, творишь? Похитил моего человека. Знаешь, я могу и обидеться!

Пленник поднял голову и посмотрел на меня. Потом, перекатившись на

спину, сел. Я с улыбкой наблюдал за ним. Поставив пиалу на маленький чайный столик, спросил:

— Где мой боец?

— Да пошел ты!..

Через минуту мне наскучило слушать мат. Достав из набедренной кобуры «Стечкин», хладнокровно прострелил ему ступню. Боли он боялся, очень боялся, и вся его напускная храбрость быстро сползла. Дослушав рассказ стонущего Аслана до конца, я спокойно подняв лежащий рядом пистолет и выстрелил ему в грудь два раза. Повернувшись к находящемуся в комнате Егору, скомандовал:

— Полная зачистка дома!

— Там его семья!

— Ты слышал, полная.

Через пять минут мы уходили от начавшего разгораться дома, около которого появились первые соседи, в сторону небольшой горы, где оставили наши бэтээры. Мы возвращались на базу. Туда, куда увезли Антона Шепелева, соваться без серьезной подготовки не стоило.

Дед, покачав седой головой, переспросил:

— Ты уверен, что его увезли именно в эту горную деревню?

— Аслан так говорил. Его передали вот на этой дороге боевикам на двух джипах. По описанию, которое дал Аслан, это люди старшего брата Шамиля, Рамзана.

— Ты знаешь, что будет, если твою группу уничтожат.

— Я уже разработал план. Нужен вертолет, чтобы выбросил нас вот здесь. — Я показал на карте где.

Склонив голову, Дед задумался, потом согласился:

— Ладно, под твою ответственность. С вертолетчиками я сам договорюсь.

Сидя на лавке около иллюминатора, я смотрел на проносящуюся под брюхом вертолета землю, камни, «зеленку» и небольшие речушки. В наушниках раздался голос пилота:

— Старшой, подлетаем. Готовьтесь, через две минуты высадка.

— Понял, две минуты, — не снимая наушников с головы, переключился на наш канал: — Всем внимание. Прибываем через две минуты. Проверить оружие и амуницию.

В вертолете началось шевеление. Гул стал сильнее, и я становился то легче, то тяжелее. Пилот маневрировал, стараясь найти хорошее место для

высадки.

— Все, лейтенант, норма, — раздалось в динамиках наушников.

Стоящий у пулемета бортмеханик открыл боковую дверь. После моего знака бойцы один за другим стали исчезать в проеме. Прежде чем скинуть наушники, полученные от вертолетчиков для связи с экипажем, услышал:

— Удачи!

Склон, заросший изумрудной травой, мягко ударил меня по ногам. Перекатившись, чтобы погасить энергию прыжка, я вскочил и побежал к своим бойцам, занявшим на склоне горы круговую оборону. Громко ревя двигателем, вертолет мелькнул синим брюхом и ушел за гору. Через некоторое время последовали доклады:

— Чисто!

— Норма!

— Чисто!..

Получив доклады от всех бойцов, приказал начать движение. Роли были давно распределены, и каждый знал, что делать. Тройка парней, мой передовой дозор, уже скрылась в «зеленке». Мы бегом последовали за ними. Боевики наверняка засекли вертолет и сделали выводы. Поэтому от места высадки нужно уйти как можно быстрее.

— Смотри, командир. Видишь, у той постройки появился еще один.

— Четвертый. Тебе не кажется, что четверо часовых только с этой стороны — слишком много?

— Да, многовато. — Прапорщик Топоров внимательно осматривал подходы к горному аулу, к которому мы подошли полчаса назад.

— Ждем еще десять минут, потом начинаем, время играет против нас.

— Я бы на их месте вот этот склон заминировал, — посмотрев в бинокль на то место, куда указал Топор, согласился с ним.

Пора связываться с Егором, который ушел с пятью бойцами на противоположную сторону.

— Седой — Хохлу, доложись!

— Наблюдаю трех часовых!

— Полная информация! — слушая Егора, осматривал деревню.

На штурм пойдут всего семеро, это считая меня. Остальные в снайперском прикрытии. Командир стрелков, старший лейтенант Шалепин, тоже был очень зол за похищение своего подчиненного. Поэтому вооружил тех из моих парней, кто хорошо умел обращаться со

снайперским оружием. И я ещё выделил по автоматчику им в прикрытие. Получилось три пары.

В результате наблюдения мы выявили еще два тайных поста, похожие на замаскированные пулеметные точки — уж больно хорошие позиции у них были.

— Отсчет — минута! Пошел! — В голове мысленно затикали часы.

Пробираясь через заросли кустарника, я по-пластунски преодолел открытое пространство. Метрах в двадцати виднелся забор. В ауле люди Рамзана занимали всего три дома.

Время, я терпеливо ждал доклада снайперов об уничтожении часовых.

— Норма!..

— Начали! — поставив ногу на сцепленные руки бойца, перекинул себя через забор. Перекатившись, встал на одно колено и, держа автомат наготове, сканировал двор. Рядом послышались удары берцев о землю.

Покосившись на бойцов, приказал:

— Вперед!

Полное уничтожение банды заняло почти двадцать минут. Только в одном доме оказали сопротивление, успев запереться в нем. И только опасение, что сержант находится там, мешало нам перейти к активным действиям. Развязал нам руки сигнал от прапорщика, что они нашли Шепелева. После чего два выстрела из РПО положили конец последним боевикам. Выслушав доклады от всех групп, я направился к Топорову.

— Где он? — спросил у бойца, выскочившего из-за угла дровяного сарая, неся в руках связку трофейных гранатометов.

— Там, у зиндана. Туда уже Док убежал.

Док был нашим штатным врачом.

Зиндан находился во дворе самого большого дома. Подойдя к бойцам, суесящимся у ямы, из которой шел смрад немых тел, нужника, гниения, и еще чего-то, спросил склонившегося над лежащим на земле сержантом бойца:

— Что скажешь, Док?

— У него переломаны ноги. Сейчас без сознания. Похоже, что молотком прошлись. Издевались, су...и.

В это время из ямы бойцы вытащили еще одного. В зиндане, оказалось, сидело шесть человек, считая нашего снайпера.

С шестью освобожденными пленными, с трудом передвигающимися ноги, мы бы далеко не ушли. Пришлось, как это ни опасно, вызывать вертолет прямо в аул.

Снова сидя у того же иллюминатора, я смотрел на все больше и больше удаляющуюся землю. Селение, смутно видневшееся сквозь дымок от горящего дома, становилось все меньше и меньше. Убедившись, что мы отлетели на безопасное расстояние, кивнул Егору. Зам, державший в руках черный пенал с кнопками, с улыбкой нажал на одну из них. На месте аула появились многочисленные облака разрывов.

— Докладывай, Александров, как все прошло. — Выглядел полковник Тарасов не ахти. Видно, переживал, пока мы были на операции, хотя она и заняла всего восемь часов.

— Норма, товарищ полковник. Пришел, увидел, уничтожил на хрен.

Дед мрачно посмотрел на меня. И вся веселость мигом слетела. Вытянувшись, отрапортовал:

— Операция прошла успешно, потерь нет. Ранены двое, сержант Дружинин получил пулю в броник, сломано два ребра. И старшина Говорков получил осколок в мякоть правой руки при уничтожении оборонявшихся в доме боевиков. Освобождено шесть пленных...

Я рассказывал в подробностях, как глушилками лишили боевиков связи, оставив только свой канал. Как штурмовали, как захватили трех пленных, один из которых зам Рамзана. Как доставали раненых из зиндана, как сваливали оттуда. С какими трофеями вернулись. Что говорят в госпитале, в который мы сразу сдали освобожденных заложников. Положив на стол командира список с данными пленных, закончил:

— Жаль только, пленные ничего сказать не смогли о том, кто сдал Антона. Очень хотелось бы знать.

Заметив внимательный взгляд Тарасова, постарался сделать честное выражение лица. Глаза Деда из внимательных сделались подозрительными:

— Точно ничего не рассказали? Я ведь знаю, как ты допрашиваешь, камень плакать будет.

— Так точно, товарищ полковник, ничего. Там фактически полутруп был, сдох, ничего не сказал.

— А остальные?

— Бычьё обычное, ничего не знали, там прям и кончили их.

— Ладно, садись, рапорт пиши. Напишешь, что, по информации от твоего стукачка, Рамзан прикупил несколько ПЗРК. Сейчас это серьезная тема.

Написание рапорта заняло почти полтора часа. Отдав результат полковнику, вышел на крыльцо штаба, осмотрелся и направился в казарму подбирать бойцов для ночного развлечения. Да, я соврал Деду, зам Рамзана успел нам поведать многое. Именно он курировал захват Антона, проплата предателю тоже шла через него.

Прапорщика Микусюка нашли рано утром за территорией базы с распоротым животом, набитым деньгами. Дед тряс меня за это происшествие почти два месяца, но бойцы божились, что я был в своей комнате. Так как именно в этот день им приспичило постоянно заходить ко мне по своим надобностям. Чайхана, в которой взяли Антона, вдруг вспыхнула и сгорела вместе с хозяевами, которые не успели выбраться.

Дед прикрыл меня от нападков со стороны нашего ведомства, когда зашевелились особисты. Антону мы отдали все деньги, что обнаружили у Рамзана. На гражданке они ему пригодятся — врачи списали его подчистую. Благо дома у бывшего снайпера было кому позаботиться о нем. А через неделю погиб Егор. Мы даже не успели обмыть его звездочки старшего лейтенанта.

Вопрос спортсмена отвлек меня от воспоминаний.

— Далеко еще идти? Где твой дом?

— Так, дяденька, мы сюда на трамвае приехали. Вон та остановка. — Я ткнул пальцем на первую попавшуюся трамвайную остановку. Повертев головой, качок повел меня не к ней, а к стоящему в отдалении милиционеру.

«Ай-яй-яй, мне в ту сторону точно не надо. Вот ведь гад, не мог до придуманного дома отвести, лень ему, понимаешь ли. Я бы за это время наверняка смыться успел!» — сердито подумал я.

Быстро завертев головой, стал искать способ свалить. Удача улыбнулась мне вставной челюстью седого старичка, направлявшегося к остановке с газетой под мышкой. Пытаясь затормозить каблуками ботинок о брусчатку тротуара, я попробовал привлечь внимание спортсмена. Удивленно повернувшись, он спросил у меня:

— Что случилось?

Вытянув руку и указывая пальцем на спину удалявшегося старичка, объяснил:

— Вон деда идет! Пусти! — Я попытался вырвать руку из тех клещей, что ее держали.

Но, как ни странно, они разжались сами. Быстро, пока была возможность, кинулся бежать к старичку, уже подходившему к

остановившемся на остановке трамвая. Обернувшись, увидел, что спортсмен широким шагом направлялся за мной. Это «не гуд». Мне осталось только одно.

— Де-е-да-а! — закричал я старичку.

Обернувшись людям, стоящим на остановке, стал махать на ходу рукой, как будто прощался. Люди на остановке с улыбкой махали в ответ, старичок, обернувшийся на крик, тоже помахал. К трамваю я подбежал, запыхавшись, — все-таки за такое короткое время в нормальную форму никак не вернешься. Схватив дедка за штанину, подергал ее, привлекая к себе внимание, а когда тот обернулся, попросил:

— Извините, пожалуйста, вы не можете мне попасть в трамвай?

Дедок подхватил меня под мышки и поставил на верхнюю ступеньку, подождал, пока я пройду дальше, и вошел сам. Двери с шумом закрылись, и, звякнув звонком, трамвай поехал. Посмотрев с улыбкой на спортсмена, подходящего к остановке, не удержавшись, показал ему средний палец правой руки. Судя по его недоуменному лицу, что этот жест означает, он не знал, и это слегка испортило мне настроение.

Повернувшись к старичку, уже листавшему газету, сказал:

— Вот, к маме на работу еду. Дядя провожал, — говорил я на всякий пожарный. В это время у людей была какая-то гипертрофированная ответственность за детей, даже не своих. Поэтому требовалось сделать так, чтобы меня не расспрашивали, куда это еду один. Говорил тихо, чтобы только дедок смог меня расслышать, для остальных я ехал с ним.

Старичок вышел через шесть остановок. Выйдя за ним следом, я почти сразу же свернул немного в сторону и скрылся в «зеленке». Проще говоря, залез в заросли кустарника.

«Так, что мы имеем в данный момент?»

Усевшись на ветке куста (у маленького роста всё же есть некоторые преимущества), стал копаться в рюкзаке. Сначала достал остатки сухпая и позавтракал. Потом пришла очередь блокнота и карандаша — в обновлённом теле буквы у меня выходили очень уж корявыми, нужно было потренироваться в их написании. Потратив на это минут двадцать, выбрался наружу и отправился искать почту.

Нашлась она в трехэтажном доме, похоже, еще дореволюционной постройки.

Медленно поднимаясь по ступенькам, я пропустил вперед молоденькую девушку, одетую в сиреневый сарафан. Попав внутрь, огляделся и с деловым видом подошел к конторке, за которой сидела немолодая женщина.

— Добрый день. — Вежливость с пожилыми людьми никогда не помешает, это их заметно расслабляет.

— Тебе чего, внучок?

Чтобы сразу отсечь все вопросы, объяснил:

— Мы с папой сестренку на коляске катаем, она маленькая совсем. Моя мама ее в капусте нашла. Вот.

Со стороны девушки, изучающей имевшиеся в продаже открытки, послышался всхлипывающий смешок.

Разговаривать с сотрудницей почты было неудобно. Высота конторки, где находилось окошечко кассы, была для меня слишком большой. А вот если отойти метра на три назад, мы уже могли общаться с кассиршей лицом к лицу. Правда, довольно громко. Смешок девушки заставил нас одновременно повернуть головы в ту сторону. И если лицо кассирши выражало недовольство и осуждение, то я с интересом прошёлся взглядом по выпуклостям довольно красивой фигуры и машинально сказал:

— Мняка! Дай, а?

Теперь уже женщины смотрели на меня с заметным удивлением. Наконец кассирша спросила:

— Так что случилось-то? Папа тебя послал?

— Да, папа денюжку дал, велел купить вот это. — Я подал кассирше блокнотный листок с аккуратно написанными словами.

Через минуту в руках у меня оказались карта города и свежая местная газета.

Человека, который меня интересовал, звали Романов Григорий Васильевич. Именно его фотография была в газете, найденной на станции, и именно к нему я собирался обратиться за помощью. Вот только для начала его нужно было отыскать. Как? Хороший вопрос. Записаться на приём? Взрослому это, может, и не составило бы проблем, однако моему телу было сейчас всего пять. Значит? Значит, нужно искать другой способ.

Помнится, ещё в той жизни кто-то из сослуживцев рассказывал, что живёт Григорий Васильевич в центре Ленинграда, в доме, который люди так и называли — дом Романова. Наверняка проникнуть туда будет проще, и в этом случае мой главный недостаток — возраст — окажется, наоборот, достоинством.

Купив в гастрономе бутылку молока и сладкую булочку, я с аппетитом перекусил, продолжая обдумывать возникшую идею, и чем дольше думал, тем больше она мне нравилась. Наконец, закончив второй завтрак,

выбросил мусор в ближайшую урну, отряхнулся от крошек и отправился на поиски.

Вряд ли мне удалось бы самому открыть эту тяжёлую дверь, но помог случай. Из дома как раз выходила какая-то женщина с авоськой и пропустила меня в подъезд. Под ее подозрительным взглядом я направился к консьержу, сидящему за столом справа от входа.

— Здравствуй, молодой человек. Заблудился? — опередил меня на секунду консьерж.

Чуть наклонив голову набок, исподлобья поглядев на привратника, ответил:

— Нет, не ошибся. Мне нужен Романов Григорий Васильевич. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

— И что же такому молодому человеку понадобилось от Григория Васильевича?

— Молодой человек скажет это только лично Григорию Васильевичу.

Мне пришлось простоять на площадке первого этажа минут десять, пока смогли дозвониться до Романова и получить его указания. Наконец откуда-то появился молодой парень в костюме и при галстукe и, положив мне руку на плечо, сказал:

— Пойдем за мной.

Дверь нам открыла молодая девица с прекрасной фигурой и глазами законченной стервы. Окинув меня взглядом, она спросила:

— Это ты, что ли, к дяде?

— Я, можешь не сомневаться! Давай веди. Богиня...

Меня прервал спокойный усталый голос, раздавшийся из глубины квартиры:

— Ксюша, ну что же ты держишь гостя на пороге?

Позади девчонки стоял сам Романов, вытирая мокрые руки белоснежным полотенцем.

— Здравствуйте, Григорий Васильевич, — сразу же поздоровался я с ним.

— Здравствуйте, молодой человек. Что привело вас в столь поздний час к нам в гости?

— Я пришел выразить благодарность от всех воспитанников детского дома... — нес я какую-то чушь. При этом, глядя в глаза Романова, покосился на девицу и жестом руки попросил Григория Васильевича удалить ее.

Приподнятые от удивления брови первого секретаря показали, что он

понял меня.

— Ксюша, попроси Анастасию приготовить нам чаю, пусть принесут его ко мне в кабинет. Ну а вы, молодой человек, проследуйте за мной.

Мы прошли в небольшой рабочий кабинет с несколькими телефонами на здоровенном столе, обтянутом зеленым сукном, и шкафами, плотно заполненными книгами. Запрыгнув на один из стоящих у стола стульев, я посмотрел на Романова и спросил, устраиваясь поудобнее:

— Надеюсь, та чушь, что я говорил у дверей, вас не ввела в заблуждение о цели моего визита? — после чего расстегнул рюкзак и выложил пистолет и запасную обойму к нему, пояснив: — У беглых эков забрал, пока сюда добирался.

Помедлив немного, Григорий Васильевич взял ПМ в руки и, к моему удивлению, довольно сноровисто проверил ствол на наличие патрона.

Повертев оружие в руках, Романов спросил:

— Ну и что все это значит? Ты кто?

Несколько секунд мы изучающе смотрели друг на друга.

— Я слушаю! — прервал затянувшуюся паузу первый секретарь.

— Даже не знаю, с чего начать разговор. Давайте сначала представлюсь. Я Александров Артур Кириллович, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Сейчас моему телу пять лет, через месяц исполнится шесть. Так вот, на самом деле мне тридцать пять лет. И последнее, что я помню из прошлой жизни, это две тысячи одиннадцатый год.

— Это как? Не понял!

— Не знаю как, но я переместился из своего взрослого тела, оставшегося в две тысячи одиннадцатом, в свое же, только пятилетнее. Вот такой казус.

— Очень интересно! — улыбнулся Романов. — Но что же тебя привело ко мне? Рассказать о будущем?

— Вообще-то да! Потому что в будущем СССР больше НЕТ!

— Ешь, не смотри на меня, я сытый, — сказал Романов, наблюдая за мной.

Черт, никогда не ел такого вкусного борща с пышками да со сметаной.

Наш разговор с Григорием Васильевичем длился больше трех часов, прерываемый только на то, чтобы выпить чаю. Я старался быть кратким, излагая только факты, иногда отвечая на вопросы. На лице Романова мелькали то недоверие, то злость. Он верил мне и не верил.

Я с сожалением посмотрел на недоеденный борщ:

— Все, больше не могу. В живот не помещается. Спасибо, Анастасия Петровна, за вкусный ужин.

— Да не за что, Артур, — ответила домработница Романова и проводила в комнату, где мне постелили.

Утро встретило меня солнышком, отразившимся в висевшем на стене зеркале. Стараясь проморгаться от пойманных солнечных зайчиков, осмотрелся — вчера было как-то не до этого. Комната оказалась вполне обычной спальней со всеми положенными атрибутами. Встав и сделав десятиминутную разминку, я направился в сторону удобств.

— Доброе утро, Артур, — первой мне встретилась домработница.

Поздоровавшись в ответ, попросил наполнить ванную и через двадцать минут, чистенький после водных процедур, вышел на кухню. Там уже сидела Ксения с полусонным лицом и пила чай с пирожными. Подмигнув ей и послав воздушный поцелуй, сказал:

— Здравствуй, солнышко, как твое ничего? — а увидев офигевшие лица Ксении и Анастасии Петровны, рассмеялся. Отхлебнув чая и закусив пирожным, спросил домработницу: — Григорий Васильевич мне ничего не просил передать?

— А, да, просил. Сказал, чтобы ты чувствовал себя как дома, он будет к обеду. Странно, он никогда не приезжал обедать, а тут... — Анастасия Петровна пожала плечами и стала убирать крошки, оставшиеся после Ксении. Та, обдав меня волнующим запахом духов, ушла в комнату. Глядя ей вслед, я пытался вспомнить, в лифчике она была или нет. Судя по колыханию, скорее нет. Мы же с домработницей посидели ещё, беседуя ни о чём.

«Так, подведем итоги», — подумал я, проходя в гостиную. Включив допотопный телевизор и сев в кресло, стал осмысливать услышанное. Семья Романова сейчас на курорте, поэтому-то их и нет дома.

Ксения — племянница Романова, ей девятнадцать лет, учится в престижном университете, приехала из Москвы навестить родных и потусоваться в Ленинграде. Причем она приехала на своей машине, на какой — домработница не знала. Красная, и все. Повернувшись к вошедшей в гостиную Ксении, спросил:

— Слушай, солнышко, у тебя не будет времени отвезти меня в парикмахерскую? А то не люблю ходить обросшим. Отрастили патлы до плеч.

Ксения, зашипев, ответила, наклонившись надо мной («Ну точно лифчика нет!»):

— Еще раз назовешь меня солнышком, язык вырву. Понял?

В ярости она была чудо как хороша.

«Так, надо почаще ее злить, — думал я, глядя на сочные полушария, колыхавшиеся перед моим носом. — Нет, такого шанса я точно не упущу».

Возмущенный визг девицы был слышен по всему дому.

Потирая до сих пор горевшую огнем щеку, я спускался вслед за Ксенией по лестнице, глядя при этом на крутившую предо мной восьмерки великолепную попку под довольно короткой юбкой. Наконец постоянно оборачивающаяся девица не выдержала и пропустила меня вперед.

Мне всё-таки удалось уговорить Ксюшу съездить в парикмахерскую, но появилась проблема — консьерж получил четкие указания от Романова не выпускать меня из дома.

— Черт, у меня столько делов, а этот цербер не выпускает, — ворчал я по пути вверх. Остановившись, задумался. После чего, повернувшись, к следовавшей за мной Ксении, попросил:

— Солнышко... — чудом увернувшись от плюхи, быстро продолжил:
— Ты подожди меня в машине, я скоро буду, — после чего помчался вверх.

Открыв окно в своей спальне, посмотрел вниз — нормально, спуститься можно. Сначала по карнизу до водосточной трубы, а потом...

Отряхнувшись, осмотрелся, после чего рассмеялся: Ксения сидела за рулем красной «тройки» и с интересом за мной наблюдала.

— Я тебе уже говорила, что ты необычный ребенок? — поинтересовалась она, когда я подошел к машине.

— Да раз десять уже!

— Ладно, куда едем?

— Сперва в парикмахерскую!

Девчонка открыла мне заднюю дверь, но я, попав в машину, протиснулся между спинками сидений и занял свое законное переднее место. Повернувшись к водителю и с вожделием пройдясь взглядом по великолепным ногам, что заставило Ксению сердито засопеть и попытаться оправить юбку, сказал:

— Ну что: «Трогай», — сказала Кэт. Штирлиц потрогал и обалдел.

Теперь горела ещё и отбитая рука.

— Еще раз прикоснешься к моим ногам, руки вырву.

— Ага, а я поверил. Поехали!

— Ну как ты переключаешь?! — наконец не выдержал я издевательства над машиной. — Третью скорость надо включать на тридцати-сорока, а не трогаться с нее... Вот теперь правильно включила! Слушай, а это ты сюда точно из Москвы приехала? Смотрю и не верю!

— Я хорошо водила, пока ты рядом не сел. А скорость случайно перепутала.

Глядя, как осторожно Ксения ведет машину, подумал научить ее экстремальному вождению, а то мы так никуда не успеем.

— Солнышко, ты и по трассе ехала сорок километров в час?

— Еще раз назовешь!..

— Понял, все, буду называть тебя солнышком постоянно, но не сейчас.

Любуясь прекрасной в гневе Ксенией, спросил:

— Слушай, а у тебя парень-то есть?

— А тебе-то какое дело? — вопросом на вопрос ответила она.

— Да так. Эх, где мои двенадцать лет! Сейчас бы ты была в другой позе.

— Как это? — не поняла девчонка.

Я показал.

— А почему в двенадцать лет? — спросила она с любопытством, тряся отбитой рукой.

Пытаясь восстановить дыхание после удара в солнечное сплетение, ответил:

— У меня первый раз встал в двенадцать.

— Что? Не поняла?

«Ах ты черт, прокололся!»

Мысли роем носились в голове, быстро придумав, что сказать, ответил:

— Да я не так выразился. Слышал, что у пацанов встает примерно в это время, — и показал, что встает.

После моего объяснения Ксения, красная, как ее машина, отпустила

руль и стала поворачиваться ко мне.

— Стой, смотри за дорогой! И хватит меня бить, я не мазохист. Ты слышала такое изречение: «Маленьких обижать нельзя»?

— Да тебя не бить, тебя убить мало!

— Пара невинных шуток — и сразу убить! Кстати, вон парикмахерская, сворачивай.

Да это все-таки не современный мне город. Паркуйся, где хочешь, мест до фига и больше.

Войдя в парикмахерскую вместе с девчонкой, спросил у стоящего в готовности молодого парня:

— Кто последний в мужской отдел?

— Да моя как раз очередь.

— Отлично, предлагаю бартер. Вот эта красавица поцелует вас, а вы уступите мне свое место.

— Что? Да я тебя... — взвизгнула Ксения и кинулась ко мне.

— Держи ее, она психованная, маленьких бьет! — крикнув это, я проскочил к освободившемуся креслу, из которого только что встал полноватый мужчина, занял его место и обернулся к трепыхавшейся в объятиях парня девчонке: — Вот! Не надо было меня бить в машине! Иногда я бываю крайне мстителен!

Ответом мне стали пылающие яростью глаза, в которых легко читалось обещание скорой и страшной смерти.

Демонстративно пожав плечами, я попросил мастера, худощавого мужчину лет сорока:

— Молодежную, пожалуйста.

— Какую? — не понял он.

— Полубокс.

Немного понаблюдав за приготовлениями парикмахера, повернулся к взбешенной девице и запел:

А я маленькая мерзость,

А я маленькая гнусь,

Я поганками наелась,

И на пакости стремлюсь... [1]

И чтобы было понятно, о ком речь, временами тыкал пальцем в Ксению.

Закончив стричь, мастер отряхнул меня и обрызгал голову одеколоном.

Расплатившись из своих денег, которые забрал из рюкзака, посмотрел

на Ксению. Та стояла и, сжав кулак одной руки, предвкушающе била им по ладони другой. Мой жест сплагатила. Я точно так же после первой полученной плюхи делал.

Показав ей язык, подошел к зеркалу, висящему на стене, и стал внимательно себя разглядывать. Поправляя волосы и пытаюсь оглядеть себя со всех сторон, машинально запел одну из своих любимых песен:

Свет озарил мою больную душу,
Нет, твой покой я страстью не нарушу.
Бред, полночный бред терзает сердце мне опять,
О Эсмеральда, я посмел тебя желать.
Мой тяжкий крест — уродства вечная печать,
Я состраданье за любовь готов принять,
Нет, горбун отверженный с проклятьем на челе,
Я никогда не буду счастлив на земле.
И после смерти мне не обрести покой,
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой... [2]

Стоя у зеркала, я пел, выкладываясь, полностью забыв обо всем. Со мной такое бывает, особенно когда немного пригублю на дне рождения или еще каком-нибудь празднике. В общем-то, я не пью, совсем. Но на празднике мог принять одну рюмку, не больше. А сейчас, кинув взгляд на отражение стоящих клиентов и мастеров, внимательно меня слушавших, смущенно умолк. На многих лицах я увидел расстройство, что не допел до конца. С опаской поглядывая на свою спутницу, попросил парня:

- Вы ее подержите пока, а то ведь убьет молодое дарование.
- Беги, подержу, — сказал с улыбкой парень.

Как ни странно, вырваться, чтобы догнать меня, Ксения не стала.

Когда она наконец вышла из парикмахерской и села в машину, я на всякий случай прикрылся руками. Не дождавшись удара или оплеухи, одним глазом посмотрел на нее. Девчонка сидела, облокотившись о дверцу, и с прищуром смотрела на меня. Серьезно смотрела, с легкой примесью подозрительности. Потом печально вздохнула и спросила, глядя мне прямо в глаза:

- Что я тебе сделала, чтобы ты надо мной так издевался?
«Ого, серьезный разговор пошел!»

Да и я, честно говоря, зарвался, прикалываясь. Все-таки она не Аленка. Кинув на девушку быстрый взгляд, отвернулся и стал смотреть вперед,

мысленно раскладывая по пунктам предстоящую речь. Говорить всю правду однозначно не стоило, а врать было просто опасно — если поймёт, отношения испортятся окончательно.

— Если обидел, извини! — наконец решился я.

— Обидел!

— Извини еще раз!

— Ну-у-у, ладно. Извиняю, но помнить буду. Так из-за чего ты так на меня взъелся?

— Можно сказать, не на тебя. Понимаешь, все: мимика, лицо, фигура, даже голос... В общем, ты похожа на одного человека, который меня очень обидел.

— И ты решил отыгаться на мне? Все ясно!

— Извини, не мог удержаться. Мир? — спросил я, протягивая ей руку.

Ксения несколько секунд с прищуром смотрела мне в глаза, потом вздохнула, подала свою и ответила:

— Ладно, мир.

Повернув ее ладонь тыльной стороной вверх, поцеловал приятно пахнущую бархатистую кожу и сказал, пародируя профессиональных ловеласов:

— Ксения, свет очей моих, как я рад, что мы решили помириться! Бальзамом на сердце мое прольется голос твой чарующий. И с трепетом в душе услышу я ласковое «прощаю».

— Балаболка, — улыбнулась девчонка, отбирая руку, которую я напоследок успел еще раз чмокнуть, — но красиво, спасибо. Мне еще никто не говорил таких приятных слов.

— А, всегда пожалуйста, — отмахнулся я, развалясь на сиденье.

— Куда едем?

— Давай заедем куда-нибудь поедим. А то жор напал. Да и пить охота.

— Ты же час назад ел! — возмутилась Ксюша, вырубивая на среднюю полосу.

— У меня молодой растущий организм, и он хочет есть. И пить. К тому же у меня был стресс.

— У тебя?! Стресс?!

— Конечно! Я же с тобой общался! Все-все, мир, я просто шучу, не обращай внимания.

— Дурацкие у тебя шутки. Я после них поседела, наверное.

Выглядела она просто великолепно, о чём ей не замедлил сообщить, после чего спросил:

— Куда едем?

— В парк. Там кафе в глубине парка, мы в прошлом году туда ходили. Мне очень понравилось.

— Ну, надеюсь, что мне тоже понравится.

— Понравится. Там просто изумительное мороженое.

Громким возгласом выразив свое одобрение, попросил прибавить скорость.

Немного помолчав, Ксения спросила:

— А там, в парикмахерской, ты песни пел. Чьи они?

Секунду помедлив, ответил:

— Слышал. Один знакомый пел, а я запомнил.

— Споешь?

— Да не проблема. Какие закажешь? Про любовь? — промурлыкал я, прижимаясь к ее руке и влюблено глядя снизу вверх.

— Спой, которая тебе нравится.

— Мне много нравится. Только без музыкального сопровождения будет не очень, согласна?

— Пой.

— Ну ладно, вот эта подойдет на данный момент:

Был обычный серый ленинградский вечер,
Я пошел бродить в дурном настроенье,
Только вижу вдруг — идет мне навстречу
То ли девочка, а то ли виденье.

И как будто мы знакомы с ней даже,
Помню, чей-то был тогда день рожденья,
И, по-моему, зовут ее Ксюшей,
То ли девочку, а то ли виденье.

Она прошла, как каравелла по зеленым волнам,
Прохладным ливнем после жаркого дня.
Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я... [3]

Закончив «Виденье», спел «Студентку-практикантку», потом «Плачет девочка в автомате».

— Красивые песни, — сказала Ксения. — Последняя жалостливая такая.

Еще бы, на ней я специально слезу пустил. Что, кстати, получилось довольно легко.

— Мы приехали. Выходи.

Оказалось, что мы уже припарковались у тротуара. Выбравшись из машины, я встал около капота и стал ждать, пока Ксения её закроет.

— Пойдем, — закончив, она подала мне руку.

Блин, как дите ведет.

Пока шли по одной из тенистых тропинок, Ксения постоянно выпрашивала у меня про песни. Я старательно отводил вопросы в сторону и, прикалываясь над ней, кричал, когда проходили прохожие: «Мама, ну купи!» На что она уже не обращала внимания.

— А кто это здесь одна гуляет?

Из кустов вышли, покачиваясь, два патлатых дауна лет по двадцать. Отчетливый запах свежего перегара показывал, что они изрядно выпили. Наверняка их потянуло на подвиги из-за этого. Один бросил на меня взгляд, и я молниеносно сунул палец в нос и стал в нем ковыряться, тупо глядя на них.

— Пропустите! — воскликнула Ксения, пытаясь обойти этих павианов.

К сожалению, поблизости никого не было, только вдалеке мелькнула куртка прохожего.

— Не-е, не пропустим, — ухмыльнулся тот же гамадрил, раскинув руки.

Мне это надоело. Отодвинув Ксению в сторону, я принялся закатывать рукава рубашки:

— Так, чмыри, у вас две секунды, пока я не закончу, чтобы свалить.

Бабуины, усмехнувшись, переглянулись, один из них грозно нахмурился и спросил:

— А то что?

— А то вам будет плохо.

Все это как-то отдавало какой-то театральностью, но мне было пофиг.

Говорливый, поигрывая мышцами, направился ко мне. Сжав правую руку в кулак, я звонко шлепнул ей по ладони левой и, нахмурившись, сказал:

— Все, конец вам! — после чего, набрав полные легкие воздуха, заорал: — Милиция-я-я! Грабю-ю-ют! Убиваю-ют!..

— Все, хватит вопить, они уже убежали. — Ксения, с трудом сдерживая смех, стояла рядом. — Ты был очень грозен.

— Конечно, для этого и нужны настоящие мужчины!

— Громко орать?

— И для этого тоже, — немного подумав, ответил я.

В кафе мне принесли большую порцию мороженого (ну страсть у меня

к этому лакомству!). Очень большую. Такую большую, что всё не влезло. Остатками тут же завладела Ксения и принялась издеваться: зачерпнёт немного ложечкой и облизывает её, как... В общем, очень уж сексуально. И ещё глазами при этом насмешливо стреляет в мою сторону.

Громко икнув от полноты чувств, я слез со стула и пояснил:

— Я это... Ик. Туда... Ик. Короче, ща приду. Ик, — после чего быстро засеменял в туалет.

Выходя из общественного туалета с блаженной улыбкой на лице, увидел шагающих по тропинке к кафе двух знакомых милиционеров, а с ними... Оба-на! Те два черномордых лангура, бредущие с печально опущенными головами.

Тогда мой крик был услышан, и через минуту к нам с параллельной тропинки выскочили двое милиционеров и активно закрутили головами. Один из них, с лычками сержанта, на ходу спросил:

— Кто кричал?

— Она!

— Он! — одновременно показали мы друг на друга. Ксения бросила на меня свирепый взгляд.

— Ну ладно, я кричал, — поднял я руку. И вопросительно посмотрел на Ксению, всем своим видом показывая, что из меня слова и клещами не вытащить. Ксения не сплеховала и рассказала почти всю правду, с незначительными изменениями. Показав, куда хулиганы побежали и откуда вышли, мы отправились в кафе, сообщив милиционерам, где будем находиться.

И сейчас обеих макак вели к нам на опознание.

Приметив, где они скрылись за кустами, бросился напрямик, срезав путь по газону, и выскочил на тропинку прямо перед носом обеих мартышек, что заставило их вздрогнуть и остановиться. Уперев руки в бока, выпятив челюсть и с презрением окинув их взглядом, я сказал:

— Ну что... ик. Тупиковая ветвь... ик... развития, поймали вас? Если бы вы по... ик... пались мне раньше, то я бы ва... ик... с на куски пор... и-ик-к... вал!

Последний «ик» оказался особенно громким, и если до этого по мере моей речи улыбки милиционеров становились все шире и шире, то здесь они рассмеялись.

Свирепо посмотрев на усмехнувшегося за компанию говорливого, подошел и с силой врезал носком ботинка ему по щиколотке. Я знал, куда следует бить, и поэтому обезьян, взыв от боли, упал на тропинку и стал

стонать, держась за пострадавшее место.

— А ты че вылупился? Тоже хочешь? — спросил я у второго.

Икота, так некстати проявившаяся, внезапно пропала.

— Все, хватит с него. — Улыбающийся сержант отодвинул меня в сторону. Второй милиционер, с чистой совестью на погонах, помог подняться пострадавшему от ребенка парню.

— Я так понял, что это они? — спросил сержант.

— Они.

— Тогда пройдем в кафе, за твоей сестрой. Она должна дать показания.

— Раз надо, даст. Пшли.

Сунув руки в карманы штанов, я вразвалочку последовал за ними.

— Все-таки странно. Студенты, комсомольцы, а так себя ведут. У одного — отец начальник порта, а сынок пьяный по улицам ходит! — возмущалась Ксения, когда мы возвращались к машине.

— Подумаешь, вот у нас было... э-э-э...

— Что было?

— Да не, ничего не было, — вовремя опомнился я и не стал рассказывать про беспредел «золотой молодежи» в мое время.

— О, а это еще кто? — озадаченно поинтересовалась Ксения, глядя из-под ладони на парня лет тридцати, облокотившегося о капот нашей «тройки». Сзади вплотную стояла серая замызганная «Волга» с сидящим в ней водителем.

— Нашли-таки! — недовольно буркнул я.

Подойдя к машинам, поймал взгляд парня. Серьезный товарищ, похоже, из волкодавов, неприятный соперник, будь я даже в нормальной, привычной форме. Еще больше я укрепился в своем мнении, когда он двинулся нам навстречу. Очень неприятный соперник.

— Ксения Викторовна, вас с вашим спутником, — он кивнул мне, — ждет Григорий Васильевич. Поторопитесь, пожалуйста.

После чего, повернувшись ко мне, предложил сесть в их машину.

— Нет, спасибо. Эту тетю я знаю, а вас нет.

Одно дело ехать с приятной особой, другое — с двумя мужиками.

Нет. Нет и нет.

— Хорошо, мы следуем за вами, — кивнув, парень направился к «Волге».

— Ну что, красавица, закончились наши приключения, а? — повернулся я к Ксении.

— Но день ведь еще не закончился? Посмотрим, что он нам еще

принесет.

— Надеюсь, только хорошее, — мне удалось вполне естественно улыбнуться. Хотя было не до веселья, тревожила неопределенность.

— Я тоже надеюсь.

— Ну что, поехали?

— Держись, прокачу с ветерком!

— За тебя держаться?

— Все, приехали. Можешь выходить!

Но вылезать я не спешил. Прикусив губу, внимательно осматривал три «Волги» у подъезда и стоящих рядом парней.

— О, похоже, у дяди гости! — воскликнула Ксения, посмотрев в ту же сторону.

— Может, они не к нему?

— Может, но сопоставив некоторые факты, — она окинула меня взглядом, — я все-таки думаю, что это к нам.

Пожав плечами, я вылез из машины. Сам, подойдя к Ксении, взял ее руку, и мы пошли к подъезду под внимательными взглядами охраны.

Зайдя в прихожую квартиры, увидели там пару мужчин. Которые, явно ждали нас.

— Ксения Викторовна, попрошу пройти за мной, — шагнул вперед один из них и сделал приглашающий жест рукой.

Посмотрев, как девушка уходит в сопровождении этого хмыря, я повернулся ко второму и спросил:

— А я, так понимаю, должен пройти с вами?

Тот, не сказав ни слова, сделал такой же приглашающий жест, проводил меня к кабинету и открыл дверь. Я замер на пороге.

— Ну что же вы, Артур Кириллович, остановились? Заходите, не бойтесь, мы не кусаемся, — сказал сидящий в кресле пожилой мужчина с болезненного вида лицом. Сам Романов сидел во втором кресле и, попивая чай из стакана с подстаканником, с большим интересом наблюдал за происходящим.

Хмыкнув и поздоровавшись, я вразвалочку проследовал к маленькому диванчику, стоящему напротив обоих кресел. В прошлый мой приход они стояли по-другому. Подготовились, значит. Ну-ну.

Устроившись поудобнее, с интересом начал играть в гляделки со смутно знакомым дедком. Правда, мне это довольно быстро наскучило, и я, скосив взгляд на Романова, вопросительно приподнял левую бровь. Уже почти знакомый старикан неопределенно хмыкнул.

«Блин, да где же я его видел?»

Быстро перелистывая в памяти государственных деятелей этого времени, стал сличать их с сидящим передо мной дедом.

«Нет! Да не может быть?!»

Не сдержавшись, ткнул в старика пальцем и возмущенно спросил:

— Откуда усы?! И волосы не те! Григорий Васильевич, что за шутки?!

— Не волнуйся, Артур. Это я решил посмотреть твою реакцию на меня, — успокоил Андропов, снимая парик и отклеивая усы. — Не обращай внимания. Необходимый антураж, я сейчас нахожусь за тысячу километров отсюда. С одной важной инспекцией. И до сих пор провожу ее там.

Продолжать разговор Юрий Владимирович не стал. У меня вообще возникло ощущение, что он тянет время, как будто чего-то ждёт. Пораскинув мозгами — в переносном смысле — понял, чего именно, и невольно вырвалось:

— Все, что она расскажет... правда. Я действительно к ней приставал. Но в шутку же!

Быстрый обмен взглядами показал, что я был прав в своем предположении. Они точно ждали отчет о допросе Ксении. Ещё раз покосившись на Андропова, Романов повернулся ко мне:

— Как день прошел?

— Зашибись. Весело и непринужденно. — Моя рука прошла по коротко стриженной голове.

— Так ты только из-за этого сбежал отсюда? Чтобы постричься?

— Да вообще-то нет. Не знаю, какое ко мне будет отношение в будущем, вот и решил развлечься на полную катушку. Дал волю своим чувствам. Вот и все. — Ох, чувствую, еще попадет мне за этот побег.

Взяв со столика, находившегося между нами, стакан чая, Андропов хмыкнул:

— Знаешь, парень, чтобы убедить меня, что ты действительно из будущего, тебе придется поднапрячься!

— Да? Как насчет того, что один из ваших высокопоставленных чиновников с тысяча девятьсот семьдесят четвертого работает на британскую разведку?

Андропов, пивший в это время чай, к моему разочарованию, даже не вздрогнул. Просто вопросительно посмотрел на меня и совершенно спокойно спросил:

— Ну и кто же это?

— Полковник Гордиевский Олег Антонович. Бежал в Британию в

тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. За предательство награжден орденами Святого Михаила и Святого Георгия. Все, с кем он общался и кого знает, или работают под колпаком, или перевербованы, или мертвы.

— Это все слова, нужны реальные доказательства. Хотя мы и проверим эту информацию, — ответил Андропов, с интересом глядя на меня.

— Вы знаете, Интернет в доме — великая вещь. Спрашивайте.

Но тут нас прервал стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Романов.

Вошедший мужчина с холодными глазами особиста — тот, с которым ушла Ксения, — спокойно подошел к Андропову и отдал ему несколько листков. После чего, к моему удивлению, не вышел из кабинета, а остался, встав за спиной шефа.

Последующие минуты стали для меня довольно тяжелыми. Далеко не все взгляды, бросаемые в мою сторону Юрием Владимировичем во время чтения, удавалось расшифровать, так что голова сама по себе втянулась в плечи, а палец принялся выводить узоры по накрывавшему диван пледу. И только через несколько минут я понял, что это не моя реакция, а рефлекс нового-старого тела.

Встряхнувшись, откинулся на спинку, положил ногу на ногу, скрестил руки на груди и постарался расслабиться, в свою очередь наблюдая за Андроповым. Юрий Владимирович несколько секунд разглядывал меня с лёгким недоумением, а потом вернулся к чтению.

— Очень любопытно, — наконец сказал он, отложив листочки в сторону. Посмотрев на меня с прищуром, добавил: — Похождения бравого солдата Швейка какие-то, а не офицера. Как объяснишь подобное поведение?

— Что тут объяснять? Сорвался, с кем не бывает. Вы посмотрите, в ком я нахожусь! В ребенке! Да я в последнее время с трудом контролирую некоторые рефлекс тела! Вот я, мужчина в самом расцвете сил. А как увидел эту девчонку, так сразу раскис. Хочу ее мозгом, а не могу телом. Парадокс, блин. Так она еще, зараза, так похожа на мою бывшую жену, что я готов ее придушить...

— Про жену позже расскажешь. Да и про свою жизнь до момента перемещения тоже, а пока... — прервал меня Андропов и махнул рукой мужику за своей спиной, подавая ему какой-то знак, — ... а пока я жду доказательств.

— Ну хорошо, насколько я помню, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году Испания станет членом НАТО, в конце мая, кажется. Так,

следующее... — Теперь стала понятна функция стоящего за спиной Андропова мужчины. Достав блокнот, тот стал конспектировать.

— Ну и горазд же ты есть! — зевая, пробормотал плотный парень с усами, как у Боярского. На этом похожесть заканчивалась. Боярский не носил в поясной кобуре табельное оружие и не охранял особо важную персону. Не меня, кстати, а Андропова. Все трое моих охранников были его людьми.

— А что ты хочешь, Иваныч? Молодой растущий организм требует постоянной подзарядки. Кстати, скоро там Москва? — поинтересовался я у старшего и насмешливо посмотрел на третьего охранника, нахохлившегося на соседней полке. Второй находился в тамбуре.

— Да минут двадцать осталось, и вокзал будет, — ответил Иваныч. После чего, глянув с улыбкой на напарника, сказал: — Да не дуйся, Максим, это была просто шутка.

— Да с его шуточками седым станешь! — буркнул Максим, сердито покосившись на меня.

— Ну почему же? На мой взгляд, очень смешная и невинная шутка. — Иваныч принялся разливать чай по стаканам.

— Не обижайтесь, дядь Максим. Если бы вы не наступили мне на ногу, я бы даже не подумал сделать подобное. Извините, ладно? И, кстати, никто меня за руку не ловил, — добавил я, вспоминая происшедшее на перроне вокзала.

Небольшая подножка — и охранник Андропова, шедший слева от меня, лежит на здоровенной тетке, до этого стоявшей перед нами и оравшей мне прямо в лицо. Причем поза при падении получилась такая, что Иваныч до сих пор вспоминает ее с улыбкой.

— Если бы ты сам полежал на этом студне, да еще и меж ее ног, сам бы обиделся. И я еще вроде оглох на правое ухо, — отозвался Максим, проигнорировав мои извинения.

Да уж. Вопящая благим матом тетка вцепилась в парня ногами, обхватила, как клещами, и не умолкала, пока Игорь, второй охранник, не разнял их. Иваныч же не отходил от меня.

— Иногда я бываю крайне мстителен! — сказал я вслух, демонстративно потирая отдавленные пальцы правой ноги.

После чего, попивая чаёк вприкуску с конфетами, стал вспоминать все те три дня допросов в квартире Романова. Андропов мне все-таки поверил.

ПОВЕРИЛ!

— Ладно, Артур. Та информация, что ты нам поведал из своих воспоминаний, это крайне малая информация, кстати. Проверенная и перепроверенная. И, к моему удивлению, она подтвердилась. Конечно, не все за эти двое суток мы успели проверить, но то, что успели... И про Испанию подтвердилось, со мной связался Громыко. Полковника Гордиевского сейчас проверяют. Да, в общем, чувствую, с твоим вселением у нас еще будут большие проблемы. Расскажи-ка мне еще раз тот разговор в больнице с полковником...

— Чуриным. Все проверяете? Вы же, насколько я помню, уже не руководитель КГБ.

Я подробно пересказал каждую секунду с момента, как очнулся в больничной палате. Секретарь Андропова — тот, с глазами особиста, отзывающийся на имя Денис, — постоянно конспектировал. Просмотрев все листочки с моими ответами, Юрий Владимирович сложил их в черную кожаную папку, которую убрал в портфель. После чего повернулся ко мне:

— А теперь расскажи-ка о себе. Основное расскажи, подробно потом расскажешь!

— Хм, ладно. Ну, подростковый возраст вас, я думаю, пока не интересует. Потом... Что про меня можно сказать? Начну, пожалуй, с окончания школы. Был я страшным обалдуюм, отец ремнем лупил постоянно. Водка, сигареты, девчонки — все было, пока я не связался с одной полукриминальной бандой. Там что-то было связано с изнасилованием, я не участвовал. Бухой был в дупель, лежал в соседней комнате, но и меня взяли, как соучастника. Потом, конечно, разобрались, но отец меня встретил с распростертыми объятиями. Если бы не мама, — я сокрушенно покачал головой, — забил бы он меня нахрен. А так отделался тремя треснутыми ребрами, это когда он меня ногами бил. Вывихнутой рукой и сломанным носом. Батя у меня в Войсках Дяди Васи служил, норы у него крутой. Когда из больницы выписался, меня пинком в рязанскую «Дурку» определил. У него сослуживец в военном комиссариате служит, а у того брат в «Дурке», поспособствовал. Пять лет прошли как один день.

— Пять лет? Насколько я помню, время обучения составляет четыре года.

— В девяносто четвертом сделали пять лет. Поступил я в девяносто втором, как раз шестнадцать исполнилось. Закончил в девяносто седьмом. Во время учебы женился на дочке одного из бизнесменов города, в

девяносто шестом сын родился, Сашка. По разнарядке попал в отдельный гвардейский полк специального назначения, который был позднее переименован в отдельный разведывательный полк ВДВ. Отслужить успел в нем полгода, пока меня не сманил один из моих знакомых по учебе. Потом спецшкола ГРУ, и меня, молодого, еще, можно сказать, неоперившегося лейтенанта отправили на Северный Кавказ в одну из диверсионных групп. Начинал рядовым бойцом, потом дослужился до зама. Повезло мне с командиром, что уж говорить, повезло. Научил он меня уму-разуму. Тут как раз началась Вторая Чеченская, и я отпахал в ней от начала до конца заместителем командира группы. Даже награды заработал, орден и медаль.

— Расскажи о жене.

— Аленка-Лисичка. Я всегда ее так называл. Если хотите увидеть, как она выглядит, посмотрите на Ксюшу, у Аленки только волосы посветлей, а так один в один. Я по жизни довольно ревнивый, поэтому можете себе представить, какие муки испытывал, оставляя ее одну. Бросила она меня в две тысячи третьем. Забрав Сашку, уехала к родителям. Я год уже как командиром группы бегал. Как сообщили о разводе, взял отпуск и рванул домой. Короче, она меня послала далеко и надолго. В две тысячи четвертом я снова женился. И, как и первый раз, по любви. В Чечню я брать ее наотрез отказался, купив двухкомнатную квартирку на окраине Москвы, поселил ее там. Деньги у меня были, мы их с убитых боевиков снимали. Я тогда почти всю свою долю в квартиру вбухал, но купил. А через полгода она в письме сообщила мне, что ждет ребенка. Через несколько месяцев письма перестали приходить, она их мне каждую неделю писала. Потом получил письмо из милиции, что моя жена пьяная попала под машину. Моя беременная жена. Взяв полный отпуск, отправился в Москву. Выяснить, что случилось.

— Выяснил?

— Да! Выяснил. — Перед глазами до сих пор метался огненный клубок, а в ушах стоял крик горящего живьем человека.

— Расскажи, что случилось.

Подождав, пока вошедший охранник поставит на стол поднос с чаем и пирожными и удалится, я продолжил:

— Вспоминать неприятно. М-м-м... сахару маловато!

— Куда уж больше-то?! И так с пирожным ешь! — удивился Андропов.

— Пирожное — это пирожное. А у чая должен быть свой вкус! — В стакан отправилась ещё одна ложка сахара. Помешивая чай, я продолжил рассказ: — Приехал в Москву, сразу на квартиру отправился, ключи у меня

были. Дверь опечатанная оказалась, не знаю почему. В общем, сорвал бумажку, закинул вещи, переоделся в гражданку и пошел в районный отдел милиции. Дежурный отправил меня к капитану Дубову, следователю, который вел дело о гибели моей жены. Дубов оказался самым настоящим дубом.

— Не любишь ты милицию, я смотрю!

— А за что их любить?! У них любимая поговорка: «Не подмажешь — не поедешь». Это не сейчас, о подобном отношении милиции к работе, как у вас, простые люди в будущем и не мечтают. Знают, что бесполезно. Как там говорится? «Рыба гниет с головы»? Так это про нашу милицию. О, кстати, совсем забыл, слышал в новостях, что милицию переименовывают в полицию. Так по мне, название сути не меняет. Только огромные средства потратили на переоснастку. Представляю, сколько чиновников на этом руки нагрело.

— Сильная коррупция?

— Очень!

— Хорошо, расскажешь позже. Продолжай о себе.

Поставив допитый стакан и отложив в сторону недоеденное пирожное, продолжил:

— Ничего от капитана узнать о жене не удалось. Твердил все время одно: «Шла пьяная, в неподобающем месте стала переходить дорогу, была сбита машиной, ехавшей на положенной скорости». Индюк набитый. Как добывать информацию, учить меня не надо, поэтому, погуляв по коридорам под видом вызванного по повестке свидетеля, нашел одного майора, с которым и поговорил в ближайшем кафе.

— Она была трезвая, а водитель пьян. Я прав?

— Да! — ответил я с небольшой заминкой.

— Его посадили? Или он, хм, откупился?

— Откупился.

Андропов, внимательно посмотрев на меня, глянул на часы и сказал:

— Уже одиннадцать вечера, с тобой время летит незаметно. Продолжим, или спать пойдешь? Мне завтра к обеду улетать.

— Продолжим! — отозвался я. Спать не хотелось совершенно. — Убийцей оказался сынок одного из владельцев крупного холдинга. Ехал, кстати, действительно трезвый. Только не на положенной скорости, а превысил ее более чем в три раза. Вылетел на тротуар и сбил Ольгу, мою жену. Там была еще одна женщина, которую машина не задела, но ее не нашли, успела убежать. Больше свидетелей не было, даже бабки, которые хоть что-то могли видеть, не оказались рядом. Майор сам там был и

божился, что парень действительно был трезв. Что было дальше, он не знал, приехали большие люди с крупными звездами и местных разогнали. О чем-то долго шушукались с Дубовым. Вечером же появилась новая версия ДТП.

— Он получил свое?

— Да. И это его очень расстроило! — ответил я, сделав честные глаза. Точнее, попытавшись — раньше у меня это никогда не получалось.

Во взгляде Андропова явственно читалось подозрение. Наконец Юрий Владимирович хмыкнул:

— Ну-ну. Ладно, продолжим!

— Отпуск закончился. Вернулся в часть — служба же продолжалась. Через год получил капитана. В две тысячи седьмом получил майора, а через месяц тяжелое ранение — лишился обеих ног в одной из операций в Чечне. Повезло мне с братом, он у меня хирург, все взял на себя. Сын, как узнал, что я ранен, сбежал от матери и стал жить со мной. Алена пыталась забрать его, но Сашка пошел весь в меня. Не знаю, что он ей сказал, но ее я больше не видел. Выписавшись из госпиталя и поездив по реабилитационным центрам, стал жить с Сашкой в моей квартире. Интернет и работа отнимали у меня много времени, поэтому я не спился и не опустил. Хотя было тяжело, очень тяжело.

— Кем ты работал?

Денис в это время сменил исписанный лист на другой, свежий, отдал заполненный Андропову.

— Переводчиком. Переводил иностранные книги на русский и наоборот. Я владею в совершенстве английским и испанским. Как разговорным, так и письменным. Бегло говорю на немецком и французском. Были приработки и на стороне. В общем, не бедствовали. Ну а, как вы знаете, седьмого марта две тысячи одиннадцатого года я лег спать и проснулся уже в новом теле. Просто лег спать — и оказался у вас.

— Ясно. Расскажи о своей семье.

— О родителях?

— Да.

— Так. Сначала о бате. Гвардии рядовой запаса, служил срочную в ВДВ. После службы пошел работать на завод, поступил заочно в инженерный институт. Стал главным инженером на производстве. Очень уважаем простыми рабочими, потому как сам начинал с низов. Умер в тысяча девятьсот девяносто шестом году от рака легких. Курил он очень много. Мама. Учитель иностранного языка. Знала немецкий, английский и французский. Это она с нами со всеми говорила на разных языках, чтобы

мы были образованными. Когда я лишился ног, она пыталась ухаживать за мной, но я не дал, не хотел, чтобы она видела меня таким... калекой. Хотя мама приезжала ко мне постоянно, раз в месяц точно. Была жива, когда я попал к вам. Старший брат Борис, сейчас в Афганистане исполняет интернациональный долг, в мотострелковых войсках, сержант. После армии пошел служить в милицию. Дослужился до полковника, начальника угро города. Убили его в девяносто девятом, расстреляли прямо в служебной машине, на какие-то уступки он не пошел. У него осталась жена и две дочки.

— Выяснили, кто и за что?

— Выяснил, только спустя два года.

— За что же?

— За честность и неподкупность. Его зам бандитам сдал. Нечист на руку был и взятки брал. Да и кресло брата ему нравилось.

— Получил свое?

— Я же говорил. Только через два года.

— Кто там у тебя остался? Брат и сестра?

— Да. Средний брат Тимофей-Тимоха. И сестренка Даша.

— Давай с брата!

— Тимоха. Врач от бога. Я у него в любимчиках ходил, постоянно он меня баловал. Там, в будущем, брат стал ведущим хирургом в одной из московских больниц. Входит в десятку лучших хирургов России. Если бы не он, не знаю, что стало бы со мной. Брат тоже бракодел, дочка у него. Ксанка... Дуняшка, хохотушка-болтушка. Все в жизни у нее сложилось хорошо. Закончила иняз, вышла замуж за норвежца, у нее тоже две дочки, младшая Яна, погодок с моим Сашкой. Живут они в Осло. Муж, Эрик, белокурая бестия двухметрового роста, в жене души не чаёт, при этом являясь полным подкаблучником. Никогда не видел более счастливую пару. Вопрос можно?

— Да, спрашивай!

— Вы связались с моими родителями?

— Да, мои люди тщательно поговорили с ними. Гнилая история там произошла, Артур.

— Что?! Что-то с родителями? Братьями? Сестрой?

— Успокойся, с ними все в порядке. Люди этого Чурина сообщили им, что ты умер. И, кстати, тот врач, Кокренев, погиб. Представляешь, попал под машину, а его брат пропал. И никакого полковника Чурина не существует. С кем ты говорил — вот в чем вопрос. Хотя, есть у меня подозрения насчет того, кто он. Сейчас в Казани и Москве работают

лучшие оперативники госбезопасности. В общем, информация о тебе ушла на сторону.

— Уй-ё... — Я схватился за голову от такой новости. — Я же ему сказал про девяносто первый!

— Теперь будешь следить за своими словами. Искали они тебя плотно. Очень плотно. Они неформально дали информацию по линии госбезопасности о твоей поимке всем начальникам районной милиции с твоим словесным портретом. Просто чудо, что ты нигде не попался.

— Нет, все-таки как он играл! Даже интонации старшего офицера! — Я все никак не мог забыть Чурина.

— Артур, мы не сообщали твоим родителям, что ты жив.

С удивлением посмотрев на Андропова, ненадолго задумался, а потом спросил:

— Вы, как мне кажется, и не собираетесь делать это. Ведь так?

— Пока, — выделил это слово Юрий Владимирович, — мои люди считают, что это опасно. Хватит на сегодня, завтра поговорим. Второй день заканчиваем в час ночи.

— Хорошо, Юрий Владимирович, завтра договорим.

Выйдя из кабинета, я в сопровождении охранника пошел в спальню, завернув по пути в туалет. Навстречу то и дело попадались люди Андропова. После того как Романов уехал вместе с домработницей и племянницей на дачу, оставив Юрию Владимировичу квартиру во временное пользование, в ней сразу прибавилось народу. Куда ни глянь — везде молодые парни с цепкими глазами сторожевых псов.

Укрывшись одеялом, я закинул руки за голову и, глядя в потолок, стал вспоминать свой приезд в Москву после смерти второй жены. Андропову я рассказал не все. Там было совсем по-другому...

— Здравствуй, Артур, — поздоровалась со мной соседка по площадке.

Хотя я и появляюсь дома крайне редко, но с соседями стараюсь быть вежливым. Ответив, спросил об Ольге:

— Ох, беда-то какая! Она ведь такая счастливая была в последнее время...

Слушая соседку, я подошел к двери квартиры и уставился на полоску бумаги с печатью.

— Ой, Артур, тут ведь милиция приходила! Участковый наш, ты зайди к нему, хороший он парень.

— Хорошо, Антонина Анатольевна, обязательно зайду.

Переодевшись в гражданку и убрав форму в шкаф, я направился к участковому, жившему недалеко, однако дома его не застал. Пришлось идти в наш районный отдел милиции. Там плотный майор-дежурный назвал мне номер кабинета и фамилию следователя, ведущего дело о гибели моей жены, а табличка на двери проинформировала о времени его работы. Постучавшись и дождавшись разрешения, я вошел в кабинет и сообщил следаку, что я муж Ольги Александрович. А через полчаса вышел в состоянии крайнего бешенства. Правда, со стороны это можно было определить только по легкой бледности на моем загорелом лице.

Ничего, кроме официальной информации, узнать не удалось, и это подтверждало, что дело нечисто.

Немного успокоившись, стал ходить по отделу, внимательно рассматривая встречаемых сотрудников милиции. Мое внимание привлек сухопарый майор с голодным блеском глаз. Поздоровавшись, я завел с ним разговор, между делом предложив пообедать. Майор, оказавшийся криминалистом, услышав сумму «спонсорской помощи», не ломался ни минуты:

— ...понимаешь, мне сразу это показалось странным. Парень был совершенно трезв, я сам проверил, прежде чем его увезли люди отца. Тормозного следа не было совершенно, а в машине был устойчивый запах перегара. Там ведь наезд был совершен чуть ли не на глазах патрульной машины ППС. Они говорили, что из машины кто-то выбежал и скрылся за углом дома, а парень вылез с пассажирского места.

— Патрульные видели, кто это был?

— Да какое там! Они же были чуть ли не в конце улицы...

Получалось, что парень кого-то покрывал, беря вину на себя. Но вопрос: кого? Расплатившись, я покинул кафе, имея при себе бумажку с данными парня — память у майора была отличная...

В общем, выкрасть этого Павла Волева мне труда не составило. Потом мы с ним прокатились в лес и немного побеседовали в удачно подвернувшемся глубоком овраге, заросшем густым кустарником. Поначалу парень пытался угрожать, но мои аргументы убедили его достаточно быстро, так что разговор не затянулся.

Наконец, уничтожив все следы работы и избавившись от тела, я выехал в центр города. Прогуливаясь по парку, где было множество людей, достал из кармана телефон Павла и набрал номер его отца:

— Павел, позвони попозже, я сейчас занят! — раздался в трубке голос уверенного в себе мужчины.

Старательно подавив нахлынувшую злость, спокойно сказал:

— Павел к телефону подойти не может, устал очень.

После небольшой паузы тот же голос спросил:

— Кто это?

— Ваш сын у нас. Не обращайтесь в милицию. Через три часа привезите двести тысяч долларов в кафе «Солнышко». Тогда вы получите своего сына, целого и невредимого.

— Да ты знаешь, что я с... — дальше мне было неинтересно его слушать, и, оставив телефон включенным, я положил его на скамейку и спокойно вышел из парка.

Пропустив мимо три черных джипа, пролетевших на большой скорости, подъехал на угнанной «девятке» к нужному трехэтажному особняку. Встав около въездных ворот, посигналил и стал ждать. Открывшаяся калитка явила моему взору охранника, облаченного в пуленепробиваемый жилет и с дробовиком в руках.

— Чего тебе, паря? — спросил он у меня. И тут же упал после тихого хлопка.

Быстро надев маску и достав второй пистолет, побежал по тропинке к особняку. Чтобы разобраться с оставшейся парой охранников и загнать семью хозяина и прислугу в подвал, много времени не потребовалось. Через двадцать минут, отогнав «Ладу» на соседнюю улицу, я сидел в сторожке охранников и попивал тёплый сладкий чай из термоса. Рации и телефоны охранников лежали на столе передо мной.

Прошло больше двух с половиной часов, когда снаружи посигналили. Камера наружного обзора показала две машины. Быстро проверив оружие, я нажал на кнопку открытия ворот.

Дождавшись, когда Волев-старший с охранниками покинут джипы, вышел из-за угла и открыл прицельный огонь с двух рук. Затем, подойдя ближе, провёл контроль и, сменив в «стечкиных» магазины, наконец-то занялся бизнесменом. Он лежал на боку и тихо подвывал, держась обеими руками за простреленную икру правой ноги.

— Думаю, ты не знаешь, зачем я пришел. Объясню. Та женщина, которую ты сбил, когда ехал пьяным, была моя жена. Она была на пятом месяце, у меня должны были родиться дочка-близнецы. Так что, я думаю, насчет детей мы в расчете.

— Сын?! Что ты сделал с Павлом?!

— Он умер. Пора ехать.

— Куда?! Я заплачу...

Не слушая криков, закинул связанного Волева в багажник джипа повёз в тот же лес.

Крепко привязанный к пеньку бизнесмен таращил глаза в ужасе и мычал сквозь кляп, глядя, как я поливаю его бензином.

— Знаешь, — мне, как какому-то киношному злодею, почему-то захотелось поговорить, — у боевиков в Чечне можно многому научиться, особенно в области казни, — после чего поджег комок бумаги и кинул ее на бизнесмена...

Как ни странно, меня не дергали, во всем обвинили конкурентов Волева: оказалось, одна из московских ОПГ имела на него большой зуб. Не догуляв отпуск, я уехал обратно в часть...

Вздыхнув, посмотрел в окно на ночное небо Ленинграда — я до сих пор считал Ольгу и дочек неотомщенными. Вздыхнув еще раз, повернулся на бок и попытался заснуть.

Утро встретило меня бодрым голосом Дениса, без стука вошедшего в мою комнату, и воплем боли от встречи его лба со стаканом, который я метнул недогнувшей рукой.

— Сколько раз я говорил, что утром люблю поспать подольше?!

Денис, потирая начавшую вздуться шишку, сморщился:

— Тебя Юрий Владимирович ждет. Его вызывают в Москву.

Вскочив, я оделся, быстро посетил туалет и чуть ли не бегом направился в кабинет. Андропов встретил меня, стоя у стола. Оторвавшись от каких-то бумаг, который изучал, он повернулся ко мне:

— Доброе утро, Артур.

— Оно бы было доброе, если бы не вставал в такую рань.

В это время в кабинет вошел Денис, явив шишку на лбу. Посмотрев на него, Андропов попросил:

— Артур, расскажи, пожалуйста, все, что ты читал из... э-э-э... альтернативной истории, — прочитал по слогам Юрий Владимирович, сверяясь с записью. — В первую очередь — что касается нашего времени.

«Да-а, задачка!» — думал я, в уме прикидывая, с чего начать. Денис, сев за столик и сверкая выпуклостью на лбу, приготовился записывать...

— Все, вокзал. — Голос Иваныча вырвал меня из воспоминаний. Иванычем он сам попросил его называть, когда помощник Андропова, Денис, познакомил нас и объяснил, что с этой минуты он назначен старшим моей охраны. — Выходим последними! — добавил он специально для меня.

Встав на колени, я принялся с интересом разглядывать проходящих по

перрону людей. Через некоторое время возникло чувство какой-то неправильности, заставившее насторожиться, а ещё через минуту, резко отшатнувшись, я попросил:

— Окно закройте!

— В чем дело? — спросил Иваныч, после того как Максим задёрнул занавески.

— Нас ведут. Снаружи восемь человек целенаправленно трутся возле нашего вагона!

Иваныч единственный из охранников знал, кем я был раньше, и в отличие от презрительно хмыкнувшего Максима достал оружие и под изумленным взглядом напарника проверил его.

— Игоря проверьте. Может, его уже там нет!

Недовольно дернув плечом, вроде как «сам знаю», Иваныч, держащий наготове пистолет и подстрахованный Максимом, осторожно открыл дверь и, выглянув, сказал кому-то:

— «Черепеха».

— Понял, — послышался ответ дежурившего в коридоре Игоря.

Убедившись, что подчинённый в порядке, Иваныч подошёл к окну и, осторожно отодвинув занавеску, стал рассматривать перрон.

— У вас где-то подтекает, а? — лениво поинтересовался я, с интересом за ним наблюдая.

— Может, прислали дополнительную охрану? — задумчиво спросил Максим.

— Нас бы предупредили, — хмыкнул старший.

— Значит, точно подтекает.

Задвинув занавеску обратно и кивнув на окно Максиму, Иваныч задумался.

— А по рации связаться и помощь вызвать? — не удержался я.

— Нет. Не брали.

— Понятно. Как уходить будем?

— Пока думаю!

— Иваныч, там только наблюдатели. Группы захвата нет! — сказал Максим, не отрываясь от окна и добавил, скосив на меня глаза: — Кстати, наблюдателей я только двоих заметил. Хотя мне сообщили о восьми.

— Я рассмотрел пятерых, тоже не всех распознал, — ответил Максиму Иваныч. — А группа захвата наверняка рядом, ждет сигнала. Нужно проверить запасные выходы.

Игорь, ушедший проверить возможные пути отхода, довольно быстро вернулся, посмотрел на нас и покачал головой:

— Обложили гады.

— Пора выходить, вагон пустой.

Держа в руках пистолеты, мои охранники покинули купе. Первым шёл Игорь. За ним, отставая метра на четыре — Максим, за Максимом я, и замыкал нашу колонну Иваныч. В таком порядке мы добрались до начала поезда и, осмотревшись, спокойно вышли наружу.

Как только я ступил на перрон, охрана взяла меня в коробочку и, прикрывая своими телами, двинулась к «уазику-буханке», возле которого стояли двое парней. Заметив, что моя охрана ведёт себя слишком настороженно, встречающие переглянулись и тоже начали просеивать взглядами окружающее пространство. В это время что-то бахнуло. Повернув голову, я улыбнулся: седой дедок, стоящий с поднятыми измазанными маслом руками у стреляющего глушителем «москвича»...

Парни у «уазика», успевшие взять дедка на прицел, убрали оружие и опять занялись наблюдением.

— Группа захвата находится в том «рафике» с зашторенными окнами, — внезапно сказал Максим.

— Как понял? — спросил Иваныч, незаметно бросая взгляд на подозрительный микроавтобус.

— Тяжело нагружен. Да и местность контролируется оттуда вся. Я сам бы поставил машину именно там.

— Согласен, — ответил старшой, подходя к «уазику», и что-то прошептал одному из встречающих.

Тот немедленно направился к двум сотрудникам милиции, патрулирующим вокзал и с интересом за нами наблюдающим. Иваныч же залез в машину и, взяв микрофон рации, что-то забормотал. Мы встали так, чтобы нас заслонял корпус машины, а меня закрывал от пуль мотор.

Садиться в «буханку» пока не стали — «рафик» неплохо контролировал выезд, и если сидящие в нём начнут стрелять...

В это время подошедший к патрульным парень, мелькнув красным удостоверением, что-то сказал милиционерам. Один из них, в звании старшины, кивнув, начал говорить в рацию — видимо, вызывал помощь — и, не обращая больше внимания на нашего встречающего, направился к «рафику».

Дальше все произошло довольно быстро. Сначала Иваныч попытался затолкать обратно мою голову, которую я высунул из-за машины. Попытка ни к чему ни привела, кроме моего мата и отпечатка зубов на ладони охранника. Потом оказалось, что старшина-патрульный лежит на асфальте, вытянув вперед руку с зажатым в ней пистолетом и не подавая признаков жизни. Его напарник, укрывшись за корпусом новеньких «жигулей», посылает пулю за пулей в стоявший боком к нему «рафик». А парень, ходивший к милиционерам, спрятался за «запорожцем» и тоже ведёт огонь. Судя по всему, простреленные передние колёса минивэна и убитый водитель — его рук дело. Похоже, «рафик» пытался выехать со стоянки.

Из боковой двери микроавтобуса выскочили несколько человек в серой униформе, вооружённые короткоствольными автоматами, ещё двое лежали в салоне без движения. Получалось, противник потерял уже троих, а у нас... В это время не менявший позицию оставшийся милиционер откинулся на спину от пойманной в грудь очереди, а из здания вокзала с пистолетами в руках выбежали еще двое его коллег.

Моя охрана не стреляла, опасаясь вызвать ответный огонь. Они только внимательно наблюдали за обстановкой, держа наготове оружие.

Милиционеры не сплеховали. Стремительным броском они достигли выбранных укрытий, после чего один открыл огонь по противнику, а второй затащил напарника старшины за машину и, проверив пульс, сокрушенно покачал головой.

Спецы есть спецы. Сообразив, что операция провалилась, они оставили одного из своих в прикрытии и пошли на прорыв, укрываясь за немногочисленными машинами. Только почему-то в нашу сторону. Тут даже моя охрана открыла огонь на поражение. И через минуту все закончилось. Оставшийся со мной Иваныч внимательно контролировал обстановку, остальные, отойдя от нас на пару метров, заняли оборону, создав дополнительное кольцо охраны. Мое внимание привлек шум моторов, работающих на форсаже, и последовавший за ним визг шин. Напрягшийся было Иваныч расслабился и, повернувшись ко мне, сказал:

— Наши!

Меня быстро зашвырнули в одну из приехавших машин, и прибывшая кавалькада помчалась по улицам Москвы.

Открывшаяся дверь явила моему взору небольшую палату для выздоравливающих. Войдя в неё следом за Андроповым, я осмотрелся. На кровати, с бледным лицом, укутанный в плед, лежал человек и внимательно смотрел на меня. Я поздоровался первым:

— Здравствуйте, Леонид Ильич.

Поплавок чуть дернулся, потом его повело в сторону — карп играл с наживкой. Я напряг руки: вот сейчас, ещё немного...

— Женька, я тебя ищущу-ищущу!.. — Раздавшийся рядом голос моей младшей сестренки стал для меня полной неожиданностью.

Несколько секунд тупо глядя на пустой крючок, покачивающийся перед моим носом, я печально спросил у нее, опуская бамбуковое удилище:

— Что опять случилось? Война?

— Не, тебя мама ищет, пойдем быстрее! — ответила Ольга, заглянув в ведро с пойманной рыбой и тут же запустив в него руки.

Вздохнув, с улыбкой посмотрел на нее. Девчонка, конечно, не была моей настоящей сестрой — я жил с людьми, обеспечивающими мою безопасность. Уже пять лет изображал сына офицера-лётчика, несшего службу в вертолетной части под Ленинградом. За это время успел облазить все окрестности и болота. Побывал даже там, где попала в окружение армия Власова...

Не спеша следуя за неумной «сестренкой», неся ведро с рыбой в левой руке, а удилище с раскладным стульчиком — в правой, я стал вспоминать все свои приключения.

После встречи с Брежневым, который, кстати, не был такой развалиной, как в моем мире, меня отправили в спецчасть, где буквально выпотрошили. За полгода, проведенные в этом учреждении, я рассказал даже то, чего не помнил. Мне навсегда запомнились глаза специалистов. Особенно одного полковника, обычно сидевшего рядом.

Потом состоялась новая встреча с Брежневым — в моем случае он прожил на несколько месяцев больше. Что интересно, никаких «сисек-масисек» не было. Леонид Ильич говорил хоть и старческим голосом, но вполне понятно, что заставило задуматься не только меня, но и моих кураторов.

Потом жизнь худо-бедно наладилась. Так как я помнил немало песен из будущего, их стали выпускать под моим именем. В стране появился поэт и композитор Артур Александров — личность известная и в то же время ужасно таинственная, которую никто не видел, но которая регулярно о себе напоминала. И каких только слухов не ходило среди номенклатуры и народа! Ну и щелчок по носу для моих противников.

Впрочем, таинственность не мешала регулярному пополнению моих счетов в Сбербанке, так что сейчас я был самым богатым

двенадцатилетним парнем в стране.

Пройдя по узкой тропинке, вившейся среди кустарника, росшего на берегу местной речки, мы выбрались на проселочную дорогу и остановились у моего мотороллера. Положив вещи в кузов «муравьишки» и закрепив ведро, чтобы оно не каталось, сел за руль. Дождавшись, когда девчонка втиснется на сиденье позади меня, дал газу.

Пролетев по дороге и с трудом вписавшись в поворот, медленно проехал через небольшой деревянный мостик с ветхим настилом и уже через пару минут въезжал на территорию военного городка. Остановившись у домика, где мы жили, помог слезть Ольге и, отдав ей ведро с уловом, отправил к «маме». В это время у соседнего дома остановилась красная «девятка», машина жены особиста полка.

— Добрый день, Валентина Олеговна.

— Привет, Жень, как рыбалка?

— Отличная рыбалка, Валентина Олеговна, я попрошу маму, она вам занесет карпов.

— Ой, не надо! Я к вам зайду через полчаса. Маме привет!

— Передам.

Посмотрев на машину, вспомнил, с каким скрипом прошло предложение генсека Романова об объединении Германии с уплатой за это дефицитными станками для автозаводов и другими нужными вещами. Один из таких когда-то дефицитов сейчас стоял передо мной. За год германцы построили три автозавода по современным технологиям. И многочисленные автомобили за последние четыре года наводнили Союз. В любом крупном населенном пункте можно было увидеть спецавтоцентры, ремперсонал которых проходил обучение в новых техникумах...

Отвернувшись, направился в дом, узнать, какие новости меня ждут. В сенях столкнулся с Ольгой. Откусывая на ходу горячую пышную булочку, «сестрѐнка» попыталась протиснуться мимо меня:

— Ты куда? — строго спросил я.

— Мамка послала к тете Даше. Сказала помочь прополоть грядку, — пробормотала девчонка с набитым ртом.

Это сразу сказало мне, кто приехал. Похоже, нас снова посетил полковник Строганов, мой куратор и главная связь с Романовым. Во время его визитов «сестрѐнку» всегда отправляли к тете Даше с каким-нибудь пустяком.

«Странно, что так рано приехали», — озадаченно подумал я, проходя в дом. Обычно меня всегда предупреждают, если будет гость. Предчувствуя

недобрые новости, вошел в гостиную. Она же столовая, она же кухня. Полковник сидел ко мне спиной и пил чай, тревожный взгляд «матери», брошенный мельком на меня, и напряженная спина Строганова немного озадачили. Что-то было не так, интуиция просто вопила об опасности.

Тихо подойдя к куратору, я спокойно коснулся его плеча. Офицер вздрогнул, спина его согнулась еще больше, и он... не повернулся ко мне, а продолжил как-то механически отхлебывать чай. Обойдя стол, посмотрел в лицо полковника. Бледное, с бегущими глазами. Значит, дело плохо.

Постаравшись поймать его взгляд, спросил:

— Зачем?

Взгляд Строганова был полон боли. Раскрыв губы, полковник хрипло выдохнул:

— У них мои дети!

— Сколько у меня времени?

— Нисколько. Они здесь.

— Кто? — поинтересовался я, доставая из-под подоконника ТТ, найденный в разбитом доте и сохранившийся в отличном состоянии. Оружие мне давать категорически не хотели, пришлось выкручиваться самому.

— Британцы.

— Опять они?! Достали уже! Им что, прошлого раза было мало?! Какой приказ? Живым? Мертвым?

— Живым. Приказ брать неповрежденным.

— А, тогда повоюем! — весело пробормотал я, досылая патрон.

Взяв диванную подушку, упер в нее ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. ТТ дернулся, и звук выстрела разнесся по комнате, но для того, чтобы его слышали на улице, был слишком тих. Никогда не прощал предательства, даже если пошли на него из-за членов семьи. Не глядя на сползающее на пол тело полковника, бросив подушку на пол, повернулся к входящей «матери»:

— Сигнал ушел?

Она покачала головой и ответила, бросив быстрый взгляд на тело полковника, лежащее на полу с дыркой в груди:

— Блокируют, проводную тоже. Только связалась с Валею, и все. Уходи, мы прикроем.

— Прикрывальщицы, блин! Сидите и не дергайтесь, к окнам не подходите, наверняка снайперы караулят.

Тихонечко подкравшись к кухонному окну и чуть отодвинув занавеску, посмотрел на свой амбар, стоящий метрах в ста от дома, и по возможности

на окрестности.

— Трава не по ветру шевелится. Бери ведро, сделай вид, что оно полное, и иди к Валентине. Займите оборону, я уведу их отсюда. Селиванову скажете, я ушел на пункт четыре, он поймет.

«Еще бы ему не понять. Обговоренных пунктов спасения всего три. Селиванов не дурак, сообразит».

Прихватив из тайника запасные магазины и две эфки, я выскользнул в сени, не дожидаясь ответа от сотрудника охраны.

Пошарив на верхних полках, за старыми банками нашел то, что положил туда год назад. Через щели в дощатой стене сарайчика, примыкавшего к стене дома, осмотрелся.

«Ого! Двое уже у окон! Быстрые, однако!»

В это время хлопнула уличная дверь, и моя «мама»-охранница спокойно с ведром в руках направилась к соседнему дому. Как я ни опасался, дошла она спокойно.

Улыбнувшись, достал из кармана зажигалку, чиркнул и поджег шнур. С шипением две серые банки взлетели в воздух, пущенные моей рукой подальше от дома. Упав метрах в пятнадцати, шашки стали сильно задымлять огород. Слабенький ветер прижимал густой дым к земле, помогая мне незаметно добраться до амбара.

Это строение было моей вотчиной, и я всю охрану честно предупредил, что оно заминировано.

Дым помогал не только мне, но и противнику. Поэтому встреча лицом к лицу оказалась неожиданной для обеих сторон. Вот только то ли боевик не решился стрелять, подчиняясь приказу, то ли впал в ступор. А может, я просто оказался быстрее. Во всяком случае, ТТ дёрнулся в руке, и врагов стало на одного меньше. Теперь нужно было разобраться с напарником неудачника — наверняка диверсанты действовали не поодиночке. Откатившись в сторону, я замер, прислушиваясь. Шорох справа привлек внимание, но это явно была ловушка — сам не раз так делал. Поэтому, снова откатившись, на этот раз к телу убитого боевика, быстро зашарил по его карманам, внимательно оглядываясь по сторонам и стараясь не тереть начавшие слезиться от дыма глаза.

Моими трофеями стали «вальтер» с глушителем и два запасных магазина к нему. Ещё — небольшая радиостанция, две шоковые — судя по маркировке — гранаты и складной нож. Ни документов, ни денег.

Быстро распахивая находки по карманам, я убрал ТТ за пояс — слишком уж громкий в отличие от трофейного пистолета. В это время вдалеке кто-то закричал:

— Люди! Пожар! Пожар! Воды неси!..

Однако крик быстро оборвался, и мне это не понравилось, причем очень.

«Ну, суки, ща я вам сделаю больно!»

Второй из боевиков так и не обнаружил себя, поэтому, стараясь не шуметь, я пополз дальше. Этот враг оказался умнее, он ждал меня на границе света и тени. Предполагая, что он стрелять не будет, а использует шоковую гранату, я, вскочив, рванул в сторону, разряжая трофей в серый камуфляж. Подбежав к неподвижному боевику и сделав контроль, помчался со всех ног к амбару.

Ворота были действительно заминированы, но у меня, понятное дело, имелось несколько лазеек. Только добраться до них не удалось. Мне что-то прилетело под правую лопатку и так швырнуло вперёд, что я долетел до стены сарая, отскочил от неё, как мячик, и рухнул в душистую июньскую траву.

Хрипло кашляя и преодолевая боль в спине и отбитом легком, пополз к ближайшему входу в амбар. Отогнув работающей рукой доску, постарался вползти вовнутрь, но меня схватили за ноги и резко выдернули наружу. «Вальтер» я выронил, когда словил пулю, и сейчас он, матово сверкая воронением, лежал справа в метрах пяти. Зато ТТ вывалился из-за пояса как раз под действующую руку.

И под крик «Держи!» я дважды выстрелил по тому, кто тащил меня, и еще дважды — по тому, кто его прикрывал.

Заметив еще несколько подбегающих фигур, быстро юркнул в щель и, закрыв доску, привалился спиной к стене. Как же все-таки больно бьет по телу резиновая пуля!

Достав магазин к «вальтеру», выщелкнул один патрон и внимательно осмотрел. Подозрения подтвердились — травматический. Нет, надо было тэтэхой работать, не люблю оставлять за спиной недобитков.

«Хм, значит, второй из первой пары жив».

Осторожно pokrutil плечом — больно, но кости вроде бы целы. Уже хорошо. Значит, можно повоевать.

С той стороны стены кто-то закопошился. Очень захотелось «подарить» «любопытному» гранату, но сдержался — амбар, к сожалению, не бревенчатый, такого надругательства может и не выдержать.

Крутя плечом, стараясь разработать руку, подхватил ППШ и пару запасных дисков, найденных на местах боёв и с трудом протасанных мимо бдительной охраны, и устроился у замаскированной бойницы. Осторожно сдвинув заслонку и взяв лежащий рядом артиллерийский бинокль, я

принялся изучать обстановку.

На краю городка начал собираться народ, их сдерживали четверо одетых в форму милиции. Даже это предусмотрели гады!

Заметив в стороне движение, навел бинокль туда и обнаружил нескольких человек в сером, подбирающихся к амбару.

«Ну-ну, нате, держите!»

Пистолет-пулемет затрясся у меня в руках, причиняя невероятную боль повреждённому плечу. Расстреляв группу, я откатился в сторону, сменил диск на полный и опять занялся наблюдением.

Вдруг со стороны магазина с чердака одного из домов ударил пулемет, по звуку — ПКМ. Похоже, в бой вступила моя тайная охрана. Ненадолго — через несколько секунд в чердак ударила граната из гранатомёта.

— Ур-роды! — зло выдохнул я, глядя на разгорающийся дом. Подхватив ППШ, подполз к другой бойнице, откинул заслонку и открыл огонь уже по другой группе. Но если в прошлой раз от меня автоматной очереди почти в упор не ждали, то в этот раз удалось уложить только двоих, остальные прыгнули в стороны и залегли за укрытиями.

Услышав стук и явно предупреждающий крик, откатился в сторону и, открыв рот, зажмурился. Повезло — граната упала на скат крыши у самой бойницы, а не влетела вовнутрь, иначе бы меня можно было взять тепленьким.

Пора было уходить. Отшвырнув автомат в сторону — слишком тяжёлый, особенно с учётом ушибленного плеча — я поджёг и выбросил наружу оставшиеся дымшашки.

Сняв со стены подвесную систему с роликом, нацепил её на себя, после чего осторожно выбрался на козырёк на дальнем от посёлка торце амбара. Накинув ролик на стальную проволоку, протянутую аж на ту сторону пруда, на мгновение замер, а потом решительно оттолкнулся ногами и заскользил подальше от обнаглевших англичан.

Увы, в своё время достать проволоку нужной длины не удалось, так что трасса состояла из четырёх сращенных кусков. И, как показали испытания, на месте стыков можно было запросто слететь. Правда, раз на раз не приходился, так что предсказать, где сработает закон подлости, не представлялось возможным.

«Только не как тогда! Только не как тогда!.. — билась в голове мысль. — Только...»

Первое соединение прошло нормально. Второе. На третьем меня потрянуло сильнее, но не скинуло. Повезло.

Когда внизу вода сменилась песком, я отстегнулся и кубарем покатился

по берегу, гася скорость. Вскочив, обернулся к преследователям, оставшимся на той стороне довольно приличного — двести на триста метров — пруда. Диверсанты, сообразив, что добыча вот-вот уйдёт, уже начали спринтерский забег вокруг водоема. Так что мне ничего не оставалось, как самому рвануть стометровку к опушке. Зигзагами. На всякий случай.

Пробежав мимо столба, к которому была привязана проволока, я обернулся на шум двигателя. Увиденное прибавило сил — на перехват летел милицейский «уазик». Хотя летел — это сильно сказано: по целине особо не разгонишься. Но всё равно пришлось наддать.

В итоге к растущим на опушке кустам я успел первым и тут же ушёл вправо, все дальше углубляясь в лес. Теперь шансы британцев поймать меня приблизились к нулю. В зеленке я царь и бог. Можно было снизить темп и подумать.

Вообще, ситуация сложилась крайне странная. Противник действовал по плану, явно сляпанному кое-как, на коленке. Почему? Что такого произошло в большом мире, что они решились на такое?

Остановившись, я вслушался в лес. Судя по звукам, преследователи развернулись в цепь и углубились в чащу. Ну-ну, удачных им поисков. Как гласит старый армейский принцип, не нужно, чтобы они что-нибудь нашли, нужно, чтобы за...лись. А пока джентльмены упорно стремятся к указанному состоянию, можно и навестить одну из заготовленных на подобный случай нычек.

Мой ближайший схрон находился в Михайловке, лесной деревушке на пять домов. В одном из сараев бабы Мани, которой я время от времени помогал за это по дому. Дорога туда заняла почти два часа — пришлось делать крюк, обходя болото. В деревне все было как обычно — редко гавкали собаки, кудахтали куры, где-то визжала свинья... В общем, чужие тут точно не появлялись. Но на всякий случай светиться не стал. Тихо пробрался вдоль околицы к сараю, открыл одну створку дверей, проскользнул внутрь. Скинув брезент, выкатил мопед — старенький, но еще годный на многие подвиги во славу меня. Взобравшись под крышу, отвязал от стропил рюкзак с НЗ. Спустившись, завел своего железного коня и, подождав, когда он прогреется, дал газу.

Подвернувшийся случай я хотел использовать на все сто процентов, а то нельзя, это нельзя... Любую просьбу оформлять рапортом, чёрт знает сколько ждать решения и в итоге получать... н-да. Попросился съездить летом в Сочи — месяц тянули, а потом отказали. Мои лазанья по здешним

лесам — якобы одиночные, но за каждым кустом то охотники, то грибники. И все — с армейской выправкой. Надоело! Поэтому сейчас о возвращении и речь не шла: нет уж! Не умеют по-хорошему — получают как всегда.

О диверсантах даже не думал: судя по появившимся в небе вертолётам, им сейчас не до ловли. Самим бы ноги унести. Так что, выбравшись в конце концов на шоссе, я нагло доехал до ближайшей станции, где закатил мопед в подошедшую электричку: погуляю пару месяцев и вернусь. Может, к тому времени мои кураторы чуток поумнеют.

Не забыть бы только сообщить Селиванову, что со мной все в порядке.

Селиванов — старший куратор. Именно он курирует все мои контакты и охрану. Убитый мной полковник отвечал только за связь, то есть передавал все, что я хочу и что хотят от меня.

Вышел я на следующей станции и первым делом отправился на автозаправку, благо её было видно с платформы. Залил бак и канистру, немного подумал и направился в сторону Ленинграда, ориентируясь по дорожным указателям. Настроение было превосходное, усталость не чувствовалась, так что вся ночь прошла в дороге.

Утро застало меня уже на окраине Северной Пальмиры. Переулками и дворами, стараясь не выезжать на улицы, я добрался до авторынка и, когда он открылся, поставил мопед в ряд к мотоциклам и стал деловито прохаживаться рядом. Мол, отец сейчас подойдёт.

Не прошло и часа, как мой верный «железный конь» ушёл за восемьдесят рублей. Можно было и подороже, но ждать не хотелось. И, опять же, сам процесс... Пришлось разыграть целое представление, типа: «Я продать не могу, пока отец не придет» и «Ну ладно, черти, уговорили». Два парня лет по четырнадцать и женщина с ними увели мопед, а я, сунув деньги в карман, быстро затерялся в толпе, стараясь уйти от возможных свидетелей.

Теперь можно было заняться машиной. Поправив лямки рюкзака, пошел смотреть, что продают. «Жигули», «москвичи», «запоры»... Ни одного «уазика». Что, впрочем, было вполне предсказуемо — во-первых, кому он нужен в городе, а во-вторых, слишком уж прожорливый. Мелькнула мысль выбрать лучшее из имеющегося, но тут судьба улыбнулась в очередной раз: на рынок въехал «ЛуАЗ» и неторопливо направился в конец ряда. Подтянув лямки, я побежал наперерез, пока его не перехватили.

Успел. Постучав, влез на пассажирское сиденье и ринулся в атаку:

— День добрый, хозяин, почему машина?

— А тебе-то какое дело, парень? Неужто купить хочешь?

— Хочу. Правда, платить папа будет, но машина моя станет, на рыбалку я буду ездить.

— Ну-ну, и кто уже у нас папа? А?

— Председатель колхоза-миллионщика, вот так-то!

Тут открылась водительская дверь, и в проеме показалась усатая харя, которая с места спросила:

— Почему?

— Четыре тысячи! Машина в идеаль... — повернулся к нему хозяин вездехода, но усатая харя его прервала:

— Я вижу, в каком она состоянии. Беру!

Это очень не понравилось мне, и я сказал харе:

— Извините, товарищ, но эту машину купил мой отец. За пять тысяч, — потом посмотрел на водителя, добавив с нажимом: — Ведь так?

— Да-да, мы уже договорились! — ответил хозяин после небольшого колебания.

— Эх, ну ладно! — махнула рукой харя и, хлопнув дверью уже моей машины, удалилась.

— Ну и где твой отец? — сразу насел бывший хозяин.

Ответив, что отец ждет меня на выезде из города, попросил подкинуть за пост ГАИ и забрать деньги за машину. Понятливо хмыкнув, мужик порулил к выезду с рынка.

За постом хозяин помрачнел и принялся опасливо крутить головой во все стороны. Пришлось срочно просить его притормозить у ближайшей автобусной остановки, на которой ожидали несколько человек.

— Ну и где же твой отец?! — озадаченно спросил мужик, заглушив двигатель.

— Да нет его здесь, дядь Степ, дома он остался, но деньги дал, — достав из кармана заранее приготовленную пачку купюр, я отдал её хозяину и добавил: — Домой на автобусе уедете, а я уж тут сам. Спасибо.

— Эх, а если бы я был каким душегубцем, а?

— Получили бы пулю в живот.

Не отрываясь от пересчёта денег, Степан покосился на пистолет. Судя по выражению лица, оружие не произвело на него никакого впечатления.

— Я так понял, твой отец ничего не знает о твоей поездке? Взял деньги, пистолет и сам поехал, ведь так?

— Ну, примерно так. Машина с учета снята?

— Да, снята, пользуйся. Мне ведь сын новенькую «десятку»

подарил! — похвастался мужик, закончив пересчёт. — Они только начали сходиться с конвейера. Ох, хороша машина! Сказка!

— Дядь Степ, напомните, кому вы продали машину? — спросил я его, помахав крупной банкнотой.

Окинув меня взглядом, хитрый Степан протянул:

— Ну-у-у, если меня спрося-а-ат...

Пришлось быстро добавить еще несколько купюр. Просиявший дядька сразу затараторил:

— Я продал машину... э-э-э?..

— Мужчине лет сорока пяти, светловолосый, голубые глаза, высокий, фамилия Абрамович.

На фамилии мужик слегка запнулся, но закончил правильно.

— Все понятно? Ну, пока, дядь Степ, пора прощаться.

Пожав друг другу руки и пожелав нормально доехать до дому, мы расстались.

Всегда поражался нашему народу, каких только людей не встретишь!

Вот теперь отдых в Сочи из миража превратился в ощутимую реальность. Или в объективную реальность? Как там говорят классики, которых в это время принято цитировать к месту и не к месту? Неважно. Главное — смысл. А он меня вполне устраивал. Оставалась мелочь — дать о себе знать начальству. Для этого прекрасно подошёл телефон в захолустном заведении общепита, громко именуемом «Кафе».

Нет, внешне всё выглядело очень даже благопристойно: чистенький зальчик, отсутствие мух, а уж запахи-и-и!.. Насторожило только одно: две немолодые тётеньки в белых халатиках, как раз собравшиеся перекусить и устроившиеся за одним из столиков, почему-то не воспользовались халявой, а достали принесённое из дома. У меня тут же исчезло всякое желание пробовать здешнюю продукцию. Ограничился тем, что наменял в кассе пятнадцатикопеечных монет и направился к междугородному автомату.

— Добрый день, Анатолий Юрьевич. Надеюсь, вы меня там еще не оплакали?

— Артур, твою ма... через... на глаз натяну...!..

— Я восхищен. Нет, честно, такого даже я не слышал. Как там дела? Все живы?

— Твои все. А моя тревожная группа потеряла почти половину личного состава. Там осталась пара смертников, подорвались при захвате. Остатки группы, что тебя брали... ушли, мы уже выяснили, как они смогли это сделать. Такая гниль там полезла, эх! Ты где?

— В отпуске. Вернусь, когда он закончится, — бодро пообещал я и положил трубку.

Разговор занял меньше минуты, так что меня однозначно не засекли. Однако на бога, как гласит народная мудрость, надейся, а сам не плошай. Соваться на дороги республиканского, а тем более федерального значения не стоило — вряд ли начальство смирится с моей выходкой и будет спокойно ожидать возвращения. Наверняка озадачат работников полосатой палочки, и не исключено, что от имени конторы. Так что откупаться никаких денег не хватит. Да и пусть их. Я на это с самого начала рассчитывал, потому и выбрал вездеход, а времени хватало — почти всё лето впереди.

Заправившись на сельской заправке и прикупив на всякий случай двадцатилитровую канистру, порулил извилистыми просёлками общим направлением на юг...

Глаза уже слипались, когда попалась довольно приличная поляна в рощице у небольшого озера. Отсутствие вблизи всяких деревень и других населенных пунктов положительно сказалось на моем решении, и поэтому, загнав машину под густую крону ближайшего к водоему дерева, я стал готовиться к ночёвке. Конечно, темнота наступит только часиков так через семь, но очень уж захотелось спать.

Проснулся ночью, часа в два — мочевого пузыря настоятельно потребовал небольшой прогулки. Быстренько сбегав к ближайшему дереву и облегчив организм, вернулся к машине и, уже взявшись за открытую дверь, услышал женский крик. Если кто-то думает, что я сразу же рванул узнавать, что там происходит, то глубоко ошибается — делать мне больше нечего! Сладко зевнув и пожав плечами, забрался опять в вездеход и уже почти задремал, как вопль повторился, и не сказал бы, что там было много радости. Сердито ворча, оделся и, проверив оружие, которое тщательно вычистил перед сном, направился в сторону источника шума.

Открывшаяся картина, освещаемая костром, мне очень не понравилась.

К дереву была привязана голая девица, местами измазанная кровью, личико закрыто длинными волосами, но по фигуре — ягодка! Рядом прыгал какой-то мужик с ножом и гражданским вариантом нагана за поясом штанов. Осмотревшись, я никакого транспортного средства не обнаружил.

Интересно, это действительно маньяк или это у них ролевые игры? Решив не заморачиваться, обошел поляну по краю и вышел мужику за спину метрах в пяти, держа пистолет немного позади дулом вниз.

— А что это вы тут делаете? А? — поинтересовался детским голоском, пародируя парня из фильма.

Реакция мужика была странной, он не схватился за оружие, а медленно повернувшись и растопырив руки, неторопливо направился ко мне.

— Беги-и-и! — завизжала девчонка.

Это послужило сигналом для придурка — он кинулся на меня. Ещё одну игрушку получить захотел, что ли? Не теряя времени, чтобы вскинуть оружие, я просто приподнял дуло и нажал на спусковой крючок. Тэтэшная пуля, попав психу в колено, заставила его крутнуться и упасть на землю.

Обойдя подвывающего от боли безумца стороной, подобрал выпавший наган и, сунув его в карман, спокойно подошел к девушке.

— А ты ничё. В моём вкусе.

— Развяжи меня немедленно! — опять завизжала она.

Интересно, почему всегда, когда они так кричат, уши в трубочку сворачиваются? Я незамедлительно спросил у страдальцы, при этом развязывая ее и с удовольствием следя за колыхающимися перед лицом округлостями. И сразу, как только освободил дуре одну руку, получил хлесткую пощечину.

— За что?!

— За гляделки! — сердито ответила несостоявшаяся жертва, пытаясь дальше развязаться самостоятельно.

Вот интересно, как она к гинекологам ходит, которые мужики? Или она им тоже потом морды бьёт «за гляделки»?

Понаблюдав некоторое время за мучениями блюстительницы строгих нравов, всё же помог ей развязать второй узел и превратился в зрителя стриптиза наоборот. Дело в том, что маньяк явно не утруждал себя растёгиванием всяких там крючочков и пуговок, так что попытка девчонки спрятать достоинства... Н-да. Моё предложение оказать помощь (завязать лифчик сзади) было отвергнуто с презрительным фырканьем.

В общем, зрелище оказалось настолько занимательным, что даже мужик на какое-то время перестал стонать, отвесив челюсть и вытаращив глаза.

Когда красавица наконец-то кое-как (рубашку завязала узлом, а вот узкие, в облипochку, джинсы пришлось придерживать спереди) справилась с задачей, кивнул на снова завывшего маньяка:

— Это кто?

— Попутчик!

Я чего-то не понял.

— Подожди-ка, это ты, что ли, его подвозила?! Ха, ну у тебя и

попутчики! Хотя если бы ты меня-я-я-я подвозила, то...

— Ой, да отстань ты, а?! Лучше скажи, как милицию вызывать будем?

— На фига ее вызывать?! Отстрелить ему конечности — к утру сам сдохнет. А если еще пару пуль в живот, то еще и с мучениями.

На меня с возмущением уставились не только девица, но и активно греющий уши маньяк, который от изумления снова перестал стонать.

— Нет, сделаем так: ты бежишь за милицией, а я его посторожу. И верни мой пистолет!

— Револьвер, — машинально поправил я ее, после чего добавил, показав свой ГТ: — Ну ее, эту милицию. Еще прицепятся, откуда оружие, брату попадет, это его пистолет. Пойду я, ты тут сама разбирайся.

Кинув ей под ноги наган, немедленно скрылся за деревьями, как только она нагнулась за оружием.

— Эй, ты где?! Вернись, пожалуйста!

В голосе красотки слышалась неподдельная паника. Поэтому, вздохнув, повернул обратно и чуть не был застрелен испуганной девицей. Выбив у нее из рук наган, поднял его и сунул себе за пояс. Женщина с пистолетом хуже обезьяны с гранатой.

Обиделась. Зря я это вслух подумал.

— Так что делать будем? — спросила девчонка, облизывая губы.

Посмотрев на нее, а потом на мужика, попросил:

— А расскажи-ка ты мне все, что с тобой случилось? Очень уж мне интересно.

Рассказ был прост и незамысловат. Оксана, а именно так звали девчонку, захотела отдохнуть на Черном море и решила ехать туда автостопом.

— Понимаешь, у нас на курсе все так ездят, вот и я решила.

Дальше выяснилось, что ей двадцать один год, хотя выглядела моложе, и она учится в институте. Короче говоря, молодая и глупая. Понадеялась на полученное месяц назад оружие.

Вообще, с оружием в стране после решения нового Политбюро стало намного легче. Получай разрешение, покупай, после чего можешь либо хранить дома, либо носить с собой. Условие одно: это оружие не должно быть указано в специальных списках. Проще говоря, лёгкое стрелковое, кроме автоматического. Самозарядные карабины — пожалуйста, автоматы — уже нет. Было, впрочем, ещё ограничение: мужчинам разрешение выдавали только после прохождения срочной службы. Не служил — извини. Ты в чёрных списках. Причины не волнуют.

С военных складов тысячами единиц изымались устаревшие образцы и после небольших переделок отправлялись на прилавки оружейных магазинов. Одних только пистолетов и револьверов выставлялось на продажу более сорока видов. Так что наган Оксаны у меня удивления не вызвал. Впрочем, как и то, что она не успела им воспользоваться. Или не сумела — тут все зависит от психики человека. Не каждому, как говорится, дано.

— ...Ну вот, я уже засыпать стала, когда он остановился и посадил на переднее сиденье этого гада. Там я заснула, очень спать хотела. Проснулась от какой-то возни. Открываю глаза, а там водитель, весь в крови, на руле лежит, а этот ко мне руки кровавые тянет. Дальше я ничего не помню, только здесь очнулась.

— Ясно, ты давай следуй за мной, у меня там машина, поспишь.

Проводив девушку к вездеходу и уложив на свое место, развернулся и бегом припустил к поляне. Мужика там не оказалось. Судя по кровавым следам, маньяк как-то перевязал рану и свалил. Можно было, конечно, плюнуть на придурка — при такой кровопотере долго не живут — но своё взяла привычка не бросать незаконченные дела. Не заморачиваясь излишними предосторожностями, прошёл по следу, и тут психопат меня удивил — развернувшись на шорох, метнул нож, который я в прошлый раз не стал подбирать. Бросок получился довольно сильным, но всё же недостаточно. Во всяком случае, перехватить клинок в полёте и со словами: «Балансировка хреновая, забирай обратно», — метнуть его обратно мне труда не составило. Нож с хрустом вошел в грудь маньяка. Всё. Труп. Даже контроль делать не надо.

Подойдя ближе и постояв немного над телом, я хмыкнул и направился на поиски машины, в которой остались вещи девушки.

— Ты всегда такой? — спросила Ксанка, глядя в карманное зеркальце и поправляя причёску. В первый раз она пыталась использовать для этого зеркало заднего вида, однако получила по рукам и минут пять демонстративно дулась, пока не сообразила, насколько смешно это выглядит.

— Какой это такой? — переспросил я, загоняя вездеход в кусты и глуша двигатель.

Дорога выходила из леса на открытое место, так что требовалось осмотреться. Прихватив бинокль, немного подумал и направился на холм, как по заказу расположившийся у самой опушки.

Сзади послышался звук открываемой двери, и меня догнала Ксанка. Топая рядом, она продолжила неоконченный разговор:

— Ну, то, что было утром?!

После нашей встречи прошло уже два дня. За это время мы... хм, подружались. Проще говоря, я прыгнул к ней в постель при первой же возможности. Той же ночью, если совсем честно. Девчонке после пережитого откровенно хреново стало, так что сначала побыл жилеткой, а потом, когда поток слёз немного стих, и... утешил, короче. А вообще, на удивление удачно получилось, так что ее теперь уговаривать не надо, сама лезет и на закон не смотрит. Впрочем, другие мои женщины тоже на него не смотрели. Честно говоря, мне самому было плевать на закон: если могу, то в чем проблема? Терпеть или заниматься рукоблудием не собирался, поэтому и шлялся по бабам со всей возможной осторожностью. Благо одиноких представительниц слабого пола в городке хватало. И не только одиноких...

— Да, утро было хорошее. — Я позволил себе блаженно улыбнуться и добавил: — А на вопрос ответчу: только когда настроение есть!

Ксанка облизнула припухшие губы и, слегка порозовев, пробормотала:

— Пусть оно у тебя всегда такое будет. Хорошее.

Осмотрев поле и никого не обнаружив, мы направились обратно.

— Остановка когда будет? А то ты ходишь как-то криво. Может, перевяжем?

— Через часок на обед встанем. Хорошо? А плечо пройдет, не волнуйся.

— Ага. Ой, сделай звук погромче! Это моя любимая группа «Романтика»!

Из динамиков лилась мелодия группы «Фабрика» из будущего, вышедшая здесь под моим авторством. Прибавив громкость, я тоже с удовольствием послушал по-новому звучащую песню, а вечером, сидя у костра, спросил у Ксанки:

— Ты где собираешься жить? Комнату снимать будешь? Или, как я, дикарем в палатке?

— А с тобой, Коль, можно? С тобой интересно, много нового узнаешь.

— Что, понравился?

— Ага, прям очень. Слушай, я вот спросить хотела. Тебя действительно Николаем зовут? А то ты не всегда на имя отзываешься.

Хм, интересный вопрос. Честно говоря, имя я ляпнул первое попавшееся — так, просто по привычке скрываться — а она, смотри-ка, прочухала! Пришлось соврать девчонке, что у меня двоюродный брат есть,

тоже Николай, с которым мы лето в одной деревне проводим:

— ...вот и привык ждать, пока он первый отзовется.

Вроде прошло. Пожав плечами, Оксана хитро улыбнулась и сменила тему:

— А это у тебя откуда? — и что-то изобразила рукой.

— Что это?

Девчонка покраснела и тихо уточнила:

— Ну это! М-м-м... с женщинами где так научился?

С трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, подумал, что утренний секс для нее прошел незабываемо, если она до сих пор под впечатлением.

— Ксан, а Ксан? У тебя дети есть?

— Нет, конечно, пока нет, но будут, — ответила она с недоумением.

— Во-от! А у меня сын, два месяца уже. Так-то. Ладно, не о том речь, — быстро закрыл я тему, заметив, что девушка о чем-то озадаченно размышляет. — Нужно палатку купить, в ней будет удобнее. Завтра к вечеру море увидим. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Заедем в городок по пути, там и отоваримся. К тому же и продукты надо купить.

— Ты мужчина, ты и командуй. А тебе сколько лет?

— Тринадцать... будет! А что?

— Это в одиннадцать лет ты ребенка заделал?! Силё-он!

— Кто о чем, а ты все о своем.

— Так интересно же! Кто она? Она старше меня? Красивее?

— Эта тайна умрет со мной! — Надеюсь, изобразить страшные глаза и замогильный голос у меня получилось.

— Не скажешь? Ну и ладно! Что, уже ехать пора? А-а-а?.. — закинув руки на затылок и прогнув спину, Оксанка притворилась, что зевает.

Пришлось становиться на ночёвку раньше времени...

Заехав в небольшой город с населением так тысяч в двадцать и оставив машину на окраине, мы прошлись по магазинам. Расплачивалась Ксанка моими деньгами, чтобы не возникло вопросов.

Остановившись на ночь только поздно вечером, несмотря на откровенные намеки девушки, я разложил карту и подсчитал оставшиеся километры. Получалось, что к месту назначения доедем где-то к обеду. Прекрасно. Вот теперь можно было и к удовольствиям перейти.

— Море! Красивое, правда? А пахнет как! Ой, как хорошо-о!..

— Ты вчера ночью то же самое стонала!

— Ну красиво же?!

— Я разве отрицаю? Конечно, красиво. Только дай все-таки палатку

поставить!

Ксения убежала к воде, а я продолжил разбивать лагерь. Закончив, выгрузил некоторые вещи и отогнал машину метров на сорок, под соседнее дерево — под этим места для «ЛуАЗа», к сожалению, не хватало. А потом взобрался на небольшую скалу и с удовольствием осмотрелся.

— Красота! Лепота! — вырвалось у меня.

Все-таки с этим маленьким, скрытым от чужих глаз пляжем нам повезло. Он очень походил на тот, что показывали в фильме «Три плюс два», почти один в один. И то, что здесь кроме нас никого не было, только добавляло этому месту прелести.

Поглядев на заходящее солнце, потянувшись и поведя голыми загорелыми плечами, я направился к лагерю. На мне были только плавки, и возвращаясь от моря Ксения посмотрела на меня с явным удовольствием. Все-таки приятно, когда женщины на тебя так смотрят. Не зря потел на тренировках, стараясь развить рельефную мускулатуру. Что же будет, когда вырасту? Шварц обзавидуется.

— Пошли купаться, — предложил я с улыбкой, тоже одобрительно пройдясь взглядом по роскошному телу девушки.

— Конечно, идем! Только купальник возьму.

— Какой купальник?! Голышом!

Скинув плавки, я рванул по песку к воде, за мной с радостным визгом бежала Ксения. Подняв веер брызг, мы достигли глубины и поплыли в сторону заката...

Что ни говори, а с Ксанкой мы нашли друг друга, и поэтому месяц пролетел для нас молниеносно. Казалось бы, только установили палатку — и уже прошло двадцать семь дней.

— Мне пора возвращаться. — Девочка чуть не плакала, когда произнесла это.

Прощание длилось до рассвета, и утром, опухшие и полусонные, мы поехали к ближайшей железнодорожной платформе. Там Ксения, стрельнув глазами по сторонам, быстренько чмокнула меня в губы и заскочила в электричку, следующую в Сочи, где должна была сесть на поезд в родной Ленинград. Сжимая листок бумаги с написанным аккуратным девичьим почерком адресом и печально опустив голову, я возвращался к машине — привычный расклад закончился. Отдыхать одному? Вот еще! Жизнь даётся один раз! Во всяком случае, вторая. Потому что, если вдруг дадут ещё, она уже будет третьей.

Азартно закрутив головой, вернулся к платформе и стал искать себе жертву среди не успевших разойтись немногочисленных прибывших — спать ночью один я не собирался, слишком привык к многократному сексу.

Увы, меня ждал облом — ни одна из двух стоящих в одиночку женщин не была в моём вкусе.

Мысленно сплюнув, отправился бродить по посёлку — уже не с целью отыскать новую «грелку», а просто так. Полюбоваться природой и посмотреть на людей. Конечно, это не сочинская «Ривьера» вечером, но всё же.

Неожиданно моё настроение стало подниматься, а когда в поле зрения появилась витрина с выставленными на ней удочками, окончательно пришло в норму. Напомнив себе, что женщины — не единственное удовольствие в этой жизни, я, звякнув колокольчиком, вошёл в магазинчик со скромным названием «Всё для туриста».

Внутри было пусто, если не считать продавца еврейской наружности, внимательно разглядывавшего чучело белки. Оторвавшись от своего, несомненно, важного занятия, труженик торговли обернулся:

— Вы что-то хотите купить, молодой человек?!

— Молодой человек смотрит, ему интересно. — Не он один умеет играть в такие игры, в моём голосе издёвки оказалось не меньше.

Выбор оказался достаточно приличный. Помимо удилиц и прочих рыболовных принадлежностей, нашлось множество других полезных вещей, включая знакомые мне по будущему наборы для шашлыков — разборные мангалы, шампуры и даже мешки с древесным углем, что меня откровенно удивило. Решив, что можно устроить себе шопинг, через час я выходил из магазина довольно тяжело нагруженным. Большую часть покупок составили консервы, но были и нужные в хозяйстве вещи.

А на пляже меня ждал сюрприз. На моем раскладном стульчике сидел Селиванов и жарил что-то мясное на сковороде. Повернувшись на шум мотора, он помахал мне рукой.

— Тьфу на вас, Анатолий Юрьевич! Вечно вы настроение портите!

— Чем же я тебе его испортил? Девчонку твою не я домой отправил.

— Знаю вас, могли. Вполне могли. Ладно, шутки в сторону. Возвращаемся?

— Да, тебя ждет Романов. Но сперва поедим.

Пожаренные на сковороде пельмени мне пришлись по вкусу. Никогда не ел ничего подобного. За обедом, плюнув на поговорку «пока я ем, я глух и нем», мы обменивались информацией.

— Двоих мы взяли. Из второго управления, уже раскололись. Много

информации о тебе ушло на сторону. Один из предателей имел доступ к информации о шифре «Клен», том, что ты принес из будущего.

— Я восемь шифров и кодов знаю, приходилось сталкиваться. Хорошо, что в двухтысячном они были совершенно устаревшие и информация по ним больно-то от своих не скрывалась.

— Вот британцы, которые очень страдают из-за этих шифров, и решили перехватить тебя. Они поставили на карту все, очень много агентов задействовали, мы до сих пор за некоторыми гоняемся, и провал операции кому-то будет очень дорого стоить.

— Да это ладно, как меня-то нашли? По машине? По девчонке?

— Кстати, насчет девчонки, ты бы поскромней был, что ли? У меня наблюдатели слюной от зависти изошли, пока за тобой в течение двух недель наблюдали. Хоть бы в палатку зашли, а то у одного моего человека нервный срыв, другой две тетрадки исписал, все ваши позы зарисовывал. Книгу хочет издать.

— Две недели? Так я как раз в это время за продуктами ездил. На рынке взяли?

— Сам же ныл, что на море хочешь. Связать одно с другим труда не составило. Зная твою любовь только к натуральным продуктам, я расставил людей по всем продуктовым рынкам. Остальное — дело техники.

— Две недели, что так поздно? Все-таки отдохнуть дали?

— Приказ сверху — пока охранять, себя не обнаруживать!

— Странно, что я наблюдателей не обнаружил. Ведь проверялся.

— Так проверяться надо было не на полтора-два километра, а на шесть.

— Фигасе! Это что за оптика такая? Новые разработки?

Пережевывающий пельмень Селиванов в ответ только кивнул, после чего, проглотив, сказал:

— Через семь минут вертолет, ты пока вещички собирай.

— А машина?

— Угонят твою машину, не беспокойся.

Вертолёт прилетел точно в указанное время и доставил нас на аэродром, откуда мы транспортным «Илом» вылетели в Москву.

Устроившись на жёсткой скамье, я стал вспоминать те шесть лет, что провел в новом теле.

После того как меня полностью выпотрошили, аналитики ЦК заявили в один голос, что, если не сменить политику, развал СССР неизбежен. Это

заставило генсека задуматься. И несмотря на то что Андропова в будущем считали первопричиной развала, его все-таки позвали на малое совещание Политбюро. Честно говоря, кто там был, я точно не знаю, но совещание проходило в течение двух суток с перерывами. Председательствующий Брежнев твердо указал: «Развала Союза не допустить!» В результате было принято решение заявить о себе как о жестком и не идущем на уступки государстве.

Дела в Афганистане в это время начали более-менее стабилизироваться. Были созданы ещё несколько горно-стрелковых бригад. Их учили уже с учётом полученного опыта и моих воспоминаний, по мере готовности отправляя в зону боевых действий.

Ответом заграничных «друзей» стала массовая заброска боевиков, проходивших обучение в пакистанских лагерях. И тогда спецподразделения и военная разведка — моя родная контора — получили карт-бланш. В Пакистане начало твориться нечто странное — бои в горах и в городах, убийства гласных и негласных лидеров и идеологов духов, таинственные исчезновения иностранных инструкторов и тому подобное. Это в конце концов вывело из себя правительства некоторых особо «демократических» стран, и на наших парней началась настоящая охота, активное участие в которой приняли прибывшие из-за океана и из некоторых стран Европы специалисты.

Не знаю, почему Брежнев принял такое решение, хотя в то время я встречался с ним каждую неделю, но приказ был отдан. Наши боевые группы вернулись на базы, а охранявшие афганскую границу подразделения отошли от неё на несколько десятков километров. Так же поступила и Индия, наша союзница.

И сразу после этого семь самых крупных тренировочных лагерей получили по тактическому ядерному заряду.

Поднявшийся вой трудно описать, но он быстро стих, стоило некоторым странам выступить в нашу поддержку. И многие в правительствах США и их прихлебателей задумались, а стоит ли трогать северного медведя? Но вот в Союзе оказалось намного хуже: часть Политбюро, в основном те, кто не присутствовал на малом заседании, разоралась, что это может перерасти в Третью мировую войну. Один даже дошел до того, что в истерике чуть не матом обругал присутствующего на заседании Брежнева. И это решило все дело. Был отдан давно подготовленный приказ о снятии запрета на арест высших чиновников и парработников. Проще говоря, их стало можно арестовать и предать суду без надзора свыше. Правда, не всем, а только специально созданному отделу, подчинявшемуся напрямую генсеку. В течение суток за решётку отправилась большая часть членов Политбюро. Говорят, когда принесли список арестованных Брежневу, он, внимательно его прочитав, достал из ящика стола другой и сравнил. После чего ткнул карандашом:

— Вот этих двух товарищей у вас не хватает. Впишите!

Про это мне Селиванов рассказал. Едва не начавшаяся из-за арестов в Политбюро гражданская война трясла страну в течение полугода, но все когда-нибудь кончается, закончилось и противостояние с несогласными с новой политикой партии.

Так вот, не знаю точно, как наши парни из МИДа связались с немцами, но состоялось совещание, где кроме генсека и Громыко присутствовали представители как ГДР, так и ФРГ. Немцы сами были согласны на объединение, и поэтому обговаривались только формальности. Наши же выдвинули единственное условие — чтобы канцлером стал Эрех Хонеккер и отсутствие баз НАТО. Высокие стороны договорились очень быстро. Не знаю как, но об этой встрече не узнал никто из противников.

Дальнейшее было делом техники. В ФРГ начали сперва понемногу, потом все больше и больше говорить об объединении и что мешают этому только оккупационные войска, находящиеся на территории страны. Когда накал страстей достиг своего пика, у нас показали передачу с известным телеведущим, где он с выражением говорил, что «...СССР на стороне германцев и пойдет на все, чтобы помочь им...», при этом на заднем плане медленно проехали тяжелые тягачи, везущие ракеты. Намек был более чем прозрачный. Штаты, вспомнив недавнюю бомбардировку Пакистана, быстро сдулись и начали выводить свои войска, за которыми последовали и остальные.

Кстати берлинскую стену разрушили не полностью — оставили стометровый кусок в качестве музейного экспоната.

Дальше не случилось Чернобыльской катастрофы, война в Афганистане закончилась в восемьдесят пятом — спустя год после объединения Германии. В новой политике нашлось место и для Сталина, теперь о нем стали говорить хорошее.

Мою жизнь изменения тоже не обошли стороной, особенно если с прошлой сравнивать. Чужая семья, чужая биография, плотная охрана... Чужие песни, теперь оформленные на меня... При этом часть средств, полученных за них, переводилась моим настоящим родителям, так что они не бедствовали.

Артур Александров быстро стал очень известным и очень таинственным. Правда, некоторые догадывались — на прослушивание приходил представительный мужчина, который время от времени поправлял исполнителей, а иногда даже менял слова. А на то, что он постоянно появлялся с маленьким сынишкой, который тоже внимательно слушал, пародируя отца, никто внимания уже не обращал.

Голиков Арсений Витальевич был действительно неплохим специалистом в области музыки и мои песни подхватывал сразу. Работать с ним оказалось настолько приятно, что я даже подарил ему пару песен. Так вот, ходили на прослушивание мы с ним часто, но ни разу никто из посторонних подойти к нам не смог. Да и непосторонних, похоже, предупредили о нежелательности болтать языками. Во всяком случае, слухи о какой-то причастности Арсения Витальевича к композитору Александру ходили только в узких кругах...

— Идем на посадку, — отвлек меня от воспоминаний бортмеханик.

Когда «Ил» наконец-то замер, я расслабился. Никому никогда об этом не говорил, но летать не люблю. Как-то не по себе мне в воздухе. А первый прыжок с парашютом — еще в рязанской «Дурке» — закончился для меня мокрыми штанами.

Терпеливо дождавшись, когда откроется аппарель, мы спустились на бетонные плиты военного аэродрома. Около самолета уже ждали две машины. Мы с Селивановым сели в первую, а охрана — во вторую.

— Романов злой на тебя, так что ты с ним поосторожней. И старайся не доводить его, как ты любишь.

Повернувшись к генералу, я уточнил:

— Когда это я доводил его?

— Да постоянно! Он после общения с тобой всегда на сердце жалуется.

— Не было такого!

То, что для меня авторитетов нет, знали все и реагировали спокойно, а

вот Романов, похоже, до сих пор не привык.

Григорий Васильевич встретил нас в своей любимой маленькой уютной гостиной. Поздоровавшись, показал на два кресла напротив и предложил сесть.

— Итак, блудный сын, я смотрю, ты все-таки вернулся под защиту государства?

Я в это время крутился, стараясь устроиться поудобнее — то ли в позу лотоса сесть, то ли в свою любимую, ноги на один из подлокотников, спину на другой. Все-таки выбрал любимую, между делом ответив:

— Меня никто не спрашивал, из отпуска выдернули и сюда привезли.

— Ты все в своем репертуаре... Рассказывай все, что с тобой произошло, и поподробнее. Интересно мне.

— ...и тут я весь такой расстроенный возвращаюсь, а там — здэрастье, не ждали! Генерал сидит, пельмени жарит. Ну и меня сюда, к вам.

— Интересная история, да, очень интересная. Знаешь, Артур, что информация о тебе опять ушла на сторону?

— Просветили, — кивнул я и, посмотрев на генерала, спросил: — Это кто же такой любопытный?

— Выяснили, что это альянс нескольких стран. И охота на тебя продолжается изо всех сил, так что надо что-то думать.

— Да что тут думать? Убить меня, и всех делов!

— В каком смысле? — озадаченно спросил Романов.

— Насколько я в курсе, сейчас растет недовольство среди некоторых слоев народа, и они смотрят в сторону Запада?

— Есть такие, — подтвердил Селиванов.

— Во-от! — Мой палец наставительно ткнул в потолок. — А как народ относится к композитору Александрову?

— Да в основном даже очень хорошо. Отлично, я бы сказал. Ты входишь в тройку лучших композиторов страны, и твои песни все любят.

— Хорошо! Вот у меня какая идея...

Концерты на площадях с моей подачи стали одним из символов СССР. Сначала — на Красной, потом в ленинградском горкоме кто-то спросил: «А чем мы хуже?» — и к новой традиции присоединилась Дворцовая, потом были Минск, Киев, другие столицы союзных республик и просто крупные города. Перед общесоюзными праздниками интриги, разворачивающиеся из-за сколько-нибудь знаменитых артистов, по своему накалу зачастую превосходили извечную грызню за власть. Люди нередко

оставляли накрытые столы и выходили на улицы, несмотря на погоду, лишь бы увидеть и услышать вживую любимых исполнителей. Говорили, что в Москве прошлый концерт, посвященный Дню Победы, собрал более ста пятидесяти тысяч зрителей, которые просто заполнили не только Красную площадь, но и ближайшие улицы.

Нынешнее шоу, тоже ставшее традицией, посвящалось ежегодному вручению наград лучшим исполнителям. Певцы, танцоры, артисты разговорного жанра, вокально-инструментальные ансамбли, набравшие в течение года наибольшее число зрительских голосов, по очереди выходили на сцену, исполняли какой-нибудь номер и получали призы. Наиболее знаменитым предоставлялось время, чтобы рассказать о себе и ответить на вопросы зрителей...

— Не волнуешься? — спросил у меня Голиков, стоящий рядом.

Поправив ворот рубашки, я провел рукой по небольшим буграм на груди и криво усмехнулся:

— Нашли, о чем спрашивать! Не волнуюсь, не беспокоюсь.

— А я вот беспокоюсь. Страшно мне, — стрельнув глазами по сторонам, Голиков быстро достал из внутреннего кармана пиджака небольшую фляжку из нержавеющей стали и отхлебнул из нее.

— Вы, Арсений Витальевич, на коньяк-то не налегайте, вам еще много дел предстоит.

— Да-да, конечно, Артур, конечно!

Убрав флягу, ложный Александров вытер тыльной стороной ладони пот со лба и стал внимательно оглядываться, спокойно топчась на месте. Насколько я знал, об операции ему не сообщили. Неужели предчувствия разыгрались?

В это время ведущая объявила следующий номер, и на сцену вышла Татьяна Свержина. Мне эта певица нравилась, причём ещё и как женщина. Но, увы, случай познакомиться поближе так и не представился, а теперь возможность увидеть её настолько близко если и появится, то вряд ли скоро. Ей приз вручал ветеран Великой Отечественной со звездой Героя Советского Союза на пиджаке. И это не было исключением. Чья-то умная голова придумала, что награждать должны не только чиновники и различные деятели, но и такие вот старички, прошедшие войну и дожившие до наших дней. Совершенно правильно придумала.

— Вы следующие! — Помощница режиссёра выдернула из потёртой кожаной папки листок и сунула мне в руки. — Сейчас будет петь Кобзон, а потом вы его награждаете!

Да уж, лучший из лучших. В это время самый-самый. А так — предпоследний выступающий и последний из певцов. Как положено — под самый конец концерта. Вот и...

— Следующие мы, — потряс я Голикова за рукав.

Подойдя к лестнице, ведущей на сцену, мы попали в руки помощника режиссера. Рядом с нами стоял ветеран Великой Отечественной войны со звездой Героя Советского Союза на потертом пиджаке. Получив от помощника режиссера свой текст, он мельком бросил на него взгляд и стал с интересом следить за Татьяной Свержиной, исполнявшей одну из моих песен. Закончив петь, она поклонилась рукоплескавшим зрителям, после чего слово взял ведущий, и, объявив, какое место в конкурсе заняла эта песня, вызвал вручителя, перечислив его регалии.

Ветеран, которого уже подняли на сцену, получив от одного из работников небольшую позолоченную статуэтку и грамоту в красном бархате, прошел вперед и поздравил Свержину. Вручив все что полагается и сказав несколько слов в микрофон, он ушел за кулисы вместе с певицей. Посмотрев, как старичок вытирает пот со лба, я толкнул в спину Голикова, который замер на лестнице. Кивнув в ответ одному из осветителей, я с сильно бьющимся сердцем поднялся вслед за Арсением Витальевичем. После того как Кобзон исполнил следующую песню, ведущие объявили:

— А теперь, дорогие зрители, телезрители и радиослушатели, я объявляю, что следующим вручит награду лауреат многих премий в области культуры, композитор Артур Александров.

Я стоял рядом с Голиковым, и поэтому взгляды, скрестившиеся на нем, ему не очень-то нравились. Почти никто не видел живьем уже ставшего легендарным композитора, поэтому все жадно уставились на того, кто стоял с наградами в руке. Глубоко вдохнув, я взял из рук помрежа награды и легкой походкой направился к одному из лучших голосов Союза, который, несмотря на шок, вызванный моим возрастом, спокойно смотрел на меня. Подойдя ближе и встав рядом с микрофоном, я сказал с улыбкой:

— Поздравляю с этой действительно прекрасной наградой, и пусть вас не обойдут награды другие. Мне, как композитору, приятно вручать этот памятный подарок столь великому человеку, певцу и, я даже не побоюсь этого слова, золотому голосу СССР.

Отдав наконец эту уже надоевшую статуэтку, я закончил говорить в микрофон под десятками кинокамер, дождался, пока Кобзон поблагодарит меня и отойдет в сторону, и вернулся к микрофону. Над моим видом работали три «мордодела», как их называют по-русски, и я выглядел на все сто. Я был одет в белоснежную рубашку с расстегнутым воротом, на

загорелой груди сияла золотая цепочка. Лицо, после того как над ним поработали, стало очень выразительным, особенно после наложения теней привлекали внимание глаза.

С легкой улыбкой глядя на зрителей, которых с трудом сдерживала родная милиция, я достал из кармана листок, который мне дал помощник режиссера, и сказал:

— Мне тут позволили сказать несколько слов и даже какую-то бумажку дали. — Я помахал рукой с зажатым в ней листком. После чего, скомкав его, с улыбкой отшвырнул в сторону и, проведя рукой по волосам, добавил: — Но мне было лень его читать, к тому же у меня есть шпаргалка! — И, достав из кармана туго скрученный рулончик бумаги, отпустил его край, чтобы он размотался почти до пола.

— Сперва я представляюсь: Александров Артур Кириллович, вроде как композитор! Кстати, если у вас есть ко мне вопросы, то вы их можете передавать через оцепление, мне принесут.

Обведя внимательным взглядом зрителей, я с серьезным видом сказал:

— Если коротко рассказать о себе, то мне двенадцать лет. О, кстати, хочу сразу сказать: мне приходит множество писем, которые я действительно читаю, сразу прошу прощения у тех, кому не ответил — отвечу сейчас. Ответ на вопрос, который задают преимущественно женщины: НЕТ, я не-же-нат. Так как на самый популярный вопрос я ответил, продолжу о себе. Школу закончил с красным дипломом и золотой медалью. Сейчас учусь заочно в одном престижном университете, на втором курсе. Владею пятью языками, одним, правда, плохо, но обругать смогу.

На лицах зрителей, которые попали в поле моего зрения, замелькали улыбки. Шок от того, что знаменитый композитор — мальчик двенадцати лет, стал понемногу отходить, и меня внимательно слушали. Я заметил, что парням из оцепления передали записки.

— Что я еще могу сказать о себе? Общителен во всех компаниях, особенно в женских.

Тут меня отвлек подошедший помреж, подавший два листочка:

— А вот и вопросы подоспели! Так, первый. Тут непонятно маленько, попробую разобрать... А, ну вот, вопрос такой: «Как вы сочиняете такие красивые песни». Вопрос, конечно, интересный. Тут можно долго философствовать, но не буду. Скажу просто: специально я их не пишу, они мне приходят в голову внезапно, так, походя. И сколько бы песен у меня ни было, я буду писать еще. Второй вопрос: «Как вы относитесь к вновь созданному альянсу Европейских государств». Станный вопрос ко мне.

Наверное, от одного из представителей этого альянса или сочувствующего. Отвечу одной фразой: я к ним не отношусь. Скажу даже больше: личное отношение альянса ко мне оставляет желать лучшего...

...так, балагурия, я отрабатывал свое время, и, заметив в толпе резкий взмах руки, слегка напрягся.

Выстрела я не слышал. Только адская боль в груди. Как упал спиной на сцену, уже не помнил, и синее-синее небо поплыло перед глазами. Потом все померкло.

Пот заливал глаза, и я с трудом ушел от выпада сабли, отбив его в сторону и кувыркнувшись через голову. Ногами отшвырнул противника от себя, после чего вскочил, рванул к нему, вращая, как учили, обеими саблями перед собой, ставя непреодолимый заслон. Противник, одетый в татарский халат, встретил меня стоя, и только бледное лицо выдавало, что встреча его живота и моих ног не прошла для него бесследно. Сабли высекли искры на уровне груди, несколько взмахов — и моя сабля была выбита из левой руки. Отмахиваясь второй, я медленно отступал, ища что-нибудь для защиты. Выстоять против двурукого у меня шансов не было, тем более с моей-то практикой. Через несколько секунд и вторая сабля вылетела из руки, и острый кончик сабли заплясал у моего горла.

— Ты слишком надеялся на свои приемы, потому и проиграл! — сказал Игорь, опуская сабли.

Забрав мое оружие, мы направились в раздевалку, на ходу обсуждая ошибки.

— Артур! — окликнул меня Селиванов и махнул рукой, прося подойти.

Сказав Игорю, что обсудим ошибки позже, я, держа сабли подмышкой, направился к генералу, присевшему на скамейку около одного из силовых тренажеров. Подойдя, я поздоровался с генералом и, положив на скамью оружие, сел рядом. С интересом наблюдающий за мной Селиванов спросил:

— И охота тебе на эти железки время зря тратить?

— Интересно просто, да и скучно у вас тут в катакомбах! — уклончиво ответил я, окинув ленивым взглядом огромный комплекс тренировочного зала, имеющего размеры футбольного поля. Глянув на своды, укрепленные железными конструкциями, снизу похожими на паутину, я повернулся к генералу и спросил:

— Так что случилось-то? Я вас уже, почитай, два месяца не видел, а тут появились?!

— Похоже, они поверили. По всем источникам отдан приказ на

прекращение твоих поисков.

— Отличная новость! Эти полгода без солнца мне уже надоели.

— Не радуйся больно. Романов приказал, чтобы ты тут еще полгода побыл, чтобы уж наверняка.

— Не обрадовали! — пробормотал я задумчиво. После чего, вспомнив об Игоре и его уроках, с улыбкой добавил: — Хотя это время мне есть чем занять!

Генерал кивнул довольно, поднял с пола кожаный дипломат, похожий на те, которые выпускали для МИДа, положил на колени и открыл. Внутри оказалась единственная вещь. Видеокассета. Он протянул ее мне и сказал:

— Здесь запись твоего выступления и «гибели», а также репортажей после. Просил — получай.

Взяв кассету, я, довольный, положил ее рядом с саблями и, поблагодарив генерала за такой подарок, стал расспрашивать, что в мире творится. Так как я был полностью изолирован от информации, то мне было интересно.

После легкой разминки и душа я возвращался к себе в комнату, держа в руках кассету. Зайдя в комнату, испытал уже привычный дискомфорт от того, что нахожусь на глубине почти триста метров. Запрыгнув на диван, стоящий рядом с телевизором, воткнул кассету в кассетоприемник и нажал на «плей».

Досмотрев представление до конца, искренне восхитился работой спецов. Все как по-настоящему, и пулевое отверстие на рубашке с проступившими на ней бурыми пятнами, и брызги крови из спины, когда пуля выходила наружу, все-таки этот пиротехник со вселяющей уверенность фамилией Недоделкин все доделал правильно, несмотря на все мои сомнения. И последующие репортажи с похорон и высказывание предположений в адрес заграничных врагов, почему меня убили и за что. По Союзу стала гулять информация, что композитор Александров много сделал для родной оборонки, и поэтому его и убили противники из-за границы. По стране прошла волна тщательно отрежиссированных выступлений, где в смерти композитора обвинялся Альянс, были даже попытки нападений на некоторые посольства. Правда, нападавшим за это ничего не было. Посмотрев кассету еще раз, и еще раз, и еще раз, зевая, я направился к Игорю, моему тренеру по сабельному бою, которого я нашел случайно.

А дело было так. После того как меня как бы «убили» и привезли на этот секретный объект, про который я до сих пор ничего не знаю, я в

первый же месяц взвыл от скуки и стал искать для себя занятие. Так мне и подвернулся Игорь. Когда я пришел в тренировочный зал, он там тренировался. Меня просто заорожила красота его движений, в течение двух дней я клянчил поучить меня, и в конце концов, несмотря на все его слова, что это искусство передается только по наследству, он стал учить. И эти пять месяцев были очень тяжелыми. Пройдя мимо пары противоядерных дверей, я подошел к жилому блоку, где находилась комната Игоря. Показав бойцу на входе пропуск, я попал на территорию блока, дойдя до семнадцатой комнаты, громко постучал.

— Входи, Артур, открыто!

Толкнув дверь и перекатившись через порог, я попал в комнату. Над головой свистнула бамбуковая палка, и я, взяв в захват своими ногами ноги Игоря, сделал подсечку.

— Неплохо на этот раз, — сказал он, вставая. Подобные фокусы Игорь проделывал со мной регулярно, как он выражался: «для развития интуиции». Не знаю, что у меня там развивалось, но хорошенько врезать ему я хотел не раз.

Комната Игоря была в два раза меньше моей, генеральской. Пройдя к сиденьям, приделанным к стенам, и сев на одно из них, я приготовился слушать. Игорь как инструктор действительно был хорош, искусство сабельного боя передавалось у его рода от поколения к поколению и гармонично развивалось. Сам Игорь, несмотря на имя, был чистокровным татаринном родом из Казани, земляк, в общем. Так и летело время...

— Эге-гей! — орал я, щелкая кнутом. Дал ногами сигнал коню, и тот с места рванул прямо из речки на берег. Стадо медленно выходило из воды. Быстро окинув его взглядом, я поскакал в обход за отбившимся бычком. Загнав стадо коров на луг с сочной травой, огляделся по сторонам. Красота. Луга сверкали свежей травой, недалекие горы манили к себе блеском снега на вершинах. Любуясь пейзажем, я мимоходом бросал взгляды на стадо, уже выработалась привычка.

Да, закинул меня генерал на этот раз. Прямо к казакам, как он выразился, «там много кто железками машет, еще поучишься». Так я и стал Олегом Приходько, приемным сыном одного из жителей села. Как генерал и сказал, тут оказалось много людей, кто владеет шашкой, и умение мое повышалось день ото дня, хотя до этого, после учебы с Игорем, я считал, что равных мне нет. Были, еще как были. До сих пор стыдно вспоминать, как я с наглой миной встал напротив сухонького старичка, державшего в расслабленной руке шашку. Как он меня гонял по площадке, ой как гонял.

С тех пор я и учился у него всем приемам, которые он знал, и за полтора года очень поднатерел во владении шашкой и саблей. Дед Потам, как и я, был двоеруким бойцом.

С того дня как я посмотрел видеокассету прошло полтора года, и мне на днях исполнилось четырнадцать лет, хотя со слов местных со спины меня можно было признать за взрослого. Фигура уже почти мужская была, да и не один я из мальчишек в станице был такой. Физкультура тут была возведена в культ. В принципе, жизнь селянина оказалась интересной, не нравилось только то, что приходилось ходить в школу, чтобы не выделяться, с моими двумя высшими это было забавно.

Со стороны села появился шлейф пыли, и я, вскочив на пасущегося коня, направился навстречу. Вскоре появился мотоцикл «Днепр» с коляской, на котором сидела наша вдовушка-стряпуха. Лихо затормозив около меня, так что Ветерок попятился, и гордо окинув взглядом, она крикнула сквозь шум глушителя:

— Что, проголодался? Давай слазь, ужо накормлю!

Спрыгнув с Ветерка, я шлепнул коня по боку, отпуская пастись. Посмотрев на меня умным лиловым глазом, конь отошел в сторону.

— Что на этот раз? Опять выхлопной суп?

Отсмеявшись, стряпуха ответила:

— Нет, на этот раз революционный борщ.

Взяв протянутую миску и кусок хлеба, я приступил к еде. После плотного, с добавками, обеда, меня потянуло в сон, но я, отдав миску стряпухе, спросил:

— Так что, я вечером приду?

Не оборачиваясь, она ответила, шевельнув крутым бедром:

— Приходи, но только когда стемнеет! Дверь я открытой оставляю. Все, пора, мне еще на свинарник обед везти.

Помахав вслед красавице, подозвав коня, я вскочил на него и стал объезжать стадо. Завтра будут гонки на лошадях, надо будет потренироваться. Нет, конечно, я не сомневаюсь, что первое место мне не светит, и соревноваться с парнями, выросшими в седле, мне, севшему на коня всего год назад, нереально. Участвовал я так, для интереса.

Мои мысли прервал шум мотора. Посмотрев в сторону источника, увидел пыливший ко мне милицейский «уазик» дядьки Опанаса. К моему удивлению, он оказался не один. Посмотрев на вылезших парней, я озадачился. То, что они не так просты, было видно с первого взгляда, судя по движениям, волкодавы еще те. Как ни странно, дядька Опанас остался в машине, и только заметив начавший безвольно опускаться рот, понял, что

он мертв. Парни были метрах в пяти от меня, и, громко гикнув, я вскочил на пасшегося рядом Ветерка и понесся в сторону стада, там было мое спасение. В голове билась только одна мысль: как нашли, как?

Тихие и такие знакомые хлопки раздались почти сразу, как я вскочил на коня. Задрожав, Ветерок не успел пробежать и десяти метров и кувыркнулся через голову. Похоже, эти парни знали, как и куда стрелять. Я спокойно смотрел, как они приближаются. Внезапное падение коня не позволило освободить ноги из стремян, и тело убитого коня придавило ногу. Последнее, что помню, один из парней с едва заметным шрамом на виске брызнул мне чем-то в лицо из баллончика.

Сознание вернулось как-то рывком, я осознал себя сидящим в кресле маленького самолета, похожего на тот, который сел на Красной площади в моем мире. Да на таком можно везде сесть и взлететь. Теперь понятно, как меня вывозят из страны. За иллюминатором внизу, метрах в десяти, проносились морские волны, передние сиденья занимали пилот и один из напавших, тот самый, шрамолицый. Заметив, что я очнулся, он снова брызнул из сонного баллончика, сделать я ничего не смог — был пристегнут наручниками — и, вдохнув облачко, снова отрубился. Последней мыслью было: а если пилот тоже вдохнул?

Очнулся уже на каком-то судне. Определил это по переборкам и качке, и только некоторое время спустя понял, что качает меня, а не судно. На этот раз в меня ничем не брызгали и даже покормили, что позволило мне прийти в себя. Я не был прикован или лишен движений, но каюта оказалась заперта снаружи и не имела окон. От нечего делать, после тщательного осмотра каюты, стал разминаться. Через час я был в полном порядке, несмотря на пот, покрывавший все тело. Подойдя к двери, забарабанил в нее и нагло сказал в открывшееся маленькое окошечко:

— Душ организуйте. Помыться хочу! — после чего повторил на английском, когда понял, что меня не понимают. После кратких препирательств меня просто послали куда подальше и закрыли окошко. Понятно, доброго отношения я от них не дождусь, поэтому, намочив из кувшина полотенце, тщательно обтерся. В каюте я пробыл три дня, еда была регулярная, удобства находились тут же — я сперва не заметил ведро с крышкой. Время текло медленно, от скуки я весь отдался тренировкам, доводя себя до изнеможения. И вот, похоже, мы прибыли в порт назначения — это я определил по вибрации корпуса от резкой смены работы двигателя и гулким ударами по корпусу. Пришли за мной часа через

два и под охраной аж шести человек вывели в другое помещение. В углу я увидел стоящие носилки, укол в плечо отметил только краешком исчезающего сознания. Последней мыслью было: «Заколебали уже».

В сознание пришел сразу, не знаю, что это был за укол, но последствий я не ощутил. Продолжая лежать с закрытыми глазами, мысленно пробежался по всему телу. В районе груди, кистей рук и щиколоток ощутил чужеродные предметы, которые, после некоторых раздумий, определил как медицинские датчики.

— Вы можете открыть глаза, товарищ Александров. Приборы показывают, что вы пришли в себя.

Голос, раздавшийся со стороны моих ног, мог принадлежать только жителю Туманного Альбиона, безупречное английское произношение с головой выдавало британца. Я не стал кочевряжиться и, открыв глаза, посмотрел на говорившего. Серьезный мужик, это сразу видно, такого как-то пропала охота водить за нос, как я собирался.

Когда Гордон вышел, так он представился, я чувствовал себя как выжатый лимон. Профи по допросам, вот он кто. Пронзив его спину злым взглядом, я сидя осмотрел браслеты из нержавеющей стали, которыми был прикован к койке. Матрас подо мной был из ваты и интереса не представлял, но койка с сеткой давала хоть какой-то шанс. Бросив взгляд на видеокамеру, прикрепленную под потолком в противоположном углу, я, прикрыв телом свои действия от камеры, стал возиться с сеткой, отогнув матрас в сторону. Не то что бы мне могло что-то удался, просто хотелось посмотреть на реакцию охраны и возможные последствия. И они не заставили себя ждать, вошли двое, еще один стоял снаружи, внимательно при этом наблюдая. Меня отстегнули от койки, сбросили матрас вместе с бельем на бетонный пол и вынесли койку. Проводив их спины взглядом, я повернулся к камере и показал язык, довольно улыбнувшись и потирая освобожденную руку. Эти британцы прям как дети, на все ведутся, и сбежать я теперь не считал таким уж сложным делом.

— Я повторяю вопрос! Почему тихо умирающий государственный строй СССР полностью возродился?! Почему именно?..

У меня ломило виски, и слезились глаза от тех препаратов, что мне кололи. Внутренний голос повторял одно и то же: «Расскажи, ну расскажи». По-видимому, эти лекарства были чем-то вроде сыворотки правды, только более слабого действия. Привычно подавив силой воли желание открыть рот, я краешком сознания уловил то, что меня сильно

заинтересовало.

Гордон, сидящий напротив, уже вторую неделю вел допрос и, по-видимому, уже начал отчаиваться, раз вчера привел меня в комнату, очень похожую на пыточную, и посоветовал говорить правду, а не ту чушь, что я несу. Эти недели были очень тяжелы для меня, и только уже полностью сформированный план побега не давал упасть в пучину отчаянья, в которую так старательно пытался свалить меня британец.

— Вот вы сообщили, что развал СССР в тысяча девятьсот девяносто первом году очень сильно ударил по...

Так-так-так, эти слова, слово в слово я говорил только Андропову. Но в последнее время, после операции на почке, которую он сделал по моему совету, мы сблизились, и у нас даже зародились приятельские отношения. А после его выхода в отставку и переезд на дачу у Черного моря, он занялся семьей и собой, просто живя и отдыхая душой. Так что подлянки с его стороны я не ждал, хотя и тщательно обдумал, зачем ему это. Тут меня осенило. Денис, вот кто стукач.

«Ну су...а, доберусь я до тебя, ой доберусь! Но надо проверить».

— Многоуважаемый месье Гордон, что еще вам Шапелев наврал?

По тому, как едва заметно сузились зрачки британца, я понял, что попал в точку. Время подходит, пора. Время на наручных часах Гордона показало, что сейчас начинается смены охраны, а я был уверен, что в это же время меняются и сидящие у видеокамер. А мне надо всего-то секунду.

— Не понимаю, о чем вы, Артур?! — Британец тянул время, быстро прикидывая варианты. И я воспользовался таким блестящим моментом.

Медленно выговаривая слова и продолжая делать вид, что нахожусь под действием препаратов, сказал:

— Прекрасная возможность для побега!

— Почему? — рассеянно спросил меня Гордон, продолжая размышлять.

— Смена охраны, удобно. Правда при прорыве охраны может быть больше, но это уже их проблемы.

— И как же ты собираешься освободиться от наручников? — уже с просыпающимся интересом спросил британец.

Вопрос его я посчитал интересным. Мы сидели за металлическим столом, к которому я был прикован наручниками с длинными цепями, позволяющими мне даже почесать спину, что я неоднократно делал, затягивая время при допросах. Больше в комнате, кроме двух стульев, крепко привинченных к полу, и видеокамеры под потолком, ничего не было.

— Ну так я их открыл! — ответил я, продемонстрировав открытые наручники. В замочной скважине одного из них застряла стальная скрепка, которую я стащил при одном из допросов. Мягкая была, пришлось помучиться.

«Время!»

Открытым концом наручника я ударил не успевшего увернуться от изумления британца по горлу, что не дало возможности ему закричать. Метнувшись вокруг стола, схватил обеими руками голову Гордона и резко повернул, используя все силы, что у меня были. Послышался мерзкий, но привычный хруст шейных позвонков. Никогда не любил так убивать, только в крайнем случае. Тело со стуком упало на пол. Содрав с убитого пиджак, накинул его на видеокамеру. Подбежав обратно, тщательно проверил его карманы и ничего, кроме золотого «Паркера», не обнаружил. Вытерев липкий пот, струящийся по лицу, я постучал в дверь условным стуком, как это делал Гордон. Рывком распахнув начавшую открываться дверь, боковым ударом воткнул «Паркер» в шею стоящего передо мной охранника и, тут же выдернув, вонзил в глаз охраннику справа. Больше охраны не было, затащив обоих в допросную и добив охранника с булькающим горлом, я стал выворачивать их карманы, раздевая при этом одноглазого. Меня ждало разочарование: в кобурах были не пистолеты, как я думал, а электрошокеры с пистолетными рукоятками. Но после секундного размышления понял, что мне на начальном этапе это-то как раз и нужно.

Скинув свою одежду, похожую на больничную пижаму, я натянул униформу охранника, который был примерно моей комплекции, правда грудь у него была слегка забрызгана кровью и жидкостью из глаза, но мне было пофиг. Выходя в коридор, я надвинул кепку на самые глаза и пошел в противоположную сторону от той, куда меня водят. И только в это мгновение завывли сирены.

«На восемь секунд позже», — подумал я, бросив взгляд на часы, снятые с трупа Гордона.

Сирена не смолкала и громко ревела через динамики, закрепленные на стене. Честно говоря, сирена очень мешала, я не мог слышать шаги и разговоры находящихся за углом людей. Поэтому встреча была неизбежна, но если я ожидал нечто подобное, то две девушки испуганно завизжали и попытались спрятаться в соседнем кабинете. Их испуг ввел меня в недоумение, одет как охранник, разве что морда лица молодая. Держа наготове шокер, я побежал дальше, дергая на ходу ручки дверей. Попадались в основном закрытые, и когда одна из ручек свободно

подалась, я, рывком распахнув дверь, ушел в сторону от возможного огня. Но в помещении оказалось пусто, хотя там была еще дверь со знакомой надписью: «Осторожно — электричество».

Эта дверь тоже оказалась незапертой, войдя в небольшое помещение, заполненное шкафами с разным оборудованием, в одном из них опознал оборудование для использования видеокамер. Выяснилось это просто, по надписям на каждой дверке шкафов. Достав шокер и открыв дверцу, выстрелил внутрь и зажмурился от ярких искр, посыпавшихся из шкафчика. После чего стал последовательно опускать вниз рукоятки рубильников. На втором замолкла сирена, на четвертом погас свет в щитовой, закончив на седьмом, я рванул на выход. Темнота — мой друг родной, вслушиваясь в темноту, я крался на ощупь, вытянув руку перед собой. Вдруг рука на следующем повороте уткнулась в холодный металл. Ощупав его со всей возможной тщательностью, понял, что это огромная дверь, как в наших штабных бункерах. Сунув шокер в кобуру, стал крутить обнаруженное колесо, и после щелчка приоткрыл дверь, без труда сдвинув ее с места. В помещении, куда я осторожно заглянул, была такая же темнота, но на уровне слышимости уловил топот ботинок, который становился все отчетливей. У одного из охранников была дешевая зажигалка, и сейчас я решил воспользоваться ею, но не успел. На потолке, мигая, начали загораться светильники, освещая коридор красным светом.

«Понятно, воспользовались резервными дизель-генераторами».

Прищурив уже привыкшие к темноте глаза, я осмотрелся. Метрах в тридцати по коридору была видна ажурная конструкция, которая после некоторого размышления была признана как лифт. Звук множества шагов шел из параллельного коридора, поэтому я рванул к лифту, на ходу достав шокер и приготовившись к возможной схватке. Но на площадке было пусто, убрав пугач обратно и ухватившись за лифтовую конструкцию, полез по шахте вверх. По моим прикидкам в свете аварийных фонарей до верха было метров сто, не меньше.

«Все меня под землю упечь стараются, что Романов, что британцы, ну никакого разнообразия», — мысленно ворчал я, шустро перебирая руками и ногами по обнаруженной технической лестнице.

На середине пути наверху вдруг раздался шум, и под гудение электромоторов довольно большая конструкция поползла вниз. Если останусь на лестнице, то меня размажет, поэтому, ухватившись за какое-то крепление в стене, находящееся в стороне от спускавшегося лифта, я повис на нем, терпеливо дожидаясь, пока лифт проползет мимо. Только одного я не учел: шахта была открыта, а лифт обшит только мелкой сеткой, и

поэтому меня было видно из ярко освещенной площадки внутри лифта. Повезло в одном, трое стоящих внутри меня так и не заметили, продолжая опускаться. Облегченно вздохнув, я снова ухватился за скобы лестницы и продолжил подъем.

Наверху, на самой площадке, я обнаружил двух охранников. Заметил их, когда приподнял небольшой технический люк, в который даже мне было бы трудно протиснуться. Достав из-за пояса второй шокер, я толкнул люк головой и резко выбросил руки в направлении начавших оборачиваться на шум охранников. Целясь в открытые участки тела, нажал на пуски. К моему изумлению, оба синхронно упали на железный пол и задержались, корчась.

«Ух ты, зря я так недоверчиво относился к ним», — подумал я про шокеры, с трудом протискиваясь в люк.

Как только вылез наверх, бросился к охранникам и ухватил короткоствольные автоматы, в которых опознал немецкие MP5A3. Быстро накинув на себя всю амуницию, что была на них, и, надев каску со щитком, опустил его, чтобы лицо было плохо видно. Теперь я ничем не отличался от парней, что сейчас ловят меня. Как ни странно, никаких эмблем или надписей на форме не было, что меня слегка озадачило. Поправив ремень разгрузки и напихав в боковые карманы штанов дополнительные магазины к автоматам и к обоим «береттам», забранным у охранников, я попрыгал и двинулся было к закрытой двери. Но тут зашевелился один из охранников, решив судьбу обоих. Повернувшись обратно и на ходу доставая штык-нож из закрепленных на плече ножен, я направился к открывшему глаза охраннику.

Через минуту, вытерев нож, я осторожно открыл дверь и, осмотревшись, вышел в коридор.

— А ну стоять! — раздался крик в спину, когда я зашел в следующее с лифтовой площадкой помещение, которое, похоже, являлось пунктом охраны.

«Странно, я же осмотрел комнату, откуда он взялся?» — подумал я, спокойно оборачиваясь.

— Джек, тебе же сказали находиться на лифтовой площадке.

Видимо, по фигуре меня приняли за того сухощавого, чью форму я надел. У стены находился широкий шкаф, а за ним неприметная дверца.

«Вот почему я его не засек».

Вскинув «беретту», я нажал на спуск. Пуля, попав в бронежилет, толкнула, судя по всему старшего охранника, назад. Быстро подойдя ближе, я заглянул во вторую комнату и осмотрел ее. Она оказалась

комнатой видеонаблюдения и была пуста, только два свободных сиденья и черные мониторы. Охранник под ногами захрипел. Посмотрев на него и заметив, что он приходит в себя, я схватил его за разгрузку и втащил в комнату, после чего захлопнул за собой дверь.

Зашвырнув охранника в угол и связав руки за спиной, стал хлопать по щекам, стараясь привести в сознание. Через несколько секунд он открыл глаза и посмотрел на меня мутным взглядом. Достав нож и повертев около его глаз, я спросил:

— Где я?

«Нет, ну классно они меня развели!» — мысленно качал я головой в восхищении. Подойдя к двери в подземный гараж, осторожно выглянул. Пусто.

Со слов капитана О'Коннора, старшего охраны, пост на выезде один, и состоит он из двух солдат. Мне повезло, что сегодня выходной, работают в усеченном составе.

Осмотрев ближайшие машины, я отверг их. Тихо перебирая ногами и держа автомат наготове, крался вдоль ряда гражданских машин. То, что мне нужно, стояло отдельно, в небольшом открытом боксе. Подойдя к здоровенному бронированному «хаммеру», окрашенному в пустынный камуфляж, залез на место водителя и, устроившись поудобнее, нажал на кнопку пуска стартера. Задрожав и взревев, двигатель бронемшины заработал на холостых оборотах, выждав полминуты, я двинул вперед ручку автоматического переключения передач. Чуть дернувшись, здоровенная машина стронулась с места, оглушая эхом от работы глушителя, отразившимся от стен. Крутя руль, я вертелся по подземной парковке, пока не нашел выезд, ведущий наверх. При приближении к закрытому шлагбауму, притормозил и сунул в щель считывателя карточку капитана. Шлагбаум медленно пополз вверх. Дождавшись, когда он полностью поднимется, я отпустил тормоз и дал газу, выехав на открытое пространство. Судя по солнцу, ярко светившему с небосклона, надвигается вечер. Хорошо. Судя по рассказам капитана, выезд с постом слева. Поэтому, внаглую повернув налево, я дал газу и стал набирать скорость к выезду.

Пост встретил меня с оружием наизготовку. Помахав им, что все нормально, я спокойно притормозил, подъезжая к посту, однако парни свое дело знали туго и стволы не опустили, продолжая держать меня на прицеле. Сообразив, что тут вряд ли по-другому получится, я вывернул руль и дал полный газ. Трехтонная машина просто снесла пост вместе с

солдатами, повезло в том, что он был не бетонный. Только один успел дать очередь по лобовому стеклу, оставив на стекле две белесые точки с расходящимися в стороны трещинами. Дав задний ход, я съехал с поста, спокойно объехав его и снеся шлагбаум, погнал дальше по ровной и качественной дороге. Включив бортовую радиостанцию в режим сканера, давил на газ, с интересом оглядывая окрестности.

То, что я сумел сбежать, меня несколько не удивляло, особенно после рассказа капитана. Меня вообще всерьез не воспринимали, и моя личная охрана была не для того, чтобы предотвратить побег, а для того, чтобы я не совершил самоубийство. Основной функцией охраны была защита от опасности извне, и опасность изнутри застала их врасплох. Но так как тренировки проводили часто, то и среагировали достаточно быстро. После отключения электропитания основная группа направилась вниз по аварийной лестнице, но достигнув середины, дали свет, который я отключил. Поэтому О'Коннор и направил трех солдат на лифте. В общем, везение странная штука, а то, что мне повезло, я считал само собой разумеющимся.

В это время дорога с холма резко спускалась вниз и после поворота у маленького красивого озера, окруженного тополями, вливалась в четырехполосную автостраду. Притормозив на повороте и подъехав к автостраде, я осмотрел довольно плотно забитую дорогу. Как же, выходной, уик-энд, блин.

Я стоял и смотрел на проезжающие машины, семейные легковушки, набитые людьми, небольшие развозные фургончики, пролетающие мимо, огромные лакированные дальнобои, везущие грузы на склады, и многое другое. Пропустив рейсовый автобус, дал по газам и последовал за ним в сторону ближайшего города. Пристроившись за широкой кормой междугородника, я старался не отставать, давя на газ и продолжая слушать пойманные разговоры по радиостанции, про меня пока ничего не было. Несмотря на то что я давил на педаль газа, автобус стал медленно удаляться, и между нами вклинился какой-то парень в ковбойской шляпе, с вышивкой на черной рубашке и темных очках, управляющий роскошным белым кадиллаком с откинутым верхом и красными кожаными сиденьями.

Вдали уже были видны два знакомых невезучих небоскреба-близнеца.

Сбросив скорость, стал высматривать поворот. И, увидев развязку, обрадовался, ехать по главной улице на такой приметной машине мне не хотелось, поэтому решил сыграть с кем-нибудь в игру «махнемся не глядя». После развязки я въехал в пригород и, съехав с шоссе на территорию каких-то складов, поехал по ней в сторону города. После

складских построек, на которых лениво работали два десятка рабочих, я выехал на жилую улицу. И это мне не понравилось, белых я там фактически не видел. Не то чтобы я относился к чернокожим плохо, но я презирал их как... э-э-э... да вообще презирал их, мне не нравились их культура и песни, поведение и презрение ко всем, отказ работать и... Много чего. Я не расист, они просто мне не нравятся.

Проезжая по улицам с многоэтажными домами, построенными из красного кирпича, я поглядывал на жителей, которые с любопытством следили за мной. Десяток подростков, собравшихся у одного из подъездов, со смехом стали кидать в мою машину банки из-под пива и колы. Не обратив внимания на это, выехал через несколько минут из Гарлема, как я определил этот район, и въехал под один из мостов Нью-Йорка. Остановившись, снял шлем, положил его на соседнее сиденье и, выйдя из машины, потянулся, после чего посмотрел на пустую грунтовую дорогу и, осмотревшись, сел отдохнуть и поразмышлять.

Капитан сообщил мне о том, что я нахожусь на территории Штатов, и это стало для меня сюрпризом. Капитан знал не так много, как я надеялся, поэтому, выяснив те немногие подробности о местной охране и местности, где находится база, я ограбил его, прибрав к рукам бумажник, в котором было всего восемьдесят долларов с мелочью, после чего свалил с базы.

Еще раз с удовольствием потянувшись, я вернулся в машину и, надевая шлем, выехал на дорогу, аккуратно объехал ржавый остов какой-то легковушки и прибавил газу. Через пару километров вдоль железки мне повстречалась стоящая у обочины машина, возле которой тусовалась тройка парнишек. Остановившись перед капотом легковушки, которую я определил как старый «форд», я взял шлем и, надев его, вышел из машины. Парни с интересом смотрели на меня, не делая никаких движений. Подойдя к старшему из них, на вид около семнадцати-восемнадцати, спросил, кивнув на бронемашину:

— Поменяемся? Предлагаю форму и машину в обмен на вашу одежду и технику. Как?

Парень хмыкнул и улыбнулся в ответ. Сразу видно, по голосу определил, что я такой же пацан, а то и помоложе.

— А оружие? — кивнул он на висящий автомат на моем плече.

— Не-е, парни, пулемет я вам не дам. Так что?

— Осмотрим сперва. Джим, Тим, гляньте, что там.

Я терпеливо дождался окончания осмотра, поглядывая на парней и пристально наблюдая за небом.

— Все в порядке, нормальная машина. Только что-то с лобовым

стеклом случилось, стреляли? — спросил уже у меня парень.

Кивнув, я добавил:

— Причем эту машину сейчас очень тщательно ищут. Так что, надумали?

— Берем. А машину пусть попробуют найти, у нас есть кому ее толкнуть.

Один из парней, Тим, был одной со мной комплекции, поэтому мы быстро обменялись одеждой. Теперь я был в синих джинсах, белой футболке и черной кожаной безрукавке. Сунув сзади за пояс штанов одну из «беретт» и напихав в карманы запасных магазинов, загрузил все оружие и боеприпасы в «форд». Забрав у старшего из парней ключи, сел в машину и, с трудом заведя ее, дал газу. В зеркало заднего вида наблюдал, как парни запрыгнули в «хаммер» и, немного проехав за мной, свернули на ближайшем перекрестке.

Через полчаса я выехал на одну из городских улиц с многочисленными магазинчиками, и, припарковав «форд» с почти пустым баком неподалеку от магазина «секонд-хенд», направился туда, закрыв машину и прикрыв оружие одним из чехлов от сиденья. Вошел в магазин я под звон колокольчика, аккуратно прикрыв дверь, подошел к прилавку, за которым стоял какой-то блеклый парень лет тридцати. Осмотрев ассортимент, выложенный на многочисленных прилавках, сказал:

— Нужна сумка и еще кое-что из одежды.

Продавец молча показал рукой на сумки и одежду. Быстро подобрав себе подходящую, почти новую спортивную сумку, стал подбирать себе что-нибудь из одежды. Заплатив за сумку, шорты, пару футболок и бейсболку шестнадцать долларов, вышел из магазинчика и, зайдя в следующий, приобрел зубную пасту вместе со щеткой и еще какие-то мелочи. Выйдя на улицу, направился к машине, насвистывая на ходу советский гимн. Но довольно быстро остановился — у «форда» стояла патрульная машина, и около нее крутились двое копов.

Осмотревшись, я направился к ближайшему кафе, которое находилось за спинами у копов. Неторопливо проходя мимо «форда» и разговаривающих полицейских, наострил уши.

— ...зал, что это был Джек. Ты представляешь? Оказывается, машина была его!

— Это что, он свою дочь?!

— Да! Эксперт говорит, что он...

Дойдя до дверей кафе, я спокойно вошел внутрь и, устроившись за столиком, откуда открывался прекрасный вид на стоящих полицейских, стал наблюдать за ними.

— Вы будете что-нибудь заказывать? — отвлек меня от наблюдения голос подошедшей официантки.

Взяв протянутое меню, я быстро заказал мясо и десерт. На базе разносолами меня не кормили, и я уже стал отвыкать от свежей, не консервированной еды. Дожидаясь заказа, прокрутил в уме услышанное от полицейских. Обо мне не было и слова, обсуждали какого-то Джека, значит, они здесь по другой причине, нужно подождать.

Ожидание длилось, пока я уминал принесенный обед. Закончив, вытер губы салфеткой и, расплатившись, вышел из кафе. Полицейские уже минут десять как уехали, но мое внимание привлекло другое. Стоящая у входа в банк машина с затемненными стеклами и не заглушенным двигателем навела на некоторые мысли. Поэтому неспешной походкой перейдя проезжую часть по пешеходному переходу и остановившись метрах в десяти от подозрительной машины, я присел на корточки и стал возиться со шнурками. Сумка была полурасстегнута, и достать пистолет, который я положил сверху, труда не составляло. Через несколько секунд дверь банка открылась, и из нее неспешно вышли трое парней непримечательной внешности, один из них держал руку за пазухой, у всех троих были спортивные сумки вроде моей.

Пора. Вскочив, я сделал несколько быстрых шагов, у машины мы

встретились одновременно.

— Мне хватит и одной сумки, — негромко сказал я, ткнув стволом «беретты» в живот парня, которого я определил как главного. Остальные напряглись и разошлись в разные стороны, держа в поле зрения как меня, так и окружение.

— У вас нет шансов в перестрелке. Просто отдайте одну сумку!

Бросив взгляд на прикрытый сумкой от посторонних взглядов пистолет, парень быстро сказал, зло при этом сверкнув глазами:

— Стив!

Нехилый такой паренек протянул мне одну из своих сумок, у него их было две. Взяв ее свободной рукой, я отступил в сторону, пряча пистолет. Грабители не стали долго ждать и, попрыгав в машину, немедленно скрылись за ближайшим поворотом.

«Ну, пора и мне честь знать», — подумал я и, развернувшись в обратную сторону, направился к машине. После того как перешел через дорогу и подошел к «форду», из дверей банка выскочил парень и стал звать полицию, из-за его спины проскользнули в дверь несколько человек, которые явно были клиентами, и стали поспешно расходиться, не обращая внимания на вопли сотрудника ограбленного банка.

Хмыкнув, я открыл машину и, закинув обе сумки назад, сел на водительское сиденье. К моему удивлению, двигатель завелся сразу и, включив передачу, я спокойно уехал с этой улицы. Проехав пару кварталов, загнал «форд» в один из тупичков и заглушил мотор. Посидев так несколько секунд, стал осматривать трофеи. В сумке грабителей оказалось ни много ни мало триста двенадцать тысяч долларов, которые можно неплохо пристроить. Главная моя проблема — это отсутствие документов, я выглядел на пятнадцать-шестнадцать лет, благодаря постоянным тренировкам для поддержания формы. Так что документы вполне можно купить у местных теневых дельцов, с натягом, но я мог сойти за шестнадцатилетнего.

Так, первая задача — определиться с ночлегом и найти тех, кто сможет сделать мне документы. Выйдя из машины и вытащив сумки, я тщательно протер все, чего касался, и, подхватив багаж, направился к ближайшему скверику, из которого выходила пожилая пара.

Сквер вел в парк с красивым прудом, окруженным многочисленными деревьями. Пройдя через парк, я вышел к стоянке такси и, найдя машину позапущенней, закинул обе сумки на заднее сиденье, плюхнулся рядом, после чего сказал обернувшемуся таксисту:

— Самый недорогой мотель, который вы знаете.

Мотель оказался в каком-то грязном районе, и его вид не внушал благополучия. Клоповник, он и в Африке клоповник, однако это было то, что мне нужно. Расплатившись с таксистом, я подхватил сумки и направился к входной двери, над которой висела кривая вывеска «Кристина». Толкнул дверь и под звон входного колокольчика попал в недра мотеля. Осмотрелся: справа пустая стойка портье, впереди широкая двухстворчатая дверь, ведущая куда-то, справа обшарпанный диван. Бросив сумки на диван, я подошел к стойке и стукнул по звонку, только на трель никто не вышел, как и на последующие за ней. Вздохнув, я вернулся к дивану и, присев на драное сиденье, стал ждать, с интересом разглядывая один из стареньких журнальчиков с полуголыми девицами.

Через несколько минут я услышал звук шагов, но прежде почувствовал «аромат» общественного туалета, только после этого из двери, находящейся за стойкой, появился портье. Он был именно таким, как я его и представлял: невысокий, толстоватый, с брюшком и с залысинами. Одет в некогда белую майку, грязные шорты и в шлепанцах на босу ногу. Вскочив, я быстро подошел к нему и, стараясь не моргать заслезившимися от запаха глазами, сказал:

— Добрый день, сэр! Я бы хотел заселиться в ваш лучший номер, если можно!

Похлопав глазками и туповато глядя на меня, он сказал:

— Пять долларов в сутки и документы! — После чего протянул руку.

Вздохнув, я достал двадцатку, сдачу таксиста, и ответил:

— Документы я потерял, сэр! Но, может быть, вы меня вселите на сутки и без документов?

Глаза хряка алчно сверкнули, и, хитро глянув на меня, он стал что-то медленно подсчитывать в уме, после чего сказал:

— Мало!

Полчаса споров и криков обеспечили мне три дня проживания и лишили пятидесяти долларов, но я вселился в довольно приличную комнату, которая, похоже, считалась у них номером «люкс». Убрав сумки под кровать и заперев дверь, я принял душ, надел купленные шмотки, после чего, прихватив сумку с деньгами, в которую также положил одну из «беретт» с запасными магазинами, запер комнату и спустился вниз.

— Уже уходишь?

— Да, к другу надо зайти, подарки от родственников передать. Джим у нас в колледже учится.

— А, ну ладно!

Ключ я не отдал, оставив его у себя, и, выйдя на улицу, направился к

ближайшему вокзалу, где есть камеры хранения.

До ближайшего железнодорожного вокзала я добрался также на такси. Найдя пустую камеру, положил в нее сумку и закрыл дверцу кодом и ключом. Убрав ключ в карман шорт, который был снабжен замком-молнией, я вышел из вокзала. Осмотревшись, с удовольствием вдохнул воздух свободы и направился к ближайшей остановке автобуса, но мне повезло: попалось свободное такси. Несмотря на то что денег у меня было навалом, существовала проблема — можно сказать, стереотип мышления местных аборигенов, что такой молодой парень, как я, не может ходить со стадолларовой купюрой. Один раз это прокатило, другой раз может и не повезти, отведут к копам, вдруг украл. Поэтому, запрыгнув в такси, я попросил отвезти меня в итальянский квартал: я надеялся найти там информатора, который выведет меня на изготовителей поддельных документов. Мне были нужны права.

— Вот, парень, как ты и хотел, здесь много итальянцев живет, — отвлек меня от размышлений таксист.

Поблагодарив его, я вышел из машины и неспешной походкой пошел по тротуару, который с заметным уклоном стремился вниз, в сторону набережной. С удовольствием разглядывая дома, девушек и дорогие автомобили, я шагал вниз, насвистывая какую-то мелодию. Тут меня привлек один из магазинчиков, которые во множестве были раскиданы по улице — это оказался ломбард. Взбежав по небольшой лестнице и вдохнув аромат цветов, установленных в кашпо вдоль ступенек, я толкнул дверь и вошел внутрь.

С интересом пройдясь по помещению, подошел к конторке, за которой сидел седой и представительный мужчина. Осматривая выложенные на прилавке вещи, я стал изучать их, при этом наблюдая за хозяином. Через несколько минут понял: не то. Поэтому еще раз окинув взглядом ассортимент, остановился на часах, лежащих как бы отдельно — они сразу привлекли мое внимание. Попросив хозяина показать мне их, стал крутить часы в руках. Знакомая марка, интересно, как тут оказались командирские часы «Восход». У меня были похожие, но я их профукал, разбил при одной из операций.

— Сколько?

— Сорок долларов, парень.

Невольно присвистнув, я достал стадолларовую купюру и расплатился, причем попросил сдачу мелкими купюрами.

Заведя и подправив стрелки по настенным часам, надел часы на левую

руку, застегнув кожаный ремешок на предпоследнюю дырку. Поблагодарив хозяина, вышел из ломбарда и направился вниз, к набережной. Выглядел я беспечно, но на этот раз тщательно сканировал обстановку, и через полквартила увидел двух парней, стоящих у шикарного красного «мустанга». Немного понаблюдав за ними, я сделал вывод, что они то, что мне нужно. Судя по всему, парни кого-то ожидали. Встав в стороне, я продолжил наблюдение, но стоять мне быстро надоело. Нагло подойдя к полупустому кафе со столиками, установленными на улице, я попросил у подошедшей официантки соку и мороженое. Столик я выбрал в тенечке и, сидя, наблюдал за парнями. Через некоторое время к ним подошел паренек примерно моих лет, поговорив с ними о чем-то — причем было сразу видно, что он свой, — паренек направился к кафе, где сидел я. А что, это шанс!

Быстро дохлебав подтаявшее мороженое и прихватив недопитый стакан, я подсел к парню, который занял столик метрах в пяти от меня, причем на самом солнцепеке.

— Привет, не помешаю?

— Садись, — кивнул он хмуро, быстро осмотрев меня с ног до головы.

Приветливо улыбнувшись и отпив из стакана, я спросил, кивнув на парней у «мустанга»:

— Знакомые?

— Тебе-то что? — с еврейским прононсом спросил он меня, еще больше нахмурившись.

— Да так просто, смотрю, ты общаешься с серьезными людьми.

— Твое-то какое дело?! — уже нервно поинтересовался он, тревожно оглядевшись.

Хмыкнув, я спросил:

— Ты что, еврей?

— Да сам ты еврей, я итальянец! Понял?

— Ну, раз ты вопросом на вопрос отвечаешь, значит точно еврей! Но я не об этом. Дело у меня есть, денежное. Прогуляемся?

Через пару минут выйдя из кафе, немного успокоившийся парень с настоящим итальянским именем Джим спросил:

— Ну и чего ты хочешь, Том?

— Даже не знаю, как объяснить! Понимаешь, отец подарил мне на пятнадцатилетие машину, хорошую машину, но права?! У меня нет прав.

— Так ты хочешь получить права?

— Ну да, я понимаю, что это сложно, но уж больно хочется покататься с девчонками.

Джим на несколько минут задумался, после чего спросил:

— А деньги у тебя есть?

— Немного, но есть, друзья мне сказали, что должно хватить! Да и тебя я не забуду.

— Ладно, посиди в кафе, а я посоветуюсь с кем надо.

После чего, не оборачиваясь, парень направился вниз по улице довольно быстрым шагом.

Проводив его насмешливым взглядом, я вернулся в кафе и заказал еще два стаканчика с соком, из-за дневной жары очень хотелось пить.

Джим вернулся нескоро, но вернулся. Его сопровождал крупный мужик лет сорока, который остановился на противоположной стороне улицы. Легкой походкой перебежав через дорогу, Джим подошел ко мне и плюхнулся напротив. Отставив уже четвертый выпитый стаканчик с соком, я вопросительно посмотрел на уставшего парня.

— Нормально, можно! Идем? — ответил он на мой взгляд.

— Хорошо. Подожди, в туалет схожу, по-моему, последний стаканчик был лишний.

— Давай, только быстрее!

Зайдя в туалет — второй раз, кстати, — я закрылся в кабинке и, достав «беретту», быстро ее проверил, дослав патрон в ствол, после чего вышел на улицу. Потом мы вместе с пацаном направились через дорогу к мужику. Джим нас представил:

— Том, это... э-э-э... Сэм. Сэм — это Том. Это именно ему надо то, о чем я говорил.

Посмотрев на мужика, я сказал:

— То, о чем говорил Джим, мне нужно сегодня!

— Это будет дороже стоить! — с легким акцентом и слегка неправильно скроенной фразой ответил мужчина.

Кивнув, что принял новость к сведению, я вопросительно посмотрел на... э-э-э... Джима. Чуть помедлив, он велел мне следовать за собой, голос его был под стать внешности, чуть хриловатый, надтреснутый, сунув помогавшему мне парню полтинник, я двинулся вслед за Сэмом.

— Проходи! — открыл передо мной дверь Сэм.

Войдя в парикмахерскую, мы прошли мимо кресел и скучающих парикмахеров, из кресел было занято только одно, вокруг которого крутился худой мужик, постоянно щелкая ножницами. Пройдя в подсобку, мы спустились в полуподвальное помещение и, пройдя еще через две двери, попали в комнату, где сидел местный босс.

— Проходи и садись, парень, — показал мне рукой на стул босс. Сэм

остался стоять у двери, скрестив руки на груди. Фильмов про мафию насмотрелись, что ли?

— Итак, я слушаю.

Я быстро начал то же вранье про машину и невозможность ездить без прав. Хмыкнув, босс, который пристально изучал меня, пробормотал задумчиво:

— Врешь, не знаю зачем, но врешь.

Смотри-ка, психолог долбаный, прочухал, или это он меня на понт берет? Проверим.

— Не вру, просто немного не договорил. Кроме прав мне еще нужно свидетельство о рождении, карточка социального страхования и загранпаспорт.

Кивнув, местный босс о чем-то задумался, откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла. После довольно продолжительной паузы он назвал сумму.

«Ого, двадцать пять штук, они тут что, охренели?!»

Что я не замедлил спросить. Сволочи, оказывается, итальянцы, умеют прекрасно торговаться, и скостить цену смог немного, за полчаса торга всего пару штук.

Проблема заключалась в том, что с собой у меня было только две пачки по десять штук, причем одну я слегка раздергал. Сообщив, что требуемой суммы пока нет, но она будет, договорился о месте встречи. После чего оставив аванс, в сопровождении Сэма вышел на улицу. Вдохнув полной грудью, я неспешной походкой направился в обратную сторону, но быстро засек хвост, который и ожидал увидеть. Показав пальцем, что вижу их, остановил проезжающее мимо пустое такси и назвал адрес дома, который стоял рядом с вокзалом.

Проводив взглядом отъезжающее такси, я посмотрел на небо, в котором развелось слишком много летающей техники, и, проверяя наличие слезки, направился к вокзалу. Достав недостающую сумму и прихватив еще про запас, я направился к месту назначенной встречи, воспользовавшись услугами вездесущих таксистов.

— Вот тут остановите. Спасибо. — Расплатившись, я вылез из машины и подошел к стоящему у обочины черному кадиллаку. Постучав в затемненное окно со стороны водителя, сказал, когда оно открылось, что я «от папы Карло».

В отличие от меня, парень не усмехнулся, когда услышал пароль. Обойдя машину, я сел на свободное заднее место и, устроившись

поудобнее, стал изучать пейзаж. Водитель, мельком глянув на меня через зеркало заднего вида, завел машину и тронулся с места. Ехали мы в течение получаса в полной тишине, и, заехав в какой-то район, остановились у неприметной двери черного хода в старое пятиэтажное здание. Выйдя из машины вслед за молчуном, я осмотрел улицу, предназначенную для мусороуборочных грузовиков и тому подобной техники, после чего направился за парнем, который терпеливо дожидался меня у открытой двери.

К моему удивлению, меня не пытались кинуть или обмануть, а привели действительно в местную типографию по изготовлению фальшивых документов.

— Фальшивые документы? У нас?! Ха, да наши лучше настоящих, сам увидишь! Это тебе не те подделки, что в подворотне продают за двести долларов. Мои внесены в картотеку, — сказал, сверкнув голливудской улыбкой, курчавый парень, принимая от меня деньги.

За час, который я просидел в этой типографии на стуле, меня три раза сфотографировали и оставили дожидаться документов.

Оказывается, они не брали имена наобум, а действительно имели картотеку умерших людей и подбирали по ней то, что нужно. После некоторого колебания я выбрал из списка возможных некоего Уильяма П. Тернера, который умер в детстве, в возрасте семи лет и которому исполнилось бы шестнадцать лет. Быстро составив все документы, парни вышли в соседнее помещение, я же, еще раз пробежавшись по списку, купил еще одни права, так, на всякий случай, за который мне пришлось выложить дополнительно три штуки.

Разглядывая полученные на руки документы, я невольно в восхищении качал головой. Если оба экземпляра прав, загранпаспорт и карточка социального страхования сверкали новизной, как недавно выданные, то свидетельство о рождении было заметно потертым.

Поблагодарив парней за отличную работу, я вышел на улицу, и тот же молчаливый водитель отвез меня до ближайшей станции метро.

Через полтора часа я уже был у себя в комнате. Проверив секретки и вещи, обнаружил, что в комнате посторонних не было, после чего пройдя в душевую, принял контрастный душ. Взяв свежую газету, купленную по пути в мотель, прочел заголовок на первой странице:

«Дерзкое ограбление банка в одном из деловых районов Нью-Йорка!»

Дальше шли едкие комментарии журналиста, в которых старательно

рассказывалось об ограблении. Оказывается, было похищено два с мелочью миллиона долларов. Сообщника сейчас тщательно ищут, уже известно, кто навел грабителей, в то время как на хранение была ввезена крупная сумма денег наличными.

«Вот гады, это они мне всунули сумку с минимальной суммой!»

Повозмущавшись таким коварством грабителей, я продолжил чтение.

«А про меня-то ничего и нет. Похоже, для возможных свидетелей, я просто с ними столкнулся и, поругавшись, последовал дальше! Хорошо».

Проснулся я поздно, часов в десять дня. Приняв душ и приведя себя в порядок, я собрал вещи и спустился вниз. Пройдя мимо пустой конторки, повесил ключ на место, после чего вышел на улицу и неспешным шагом направился в сторону автобусной остановки.

На вокзале я переложил все деньги в сумку с оружием и, взяв такси, поехал на междугородний автовокзал. Пора прощаться с этим гостеприимным городом.

К моему удивлению, из города я выехал без проблем, на вокзале терся какой-то подозрительный субъект, но я, стараясь не попасться ему на глаза, спокойно вошел в автобус, не глядя на маршрут, и купил билеты на ближайший рейс.

Да и в принципе кто меня будет ловить? Полицейских напрягать они не будут, я так думаю, информация о моем розыске быстро дойдет к нашим, так что этот вариант отпадает. Скорее всего, будут искать своими силами. Силами ЦРУ.

По словам водителя, поездка должна была продлиться четыре часа, поэтому я опустил спинку сиденья и, разложив карту с территорией штатов, стал прогнозировать свой будущий путь по Америке.

«Задача у меня какая? — размышлял я. — Простая — свалить куда-нибудь подальше! Но заодно и приятное с полезным совместить можно — скажем, проехать всю Америку до Калифорнии, а оттуда — рвануть на яхте в Австралию к кенгуру! Ну или, на крайняк, — на Борнео к орангутангам... Правда, туда без прививок и не сунешься... ну и ладно. В любом случае — путешествовать так путешествовать, а то непорядок получается — попаданец, и нигде не был!»

Свой путь я проложил к Лос-Анджелесу, не к самому городу, а к соседним небольшим городам, где есть яхт-клубы. Прикинул примерный маршрут, немного подумав, все-таки решил заехать в Лас-Вегас, — а то мимо проехать и не заглянуть как-то не в моем характере, — убрал карту в сумку и, откинувшись, стал подремывать. Часа через два я проснулся и, позевывая, стал смотреть в окно, на местность, по которой мы ехали, на

машины, на... стоп!

Я заинтересованно проследил за грузовичком, который мы обогнали. Даже не на сам грузовик, а на то, что он ташил. Это был дом на колесах. А что, хорошая идея. Путешествовать с комфортом я любил, а тут такой соблазн, да почему и нет? Купить какой-нибудь грузовик-пикап и автодом к нему на прицеп. От автодома, типа автобуса, подумав некоторое время, отказался — на нем от погони не уйдешь, а здесь скинул прицеп и дави на газ. Решено, беру!

Через полчаса мы подъехали к довольно крупному городу, на въезде в который стоял плакат, оповещающий, что я нахожусь в штате Пенсильвания и въезжаю в город Джейтаун. Выйдя из автобуса и подхватив сумку, которую мне достал из багажного отделения водитель, после недолгого раздумья последовал за остальными пассажирами в кафе, около которого остановился автобус.

Зайдя в помещение местечкового общепита, я поставил сумку под столик, плюхнулся на мягкую скамью и стал ждать официантку, при этом осматривая кафе.

Сел я по привычке спиной к стене и с хорошим обзором с места, поэтому видел весь зал. Дождавшись молоденькую официантку, я сделал заказ и проследил, как она удаляется, вертя попкой. Лениво подумал, провожая ее взглядом, — причем не я один, все мужчины одобрительно посмотрели на нее: «Интересно, ей семнадцать есть?» Судя по всему, она тут подрабатывает.

Через полчаса вышел из кафе с полным желудком, к моему удивлению, повар очень хорошо готовил, и я наелся вволю.

Держа в одной руке тетрапакет с ледяным апельсиновым соком и потягивая сок через соломинку, направился по улице, придерживая висящую на плече сумку другой рукой.

Пройдя квартал, я остановил прохожего, седого старичка.

— Добрый день, сэр! Вы не подскажете, где тут можно купить подержанную машину?

— Так тебе, внучок, к Васманну надо. Но смотри, он жулик, обдерет как липку, — махнув рукой куда-то дальше по улице, довольно охотно ответил старичок.

— Да мне только посмотреть. Спасибо!

Шагая в указанном старичком направлении, я рассматривал городок. Ниче так, нормальный, вроде нашего поселка городского типа. Пройдя бакалейную лавку, я по совету старичка повернул направо и сразу же увидел стоянку с тремя десятками машин. Прибавив шаг, подошел ко

входу на асфальтированную стоянку, огороженную металлической сеткой. Из небольшого домика, окрашенного в белый цвет, вышел полноватый мужчина с располагающей улыбкой. Мне почему-то захотелось купить все машины.

— Что-то понравилось, юноша?

— Так, смотрю.

— Вот эта «тойота» просто прекрасна на ходу, не хотите испытать ее в движении?

Толстячок подвел меня к «японке», раскрашенной в молодежном стиле. С трудом сдержав смехок, я сказал:

— У меня есть легковушка.

— А что надо?

— Что у вас там дальше? Грузовички?

— А, да, четыре прекрасных грузовика. Три «форда» разных модификаций и «шевроле».

— Посмотрим...

Я облазил все грузовики, и два из них сразу забраковал — г...о. Осматривая оставшиеся «шевроле» и черный «форд»-пикап, решил проверить их на ходу.

— Ну что, мистер, прокатимся?

— Да не проблема, садись за руль.

Закинув на заднее сиденье сумку, я сел на место водителя и, повернув ключ зажигания, завел двигатель. Через десять минут загнал машину обратно, забрал сумку и забросил уже на заднее сиденье «форда», продолжая беседовать с хозяином:

— ...а я говорю — фигня это, а не ремонт! Вы слышали, как скорости включаются? Да там все разболтано!

Заведя «форд», я послушал тихо урчавший двигатель и, немного погазовав, тронул машину с места. Эта машина мне сразу понравилась, видно, что обслуживал ее специалист, и хотя ей пять лет, не едет — плывет, если можно так сказать про довольно тяжелый грузовичок.

Загнав его на стоянку, я, взглянув на цену, выставленную за лобовым стеклом, сказал хозяину, что беру.

— Да ты что — это старая цена, я ее не успел стереть и изменить. Машина стоит не десять, а двенадцать тысяч.

С улыбкой посмотрев на Васманна, я сказал, что машина г...о, и мне она не нравится, но выбирать не из чего. Возмущенно выпучивший глаза хозяин, сказал, что машина — супер и что я в них ничего не понимаю. Откинувшись на спинку сиденья, я приготовился к долгому торгу.

Оформив все бумаги, я выехал со стоянки и, побибикав на прощание, втопил педаль газа. Грузовичок я купил за восемь штук, да и то только из-за того, что платил налик, оказывается, при покупке наличными идет хорошая скидка, мог бы и больше скостить, но это бы привлекло ко мне лишнее внимание. Убрав документы на машину и права в кармашек солнцезащитного козырька, я включил радио и под старый рок-н-ролл выехал из городка.

Проехав около тридцати миль, я съехал согласно указателю к мотелю «Путник» и, остановившись у конторы, заглушил двигатель, после чего направился к стойке через открытую входную дверь.

— Номер с кондиционером, пожалуйста, — сказал я приятной на вид пожилой женщине.

— Вот возьмите седьмой, очень хороший номер.

Заплатив за сутки проживания и поставив машину прямо перед входом в номер, я перенес вещи в комнату и, заперев машину, стал устраиваться на ночлег. Включив кондиционер, направился в душ. После душа понял, что жизнь прекрасна, переодевшись во вновь купленную одежду, направился ужинать в кафе, принадлежащее мотелю.

— Привет, до следующего города не подвезешь? — спросила шикарная брюнетка, соблазнительно улыбнулась, показывая ровненькие белоснежные зубки и, чуть нагнувшись, продемонстрировала великолепный бюст, видневшийся через вырез в белоснежной майке.

«Третий номер, — профессионально определил я. — Ой, не зря я остановился здесь заправиться. Ой, чувствую приключения».

Да и действительно после побега было как-то не до противоположного пола, и, увидев эту красавицу, во мне как будто что-то включили, и я снова встал в охотничью стойку.

Показав рукой на машину, я вставил пистолет обратно в бензоколонку и, закрыв бак, запрыгнул в машину.

Брюнетка обдала меня таким будоражащим ароматом духов, что у меня восстал, если так можно выразиться. Закинув ногу на ногу, отчего и так короткая юбка еще больше задралась, красавица шаловливо засмеялась. Было видно, что мое возбуждение не осталось незамеченным. Многообещающе улыбнувшись, она откинулась на спинку сиденья и, достав из сумочки початую плитку шоколада, отломил кусок и предложила мне.

Выехав на шоссе и доев шоколад, я спросил, цыкнув зубом:

— И что же такая красавица едет одна, и так далеко?

До городка, куда ей надо, было всего двадцать миль, но я говорил таким тоном, будто мне ее везти за тысячу. Разговорившись, узнал, что ее зовут Глория и она едет к больной бабушке, мол, проведать.

«Ага, прям Красная Шапочка».

— Темнеет, доехать не успеем, может, остановимся в мотеле?

Я сразу забросил крючок, заметив знак, что через милю будет мотель. Немного поломавшись, она согласилась.

Ночь была просто прекрасна, и настолько же было ужасное утро. Дико болела голова, и сухость во рту наводила на мысль, что я очнулся с полного бодуна. Краешком сознания зацепившись за что-то, вник, что в комнате я один, Глории не было. Метнувшись к одежде, насколько позволяло здоровье, я ее тоже не обнаружил. Одежды не было, как и ключей от машины. Забыв про самочувствие, я метнулся к окну. Площадка перед входной дверью была пуста, машина исчезла. Выскочив на улицу нагишом, я громко выразился:

— Хотел приключений, мудак, так получи их! Найду су...у — урою!

Несколько постояльцев с интересом наблюдали за мной, похоже, приняв за махрового нудиста. Сморщившись, держась одной рукой за голову, я вернулся в номер, не обратив особого внимания на зрителей.

Пошатываясь, подошел к кровати и со стоном рухнул на нее. Голова просто раскалывалась, перед глазами мелькали какие-то картинки, и я никак не мог сосредоточиться на них.

«Похоже, какой-то химией траванула, тварюга, — злобно подумал я. — Б...ь, как же голова раскалывается».

Встав, я поплелся в душевую и, открыв краны на полную, стал принимать контрастный душ, надеясь привести себя в порядок. Найдя в баре бутылку бренди, выпил стакан и, зайдя в туалет, сделал «два пальца». Спустя полчаса после двух водных процедур и очищения желудка я более или менее пришел в себя и сразу озаботился оружием. Насколько помню, после того как Глория зашла в душевую, я быстро убрал оружие под матрац. Никаких предчувствий или опасений у меня не было — привычка.

Подойдя к кровати, приподнял матрац с той стороны, где я лежал, и сразу обнаружил свою «беретту» с запасными магазинами, лежащими рядом. Хоть что-то хорошее в этой ситуации.

Быстро проверив пистолет, я привел его в боевую готовность, после чего подошел к окну и осмотрел парковку, особенно меня привлекла контора, где сидел местный портье, но все было спокойно. Еще раз внимательно осмотревшись, я опустил жалюзи, вернулся к кровати, сел и

задумался.

«Что же произошло? Вписался в мотель на свое имя, помню. Как вселился, помню. Да и ночь любви тоже, хотя... Точно, девка перед сексом предложила мне стакан минералки из бара. Я же сам видел, как она распечатала бутылку и налила в стакан. Ничего бросить она в него не могла, я пристально за ней наблюдал. Так что там дальше? Я взял стакан и, не отпив, поставил на прикроватную тумбочку, после чего завалил ее, она еще вроде немного сопротивлялась... точно, я же стакан-то сразу опорожнил, как слез с нее — и после мгновенная темнота. Кинула, когда мы кувыркались? Бред. Значит, бутылка была „заряжена“ заранее».

Вспоминая прошедшую ночь, я вскочил с кровати и стал ходить из угла в угол, но толчками начинающая бить в виски резкая боль заставила меня снова плюхнуться на кровать.

«Черт, как встаю, так болит голова, а как присяду, так нормально, похоже, у меня что-то с давлением».

Взяв из бара стакан, я налил из-под крана воды, вернулся в комнату, сел на кровать и стал подсчитывать потери.

«Так, что у меня пропало? Машина марки „форд“, одна штука. Сумка с деньгами, оружием и документами, хорошо запрятанная под сиденьем. Блин, теперь из-за этой козы мне придется здесь задержаться».

Терять свои вещи я не собирался, и вернуть их считал делом чести.

Снаружи, под окнами моего номера, послышался скрип гравия. Похоже, хозяева мотеля решили сменить покрытие парковки, но полностью завершить ремонт не успели, и сейчас парковка только наполовину была покрыта новеньким асфальтом, остальное было посыпано щебнем.

Раздавшийся стук в дверь не стал для меня неожиданным.

— Мистер Уильямс, вы заплатили до утра. Или продлите, или освободите номер.

Уильямс это я, отдельные права, которые купил у итальянцев, мною использовались вовсю, как и при вселении в этот мотель. Остальные документы на имя Тернера старался не использовать.

Быстро скользнув к двери, — это вызвало бешеный перестук маленьких молоточков в висках, и холодный пот выступил на лбу, — я открыл служащему и попросил его пройти в номер, при этом приглашающе качнув в сторону кровати пистолетом.

Побледневший как полотно парень с именем «Джо» на форменной рубашке согнал презрительно-насмешливую улыбку с лица и медленно вошел. Я, прикрыв дверь, съездил ему по шее рукояткой «беретты».

Подтащив парня к кровати и прислонив к ней, разорвал простыню и связал, предварительно сняв с него одежду, хотя она и была не моего размера, но выбора не было.

Его поведение и мимика, да и то, что бутылка воды была запечатана, говорило о многом. Может, он и не сообщник, но проверить стоит.

Сходя в ванную, принес грязное полотенце для рук и, скрутив его в жгут, часть затолкал парню в рот. Парень в сознание не приходил, и я решил помочь ему, ударив ногой по щиколотке. Можете поверить, это очень больно, и удар не прошел даром.

Поставив стул напротив приходящего в себя парня, положил руки на спинку сиденья, держа пистолет наготове, терпеливо ждал.

Парень завозился и застонал, немного пошевелившись, он открыл глаза и с недоумением посмотрел на меня. После чего мгновенно сделал вид, что снова потерял сознание, при этом артистически подергал ногой в агонии. Хмыкнув, я взял со стола графин с водой и опрокинул его на парня. Но никакого результата это не принесло, он только слегка поморщился, и нога стала подергиваться активней.

Еще раз хмыкнув, я, отключив от питания ночной светильник, стоящий на прикроватной тумбочке и резко выдернув из него провод, зубами зачистил жилы, скрутил их и, разведя в разные стороны, спокойно воткнул вилку обратно в розетку.

— Знаешь, парень, за то, что ты помогал этой Глории, я тебя особенно и не виню. Ты только расскажи, где мне ее найти, — и мы разойдемся миром.

Подергивание ногой стало каким-то задумчивым, но парень продолжил играть в героя.

— Ну и ладно. Тебе же хуже.

После чего приложил оголенные провода к мошонке Джо.

Эффект был поразительный. Выпученные глаза и красное лицо с пробившимся на нем крупным потом, а также настоящие судороги и мычание сквозь кляп показали, что Джо все-таки вышел из «комы». Да и паленым мясом сразу запахло.

— Ну так как, будем говорить?

Парень активно закивал, со страхом следя за проводом в моей руке.

Выдернув кляп, я помахал рукой, разгоняя дым, и спросил:

— Давай, недожаренный, рассказывай, я слушаю!

— Это все она, она... — всхлипнув, начал он.

Повесив на ручку двери табличку с надписью «не беспокоить», я

направился на ресепшен.

Пистолет, засунутый за ремень, тянул своим весом штаны вниз, поэтому моя походка была слегка скособоченной, и я постоянно поправлял штаны. Попытка положить оружие в карман успехом не увенчалась, поскольку со стороны казалось, будто у меня эрекция. А мысль завернуть пистолет в полотенце и спокойно дойти до рабочего места портье мне пришла только тогда, когда я вошел в служебное помещение. Проведя рукой по висящим на крючках ключам от номеров, я прошел в дверь за стойкой, где находилось место отдыха работников мотеля, подошел к шкафчику с надписью «Джо» на двери и, открыв замок, код которого я узнал от хозяина, осмотрел вещи. Взяв с верхней полки бумажник, пересчитал наличные.

«Хм, триста баксов, неплохо. Однако продолжим».

Скинув рабочую одежду, я быстро надел цивильную, состоящую из джинсов и белой футболки. И если футболка была более или менее впору, то штаны мне оказались велики, но, завернув их снизу, решил, что пойдет. Взяв с полки ключи от машины Джо, я вышел из помещения и, прихватив с конторки журнал регистрации, направился на улицу и подошел к пыльному серому седану «шевроле». Солнце было в зените, поэтому на улице никого не было, и я, беспрепятственно сев в машину, спокойно выехал с парковки на шоссе. Ехал я в небольшой городок, который находился от меня в двенадцати милях. Именно там жила Амалия, она же Глория. Развалившись на сиденье, стал вспоминать допрос, учиненный мной ее сообщнику.

— Хм, значит я у вас третий? И как же вы потом избавлялись от свидетелей?

— Да после того как они побывали в руках Амалии, то...

Забавно придумано — получается, девка находит богатенького клиента, засветившего свой бумажник, и, используя свой шарм, привлекает его в этот мотель. После чего опаивает химией, которую приготавливает Джо, и, обобрав клиента, сматывается. А клиент утром попадает в руки Джо, и тот, смотря на его поведение, ведет себя соответствующе: то есть или наваривается на том, чтобы отвезти голого клиента до дома, или отговаривает вызвать полицию, аргументируя это тем, что администрация мотеля за подобные случаи ответственности не несет. Два раза у них прокатило, как и со мной, хотя не до конца.

— ...а насчет вас никакой договоренности не было. Амалия сказала, что просто попросила вас довести ее и никаких планов она не строила, но вы

сами привезли ее в наш мотель! А дальше...

Вот б...во, это что, я сам ее на это толкнул? Зашибись! Но все равно найду и... грабить себя я не позволю никому.

Выяснив все подробности, которые мне были нужны, я избавился от парня. Свидетели мне были не нужны. Знаю, жестоко, но к подобным людям я всегда отношусь несколько предвзято, или они или я.

Сделал просто: выдернув вилку, примотал скотчем оголенные провода к ноге, после чего спокойно воткнул вилку обратно и вышел из номера, не обращая внимания на бьющееся на полу тело.

Блин, неужто профессор прав, и у меня мания по поводу мести? Как он там сказал? Вроде так: «В случае если вас, Артур, кто-то обидел, то вы не успокойтесь, пока не исполнится месть в том смысле, в котором вы ее понимаете». М-да, похоже, все-таки он был прав, если судить по тому, что сейчас произошло в номере. Мне было просто невыносимо от того, что он будет топтать землю после того, как участвовал в моем ограблении. А, ладно, там дальше видно будет, прав был профессор Васильев или нет.

Повернув, я съехал с шоссе и продолжил движение по второстепенной дороге, которая вела к нужному мне городку.

Джо и Амалия были жителями Стэктона, небольшого городка, и учились в одной школе, так что теперь я знал о ней все.

Девица была из самой настоящей криминальной семьи, и теперь понятно, в кого она пошла, но до убийства пока не доходила. Зато ее четыре старших брата, по предположению Джо, грабили дальнобойщиков, но точно он не знал. Поэтому, въезжая в Стэктон, я внимательно присматривался к немногим жителям, попадавшим на улицах. Заметив магазин с одеждой, я припарковался и, осмотревшись, зашел в него. Через двадцать минут вышел на улицу, полностью переодевшись в новенькую одежду, а то та, что принадлежала Джо, была мне великовата и спадала, особенно ботинки.

Почувствовав недовольство пустого желудка, заехал в маленькое кафе, плотно поужинал и, оставив машину в соседнем квартале и тщательно протерев места, где я касался металла, прогулочным шагом направился к нужному дому, поглядывая на краешек заходящего за горизонт солнца.

Попасть в дом было проще некуда. Как только погас свет, я выждал для верности полчаса, спокойно прокрался к черному ходу, благо собаки у них не было, и, разбив стекло при помощи тряпочки, которую приклеил к нему купленным клеем, аккуратно убрал осколки и открыл дверь.

Оказался на кухне. За два часа наблюдений я уже примерно представлял себе планировку дома, и понял также, что моей машины в

гараже нет.

Подойдя к обеденному столу, я аккуратно отодвинул стул, сел и, положив на стол пистолет, стал ждать, крутя в руках кухонные ножи, найденные на месте. Я как раз проверял балансировку третьего, как появился первый «клиент».

Мужик лет под пятьдесят, в одних трусах, спустился со второго этажа, потирая спину и зевая, направился к холодильнику и, достав бутылку с молоком, с шумом начал пить. Похоже, это глава преступного клана, и, если судить по рассказу Джо, который работал у них на подхвате, еще тот ублюдок. Поэтому нож ласточкой пролетел и вошел в спину пившего молоко отца Амалии.

За три часа у меня в подсобке скопилось три тела, когда наконец послышались легкие шаги и знакомо скрипнула дверь туалета. После того как послышался шум спускаемой воды, в кухню проскользнула девушка и, взяв из холодильника сок, стала пить.

— Не подавись, красотка!

Эффект был противоположный, видно, сок пошел в не то горло, и, закашлявшись и обрызгав стену, она повернулась. Включив настенное бра, я позволил ей разглядеть себя, и, судя по тому, как она вздрогнула, — узнала сразу.

— Эрик, папа, все сюда! — взвизгнула она речитативом.

Теперь в этой особе не было ничего похожего на ту красотку, что я встретил вчера. Разозленная фурия, стоящая передо мной, могла бы сняться в фильме про ведьм, причем без всякого грима. Сверху послышался шум и топот ног, вниз спускался средний брат Амалии, Эрик, последний, кроме девушки, еще живой член семьи в доме.

— Амалия, что случилось? — взволнованно спросил вбегающий на кухню бугай, держа наготове дробовик.

Амалия молча ткнула в меня рукой. Бугай был нужен мне живой, поэтому, мгновенно скользнув к нему, я пробил несколько ударов: в плечо, чтобы отсушить руку, в горло, в солнечное сплетение. И когда он наклонился от удара в живот, мощно ударил сомкнутыми руками по затылку.

Вскрикнув, девчонка попробовала убежать, но я быстро догнал ее и, уворачиваясь от царапающих рук, попытался связать, но Амалия, извернувшись, все-таки успела полоснуть меня ногтями по лицу.

«Ну су...а, сама напросилась».

Сломав ей руки, я связал стонущую девушку и отнес к братцу, которого тоже стал связывать. После чего, подхватив дробовик и проверив его, еще

раз пробежался по дому и осмотрел его. Все, как в обычном доме, вряд ли они что-нибудь тут прячут, значит, у них есть вторая «малина», где они хранят все награбленное. Будем интересоваться, благо есть у кого.

Выдернув кляп у Амалии и глянув на пришедшего в себя парня, я задал ей вопрос:

— Где машина и мои вещи?

— Да пошел ты! Знаешь, что братья сделают с тобой? Сперва кастрируют, потом... — Мне быстро надоело ее слушать, поэтому, заткнув кляп на место, я подошел к парню и, вынув кляп, спросил уже у него:

— Ну а ты тоже будешь играть в молчанку?

Усмехнувшись и скосив взгляд на мычавшую Амалию, которая, похоже, продолжала перечислять, что со мной сделают, ответил:

— Ты, парень, даже не знаешь, куда влез! Лучше беги, а то хуже будет!

— Так ты, Эрик, рассчитываешь на помощь отца, так он мертв! — Посмотрев, как они оба задергались, я на всякий случай воткнул кляп парню обратно и добавил: — Как и остальные. В живых в доме только вы! Да-да, не смотрите на меня так, человеколюбием я не страдаю, и отца, и мать, и племянника вашего двенадцатилетнего тоже в расход пустил. Таких тварей, как вы, нужно стирать с лица земли.

— А ты? Тебя же земля носит? Ты хуже нас! — выплюнув изжеванный кляп, просипела девушка. — Все равно тебе конец, да и не верю я тебе.

Хмыкнув, я взял девчонку за шкирку и поволок ее по полу, который покрывали многочисленные капли крови. Когда я ее безвольную притащил обратно и бросил рядом с братцем, то они обменялись взглядами. Подождав минуту, я снова спросил, выдергивая кляп у Амалии:

— Так где моя машина и вещи?

— Ублюдох, ты умрешь страшной смертью! — сразу же зашипела она, как мясо на сковородке.

— Ну никакого понимания ситуации, — пожаловался я Эрику и снова воспользовался кляпом.

Встав, я подошел к стене, где у хозяйки висели всякие приспособления для готовки, выбрал нож с широким лезвием, даже не нож, а скорее маленький тесак, после чего вернулся к пленникам и, присев рядом с парнем и глядя прямо в глаза Амалии, с улыбкой резким ударом отрубил ее брату ногу ниже колена, отчего девка в ужасе зажмурилась.

«Ого, классный топорик, с одного удара. Черт, а ведь профессор был прав, месть может дойти до чего угодно».

Из дома я вышел, когда на горизонте появился краешек восходящего

солнца, неся на плече здоровенную сумку, набитую оружием и деньгами, правда, не моими, но теперь я их тоже считал своими, как трофеи. Зайдя в гараж, сел в «гранд-чероки», а потом поехал по тихой улице к выезду из городка. Ранчо, где обитали братья, находилось в сорока милях отсюда. Заодно выяснилось, что младший брат уехал на моем «форде» в один из гаражей, где они толкали угнанную технику, самое забавное, что мои вещи под сиденьем они так и не обнаружили.

«Ладно хоть права вернул, уж не знаю почему Амалия их сохранила, но спасибо ей».

Полный допрос прояснил ситуацию, что произошла со мной. Оказывается, семейка ограбила инкассаторский броневик, который перемещался из одного города в другой, как они это провернули — не суть, но разъезжались по отдельности, как и Амалия. И то, что я попался ей тогда на заправке, просто перст судьбы какой-то, а не случайность. Девчонка и правда хотела доехать со мной до дома, а получилось что получилось. И сейчас, крутя на повороте обшитый кожей руль новенького джипа, я жал на педаль, надеясь успеть в гараж до того, как обнаружат мою сумку. Посмотрев на зеркало заднего вида, увидел столб дыма, поднимающегося над деревьями и крышами домов, после чего, прибавив газу, выехал из городка. Честно говоря, на то, что обнаружат трупы с признаками насильственной смерти мне было начхать, попробуй узнай, чья это работа. Я вообще был зол на америкосов за мое похищение и жалеть их не собирался. Нет, конечно, к мирным жителям Штатов никаких претензий у меня не было, однако я полностью был согласен с поговоркой «Не буди лихо, пока оно тихо». Тронул — умри.

Слушая рок-н-ролл по радио, я на полном ходу подъехал к большим воротам немаленького склада, который был переоборудован под автомастерскую. Нажав на сигнал, стал ждать.

В воротах открылась дверца, и из нее выглянул подросток моих лет с измазанным маслом лицом. Я выпрыгнул из машины и, улыбнувшись, спросил, подходя к парню:

— Как там моя машина? Черный «форд»-пикап?

Парень открыл было рот, но уже влетал в глубь мастерской от моего удара. В левой руке я держал браунинг с глушителем, поэтому беспрепятственно вошел в помещение и быстро огляделся. Выстрелив лежащему парню в грудь, прошел дальше, маневрируя между машин. Их в мастерской было шесть.

— Генри, что там?

Выйдя на голос, я прострелил любопытному колени и, осмотревшись, подошел к катающемуся и воющему на бетонном полу мужику.

— Сколько вас еще тут?

— А-а-а-а, у-у-ы-ы... двое, я и Генри! — ответил мужик.

— Где остальные?

— Выходной, все дома!

Приставив пистолет к его паху, я с нажимом сказал:

— Не ври мне, машин на парковке три, а вас двое!

— Это машина клиента. Нам сегодня подогнали новую, и мы были вынуждены ее выгнать.

— Хорошо, сейчас проверю!

Пробежавшись по мастерской, свой «форд» я не обнаружил, впрочем, персонал тоже. После чего, вернувшись к мужику, постучал глушителем по остаткам колена, вызвав новые стоны.

— Где черный «форд»?

Бросив на меня затравленный взгляд, мужик ткнул пальцем в стену и сказал, что там замаскированная дверь. Похлопав его по плечу, я трусцой подбежал к стене и, обнаружив защелку, открыл обе створки и сразу увидел задний борт своей машины. Осмотрев потайное помещение с тремя машинами, я выгнал «форд» на улицу и, проверив сумку, вернулся в гараж.

Выходя, перезарядил опустошенный магазин, убрал оружие в поясную кобуру, подошел к «чероки» и тряпочкой прошелся по машине, стирая отпечатки пальцев. Закончив все дела, сел в свой родной «форд» и направился на ранчо. Сумма, озвученная Эриком, участвовавшим в захвате инкассаторов, впечатляла, давала мне возможность развеяться, чувство мести во мне уже утихло, и я жаждал наживы и приключений, как говорится, экспроприируй экспроприируемое. В принципе я уже сожалел, что убил обоих техников в гараже, мне они не мешали, разве что могли предупредить своих, но подумав, только махнул рукой — что сделано, то сделано.

«М-да, укрепление, — подумал я о ранчо, разглядывая его в бинокль. — Судя по всему, парень, сидящий на силосной башне, это снайпер и часовой в одном флаконе».

В бинокль я высмотрел только шесть человек. Среди них я смог определить только двоих из братьев, остальные были обычными работниками ранчо. Убрав бинокль в чехол, я по-пластунски пополз обратно, и как только меня закрыл холм, встал и перебежками достиг зарослей кустарника, куда загнал машину.

«Посмотрим на вкусняшки, — подумал я про оружие, хранившееся ранее в тайниках в доме Амалии. — Так, сорок тысяч американских рублей, уберем их к остальным деньгам в мою сумку. Дальше дробовик и сорок семь патронов к нему. Две „беретты“ вроде моих, только эти с глушителями, и по три магазина к каждой, плюс еще патроны в картонных коробках. М-м-м? Триста штук плюс мелочь. Браунинг я уже скинул, избавившись от него по дороге, но патроны к нему остались, пусть будут. Ну, и самое ценное — короткая снайперская винтовка для спецподразделений по борьбе с терроризмом. Судя по черному цвету — полицейская, и к ней глушитель и первоклассный прицел. Вот ею и поработаем».

Место выбрал просто отличное, вся ферма просматривалась с моей позиции так, что я был уверен, никто не уйдет. Пристроив винтовку, взял бинокль и стал наблюдать.

«А вон там и там мертвая зона. Если кто-нибудь там засядет, будет кисло. Ну, где же вы? Выходите, я вас буду немного убивать».

Тут, к моему удивлению, послышался шум многих двигателей, и парень на силосной башне, замахав руками, лег на площадке и открыл огонь по противнику — по кому, я не видел, мешал другой холм. В ответ на стрельбу сразу же взвыло множество сирен, и вот показалась пара

полицейских машин. Остановившись, не доезжая до башни сотню метров, из них выскочили по двое полицейских, после чего они открыли огонь по парню на башне. Под их прикрытием проскочили еще три патрульные машины и фургон. Глядя на выпрыгивающую из него группу захвата, я понял, что мне тут ловить нечего и нужно убираться подобру-поздорову.

Подхватив винтовку, я по-пластунски пополз обратно, после чего, пригибаясь, побежал к машине. Убрав разобранную винтовку в сумку и спрятав ее под сиденье, быстро сел в «форд» и сорвался с места.

«Валим-валим-валим нахрен отсюда. Блин, еще бы немного, и я бы попался, вот свезло так свезло».

Выкрутив руль, въехал на дорогу, и, дав газу, стал разгоняться по шоссе до положенной скорости.

«Как бы облавы не было. Так и влипнуть недолго».

Мое внимание привлекла заправка, даже не она, а автомастерская рядом с ней.

«А что, это шанс, все равно фаркоп переделывать хотел, а то у меня какой-то несуразный. Решено, зависнем тут на пару часиков», — думал я, выворачивая руль к заправке.

Остановившись у колонки, я вышел из машины и спросил у подошедшего работника заправки:

— У вас мастерская работает? А то у меня тут кое-что заменить надо.

— Что именно?

— Вот фаркоп. Слабенький очень, а мне нужно помощнее!

— А, ну это не проблема, у нас с подобными проблемами частенько останавливаются, так что запас имеем. Вы зайдите к хозяину, он как раз в конторке находится, там и договоритесь.

— Ясно, спасибо! — поблагодарил я и, повернувшись, направился к зданию.

— Бензин-то вам залить?

— Да, конечно, полный бак.

Зайдя в контору, я даже зажмурился от удовольствия, встав под струю кондиционера, и постоял там несколько секунд, и только потом заметил, что за мной с улыбкой наблюдает седой негр, наверное, хозяин заправки и мастерской.

— Добрый день, сэр! — обратился я к нему. Похоже, сэрканье ему понравилось, поэтому он, благожелательно показав рукой на стул перед его столом, предложил сесть.

— Что вас привело к нам, молодой человек?

— Да тут, понимаете, я купил автодом, а фаркоп на моей машине

несколько слабоват. Вот и хотелось бы поставить побольше и укрепить его.

— Понятно, ну пойдём посмотрим! — сказал негр и, легко вскочив из кресла, направился к двери.

Заправщик уже залил полный бак и сейчас загонял «форд» задним ходом в бокс. Похоже, он не сомневался, что мы с хозяином договоримся.

Осмотрев машину и составив смету, с которой я согласился, механики приступили к работе, отвлекаясь только на то, чтобы заправить подъезжающие машины, но дело двигалось.

Сидя в конторе и развалившись в кресле, я кайфовал в охлажденном воздухе. Честно говоря — эта жара меня уже порядком достала.

Звук подъехавшей машины отвлек меня от просмотра новостей, которые я смотрел по телевизору, щелкая пультом с канала на канал. Выглянув через жалюзи, увидел полицейскую машину, остановившуюся у входа. Как раз один из полицейских направлялся к конторе, а другой к боксу, откуда были слышны звуки ударов и шипение сварки.

Я решил не дожидаться, когда коп подойдет поближе, и, опустив со лба на переносицу солнцезащитные очки, открыл дверь и сам вышел наружу.

— Добрый день, — приложил он два пальца к своей белой ковбойской шляпе. — Помощник шерифа Шендер, кто вы, что вы тут делаете и где старый Сэм?

— Здравствуйте, я Джим Уильямс, у меня машину ремонтируют, вот сижу жду, когда закончат!

Коп проверил мои права, а особенно дату выдачи, — похоже, мой возраст ему показался завышенным, — однако вернул их и, опять козырнув, направился к боксу, около которого стоял старый Сэм и о чем-то беседовал с другим копом.

Пожав плечами, я направился за ним спросить у негра, не закончили ли они.

— Нет, парень, еще минут двадцать — и будет готова твоя красавица.

В это время подъехала шикарная машина с женщиной за рулем, и старый Сэм крикнул внутрь бокса:

— Дик, у нас клиент, обслужи его.

Мимо меня пронесся давешний парень и, подлетев к девке, стал заправлять ее машину.

— Я посмотрю, что вы уже сделали, ладно?

— Да-да, конечно! — отошел в сторону старик, пропуская меня.

Осмотрев почти доделанный фаркоп, я вышел на улицу, полицейские в это время как раз отъезжали вслед за женщиной. Проводив их взглядом, я повернулся к старику и сказал:

— Я подожду завершения в конторе, там прохладно!

Кивнув, старик вернулся к работе, а я направился в контору смотреть телевизор.

— Принимай работу, парень, — отвлек меня от созерцания конкурса красоты Сэм, зашедший в контору. Мысленно выматерившись, я последний раз прошелся взглядом по шикарным фигурам, повернулся и последовал за негром.

— Ну как? — спросил меня хозяин, когда я закончил осматривать проделанную работу.

— Шикарно, спасибо. Давайте рассчитываться?

— Да, пойдём в офис!

Хмыкнув, я потопал за стариком, расплачиваться.

Через полчаса, пообедав на сто сорок долларов, я уже удалился от мастерской километров на двадцать пять и решил поесть, как раз подошло время ужина.

Припарковавшись на стоянке рядом с грузовиком-рефрижератором и заперев машину, я направился к придорожному кафе с яркой вывеской. Обернувшись на заходящее солнце, осмотрев стоянку, я толкнул дверь и вошел вовнутрь. Легкая куртка, накинутая на плечи, не давала разглядеть у меня на поясе кобуру с пистолетом, но все-таки немного оттопыривалась, поэтому, стараясь не привлекать к себе внимания, я уселся в дальний угол, из которого открывался прекрасный вид на все пространство кафе. Посмотрев на сидящего рядом парня, с аппетитом уплетающего гамбургер, невольно сглотнул, и желудок недовольно заурчал от вкусного запаха, витавшего в помещении. Именно в этот момент подошла официантка с блокнотом наготове.

— Слушаю вас, что будете заказывать?

— Дежурное блюдо и...

Быстро продиктовав ей, что хочу, я стал разглядывать соседа, которого определил как водилу-дальнобоя. Тот как раз доел ужин и сейчас пил кофе, жмурясь от удовольствия. Подумав несколько секунд, я вежливо к нему обратился:

— Извините, что отвлекаю, можно мне задать вам вопрос, который крайне меня инте...

— Да задавай уже, что хочешь? — перебил водила и, отпив еще кофе, вопросительно на меня уставился.

— Меня интересует, где можно купить или арендовать автодом.

— А, решил провести отдых в путешествии?

— Да, сэр!

За две минуты он выложил все стоянки, где можно заполучить то, что мне нужно. Поблагодарив его, я, вдохнув аромат хорошо прожаренного мяса, приступил к принесенному ужину.

«Картошечка с котлетой, мясное ассорти, салатки и стакан с мороженым, вот что мне нужно», — мысленно облизнувшись, подумал я.

Через полчаса, включив фары, я уже ехал дальше. Повернув регулятор громкости на полную и подпевая певице, что-то орущей по радио, я ехал вперед, где светлая полоска на горизонте становилась все меньше и меньше.

«О, вот и мотель, что-то долго было до него ехать, официантка сказала — за полчаса доедешь, а я почти час пилил».

Утро встретило меня шумом мотора на парковке. Перевернувшись на другой бок, я постарался отключиться, но у меня не получилось, этот гад все гонял и гонял двигатель на холостых оборотах.

«Блин, гад, шесть утра всего! — выверился я, посмотрев на часы. Закрыв голову подушкой, постарался снова отключиться, и это мне почти удалось, когда двигатель вновь взвыл. — Урою тварюгу!»

Вскочив, я подлетел к окну и, открыв его, посмотрел на улицу. У коттеджа напротив стоял древний рыдван, в котором я узнал прародителя своего «форда». Машина стояла ко мне боком, и в двигателе возился, повернувшись задом в мою сторону, какой-то старый пердун. Только я было открыл рот, чтобы высказаться, как дверь соседнего номера распахнулась. Из нее вышел здоровенный мужик и так прошелся по старику, что я заслушался. Судя по «харлеям» у входа, этот хороший, можно сказать, отличный мужик был байкером. Кивнув с благодарностью и не слушая извинений старика, я вернулся в кровать и заснул сном праведника.

Через некоторое время я проснулся от... Конечно же от звука громко работающего двигателя. Схватив часы, я свирепо посмотрел на них.

«Он что, считает, что в семь утра будить постояльцев это нормально? Ну, пердун, ты меня довел!»

Вытащив из-под кровати сумку, что побольше, расстегнул ее и стал собирать винтовку.

«Щас ты у меня попляшешь Щас тебе станет очень плохо», — мысленно бормотал я, стиснув зубы от злости.

Прикрутив глушитель и выверив по меткам прицел, приоткрыл окно и, положив ствол на подоконник, чуть выдвинул глушитель на улицу.

Немного потренировавшись, я отошел в глубь комнаты и, устроив ствол на спинке стула, прицелился.

«Да че он там все лазит? Даже я слышу, что движок в норме!»

Перекрестья прицела скользнули по спине и немного опустились вниз. Несколько секунд подержав прицел на тощем заду, мечтая нажать на спуск, двинул перекрестья дальше.

«Ждем, ждем, вот он отходит, и!..»

Глухо пукнул глушитель, слабое эхо прошлось по комнате. Быстро подобрав отлетевшую гильзу, я закрыл окно и, опустив жалюзи, которые были приподняты на десять сантиметров, чего мне вполне хватило, стал разбирать винтовку, после чего убрал ее в сумку, которую вернул обратно под кровать. Включив кондиционер и вентилятор, чтобы очистить комнату от запаха сгоревшего пороха, я завалился на кровать и под стук засбоившего двигателя спокойно уснул сном праведника.

Проснулся я сам, встав и приняв душ, стал одеваться. После чего открыл дверь, вынес и уложил в машину сумки, прошел мимо большого масляного пятна, вытекшего из разбитого бронебойной пулей картера — машины старика уже не было. Хмыкнув, я прошел в здание администрации и, вернув ключ от номера, направился к машине, еще раз с удовольствием посмотрев на лужу.

«Не хрен было меня доводить. Вот теперь мучайся!»

Выехав с парковки, я подъехал к повороту на шоссе и, пропустив красный минивэн, поехал за ним.

«Так как там говорил дальнобойщик? Поворот налево после этого городка, а поворота все не... а, вот он!»

Через некоторое время я подъехал к стоянке, где были видны сотни автодомов, дальнобоев и отдельных грузовиков без прицепов.

Подъехав к воротам, остановился и спросил у вышедшего охранника:

— Извините, как мне пообщаться с хозяевами этих прицепов?

— Проедешь туда, повернешь направо и увидишь белое здание, там у них офис.

— Спасибо!

Действительно, следуя указанием охранника, я остановился у здания офиса, хотя я бы не назвал этот домик из пластика зданием, дунешь — улетит.

Постучав, я вошел в холодное нутро офиса. Из другой комнаты выглянул приятный на вид парень лет тридцати.

— Что желаете?

— Я хотел бы прикупить один из ваших прицепов, это возможно?

— Какой вас интересует, на сколько мест?

— Тут нужно судить по машине, как потянет, выйдем?

— Давайте посмотрим!

Мы вышли на улицу и подошли к «форду», менеджер профессионально стал осматривать машину и фаркоп.

— Вполне пойдет, нужно осмотреть вон тот ряд, там выбор очень большой, почти семнадцать видов автодомов.

Скрип-скрип — именно этот звук я услышал, когда лег на кровать.

— Ну нет, это что, все будут слушать, чем я занимаюсь? Давайте другой.

Мы вышли из автодома, в принципе он меня устраивал, но мелкие недостатки в планировке сводили мой интерес на нет. Этот прицеп был шестым забракованным мной. Подойдя к следующему, я терпеливо стоял рядом и ждал, пока менеджер, представившийся Люком, откроет дверь, ища ключ в одной из связок.

— Вот отличный интерьер и отделка, посмотрите сюда, и вы увидите... — стал он привычно рекламировать товар. Вздохнув, я проверил все, что мне нужно.

«А что, вроде ничего, все нормально. Нужно проверить!» — решил я сразу, как только осмотрел все, до чего мог дотянуться.

Проверка заняла почти два часа, но автодом я купил.

— Вправо, нет-нет, чуть левее, так... так, еще немного... все готово! — крикнул Люк, защелкивая сцепку.

«Ни фиги себе, это что, я буду всегда так кого-нибудь просить? Думать надо, думать. Может, бабу завести? А что, хорошая идея — и развлечение в дороге, и повар, и помощник. Точно, надо подумать!»

Расчет и оформление много времени не заняло, расплатившись, я сел в «форд» и, включив скорость, тронулся с места.

«Ого, а ведь груз чувствуется, и на повороте чуть заносит. О, и тормозить надо учиться заново».

Притормозив перед поворотом, я повернул направо и, неторопливо разгоняясь, поехал по шоссе к ближайшей специализированной стоянке автодомов, ориентируясь по карте, которую купил у Люка.

Проехав огромную дамбу, я въехал в небольшой городок и остановился у светофора. Рядом, оглушая меня ревом мотора, остановился здоровенный джип красного цвета, его открытый кузов и кабина были набиты мужиками, которые с ухмылками наблюдали за мной. Водитель, подмигивая своим пассажирам, стал еще больше газовать и смотреть то на

меня, то на светофор, явно предлагая рвануть наперегонки. Он что, мудака, прицепа у меня не видит?

Насмешливо посмотрев на него поверх сползших на нос солнцезащитных очков, я средним пальцем демонстративно вернул очки на место. После чего, посмотрев на светофор и заметив, что загорелся зеленый, спокойно тронулся с места, оставив шокированного соперника на месте вместе с хохотавшими пассажирами, но через пару секунд он меня обогнал и, не обращая на меня внимания, помчался дальше. Выехав из поселка, я поехал дальше, скоро будет стоянка, судя по рекламке, находится она рядом с озером и заповедным сосновым бором.

Но до поворота я не доехал. Оглушая сиренами, меня попросила остановиться патрульная машина, незаметно подкрадываясь сзади. Этим-то что еще надо?! Ехал же с положенной скоростью?!

Припарковавшись у обочины, я посмотрел в зеркало заднего вида на остановившуюся сзади машину. Из нее вышел полицейский с дубинкой в руках. Сунув ее в петлю на поясе, он направился ко мне, а второй, сидевший на пассажирском сиденье, остался на месте.

Вещун, не дававший покоя уже часа два, взвыл еще громче. Неприятности я чувствовал уже не носом, а совсем другим местом.

Пропустив пролетевшую мимо легковую машину, коп подошел к моей двери и, постучав в закрытое окно, сказал, когда я немного опустил стекло:

— Офицер Том Бредли, ваши права, документы на машину и прицеп.

Взгляд, вот что мне не понравилось в нем — слишком настороженно-опасливый и изучающий.

«Что за черт? Вычислили? Или это из-за Амалии?»

Похоже, полицейскому, изучавшему мои документы, что-то не понравилось, он резко сделал шаг в сторону и вбок к передку машины. Это и решило их судьбу.

Заметив, что Бредли резко дернулся, его напарник выскочил наружу с дробовиком, направил его на мою машину и стал обходить ее с противоположной стороны.

Бросив быстрые взгляды на обоих, я незаметно взял «беретту», лежащую между сиденьями, выстрелил через лобовое стекло в Бредли, после чего открыл дверь и, скатившись на асфальт, два раза выстрелил по конечностям его напарника, которые видел под машиной. Как только он упал, добавил в корпус. Так как пистолет был с заранее навинченным глушителем, то стрельба была беззвучной.

«Ну, суки, что им от меня надо?!»

Сперва я затащил в автодом Бредли, а потом и его напарника.

Выскочил, подошел к патрульной машине и, сев на место напарника, просмотрел ориентировку, закрепленную на планшете. Вот в чем дело! Они ищут черный «форд» с похожим описанием. Номеров свидетели не запомнили, но машину и мой вид описать смогли, хотя и с неточностями. То-то Бредли меня разглядывал с сомнением, похоже, прикидывал, я это в ориентировке или не я.

Выйдя, посмотрел на потеки крови, оставшиеся у машины, когда я затаскивал трупы в автодом. Вот уроды, весь салон мне загадят. А, ладно, вот только что мне с машинами делать? Нужно избавляться от обеих, чем дольше их будут искать, тем лучше.

От машин, как и от автодома, несмотря на душившую жабу, придется избавиться, по ним меня вычислить ничего не стоит.

Решения избавиться от трупов я не изменил и быстро занялся этим делом, отогнав патрульную машину за лесопосадку, оставил ее там и, вернувшись за своей, перегнал ее туда же на малой из-за прицепа скорости.

«Ну и куда мне их девать? — озадаченно чесал я затылок, поглядывая на машины. Решение пришло быстро, как только вспомнил про озеро, находящееся неподалеку от стоянки, куда ехал. — А что, вполне реально, тем более там упоминалось, что оно глубокое!»

Но, открыв карту, заметил, что рядом есть еще один водоем, то самое водохранилище, по дамбе которого я недавно проехал.

Прикинув маршрут, я достал из «форда» сумки и положил их в салон полицейской машины, после чего занялся грязным делом, перетаскивая из прицепа трупы и укладывая их в багажник их же машины, а затем поехал на ней к воде. Путь у меня занял почти полчаса, но я нашел то, что нужно, и с удобным спуском и резко уходящим на глубину дном. Далее все было сделано довольно быстро. Спрятав сумки в прибрежных кустах, немного разогнав машину и встав на порог, стал крутить руль как мне надо, и когда до обрыва осталось метра три, прыгнул на землю и с интересом стал наблюдать за падением полицейской машины с трехметровой высоты.

И машина оправдала мои ожидания. С шумом обрушившись в воду, она несколько секунд продержалась на поверхности и, благодаря заранее открытым окнам, тихо булькая, ушла на глубину.

«Одна готова, пойду за следующей!» — подумал я, поглядев на мелкие пузырьки, поднимающиеся со дна.

Путь обратно занял часа три, и вернулся я к месту затопления патрульной машины уже в полной темноте.

Пулевое отверстие в лобовом стекле сильно мешало, но я смог нормально доехать до берега. Притушив фары и оставив габаритки, вышел

из машины и стал искать другой спуск, который приглядел заранее. Наконец увидев дерево с раздвоенной верхушкой, которое росло рядом с водой, погнал машину туда. После чего принял душ, используя дизель-генератор для насоса, оделся в свежую одежду, а затем, осторожно подъехав к самому краю, дал газу и спрыгнул на землю. В тишине ночи плюх машины в воду по звуку показался мне орудийным выстрелом. Подождав, пока машина и прицеп полностью скроются под водой, я дошел до кустов и, переложив содержимое моей небольшой сумки в большую трофейную, закинул сумку в воду, предварительно накидав в нее камни.

«Куда идем мы с Пятачком?» — подумал я, осмотревшись, после чего зашагал через поле в сторону восхода солнца.

Ночь встретила меня на пустынной трассе, на которую я вышел час назад, но к моему удивлению, по ней за это время так никто и не проехал.

«Спят, наверное, это я один тут шатаюсь!»

Потирая слипавшиеся глаза, я шагал вперед, изредка перекидывая сумку с плеча на плечо.

«Похоже, кто-то едет. Будем тормозить? Или спрячемся? Наверное, лучше спрятаться».

Я отошел на обочину и взгляделся в слепящие меня фары, стараясь определить, копы это или гражданские.

И только когда до меня осталось метров двести, понял, что это дальнобой, поэтому вскочив, я замахал руками, стараясь привлечь внимание. И привлек. Скрипя тормозами, грузовик остановился, проехав от меня метров на сто дальше. Подхватив лежащую на обочине сумку, я побежал к кабине.

Открыв дверцу со стороны пассажира, я спросил, куда он едет.

— Канзас-Сити, парень, причем я тороплюсь!

— О, отлично, мне туда же, вот повезло, правда?

— Садись, будешь развлекать меня, чтобы я не заснул, а то я за рулем уже восемь часов, и очень спать хочется!

Залезть в кабину труда не составило, к моему удивлению, напарника у водилы не было. Спросив почему, получил ответ:

— Заболел он, вот и кручусь один, другого быстро подобрать не смог, и пришлось ехать одному.

Познакомившись друг с другом, мы травили байки и слушали радио. Когда начало рассветать, мы уехали из того штата, где я завалил копов, на довольно приличное расстояние. Поэтому когда Джек повернул к мотелю, я не стал возражать, и, воспользовавшись документами на имя Тернера,

вселился по соседству с Джеком, сказав, чтобы он меня не забыл разбудить, когда поедет дальше, после чего принял душ и лег спать.

Стук в дверь с трудом вывел меня из приятного сна. Зевая, я подошел к двери, на всякий случай держа наготове пистолет, после чего спросил, кто там.

— Это Джек, поднимайся, завтракаем и едем дальше.

— Сейчас выхожу.

Быстро умывшись, я вышел из номера и, пройдя в кафе, поел вместе с Джеком, после чего, сходяв за сумкой, залез в кабину грузовика, и мы поехали дальше.

В Канзас-Сити мы въехали поздно ночью, но меня это не смутило. Попрощавшись с Джеком и пытаясь всучить ему деньги, которые он не взял, мы расстались на одной из улиц.

Подхватив сумку, я, оглядываясь, последовал дальше по улице, с интересом крутя головой. Вокруг, кстати, было довольнолюдно, и это несмотря на поздний час.

Пройдя закрытые магазинчики и увернувшись от бежавшего куда-то сломя голову парня, подошел к группе девушек.

— Доброй ночи, леди, не подскажите мне недорогую, но хорошую гостиницу?!

Одна из девушек, в которой я определил старшую, поправив руками грудь и соблазнительно проведя по ней руками, томно спросила:

— Мальчик не хочет развлечься? — Ну точно путаны, как я их и определил.

Покачав головой, ответил:

— Мальчик хочет просто выспаться. Так как?

— Жаль, много теряешь, но ладно, вниз по улице спустишься и там увидишь гостиницу, довольно приличную, кстати.

— Спасибо, леди, — поблагодарил я девушек и направился в указанном направлении.

До гостиницы мне пришлось идти дольше, чем я рассчитывал, поэтому зайдя на ресепшен и подойдя к стойке портье, ударил по звонку. Мне пришлось проделать это не один раз, пока из подсобки не вышел пузатый заспанный мужичок, но в приличном костюме.

— Здравствуйте, я хотел бы к вам заселиться на пару дней.

— Какой номер нужен?

Ответив, что хороший, я последовал за портье, который даже не попытался сделать вид, что хочет взять мою сумку и донести ее.

«Чаевых он у меня точно не получит!»

Мельком осмотрев номер, проверив, как работает сантехника, я выпроводил ожидающего чаевых портье в коридор и, не принимая душ, завалился спать.

Несмотря на стук, несколько раз раздававшийся в мою дверь, выпался я просто замечательно. Приняв душ и одевшись, вышел из номера и осмотрелся. А ничо так интерьерчик для недорогой гостиницы!

Озадаченно почесав затылок и пожав плечами, подошел к дверям лифта и нажал на кнопку вызова. Хотя меня и заселили на втором этаже, но спускаться по лестнице я поленился, да и зачем, если есть лифт? Спустившись на ресепшен, где сидел уже другой портье, спросил его, как пройти в ресторан.

Получив указания, я неспешно направился туда, шаркая на ходу шлепанцами, которые надел на босую ногу. Подтянув сползающие шорты, осмотрелся у входа.

«Действительно довольно приличная...» — слегка озадаченно подумал я, вспомнив слова девушки о гостинице.

Сидящие за столиками дамы и господа, одетые в светскую одежду, вызвали у меня недоумение. Озадаченно повернувшись к администратору, стоящему за конторкой, я спросил у него:

— Извините, а что это за отель? Что? «Хилтон»? В каком смысле «Хилтон»?!

«Вот я идиот, это как надо было хотеть выспаться, что даже не заметил, в какой отель меня вселили. Ну зараза, классно девка надо мной подшутила, ха, „довольно приличная“, а я и повелся. Блин, я же за номер не платил. Или платил? Черт, не помню!»

Вздохнув, я спросил:

— У вас есть свободный столик?

То, что свободные были, я видел, но они могли быть заказаны. Узнав, что есть, попросил проводить меня. Снова подтянув сползающие шорты, я направился вслед за администратором к столику, проходя мимо всяких напыщенных снобов.

«Смотри-ка, не нравится им, что я в ресторан в шортах и майке приперся, ну ладно, сами напросились!»

Сделав заказ официанту, который подошел вслед за нами, я стал осматривать зал, при этом вытягивая шею, демонстративно заглядывал в декольте некоторых дам.

Поев со всеми спецэффектами вроде отрыгивания и демонстративных выплевываний не понравившихся кусков бифштекса, я встал и направился

к портье, вытирая на ходу рот рукой.

— Я хотел бы узнать насчет оплаты за номер и ресторан.

— Да, конечно, мистер Тернер. Вот, пожалуйста! — развернул он ко мне монитор компьютера. После чего добавил: — Мы стучались к вам, но вы ругались матом и посылали куда-то... извините, я не понял.

«Во б...я, ну ни х... себе, это же сколько денег?! Крепко же я влетел!»

— А почему стучались? — спросил я.

— Наш сотрудник не взял с вас денег за проживание, а у нас стопроцентная предоплата.

— Ясно, спасибо, я через час выселяюсь, приготовьте полный счет.

— Хорошо, мистер Тернер, будет сделано.

Отойдя от стойки, я подошел к лифту и встал рядом с дамочкой, которая что-то выговаривала своему мужу. В этой даме узнал ту, что бросала на меня самые злобные взгляды, когда я вносил диссонанс в их светское общество в ресторане. Подойдя, прислушался:

— ...это просто невозможно, Генри, мало того что этот... этот... не умеющий вести себя в обществе молодой человек испортил мне весь аппетит, так еще и хлеб оказался пережаренный, это справедливо, по-твоему?! Я решила, мы будем подавать иск на отель!

Тут она заметила меня и замолчала, брезгливо сощурившись. После чего заговорила на французском, отвернувшись от меня:

— И еще этот твой новый партнер уехал в Россию, а если он договорится с этими дикими отвратительными русскими? И вся прибыль уйдет к нему?

В это время створки лифта открылись, выпустив из него постояльцев и впусив нас.

«Отвратительные русские? Ты, коза старая, еще не знаешь, какими мы можем быть отвратительными!»

Как только дверцы закрылись, и мы втроем поехали наверх, я дал волю своему желудку от распиравших его газов.

После того как эхо перестало скакать по стенкам, а дама из красного цвета стала медленно зеленеть, я весело сказал, ни к кому не обращаясь:

— Что-то я, похоже, съел не то!

Лощеный господин, прикрывая лицо платком, судорожно бил по кнопкам управления, стараясь остановить лифт и выйти на свежий воздух, чтобы хоть немного глотнуть кислорода, но все кнопки, на которые он нажимал, были не те.

Откинувшись спиной на стенку лифта и скрестив руки на груди, я с интересом за ними наблюдал, по моему лицу блуждала легкая улыбка.

«Не знаю, какой будет день, но утро точно замечательное!»

Наконец важный господин, с которого за эти несколько долгих секунд слетел весь лоск, попал куда надо, и створки медленно поехали в стороны. С рычанием ухватившись за створки руками, он стал раздвигать их, не дожидаясь, когда они полностью откроются. А вот выйти он не успел, дама уже почти потеряла сознание и полусидела на полу, хотя мне показалось, что хитропопая дамочка просто присела, чтобы продышаться, как известно, у пола воздух свежее и чище. Так вот, не успел он открыть створки, как отлетел в сторону от низко стартовавшей жены.

— Чего это она, а? — поинтересовался я у лежащего на полу мужа дамочки, его легкие работали, как мехи. Так и не дождавшись ответа от полузатоптанного мужика, выглянул наружу.

— А? — На меня удивленно смотрела женщина лет тридцати.

— Всегда хотел посмотреть на корриду, — ответил я ей, после чего, ногами вытолкнув из лифта мужика, с отличным настроением поехал вниз. Выйдя на своем этаже, зашел в комнату и стал собираться. Прихватил и полотенца, потому как знал о том, что их вносят в оплату на случай воровства, и вышел из номера.

Спустившись вниз и поставив сумку, я попросил счет к оплате, доставая деньги. Через несколько минут вышел из отеля и сел в такси, которое по моей просьбе остановил швейцар, и поехал на поиски других гостиниц.

Хорошую гостиницу с нормальными постояльцами подсказал мне, понятное дело, таксист, он же повез меня туда, но, когда мы проезжали мимо железнодорожного вокзала, я попросил его высадить меня там.

«Надо еще больше запутать следы. То, что по моему следу не идет никто из сыскарей — не верю. Поэтому-то и будем прыгать с места на место».

Ближайший поезд шел в Феникс, то, что мне надо, там до моря рукой подать, полдня на машине. По крайней мере, по карте было именно так.

Билет я взял в двухместное купе, закинул сумку на багажную полку и, устроившись у столика, стал наблюдать за народом, шастающим туда-сюда по перрону. В это время дверь открылась, и в купе ввалился плотный парень нехилого телосложения.

«Ни фиги себе гора, интересно, он в борьбе сумо не участвует?» — подумал я и незамедлительно озвучил свой вопрос.

Парень оказался с юмором и ответил с улыбкой:

— Нет, я только участвовал в конкурсе «Кто больше съест». Хотя, помнится, я участвовал в одной борьбе: сел как-то случайно на одного

юмориста. Надо было видеть, как он боролся, когда пытался выбраться из-под меня.

— Все понял, замолкаю, не хотелось бы выглядеть раздавленной лягушкой. Билл! — представился я, протянув руку.

— Алексис! — ответил на рукопожатие парень.

— Вот и познакомились! — звонко хлопнул я по коленям. — Алексис, друг мой десятиминутный, а не пора ли нам подкрепиться, как сказал один великий сказочный персонаж?

— Я всегда за. Идем в ресторан?

— Конечно, куда еще, или у тебя с собой? Нет? Жаль! Ну, потопали! Интересно, дверь запирается? Или так и бросим купе открытым?

Выяснилось, что запирается. Мы сходили за проводником, который закрыл наше купе на ключ, и только тогда потопали — я легкой походкой, а Алексис тяжелой — в ресторан.

— Ну, Алексис, как говорится, за знакомство! — произнес я, опустошив стакан с гранатовым соком, после чего поставил его на столик и впился в горячее мясо, разложенное на тарелке. Тщательно пережевывая мясо, — как известно, хорошо пережеванная пища упрощает работу желудка, — посмотрел на кислого Алексиса, с тоской смотревшего в окно и ковыряющегося вилочкой в тарелке с каким-то салатиком. Проглотив мясо, я сострадательно спросил:

— Что, совсем нельзя? Может, хоть на один язык?

— Диета, нельзя мне.

— Хм, ты слышал, что хорошего человека должно быть много?

— Нет, не слышал, но все равно нельзя.

Я наколол на вилку один из нарезанных кусочков мяса и стал вертеть им перед носом Алексиса.

— Съешь, ну съешь, чуешь, как он пахнет? — Мой голос понижался, и я стал говорить потусторонним голосом: — Ну съешь, перейди на сторону тьмы.

— Да ну тебя, Билл, с твоими шутками! — оттолкнул мою руку Алексис.

Пожав плечами, я положил кусок себе в рот, и, жуя, спросил, глядя, как Алексис доедает свой салатик:

— Слушай, друг мой большой, а ты спортом занимаешься?

— Нет, мне тяжело! — удивленно посмотрел на меня Алексис.

— Понятно, а ты займись! Найди опытного инструктора и займись, а там через год-другой будешь таким же, как и я, воблой сушеной.

— Я подумаю, спасибо.

— Да ладно — это бесплатный совет... О, Алексис, смотри, какие девочки, пошли познакомимся! — Вскочив, я схватил его за руку, однако туша даже не сдвинулась с места.

— Не, я не умею.

— Чего? — Я удивленно сел на место. Посмотрел на него, на девушек, обратно на него и спросил с подозрением: — Ты что, девственник?

— Я предпочел бы не отвечать, — буркнул красный как рак Алексис.

Смотря, как тот краснеет, я покачал головой и спросил с недоумением:

— Тебе сколько лет, чудо?

— Двадцать два.

— М-да, удивил. Ладно, все бывает в первый раз, пошли. Ты, главное, стой и молчи, говорить я буду.

В Феникс поезд прибыл через сутки, строго по расписанию. Алексис вышел раньше, и мы тепло попрощались друг с другом. Все-таки и среди американцев встречаются хорошие парни. Редко, конечно, они встречаются, только среди простых американцев. Работяг.

Выйдя на перрон, я направился к выходу, собираясь взять такси, однако их не было, более шустрые успели до меня, разобрав все машины.

— Ну что за несправедливость, везде тебя стараются обойти! — пожаловался я статуе индейца, стоящей у парадного входа вокзала. Однако индеец почему-то промолчал, глядя вдаль. Посмотрев на трубку, которую он держал в руке, я понятиливо кивнул: — А, шмаль, ну ладно, кури дальше. Привет братьям в мире фантазии.

После чего подошел к толпе таких же пассажиров, как и я. Положив сумку под ноги, осмотрелся, какая-то тетка что-то выговаривала рядом стоящему мужику на редкость противным голосом. Посмотрев на ее телеса, я подхватил сумку и отошел метров на десять.

«Ну ее, случайно двинет локтем — и перелом, интересно, как с ней муж справляется?»

Еще раз бросив рассеянный взгляд вокруг, я резко повернулся и, подхватив сумку, постарался затесаться среди толпы.

«Черт, меня что, вычислили?»

Я снова посмотрел на знакомого парня, который, к моему расстройству, пялился прямо на меня.

«Ну точно, шрамолицый, только без баллончика, и он меня к тому же заметил!»

Шрамолицый был не один, а с двумя парнями на серой неприметной машине, и сейчас он как раз, искоса глядя на меня, что-то говорил одному

из них, причем вид у шрамолицего был донельзя изумленный.

«Судя по его роже, ждали они не меня, во попал! Все, надо валить, пока не поздно!»

Схватив сумку и боковым зрением отслеживая противников, я зашагал в сторону парковки.

«Надеюсь, свидетелей там будет не так много, как здесь, не хотелось бы устраивать перестрелку среди обычных людей!»

Обернувшись, я посмотрел прямо на шрамолицего, который торопливо следовал за мной вместе с подручными.

Как таковой перестрелки не было. Как только они выскочили из-за угла, то я кинул им под ноги одну из светошумовых гранат и произвел три точных выстрела, два на поражение и один только чтобы ранить. Выйдя из-за новенького «мерседеса», за которым укрывался, и подойдя к парням, быстро собрал их оружие и убрал в сумку.

Похлопав по щекам шрамолицего, я попытался привести его в чувство, однако он не приходил. Похоже, пуля в плечо хорошо вышибла его сознание.

— И что мы будем делать? — спросил я самого себя вслух. — А будем мы сваливать, причем прихватив «языка»!

Встав на ноги, я стал осматриваться, чтобы выбрать себе одну из машин.

«Хм, а чем этот „мерс“ плох?»

Подойдя ближе, я отказался от этого вида транспорта по той причине, что эта модель мне не понравилась, нужно что-то потяжелее.

Удивительно, но никакой паники не было, похоже, звонкий хлопок гранаты приняли за стрельбу глушителя автомобиля, про пистолет я вообще не говорю, так как стрелял, используя глушитель.

Только на той стороне стоянки на меня с удивлением пялилась пожилая парочка. Улыбнувшись, я помахал им рукой. Старушка сразу же заулыбалась и стала махать в ответ, отчего моментально получила затрещину от мужа. Схватив ее за руку, он поволок старушку прочь.

«Валить ведь надо, и побыстрее!» — думал я, оглядывая стоянку. На той стороне была видна будка охранника, но, насколько я видел, она была пуста.

«Ну да, обед же».

Тут мой взгляд зацепился за капот какой-то машины, скрытой корпусом микроавтобуса. Схватив сумку — не оставлять же ее рядом с покойниками, еще украдут, — быстрым шагом направился к машине.

Это оказался джип, переделанный под охотника и выживальщика.

Посмотрев на высокую базу, широкие колеса с зацепами и мощный укрепленный кенгурятник, решил брать именно эту.

«Если что, то на таран можно идти. Интересно, откуда она здесь?»

Бросив сумку рядом с машиной, достав нож и моток тонкой проволоки, закинутой в сумку так, на всякий случай, стал творить.

Визг и крики с той стороны стоянки, где была перестрелка, сказали мне, что тела обнаружены. Я как раз в это время вскрыл дверь и сейчас ковырялся в многочисленных проводах под приборной доской.

«Надо было их подальше оттащить!» — подумал я и продолжил возиться с разноцветными проводками.

Наконец, после того как с четвертого раза сработали щетки стеклоочистителя, раздался звук запускаемого стартера, и машина задрожала от работы двигателя на холостом ходу.

«Класс, тут еще и дизель стоит, совсем весело!»

Закинув сумку в машину, я положил ее на соседнее пассажирское сиденье, чтобы было возможно быстро свалить из машины вместе с сумкой. Немного прогрел двигатель, я легко воткнул первую передачу и тронулся с места. Тяжелый монстр, почему-то окрашенный в красный цвет и с фарами на крыше, стал разгоняться, шурша зацепами по асфальту. Ехал я не к выезду, а к месту, где лежали трупы.

«Ну понятно, по следам на асфальте нашли!» — подумал я, посмотрев на три темные полосы, которые скрывались за ближайшим минивэном.

«Да и что тут сделаешь, эх, жаль шрамолицего теперь не прихватишь, как я хотел!»

Но тут мне представилась возможность, я как раз проезжал мимо кучки обсуждающих что-то зевак, где первой солировала та самая старушка, как увидел, что между машинами видны тела, которые я туда затащил. Остановившись, я взял лежащую на ногах «беретту» и, прицелившись, нажал на спуск. Тихий хлопок глушителя полностью заглушил громкий рокот дизеля на моей машине. От удара пули тело шрамолицего дернулось. Стоящий рядом парень заорал от испуга, когда одно из тел шевельнулось, ему сразу же стали вторить и зеваки, которые, правда, с места не сдвинулись, а продолжили с жадностью наблюдать издалека.

Вот что мне не понравилось сразу, так это другой парень, стоящий правее, этот, в отличие от крикуна, сразу насторожился и стал крутить головой. Обнаружить меня труда ему не составило, как только он посмотрел на меня, я показал ему средний палец и провел большим по шее, сделав зверскую рожу. Стрелять в него даже не пытался, сразу видно, что

бесполезно, уйдет с сектора стрельбы без проблем. Дав по газам, я вылетел с территории стоянки и поехал по улице, стараясь не привлекать к себе внимания.

Однако это почему-то не сработало. Многие оборачивались на мою странную для города машину и показывали вслед пальцами.

«Нашли-таки, хорошо у них служба поставлена! — подумал я, увидев сзади знакомую машину, та серенькая, около которой стоял шрамолицый с напарниками, когда я их увидел. — Значит, был и четвертый, просто он куда-то отходил и не успел к развлечению! Сто пудов, это был тот, что стоял у трупов, по повадке видно».

Серая машина продолжала следовать за мной.

«Надо тебя стряхнуть, вот только как? О, есть идея!»

Заехал я на узкую улицу, зажатую с боков высокими зданиями, с односторонним движением. Пристроился за низким «шевроле», в котором, судя по всему, ехала какая-то дамочка, и медленно покатился под горочку, слева нас обгоняли машины, а вот серенький пристроился сзади и катился с такой же скоростью.

«Пора!» — подумал я, увидев приближающийся поворот и заметив в зеркало заднего вида, что нас догоняет тушка развозного фургончика.

— Гонки без правил! — заорал я по-русски и дал по газам. Монстр просто рванул вперед и так дал по задам дамочки, что она перегородила своей машиной пол-улицы. Протащив ее десяток метров, я, резко крутанув руль, ударил в бок попытавшегося прорваться мимо фургончик. От удара его бросило о припаркованные машины и он перегородил дорогу. Было видно, что если постараться, то через только что сделанный затор можно проехать, поэтому, сдав назад, я подмял под себя фургончик, передвинул его назад, к «шевроле», и теперь там красовался полный затор. Помахав ручкой в окно, я спокойно поехал дальше, однако при повороте направо брошенный назад взгляд заставил меня обматериться.

Сбивая столики и мусорные бачки, по тротуару на меня мчался серенький.

«Вот гад шустрый, а я так старался. Ну ладно, пусть будут бои без правил».

Сдав назад и довернув машину, я въехал на тротуар, после чего стал разгоняться. В отличие от серенького, который вполне комфортно чувствовал себя на тротуаре, моя машина сносила все, чего могла коснуться. Так, под грохот сбитых вывесок, мусорных баков и крики прохожих, разбегающихся в стороны, мы гнали друг на друга.

Но тут, видно, до преследователя дошло, что весовые категории у нас

разные, и, визжа покрышками, серенький остановился и стал сдавать назад, сильно вихляя задом.

Догнать серенького мне помешали две полицейские машины, внезапно появившиеся из параллельной улицы.

«Ну ладно, доберусь я еще до тебя!» — подумал я, тараня первую патрульную машину.

От удара ее снесло в сторону и развернуло поперек движения. От тарана «хваленый» джип, несколько раз стукнув двигателем, заглох. Схватив из раскрытой сумки автомат, я спрыгнул на асфальт и перекатом ушел за корпус второй машины, из которой уже шустро выпрыгивали двое полицейских.

Двумя короткими очередями я пресек их резвость и, вскочив на ноги, также короткими очередями прошелся по первой машине, целясь в силуэты, видневшиеся за пошедшим трещинами задним стеклом.

«Семь-ноль, наши ведут», — оскалился я.

Эхо, отразившееся от стен высоток, принесло мне звук приближающейся полицейской сирены, было слышно еще несколько, но уже тише. Моя попытка вернуться в джип за сумкой ни к чему не привела: мимо засвистели пули.

«Вот, блин, еще этот серенький где-то засел, давит огнем! — злобно подумал я, перекатываясь обратно. — И патроны к автомату на исходе. О, дробовик же есть!» — вспомнил я о штатном оружии полицейских.

Шустро двигая конечностями, я подполз к ближайшему полицейскому — второй, к сожалению, был для меня недосыгаем — и, достав из его кобуры табельное оружие, подхватил и дробовик, выпавший из его рук.

«Совсем другое дело!» — подумал я, проверяя оружие.

Вой сирены был совсем близко, и как только из-за ближайшего угла появилась машина с мигалками на крыше, я вскочил и дал очередь по водителю, — второго полицейского почему-то не было видно, — после чего под свист пуль над головой и удары в корпус машины нырнул обратно. От попадания пули в бронезилет полицейского бросило на спинку сиденья, и он спружинил от нее на руль. Так, под непрерывный сигнал клаксона, не успевшая затормозить патрульная машина врезалась в припаркованный розовый кадиллак в стиле ретро.

«Блин, да как мне достать этого стрелка? Жаль, винтовка осталась в сумке!»

Мельком выглянув из-под заднего колеса, я примерно определил, где засел серенький. За большим развозным фургончиком виднелся край бампера, а под передним колесом грузовика и лежал снайпер. Высокие

здания вокруг давали не так много света, но разглядеть снайпера я смог.

«Ну на, получай!»

Я понимал, что из табельной «беретты» полицейского в него не попаду, все-таки пистолеты не рассчитаны на стрельбу в сто метров, однако попытаться стоит, чтобы хотя бы банально отвлечь.

Пистолет задергался в моей руке, посылая пулю за пулей в переднее колесо грузовика, я видел, как рикошетом одна из пуль ушла в сторону. Как только магазин опустел, несколькими прыжками достиг джипа, уткнувшегося передком в тележку по продаже хот-догов. Рыбкой запрыгнув в кабину, схватил сумку и, открыв пассажирскую дверь, выбрался с другой стороны. Теперь от стрелка меня закрывали корпуса припаркованных машин, и я, укрываясь за ними, практически беспрепятственно стал приближаться к стрелку. Вой приближающихся сирен немного раздражал меня, но не отвлекал.

«Жаль, снайперку собрать не успею, тогда поглядели бы, кто кого, а так придется повозиться, — думал я, на ходу перезаряжая автомат. — А вот и стрелок лежит! О, меня заметил и пытается поменять позицию. Нет, ну не лох ли? Это надо было давно сделать, а не сейчас!»

Приклад ударил меня в плечо, после того как я дал очередь по стрелку. От нескольких попаданий он несколько раз дернулся.

«Все, а теперь валить надо, и как можно быстрее!»

Забегая за фургон, с автоматом наготове, подумал, что делать дальше, и тут же остановился.

«Блин, надо было посмотреть, куда стреляешь! — обругал я себя, глядя, как из пробитого бензобака хлещет бензин и струей стекает в канализацию. — А, ладно, там вроде еще одна есть!» — вспомнил я про полицейскую машину.

Выбежав обратно, подскочил и, схватив под мышки полицейского, который не успел вылезти из машины, выкинул его из кабины. Потом запрыгнул за руль, завел машину, открыл дверь и, застопорив ее ногой, стал резко сдавать назад. От удара о столб освещения дверца, с корнем вырвав крепления, отлетела в сторону и свалилась на тротуар.

«Вот теперь хоть есть шанс покинуть машину!»

Включив переднюю скорость, снова выехал на дорогу и, дав газу, помчался по каким-то маленьким тесным улочкам, которые, похоже, использовали для спецтехники. Сбив два небольших блестящих мусорных бака, я под их грохот выехал на нормальную улицу.

Расслабленно откинувшись на спинку, я слушал переговоры по радиации и лениво крутил руль, где надо пользуясь сиреной и матюгальником, чтобы меня пропустили. Удобно. Законопослушные пиндосы всегда уступали проезду.

Дорога стала шире, и появилось множество деревьев, растущих на обочине, судя по всему, я из делового района въехал в жилой.

— Я вижу его! Он на улице!.. — привлекла мое внимание радиация.

— Всем внимание, преступник, убивший полицейских, движется на угнанной патрульной машине номер семьсот семь в направлении... принять меры к задержанию!

«О, нифигасе „принять меры к задержанию“, да насколько я помню, в таких случаях дают неофициальное разрешение пристрелить убийц полицейских, неужто приятели шрамолицего отметились и отдали приказ?»

Схватив микрофон, закрепленный на радиации, я, нажав на танкетку, стал истерично кричать, изображая невменяемого:

— Не возьмете меня, твари легавые, я вас убивал и буду убивать! — после чего аккуратно повесил микрофон на место.

«Надеюсь, этим я испорчу настроение ищек!»

Обогнав тихо едущую ассенизаторскую машину, погнался дальше, лавируя между машинами и ревя сиреной. Повернув с заносом на повороте, въехал на улицу с однопососным движением и, дав на педаль газа, полетел по ней.

«А ниче так машинка, мощная!» — с удовольствием подумал я, как вдруг выскочившие с соседней улицы две полицейские машины заблокировали дорогу.

— И че вы в меня такие влюбленные? — заорал я, выкручивая руль, попеременно нажимая педаль то тормоза, то газа.

У меня получился классический полицейский разворот, по крайней мере, я считал именно так, но почему-то после разворота капот снова смотрел на полицейские машины.

«Наверное, газу передавил!» — подумал я и, включив заднюю скорость, стал разгоняться назад, вихляя задом машины. Честно говоря, ездить задом у меня никогда не получалось, так что, дав на газ и крутя руль, приходилось внимательно оглядываться. Гробить жизнь мирного населения охоты у меня не было. Они же не виноваты, что живут в этой стране.

Полицейские, увидев, что я от них уезжаю, попрыгали в машины и стали меня преследовать.

«Во идиоты, мне же теперь их объехать не проблема!» — подумал я и, включив на ходу вторую скорость, дал полный газ.

С визгом покрышек и дымом сгорающей от трения резины я стал разгоняться вперед. Полицейские снова заблокировали дорогу, и если на повороте у меня не было возможности их объехать из-за пожарных гидрантов и стоящих на обочине машин, то теперь такая возможность появилась.

Повернув руль вправо и перескочив через тротуар, погнал по газонам, проезжая дорожки к домам, подъезды к гаражам и тараня невысокие изгороди из кустарника.

После тарана одной из таких изгородей сбоку промелькнули брошенные детские игрушки, лежащие на одном из газонов.

«Блин, как бы тут на кого-нибудь не наехать!» — выкручивая руль, подумал я и, перескочив через параллельную дорогу, снова погнал по газонам. Обе полицейские машины преследовали меня по дороге.

Полицейские меня хорошо видели, так как проем с вырванной дверью был с их стороны. Я ухмыльнулся, глядя краем глаза на дорогу, и показал им средний палец. Лицо копа в ближайшей машине скривилось, и он что-то забормотал в рацию.

«Странно, я его не слышу, похоже, волну сменили».

В это время я выскочил на газон следующего дома, и тут на газоне я увидел маленькую девочку, сидевшую на трехколесном велосипеде. Вывернув руль влево, я чудом успел объехать ее, обдав пылью. И, собрав газон складками при повороте, выехал на дорогу, едва не столкнувшись с патрульными машинами.

«Пора от вас избавляться!» — вихляя из стороны в сторону, подумал я, не давая себя обогнать. Но, похоже, планы у полицейских были другие. Один из полицейских, высунувшись из окна, стал целиться из пистолета в заднее колесо.

— Э, э, вы что это удумали? — Моему возмущению не было предела. Крутанув руль, нажал на тормоз, одновременно включая заднюю скорость. Теперь я ехал назад, капотом в сторону преследователей. Подхватив левой рукой автомат, во время гонок свалившийся с колен на ручной тормоз, и вытащив его наружу, стал целиться в ближайшую машину, приблизившуюся ко мне метров на десять.

«Ого, какой легкий, да, это вам не утюги чугунные на вытянутой руке держать!» — подумал я, нажимая на спуск.

Полицейские сразу заметили, что в них целятся из автомата, но ничего сделать не успели: ровная строчка пулевых отверстий в лобовом стекле

пересекла оба силуэта в машине. Как только раздалась очередь, вторая патрульная сразу же свернула на параллельную улицу, так удачно ей попавшуюся.

Первая же, с убитыми полицейскими, никем не управляемая, свернула в сторону и, выскочив на газон одного из домов, протаранила кустарник и на полном ходу врезалась в бок гаража, скрывшись в нем полностью. Сирена, громко взвыв, умолкла.

— Ха, это вам не тут! — вслух крикнул я и, развернувшись, погнал дальше, свернув на первом же попавшемся повороте. Валить надо из спального района, никого не задавили мы просто чудом.

Новый звук вплелся в рев двигателя, который стал понемногу дымить, и температура на датчике заметно повысилась, перейдя красную черту. Высунувшись из машины, я осмотрелся. Звук шел сверху, подняв голову, я увидел вертолет знакомой расцветки. Снова укрывшись в кабине, я почесал затылок, после чего лоб — не помогло, умные мысли не приходили.

«Они бы меня еще под землей преследовали!» — подумал я, изредка поглядывая на полицейский вертолет, и как только в открытом проеме показался парень в черной униформе с винтовкой, я схватил автомат и короткими очередями выпустил по нему остатки магазина.

«Хорошая отдача, слабая, прицеливаться удобно после каждой очереди!» — думал я, глядя, как вывалившийся из кабины спецназовец безвольно повис на пятиметровом тросе. Вертолет, ревя двигателем, стал уходить в сторону.

«Ну кто же приближается к стрелку на сто метров, так и пулю схлопотать можно, что и получилось!» — радостно ухмыльнулся я, одной рукой перезаряжая автомат взятым из сумки запасным магазином.

Почти сразу снова появился знакомый звук вертолетного двигателя, однако, посмотрев на него, я понял, что это пресса.

Моя реакция была незамедлительной. Широко улыбнувшись парню с камерой, показал пальцами знак «виктория» и большой палец; то, что у меня на коленях лежал автомат, нисколько мне не мешало и не смущало. Однако почти сразу же вернувшийся полицейский вертолет отогнал прессу. Помахав им вслед рукой, я сосредоточился на дороге.

Полицейских машин было не видно, но проехав поворот и чудом не столкнувшись с пикапом, я заметил, что они сопровождают меня по обеим параллельным улицам.

К дальнейшему я был готов, так как был пристегнут. Проезжая следующий перекресток, я получил мощный таранный удар в правый бок возле заднего крыла от внезапно выскочившей из-за угла полицейской

машины. Профессионализм местных полицейских невольно вызывал уважение. Это нужно немало мастерства, чтобы просчитать все.

Удар, судя по всему, должен был прийти в середину, но, заметив краем глаза быстро приближающуюся тень, я успел ударить по газам. Машину развернуло вокруг своей оси. С трудом выправив ее тормозами и давая по газам, я поскакал по истоптанному газону, сбивая скамейки, урны и скача по клумбам с цветами. Остановил меня бетонный край крыльца.

«Уф, хороший удар!» — подумал я, трясая головой. Отстегнув ремень и схватив сумку, я быстро выбрался из кабины и посмотрел на тормозящие полицейские машины — их собралось больше двух десятков.

«Ух ты, надеюсь, вы не ко мне!» — думал я на бегу.

Пробежавшись по ступенькам, распахнул высокие двухстворчатые двери и ворвался в коридор, захлопнув их за собой.

«Ну и куда я попал? — Озадаченно осматриваясь, я пытался понять, куда меня занесло, при этом ремнем от автомата связывал ручки дверей. — Судя по длинному коридору и шкафчикам — это школа. Вот пентюхи, куда загнали меня! Это же розовая мечта террориста».

Из ближайшей двери выглянул мужчина самого учительского вида и быстро скрылся обратно, заметив в моих руках оружие.

Придерживая сумку и автомат, я побежал по коридору. Ремень их вряд ли надолго задержит, нужно подготовиться, — в том, что они уже перекрыли все входы-выходы, я нисколько не сомневался.

На третьем этаже стал открывать все двери и заглядывать в классы, в которых шли уроки. Похоже, шум на улице так и не смог оторвать их от занятий.

«Не то, и опять! Черт, да где постарше, одни малявки попадаются?!»

Следующий класс оказался подходящим — эти вроде моего возраста. Из-за того что их окна выходят на противоположную сторону здания, они пока ничего не знали, в отличие от остальных.

Автомат я убрал обратно в сумку, и выглядел довольно прилично. Пройдя к обернувшемуся на скрип двери учителю, я произнес:

— Здравствуйте, я ваш новый ученик!

— Действительно? — удивился обернувшийся от доски учитель, поправляя очки.

— Да нет, конечно, — улыбнулся я, доставая пистолет. — Какие вы легковверные. Это захват. Вы теперь мои заложники.

После чего я выстрелил в окно, оставив в стекле аккуратную дырочку в мелких трещинах. Из-за того что на ствол был навинчен глушитель, особого впечатления это не произвело, разве что вызвало удивленные

взгляды. Тряхнув головой, я достал табельный одного из полицейских и снова выстрелил в окно — первого опыта мне было достаточно. На этот раз все было как надо, и поднятые руки и испуганные лица.

Первым делом озвучил:

— Я не чудовище, стреляющее налево и направо, просто у меня некоторые разногласия с вашим правительством, так что надеюсь на ваше понимание и помощь. — Говорил для того, чтобы не настраивать их против себя, я помнил про «синдром заложника» и решил воспользоваться им всюду. — Поэтому мальчики спокойно встают и подходят к окну. Да, вы правильно меня поняли, вы будете живыми щитами! — пояснил я, когда несколько парней переглянулись.

Сам я стоял у полуоткрытой двери и слушал звуки из коридора, держа парней на прицеле.

— Но позвольте, ведь они дети! — возмутился наконец выпавший из ступора учитель.

Я постарался посмотреть на него как на идиота, судя по смешкам, мне это удалось, и ответил:

— А я, по-вашему, кто? Сколько вашим детям?

— Шестнадцать, но позвольте?.. — хотел что-то спросить учитель, но я его оборвал:

— Не позволю, им шестнадцать, а мне четырнадцать, так что это я один тут среди вас ребенок. Дитё, можно сказать! — несколько возмущенно ответил я и, повернувшись к девочкам, сидящим за партами, подмигнул им.

Потом быстро выглянул в коридор и взял стоящий за дверью полицейский дробовик, который оставил там, когда заходил в класс. Положив его на учительский стол, отогнал учителя к окну, а сам стал готовить противострелковую защиту. Однако в середине процесса мое внимание привлек шум в коридоре. Взяв из открытой сумки «беретту» без глушителя, я медленно подкрался к двери и лег на пол, после чего, резко выглянув, трижды выстрелил и немедленно спрятался обратно.

— Вот так долго не тренируешься и начинаешь мазать от этого! — пожаловался заложникам. После чего, так же быстро выглянув, посмотрел на результаты стрельбы.

Подстрелил двоих — судя по черной форме, из полицейского спецназа. Однако в коридоре лежал и стонал только один, на том месте, где находился второй, была небольшая лужа крови и кровавый след, скрывавшийся за углом. Стрелял не на поражение, а по конечностям, сейчас не нужно было убивать их. Просто незачем, запугать их в любом случае не получится, агенты ЦРУ держали все под контролем.

— Можете забрать своего, стрелять не буду! — крикнул в коридор, держа угол на прицеле, при этом контролируя заложников боковым зрением. Из-за угла быстро выглянула голова в шлеме и скрылась, потом еще раз, но я продолжал держать угол на мушке.

Наконец из-за угла вышел парень в форме и, опасливо поглядев на меня, подхватил раненого под мышки и оттащил его в укрытие.

— Ну вот и ладушки, — пробормотал я, вскочил и, плотно закрыв дверь, направился к дробовику, который предварительно разрядил.

Потом заблокировал дверь одним из стульев и, вытащив из сумки моток бечевки, привязал к ручке. Используя глобус как блок, другой конец привязал к спуску на дробовике, предварительно зафиксировав его на другом стуле взятым с учительского стола скотчем.

«Вот теперь порядок, кривенько, конечно, но кто попробует дернуть дверь, получит заряд дробин».

Подмигнув девчонкам, проигнорировав парней, я вытащил части разобранной винтовки, и не глядя, красуясь, стал ее собирать, звонко щелкая деталями. Подсоединив прицел, я подошел к крайнему парню и, чуть отодвинув его, посмотрел наружу.

«Ого, они что, всех копов города и окрестностей тут собрали? Надо проредить!»

Толстый ствол глушителя немного высунулся наружу и тихо захлопал от выстрелов.

Полицейские заметили, что в них стреляют, только тогда, когда, крича от боли, упал четвертый, после чего улица сразу очистилась. Да, стрельба по коленным чашечкам сразу дала результаты.

Трое парней не выдержали расстрела полицейских и бросились на меня.

— Вы бы еще всем классом бросились, чтобы мне сразу вам мозги вправить! — прорычал я, забивая ногами третьего ученика под парту. Остальные лежали на полу и даже стонать старались потише, чтобы не привлекать мое внимание.

— Всем все понятно? Я добрый, пока меня не выведут из себя, так что прошу, ну не делайте подобного, вам же хуже будет. Ясно?

Получив обещание, что подобное больше не повторится, я отошел в угол возле окна и сел на стул, ожидая.

Как я и думал, просьба принять переговорщика пришла минут через двадцать, через матюгальник.

Учитель был тут самым ненужным, я видел, как заложники стараются держаться поближе, поэтому, позвав его, раскрыл сумку и показал два серых бруска, опутанных проводами, — муляж, сделанный мною на

скорую руку еще в поезде, так, на всякий случай.

— Вы знаете, что это такое?

— Бомба?

— Да, причем с радиовзрывателем, который настроен на небольшую штучку, прикрепленную к моей груди напротив сердца, так что если оно остановится, то будет... БУМ! — развел я руками.

— Я все понял! — сказал задрожавший учитель, после чего спросил: — А может...

— Вы так торгуетесь, что я просто не могу отказать. Можете забрать с собой двух заложников по выбору! — перебил я его, после чего доверительно сказал, прибавив голос: — Главное — выбирайте лучших!

После чего сел на стул, положил автомат на ноги и, откинувшись на спинку сиденья, стал с интересом наблюдать за учителем. Выбрал он достаточно быстро, просто взяв ближайших к нему.

Объяснив ему, что готов к встрече с переговорщиком, и договорившись, как мы встретимся, я разрядил ловушку, открыл дверь и вытолкнул их в коридор.

Снова забаррикадировав дверь, я немного отодвинул шторы, выглянул на улицу и скрылся обратно, заметив шевеление на крыше соседнего здания.

«Хм, обложили, пора рвать когти, ну где же этот переговорщик?»

Через полчаса в дверь осторожно постучали. Похоже, отпущенные заложники живописно обрисовали полицейским установленный дробовик, так как переговорщик даже не попытался открыть дверь.

— Кто там? — спросил я дурашливо.

— Э-э-э, это я, почтальон Печкин, принес посылку для вашего мальчика! — раздался из-за двери мужской голос, явно читающий по бумажке.

«Наверняка по той, на которой я написал пароли». Хмыкнув и отодвинув стул в сторону, я открыл дверь, держа гостя на прицеле. Как только он вошел, толкнул его на середину класса и снова зашумел, закрывая дверь и активируя ловушку.

— Ну давайте, убеждайте меня, что я должен всех отпустить, и погрозите мне укоризненно пальчиком!

Разговор начал строить так, чтобы вывести его из себя, так легче для общения. То, что он никакой не переговорщик, было видно сразу.

«А вот и захватчики пожаловали, хотя именно их я и ждал!»

Велев гостю раздеться, тщательно его обыскал на предмет микрофонов и другой подобной техники, после чего толкнул к парням и спросил:

— Говорите реальное предложение, а не ту лабуду, что вы мне приготовили.

— Хорошо, не буду! — криво усмехнулся гость и, подтянув штаны на коленях, аккуратно сел на один из стульев.

— Что вы хотите... майор? — с заметной заминкой спросил гость. Как только он назвал мое звание из прошлого, или, вернее, будущего, заложники встрепенулись.

— Что я хочу? — переспросил я, быстро обдумывая ситуацию. Гость неявно дал понять, что заложники для него ничего не значат, это плохо, очень плохо! — Да я хотел спокойно жить и детей растить, а не шляться по вашей сраной стране, так что то, что вы меня похитили, вам еще не раз аукнется! — Я нес все, что в голову могло прийти, быстро обдумывая свои дальнейшие шаги. С прибытием такого гостя их придется немного подкорректировать.

Гость, усмехнувшись, спросил, кивнув головой на заложников:

— Детей тебе не жалко? Ты же боевой офицер, семь наград имеешь, а ведешь себя...

— Ты где здесь детей увидел, да тут любую можно раком ставить! — возмутился я, недослушав его и не обратив внимания на краснеющих заложниц, достали уже напоминать про возраст.

«А попробуем-ка это! При допросе этой темы мы не касались».

Насмешливо наблюдая за гостем, я произнес, продолжая держать его на прицеле:

— Меня вот что интересует, сказал ли вам Денис про «Экскалибур»?

Гость был немалого ранга и наверняка был допущен к секретам подобного уровня. И посмотрев на его сузившиеся глаза и бледнеющее лицо, я понял — он знает. Однако никакой другой реакции не дождался.

«Экскалибур» — это противоядерная оборона США, и настолько засекреченная, что о ней в мое время, благодаря хакерам, не говорил только глухонемой. Она также предусматривает нанесение ответного удара по вероятному противнику, то есть по нам.

«Точно, заложников он в расчет не принимает!»

— Майор, мы можем договориться?

— Ну что вы, с любыми другими, но не с вами! — сказал я.

Гость хмыкнул и неожиданно спросил:

— Вы убили или ранили около десяти полицейских, можно же было избежать этого? — Вопрос был задан явно от себя, ему было интересно.

Почесав затылок, я несколько смущенно объяснил:

— В мое время меня так задолбал американизм и копирование всего

вашего в моей стране, что возможности пострелять по настоящим американцам я не упустил! В женщин и детей не стрелял, я солдат, а не чудовище, а полицейские зарплату за риск получают, так пусть теперь почувствуют, за что им платят.

Гость задумался:

— Но ведь... — И упал от моего выстрела.

— А ну тихо! — рявкнул я на завизжавших заложниц, после чего встал, прошелся перед ними и сказал: — Этот человек был из ФБР, и в живых бы вас отсюда не выпустили, мало ли что я вам мог сказать. Я являюсь носителем особо важной информации, так что последствия, если бы он вышел отсюда, вы можете себе представить. Так что вы мне еще спасибо должны сказать. — Дождавшись слов благодарности, правда, при этом пришлось помахать автоматом, продолжил: — А сейчас я беру одну заложницу и выхожу с ней на улицу. Кто пойдет со мной, решайте сами, при этом добавлю, что она станет знаменитостью, и ее покажут по многим телеканалам.

«Блин, зря я это сказал!»

Со вздохом посмотрев на парней, стоящих у окон вытянув шеи и с интересом наблюдающих за спорами, громко озвучил:

— Ну все, хватит галдеть, она пойдет! — и ткнул пальцем в самую красивую в классе девушку с шикарным бюстом, который туго обтягивала белая кофточка, великолепно обрисовывая пышные формы.

Согнав всех девиц, я выбрал одну, самую смышленную на вид, и объявил ей свои требования, перечислив по пунктам. Понятное дело, никто вертолет и миллион долларов мне не даст, но я рассчитывал только на машину.

Открыв дверь, выгнал девиц, оставив одну красотку, и, разрешив парням курить, сел на стул ждать.

Минут через сорок с улицы прокричали в мегафон, что все готово.

Я тут же вскочил, подхватил под локоток девушку и, показав парням на дверь, велел им выходить. Сам последовал за ними, прикрываясь девицей, приклад дробовика, не влезший в сумку, немного торчал наружу, мешая мне передвигаться.

В конце коридора стояли несколько полицейских и спецназовцев, пропуская парней, которые шустро двигались, оставив нас далеко позади.

— Эй, руку убери! — потыкала мне пальчиком по тыльной стороне ладони девица.

Я сделал вид, что туплю:

— Чего убирать? — теснее к ней прижимаясь.

— Руку с груди убери! — возмущенно зашипела она.

Я немного потискал ее грудь и спросил:

— Эту руку? — продолжая тискать.

— Эту-эту, убирай давай!

— Жаль, так удобно держаться было! — сказал с сожалением, все-таки убрав руку.

Прижимая пистолет к виску девицы, я направился к полицейским и, велев им идти впереди нас, последовал дальше. Никого за своей спиной оставлять не хотел, хотя наверняка пара человек в одном из классов спрятались, но проверять у меня просто не было времени, пришлось просто утратить бдительность.

— Где машина? — орал я на полицейских, брызжа слюной. Всегда замечал, что к таким людям относятся с настороженностью, не зная, что от них ожидать, так что один из копов немедленно ответил:

— Сразу у черного хода, как вы и просили!

Поспрашивав у него про остальные требования и получив полные заверения, что миллион получу одновременно с вертолетом, мы последовали дальше.

Яркий свет немного слепил, но я старательно наблюдал за обстановкой, спускаясь по ступенькам к полицейской машине коричневого цвета.

— Кончай руками махать, ты мне обзор загораживаешь! — возмутился я, когда девица стала активно приветствовать зрителей, махая в объективы телекамер, которые стояли на крышах.

— Ну сейчас, еще немного! — взмолилась девушка.

— Потом покрасуешься, когда у тебя интервью брать будут, а пока мне не мешай.

— Хорошо! — просто ответила она, поправляя прическу и стараясь незаметно махать левой рукой.

Мы подошли к машине, осмотрев ее, я сел на водительское место, посадив девицу к себе на колени, — если уж пользоваться такой возможностью, так пользоваться вовсю.

Повернув ключ, я отодвинул девушку в сторону и, нажав на педаль газа, тронулся с места.

Ехали мы не торопясь, спокойно поворачивая на поворотах. Поглядывая в зеркало заднего вида, я видел целую шеренгу полицейских машин, следующих за нами, сверкая мигалками, но не они были мне нужны, а вертолет, круживший в небе, именно поэтому я и тянул время, катаясь по улице.

Девица, похоже, почувствовала, что я возбуждился, так как начала

елозить у меня на коленях, но от этого стало еще хуже. Глядя на покрасневшую девицу, я посмеивался, поглаживая ее бедро и временами получая шлепки по руке.

«Блин, была бы возможность, я бы ее давно бы разложил, а так одно только мучение!» — думал, поворачивая на очередном повороте.

Наконец, у вертолета стало кончаться горючее и он, опустив нос, рванул к аэродрому, где базировался, спугнув с курса аппарат прессы.

«Пора!» — подумал я, утопив педаль газа. Швырнув девушку на пассажирское сиденье, отчего у нее вырвался вздох разочарования, я погнал по улицам за вертолетом.

Не ожидавшие такого полицейские, уже привыкшие к моей тихой езде, немного растерялись, но тоже не сплеховали и резко стартовали за мной.

Гонки до аэродрома продолжались около десяти минут, пока я не пролетел под одним из мостов и, рванув по дороге с односторонним движением, не закупорил движение, прострелив шины и мотор следовавшей за мной первой полицейской машине. Пока они искали пути объезда, я шустро гнал дальше, и с подсказками девушки, которую, оказывается, звали Глория — везет же мне на них, — мы ворвались на территорию аэродрома, снеся хиленький шлагбаум.

Рядом с парой больших серебристых ангаров стояли три полицейских вертолета. Один с поднятыми кожухами, внутри которого ковырялись двое механиков, второй был на вид целый, но стоял несколько в стороне, а вот тот, который только что приземлился, работая двигателем на холостом ходу, активно заправлялся от небольшой бензоцистерны, на базе машины, чем-то смахивающей на нашу «Газель».

«Вроде же нельзя заправляться с включенным двигателем?!» — удивился я, после чего рванул именно к этому вертолету, подъезжая со стороны хвоста.

Выпрыгнув из машины, я два раза выстрелил из дробовика в воздух и велел всем, кроме заправщиков, отойти в сторону от аппарата. Помахав рукой пилотам, которые изумленно тарасились на меня из кабины, жестом велел им покинуть кабину вертолета. Отобрав у них пистолеты, отогнал механиков вместе с пилотами метров на сто. После чего велел заправщикам сворачиваться и отгонять свою технику.

Закинув сумку в кабину, закрыл дверь и, поглядев на быстро приближавшуюся змею машин с мигалками, быстро попрощался с Глорией, запрыгнул в кабину и потянул рукоятку газа вверх.

Вертолет легко оторвался от земли.

«М-да, это не на „мишке“ летать, разница сразу чувствуется!»

Опустив нос и вздымая пыль, начал разгоняться в сторону солнца. Машины прессы полетели было за мной, но после короткой очереди перед носом одного из вертолетов они с той же скоростью развернулись обратно, избавив меня от лишних хлопот.

Сделал я просто: выбрав направление, которое полицейские запомнили, и отлетев от города километров на тридцать, так же на бредущем повернул в сторону и направил летательный аппарат к океану.

— Будем надеяться, бензина мне хватит, не хотелось бы куда-нибудь шлепнуться!

Лететь я старался над полями, оставляя в стороне дороги и городки. Конечно, понятно, что рано или поздно мой путь вычислят, но будет это не сейчас.

Наконец, пролетев над парой пальм, увидел вдали синеющую полосу, которая медленно приближалась.

«Ну наконец-то, а то уже горючка к концу подходит!»

Сделав круг около берега, вздымая кучу песка, опустился на берег, немного убрав газ, после чего, подхватив сумку, отбежал от крутящей винтом машины в сторону и припрятал в прибрежных кустах сумку с одеждой, оставив там же и обувь.

Вернувшись в вертолет в одних трусах, снова поднял его в воздух и на последних каплях отошел от берега метров на пятьсот, затем открыл дверцу и, дав газу, выпрыгнул из кабины, благо до воды было всего метров десять.

Вода приятно приняла меня в свои объятия, вынырнув и отплевываясь, я с большим интересом следил за дальнейшим полетом машины, моргая слезившимися от соли глазами.

Вертолет, делая небольшой полукруг, удалился от меня метров на триста и боком вошел в воду, подняв веер брызг и раскидывая в стороны обломки лопастей.

«Ну вот и от вертолета избавились, пора на берег!» — подумал я и широко загребая руками поплыл к далекому берегу, как вдруг кто-то потерял о мое бедро скользкой, слегка шершавой кожей. От неожиданности я заорал и забил по воде руками, сразу же вспомнив фильм «Челюсти».

Картинки, одна страшнее другой, вставали перед моими глазами, я отчетливо представил, как гигантские акулы челюсти смыкаются на моем маленьком хиленьком теле, барахтающемся в воде, но перед моим лицом вынырнула дельфинья голова и радостно застрекотала, явно смеясь надо

мной.

— Чтоб тебя на консервы пустили, рыба-переросток! — с облегчением выдохнул я, стараясь унять сильно бившееся сердце.

Бормоча проклятия, я поплыл к берегу, краем глаза наблюдая за дельфином, и когда он нырнул, приготовился. Руки крепко ухватились за спинной плавник поднырнувшего под меня дельфина. Он, как будто ждавший этого, стал набирать скорость и быстро приближаться к берегу, однако плыл дельфин не по поверхности, а подныривая, то есть десять метров на поверхности и столько же под водой. Вынырнув в очередной раз, я в нескольких метрах обнаружил золотистый песок, омываемый прибоем.

— Ну спасибо, карасик. Плыви, в сети не попадайся! — с благодарностью крикнул я, отпустив плавник. Сделав несколько мощных гребков, почувствовал под ногами дно и под насмешливое стрекотание дельфина вылез на берег. Помахав на прощание рукой, трусцой побежал к зарослям, где оставил свою сумку. Быстро одевшись, вооружился.

«Вот, совсем другое дело, а то без оружия чувствую себя как-то немного неуверенно!»

Подтянув ремень поясной кобуры и закинув сумку на плечо, быстро направился в сторону ближайшего курортного городка, который, судя по карте, находился в семи милях от места приводнения.

Через час бодрого марша увидел вдали по маршруту движения небольшую парусную яхту. Казалось, будто она находится на берегу, но только подойдя ближе, я понял, что яхта находится в небольшом заливе, глубоко врезавшемся в берег.

«Блин, теперь еще и залив обходить! И так без воды горло сухое, как наждачная бумага, а тут еще и лишнее шагать!»

На вершине склона виднелась крыша виллы, и я решил посетить хозяев, вдруг напоят, накормят, спать уложат.

Пройдясь по берегу до резиновой лодки с рулем и мотором, дальше я направился по следам на песке. На самом склоне была тропинка, основательно выложенная плиткой. До дома мне пришлось топтать дольше, чем я думал — ошибся с размером виллы. Честно говоря, вилла меня поразила, минут пять, разинув от удивления рот, я стоял и смотрел на нее.

— Ни хрена себе жертва авангардиста. Это его ветром набок положило, или так и задумано? — Склонив голову набок, снова посмотрел на дом. — М-да, так лучше, похоже, тут, действительно был ураган.

Однако при приближении понял, что нет, это такая архитектура. Пройдя мимо пары беседок, вышел к бассейну... огромному бассейну.

Шезлонги и столики рядом манили лечь отдохнуть, но я не повелся,

пить хотелось до безумия. Пройдя к большим панорамным окнам, используемым как двери, постучал, но никто не ответил, я постучал громче — то же самое. Но даже после того, как я стал долбить пяткой, и внизу стекло покрылось сеткой трещин, все равно никто не вышел.

«Не понял, следы же свежие?! Куда все делись?» — озадачился я, глядя внутрь дома. Как снаружи, так и внутри все было очень странно, и не очень напоминало жилой дом, несмотря на то, что на спинке роскошного дивана у камина висел женский красный купальник.

Попытка потянуть дверь за ручку неожиданно увенчалась успехом.

«Вот дуболом, нет как любой нормальный волк, „потяни, серенький, за веревочку, дверь и откроется“ — так нет, надо ногу отбивать!» — сердито ругал я себя, быстро хромя в кухню. По крайней мере, я надеялся, что это кухня.

Холодильник был самый обычный, от этого стало даже обидно, все ненормально, а холодильник нормальный. На мое счастье, там была минералка. Выдув половину, стал гулять по дому, попивая на ходу воду из бутылки. Сумка, брошенная у входа, сиротливо лежала, пока я несколько раз проходил мимо, исследуя дом, а дальше попался гараж с двумя машинами, там же я нашел и инструменты. Быстро вернувшись за сумкой, отправился в гараж. Судя по свежим следам на парадном выезде, хозяева только что уехали, и то, что они не заперли дом, ясно давало понять, что они скоро вернуться.

Зажав дробовик в тисках, ножовкой стал отпиливать приклад, после чего по пиленному прошелся наждаком и мелкой шкуркой, найденной в одном из шкафчиков.

«Все, теперь дробовик точно в сумку войдет, а то уже надоело, что или ствол, или приклад торчит, демаскирует!»

Убрав его обратно в сумку, я вернулся в дом, где похозяйничал в холодильнике и в кухонных шкафчиках. Мою добычу составили еще одна полная бутылка воды и несколько банок с консервами. К тому же я определил, куда свалили хозяева, судя по всему, они уехали по магазинам, так как на полках лежали одни консервы, да и пустота в холодильнике показывала, что надо бы заполнить полки. При выходе из виллы мне на глаза попала губная помада. Взяв ее в руки, я задумчиво посмотрел на настенное зеркало.

Через пару минут найдя распредщит, перерезал провода телефона, так, на всякий случай, мало ли что, прижав их так, что разрез можно было найти, только если провести рукой по проводам.

«Нужно сваливать, хозяева, конечно, гостеприимны, но пора и честь

знать!» — думал я, глядя на машины в гараже, решая какую брать.

«„БМВ“, конечно, хорошо, но „феррари“ лучше!» — решил, беря ключи из ящика для ключей, который без особых проблем вскрыл.

«Класс, вот это мощь!» — восхитился я, газуя и слушая громко урчавший двигатель.

Включив скорость, медленно выехал из гаража, открыв предварительно ворота. Вернувшись, закрыл их, и, сев за руль, медленно поехал, привыкая к машине.

Дорога вилась между холмов к шоссе, и постоянные повороты дали мне почувствовать машину, дальше я понемногу стал разгоняться. Через пару минут подъехал к выезду на шоссе и, притормозив, спокойно выехал на полупустое шоссе. И вот тут я показал себя во всей красе.

«Долго ли, коротко ли, но наш герой подъехал к своей цели!» — подумал я на следующий день, увидев плакат с надписью «Лос-Анджелес. 30 миль».

— Тэк-с, и где бы нам избавиться от машины? — спросил сам себя вслух и тут же ответил: — Да в море, где же еще? Продавать ее не следует, больно приметная, а вот утопить — это пожалуйста, тем более опыт имеется.

Спуск на проселочную дорогу нашелся довольно быстро, оставалось только поблагодарить местных дорожников за удобный съезд, где даже моя «феррари» с ее низкой посадкой спокойно спустилась и, пыля, полетела дальше. Через восемь километров показался обрыв и зелено-голубая прибрежная вода. Остановившись, я вышел из машины и, осмотрев спуск, почесал затылок: «М-да, тут на своих двоих с трудом спустишься, а вот на машине вообще хрен получится, если только в виде металлолома. Блин, что делать-то?» Крутнувшись на месте, стал задумчиво осматриваться, покусывая нижнюю губу. Есть у меня такая вредная привычка.

Мысль, которая пришла мне в голову, сразу была оценена как дельная. Хмыкнув, я содрал с машины номера и прикопал их в песке, достал из багажника пляжное полотенце, аккуратно расстелив его неподалеку от машины, разбросал рядом в деланом беспорядке отдыхающих людей вещи, найденные в машине, вроде расчески, женской майки с шортами, солнцезащитных очков и крема. Найденные шлепки положил около воды так, чтобы прибой их не достал.

— Ну, вроде все, — пробормотал я, задумчиво осмотрев все, что сделал. Теперь любой сообразит, что двое пошли купаться и не выплыли. Для того я и отогнал машину подальше, чтобы отдыхающие не сразу

сообразили, что к машине давно никто не подходит.

Мне припомнился подобный случай еще в двухтысячных годах, я тогда еще с первой женой и сыном отдыхал на одном из озер, где местными был навезен песок, сделавший озеро лакомым кусочком для отдыхающих. Так вот, пока тело утонувшего не всплыло, его машина никого не заинтересовала, так и стояла три дня, пока он не запугал до заиканья одну из купающихся. Вот я и надеялся на подобное, что позволит мне уйти подальше.

Подхватив сумку, потопал дальше по берегу, изображая местного отдыхающего. До города было примерно около десяти километров, которые я прошел за пару часов, так как не особо торопился. Заметив вдали краны, стоявшие в порту, поднялся по берегу и неторопливо зашагал по окраине города, застроенной частными домами. Крутя головой, наблюдал за бытом аборигенов, во время погони мне было как-то не до этого, и сейчас я с интересом смотрел, как у них устроено жилье.

«Ниче так, почти как у нас, разве что только заборы поменьше, а так почти одинаково! О, такси!»

Заметив подъехавшую к одному из домов машину с шашечками, быстро зашагал к ней, придерживая сумку и прижимая ее к боку.

— ...спасибо, этого хватит? — спросила девушка, кругленькая попка которой торчала у окна водителя.

— Да, мисс, вот сдача! — послышался голос молодого парня.

Подойдя ближе, когда девушка распрямилась, что вызвало вздох сожаления, как у водителя, так и у меня, я спросил:

— Вы как, свободны? — спросил я, с интересом пройдясь глазами по бюсту девушки, практически не скрытому майкой.

«Теперь понятно, почему водитель так вздыхал, я бы тоже ошалел от такого вида!»

— Да, сэр, конечно, я свободен! — отвлекся наконец чернокожий водитель.

Подарив улыбку уходящей к дому девушке, я открыл заднюю дверь, закинул сумку на сиденье и плюхнулся рядом.

— Куда вас? — спросил водила, резко отъехав от дома и переключая передачи.

— Давай в кафе рядом с портом, хочу на корабли посмотреть.

— О, я знаю одно, где прекрасный вид! — радостно хлопнул по своему колену водитель, отпустив руль.

— Хорошо, едем туда! — быстро ответил я, обеспокоенно наблюдая, как он управляет машиной.

«Не хватало еще в аварию попасть. Он что, обкуренный?»

До кафе, скорее даже ресторана, мы домчались очень быстро. Взвизгнув тормозами у входа, таксист радостно доложил:

— Все, сэр, приехали!

Расплатившись с таксистом, я вышел из машины, на подгибающихся ногах зашел в кафе и, плюхнувшись на свободное сиденье, вытер дрожавшей рукой пот.

«Этого водилу убить мало, интересно, у меня штаны сухие... уф-ф, сухие!»

— Здравствуйте, что-то будете заказывать, или вам дать меню?

— Сперва меню. Спасибо! — ответил вежливо официанту.

После чего, встав, пересел к панорамному окну и, открыв меню, стал поверх него рассматривать порт.

«Вот, судя по флагу, и наш сухогруз, который грузится у дальнего пирса. Хорошо, но надо бы понаблюдать, стерегут его или нет!»

Как ни странно, но наблюдение было. Приглядевшись внимательней, я убедился, что наблюдают именно за людьми с советского сухогруза.

«Очень интересно, это они что, за мной охотятся? Так не могут они все перекрыть, это же раскрытие меня, то есть наши узнают обо мне, хотя... думаю, они знают. Наверняка опознали меня, когда я выходил с заложниками, хоть я и морщил лицо, стараясь изменить внешность!»

Вздохнув, спокойно доел обед и, расплатившись, вышел из ресторана. Оглядевшись, направился в сторону яхт-клуба, где было множество сверкающих белизной яхт. Путь, как ни близко был ресторанчик от порта, занял более получаса, хотя, если честно, не больно-то и спешил. Пройдя мимо будки охранника, подошел к пирсу и стал разглядывать яхты, восхищаясь соразмерностью и красотой некоторых.

— Что, парень, нравится? — раздался сзади басовитый голос стареющего мужчины, любителя выпивки, точнее — изрядно пропитой голос. Обернувшись, увидел немолодого мужчину в матросской куртке, в капитанской фуражке и изрядным пивным брюшком, выглядывающим из-под старой тельняшки.

— Да, нравятся мне яхты, особенно парусные! — ответил я, изучая внешность охранника, так как это был именно он.

— Слушай, а мы не знакомы? Я тебя нигде не видел? — спросил он меня озадаченно, с подозрением оглядев меня.

— Да вряд ли, я на другой стороне порта живу и тут ни разу не был! — спокойно ответил я, стараясь отвести подозрения. Этот охранник явно смотрит телевизор и рано или поздно меня узнает, так что надо сваливать.

«Блин, поздно!» — вздохнул, увидев, как светлеет его лицо, — он вспомнил. И было забавно наблюдать, как оно с той же скоростью белеет.

— Я таки вижу, вы меня узнали? — добавил немного еврейского акцента.

Кадык пузана заходил вверх-вниз, у него явно пересохло горло. Моя рука была в сумке, и я спокойно показал ствол короткоствольного револьвера одного из пилотов, чтобы охранник не делал глупостей.

— Я думаю, что нам нужно пройти к вам в офис! — кивнул на обшарпанную, помнившую лучшие годы будку, которую и обозвал «офисом».

Пока мы шли, я крутил головой, наблюдает ли кто-нибудь за нами или нет. Пяток человек вблизи возились на своих яхтах, но на нас внимания не обращали. Хмыкнув, толкнул в спину охранника: что-то он медленно шел к «офису», подволакивая ноги.

— Да не бойтесь вы так, никто вас убивать не будет, — успокоил я его, хотя еще сам не решил, что с ним делать — или с пирса с грузом, или оставить в будке, только закрыть ее на ключ, чтобы не сразу обнаружили. Ловили меня серьезно, так что придётся обрубать хвосты. Так под мои размышления и испуганную дрожь пузана мы вошли в будку.

— А у вас ничего так, есть даже претензия на жилое помещение! — пробормотал я, оглядываясь.

— Это и есть жилое помещение, я тут живу! — хмуро ответил пузан, садясь в когда-то роскошное, а сейчас все изрезанное и исцарапанное кожаное кресло.

— Да чтоб я так жил, как вы живете! — ответил я, брезгливо убирая со стула какую-то тряпку, которую с натяжкой можно было назвать майкой, очень грязной майкой, и сел на освобожденное место, предварительно протерев его.

— Издеваетесь?

— Конечно, так жить нельзя, это антисанитария! — ответил я, продолжая брезгливо оглядывать помещение. — И как вы тут только принимаете владельцев яхт?

— Так они сюда и не заходят, у них есть свое здание клуба, — все так же хмуро отвечал пузан.

— Ну да, ну да. Я так погляжу, вы Гавайями увлекаетесь? — спросил я, кивнув на стену, всю увешанную плакатами с видами райских уголков острова.

— У каждого человека должна быть мечта. И у меня она есть! — ответил он, посмотрев на стену.

Я задумался на пару минут, после чего, чуть наклонившись к нему, завлекающим голосом спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы осуществить наши мечты? А?

— Что вы хотите? — заинтересованно спросил пузан, жадно пройдясь по одному из плакатов, где была изображена прекрасная мулатка в окружении тропических цветов.

— Я таки верю, что мы договоримся. Я! Хочу яхту!

— А что мне за это будет? — спросил пузан после некоторого размышления.

— Жизнь, ну и деньги, конечно, для исполнения вашей мечты, — ответил я, кивнув на плакаты.

— Есть у меня одна яхта, тримаран старика Джексона, его паралич разбил, вот он и попросил меня приглядывать за ней.

— Тримаран?! — переспросил я озадаченно.

— Да, это такая лодка с поплавками по бокам! — объяснил мне, как несмышленишу, пузан, явно переставая меня бояться.

— Да знаю я, что такое тримаран! Просто я никогда не имел дел с подобными лодками, ну нет у меня практики.

— Это не проблема, я научу, вы ведь сразу отплывете? Ну так и подкинете меня до МОЕГО острова! — Пузан явно выделил пункт назначения.

«Похоже, недооценил мечту охранника, она явно для него МЕЧТА!» — подумал я, и мы стали договариваться о цене.

— Сто тысяч — и ни цента меньше!

— А если подумать? — спросил я, доставая дробовик, который был более устрашающего вида, чем небольшой револьвер.

— Сто тысяч и дробовик! — кивнул пузан.

— Да ну нафиг, я не буду покупать кота в мешке, надо сперва осмотреть его! — ответил я возмущенно, убирая дробовик обратно.

— Интересное выражение, но вы правы, пройдемте, осмотрим.

Подхватив сумку, я первым вышел из будки и, пропустив охранника вперед, последовал за ним по поскрипывающим доскам настила в лабиринт проходов.

Я с интересом крутил головой, разглядывая яхты, слегка покачивающиеся в голубовато-зеленой морской воде залива.

«Что ни говори, а они просто великолепны, так и завораживают своей красотой!» — думал я, разглядывая большую парусную яхту, мимо которой мы проходили и на баке которой хозяин яхты, лежа в шезлонге, попивал что-то из высокого бокала. Завистливо посмотрев на него, я снова

стал вертеть головой, представляя, как сам полулежа кручу штурвал, а ветер наполняет паруса моей яхты.

— Вон и она, уже отсюда видно! — ткнул пальцем в стоянку больших яхт охранник.

Я присмотрелся и удивленно переспросил:

— Она же большая, я разве с ней справлюсь?!

— Об этом можешь не беспокоиться, она изготовлена по спецзаказу специально для старика, он хотел в одиночку совершить кругосветное путешествие, но тут паралич, сам понимаешь, мечта не сбылась.

Мы подошли к белоснежной яхте, и я вслед за охранником поднялся по трапу на борт. Достав из кармана ключи, пузан открыл дверцу и спустился по крутой лестнице вниз.

За час я излазил всю яхту, которая называлась «Ласточка», и даже нырял с пирса, осматривая днище, не заросло ли оно. Все было в порядке и, открыв ключом каюту, где я оставил свои вещи, оделся. Чуть позже мы сидели в самой большой каюте, которая была и кают-компанией, и гостиной, и кухней с баром.

— Ну как вам? — спросил пузан, плюхнувшись со стаканом виски на диван.

— Ну что я могу сказать!.. — задумался, стараясь найти недостатки, чтобы сбить цену, яхта стоила явно в десять раз больше, но меня как всегда стала душить жаба. И мы снова стали торговаться.

— Сто тридцать тысяч, не меньше, и это мое окончательное решение! — рубанул рукой воздух пузан.

— Ну и кто из нас еврейское племя? — озадаченно спросил я, поскольку никак не мог понять, почему цена поднялась до ста тридцати, хотя пузан первоначально просил сто тысяч.

— А мое молчание?! — тут же возмутился толстячок.

— А камень на шею и в воду?! — спросил я тем же тоном, иногда у меня бывают такие приступы жадности, что просто держись.

— И что, ты убьешь меня за какие-то тридцать тысяч? Своего спасителя?

— Убивали и за меньшее, а тут деньги! Ладно... по рукам! — пробормотал я, и мы скрепили сделку рукопожатием.

— Тебя хоть как звать-то, парень? — спросил он меня.

— Артур, можно просто Арчи, я не обижусь.

— Ладно, Арчи, меня можешь называть кэп Маккейн, или просто кэп, я обижусь, если ты будешь называть меня по-другому.

Еще в течение часа мы выясняли, чего нам не хватает для плавания, и примерно сколько потребуется средств, чтобы это все закупить. Покупать решили, понятное дело, на мои деньги. Жлоб этот кэп.

— Ну, вроде все, только не понимаю, зачем тебе водолазное оборудование. Оно же столько денег стоит?! — спросил кэп, пробежав список глазами еще раз. Однако я на провокацию не попался и промолчал. Сам не знаю зачем, просто чувствовал, что нужно — и все. После чего, положив список на стол, кэп выжидательно уставился на меня.

Я с подозрением пошевелился, предчувствуя утрату, и мои ожидания не обманулись.

— Деньги! — сказал он, протянув руку.

Недовольно выпятив губу, я отсчитал пятьдесят тысяч, и на возмущенное: «где остальное?» ответил:

— Тридцать тысяч за молчание, двадцать — это двадцать процентов за яхту, остальное после выхода в море. — И чтобы он понял, что его не обманывают, достал несколько пачек, показывая, что деньги у меня есть.

— Ладно, надо сходить к телефону и позвонить старику Джексону, — сказал он, пряча пачки с деньгами за пазуху, и, видя мое недоумение, объяснил: — У меня с ним договоренность, что я буду выходить на его «Ласточке», чтобы она расправила крылышки и не застаивалась у причала.

— А, понятно. Тогда пошли, нужно отплыть сегодня! — сказал я, вставая, и, задумавшись, спросил: — Ключ от каюты только один?

— Один у меня, остальные у старика! — ответил пузан озадаченно.

— Тогда мои ключи гони, я вещи оставлю! — протянул я руку и, получив пару ключиков из тяжелой связки, пошел прятать сумку, в походе по магазинам она мне была не нужна.

— Ну что, пошли? — спросил я, вернувшись к терпеливо дожидаящемуся меня на диванчике кэпу.

— Пошли, — ответил он, и с кряхтением встав, вместе со мной вышел из внутренних помещений на палубу яхты. Я закрыл дверь «Ласточки» уже своим ключом, и мы, сойдя на мостки пирса, потопали к его будке, где был телефон.

— Алло. Мне мистера Джексона, пожалуйста! — громко проговорил в трубку кэп, после чего нахмурился.

Удивленно глянув на него, я подошел поближе и прислушался к голосу в динамике. Услышанное дало мне понять, что старик Джексон скончался сегодня утром. Быстро нажав клавишу отбоя, пока кэп ничего не успел ляпнуть, я хлопнул его по плечу и радостно сказал:

— Ну вот и нет проблем, теперь о яхте не скоро вспомнят! У него же вроде нет наследников?

— Нет, один он! — ответил со вздохом кэп, положив трубку на аппарат.

— О, смотри, меня показывают! — отвлекся я, ткнув пальцем в экран телевизора, что-то тихо бормотавшего в углу. В отличие от жилища, телевизор просто блистал чистотой, он был явно любим кэпом, раз был единственным чистым предметом в помещении. Подойдя к нему, я прибавил звук и, отойдя на пару шагов назад, уставился в экран.

— ...поиски продолжаются, и мы повторяем, что за любую информацию о местонахождении преступника положено крупное вознаграждение, номера телефонов вы видите на экране. А сейчас мы повторим вчерашний сюжет...

Я с интересом следил за съемкой, которую вели с крыши соседнего дома.

— Смотри, я выхожу! — потыкал я локтем в бок кэпа и показал пальцем на экран.

— А что с твоим лицом? — спросил он озадаченно, не сводя взгляда с телевизора.

— Я решил, чтобы меня не узнали, лицо корчить, видишь, получилось!

— Ага, получилось, только они фоторобот составили со слов учеников, его утром показывали! — скептически сказал кэп.

— Н-да? — озадаченно почесал я затылок, но после махнул рукой, добавив: — Ну и фиг с ними, все равно я из вашей, э-э-э... нехорошей страны уплываю.

— Почему это нехорошей?! — взмутился патриотичный кэп.

— Меня сюда без моего разрешения привезли, можно сказать силой,

вот и получили! — ткнул я пальцем в экран, где в машины «скорой помощи» грузили и увозили пострадавших полицейских.

Видя, что тот молчит, я выключил телевизор и, хлопнув его по плечу, спросил:

— Ну что, капитан Сильвер, идем за покупками?

— Идем.

— Сейчас, только очки надену, а то у вас тут, я смотрю, много кто телевизор смотрит, еще узнают.

И мы, наняв грузовичок, поехали по магазинам.

К вечеру все покупки были сделаны, и мы завезли их на яхту и выгрузили на палубу, после чего стали таскать внутрь, расставлять по полкам и укладывать в каютах. Я сделал хороший набег на магазин одежды, накупив несколько пакетов всякой всячины, от футболок до прорезиненного плаща на мою фигуру и на вырост — так, на всякий случай.

Закончив где-то к вечеру, мы стали готовиться к отплытию.

— Убрать трап, отдать швартовы! — громко отдал приказ кэп, стоя с величественным видом у штурвала.

— Есть, кэп! — махнул я рукой в районе головы, отдавая честь, и, бодро подпрыгивая, подбежал к трапу, затащил его на палубу и стал привязывать к одному из поплавков. После чего спрыгнул на пирс, отвязал оба швартова, запрыгнул обратно и побежал на нос, где, ухватившись за один из стальных тросов, встал в позу, приложив ладонь ко лбу, и стал смотреть вдаль. Для этого я был одет идеально, так как почти час потратил на маскарад, который вызвал смешливую икоту у кэпа. На мне была тельняшка, синие штаны-шаровары, пояс с кривым кинжалом и пластиковый попугай на плече, которого я утащил в магазинчике сувениров. Надо же сделать все запоминающимся, зря, что ли, я купил фотоаппарат «Кодак», это ведь мое первое плавание.

Надо сказать, что кэп принял мою игру и, переодевшись, стал похож на старого пирата, даже закрыл повязкой один глаз, и сейчас, оттянув повязку в сторону, обоими глазами внимательно смотрел на окружающие нас яхты, выводя «Ласточку» с места стоянки. Двигатель ровно гудел, слегка отдавая в палубу вибрацией, которая хорошо чувствовалась голыми пятками.

— Впередсмотрящий, что там?

— Все чисто, мой капитан! — крикнул я в ответ и замахал руками паре девчонок, которые загорали топлесс на небольшом катере.

Выйдя из лагуны, «Ласточка» закачалась на высокой волне.

— Арчи, давай ко мне, пора учиться! — окликнул меня кэп. Урчащий двигатель смолк, и мы стали дрейфовать под устойчивым бризом к берегу.

Вдохнув свежий морской воздух, просто до разрыва наполняющий легкие, и выдохнув, я закашлялся и побежал к кэпу, стоящему у штурвала.

— «Джон, чем это воняет?» — «Чистый воздух, сэр», — негромко пробормотал я себе под нос.

Шлепая босыми ногами по белоснежной палубе, подбежал к небольшой рубке, где и восседал кэп.

— Ну, с чего начать? Пожалуй, с управления, вот это руль, по-морскому значит штурвал!..

Однако я прервал его с недовольным видом:

— Кэп, я все это знаю, как-никак мореходка за плечами, хоть и заочно. Давай сразу практику по парусам!

— Подожди-ка, ты что, где-то учился?

— Ну да. Что-то вроде мореходки, только частным порядком, на капитана дальнего плавания.

— Зачем?

— Ну так. Для расширения кругозора. — Не говорить же ему, что это моя мечта, и, пользуясь своими возможностями вселенца, я обучился на капитана, и тестировал меня самый настоящий морской капитан. Кстати, сдал я ему только с третьего раза, тот еще тип был.

— Давай я проверю, на каком ты уровне, — сказал кэп, доставая карту, а из тумбочки секстант.

— М-да. Я даже половины не понял, про что ты мне тут говоришь, но с картами и координатами работать умеешь, а это главное, не заблудишься.

Немного поворчав для виду, кэп стал показывать мне, как ставятся паруса и как идти под ветер. Проще говоря: «нажмешь на эту кнопочку — и парус поднимется, нажмешь на эту — и опустится».

Но, что ни говори — эти уроки мне очень нравились, несмотря на то что у кэпа я был вроде юнги, а это почти что раб. Так что стоя на коленях и скребя палубу на баке, я прокручивал в памяти все те уроки, что были сегодня.

— Юнга, ужин будет, или твой капитан умрет от голода?

— Да, сэр, конечно, будет, сэр! — вскочив, выкрикнул я.

Грозно насупившись, он спустился обратно в каюту, а я, домыв палубу и выплеснув воду за борт, направился на кухню, есть хотелось не только кэпу, но и мне.

Плавание до Гавайев продлилось три недели, и это не потому что было

большое расстояние, а потому что кэп держал свое слово, учеба шла вовсю, и пока он не убедился, что я справлюсь, мы крутились практически неподалеку от острова, маневрируя под ветром в любом положении и при любых парусах.

— Ну все, Арчи, ты теперь и один справишься, — вздохнув, сказал наконец кэп и, утерев выбитую ветром слезу, направился на бак. Мы шли к острову.

Гавайи большой остров, и, идя вдоль берега, мы рассматривали белоснежные пески и бунгало на берегу.

— Один из этих домов будет моим! — пробормотал кэп, с жадностью разглядывая берег.

— Где приставать будем? — поинтересовался я, сидя в капитанском кресле и управляя левой ногой. Проще говоря, нога лежала на штурвале, а я, пользуясь обеими руками, держал в руках карту, разглядывая воды вокруг острова.

— В порт пойдем, там определимся! — ответил кэп.

— Ну нет. Там могут «Ласточку» захомутать, а оно мне надо?

— Да, действительно, как-то я не подумал об этом! Тогда спускай лодку — и на ней мы дойдем до берега, а там я уж разберусь, куда и сколько! — сказал кэп, потирая руки.

— Лады! — ответил я и, убрав карту, повернул штурвал. Отчего «Ласточка», с наполненными ветром парусами, заметно накренясь, понеслась к берегу.

Не дойдя до берега примерно метров триста, где был край мели, мы стали спускать резиновую лодочку, после чего под неторопливое тарактение маленького мотора подплыли к берегу и вытащили ее на сушу.

— Ну что, юнга, пора тебе становиться капитаном! — произнес кэп после недолгого молчания, как будто у него и у меня кончились слова и нам не о чем говорить. Печально вздохнув, он снял с головы капитанскую фуражку и надел мне на голову.

— Владей, капитан!

Прощание получилось скомканным, мы были чужими друг другу, но за время плавания успели немного сблизиться.

— Ну что, давай прощаться, что ли? — спросил кэп, протягивая руку.

— Может, еще увидимся? Ты, главное, погрудастей себе жену выбирай и помни, что Минздрав предупреждает: не всех девушек можно любить.

— Учи ученого!

Распрощавшись со своим... можно сказать, учителем, я оттолкнул лодку и, запрыгнув в нее, завел мотор. Не оглядываясь, порулил к

«Ласточке», все прибавляя и прибавляя газу.

«Ну вот, теперь можно и попутешествовать, вот только с чего начать?»

Закрепив лодку на кронштейнах, где она и висела до этого, я подошел к рубке и, плюхнувшись на сиденье, нажал кнопку стартера.

Двигатель тихо заурчал в трюме. Дождавшись, пока он немного прогреется, нажал на кнопку подъема якоря и терпеливо ждал, пока он не поднимется. После чего принайтовив его, чтобы якорь не болтался, дал газу, страгивая и уводя тримаран от берега.

Дождавшись ветерка, отключил двигатель и, пользуясь тем, что яхта полностью электрифицирована, поднял белоснежные паруса, нажимая на кнопки на пульте. Отойдя от острова километра на два и лавируя среди множества всяких яхт и катеров, направился подальше от суши — пора начинать свое первое морское путешествие.

Поставив автопилот, спустился на кухню и стал готовить обед, когда сигнал радара привлек мое внимание. От Гавайев я уже удалился примерно километров на двадцать, и поэтому был в недоумении, кто тут еще, кроме меня, бороздит эти воды, вечер же.

Выйдя наверх, я заметил неподалеку лодку и знак на ней, что под водой находятся водолазы. Взяв в руки морской бинокль, всмотрелся в него, с интересом изучая небольшую моторную яхту.

К моему удивлению, около нее плавали несколько человек и махали мне руками. Причем активно так махали, как будто звали.

«А это еще что? Акула, что ли?» — Мне показалось, что около одного из купальщиков я заметил спинной плавник определенной формы.

Вдруг один из пловцов всплеснул руками и исчез под водой.

— Ни хрена себе у них там ужасики! — вскрикнул я, отключая автопилот и поворачивая штурвал в сторону встреченной яхты, одновременно вспоминая свою встречу с дельфином: — Брр, не дай бог подобное еще раз пережить!

Махания купальщиков стали более активными, было видно, как они сбились в кучу. К тому же мне стало их плохо видно, так как «Ласточка» шла под парусами полным ходом и мы уже успели изрядно удалиться, отчего корпус встреченной яхты скрыл от меня людей.

При приближении стали слышны крики о помощи.

— Помогите!.. На помощь!.. Сюда! — кричали от души, было видно, что выкладываются полностью.

Аккуратно нажав на кнопки опускания парусов, я под едва слышимое тархтение двигателя и жужжание электромоторов, которые по блокам с помощью тонких стальных тросов опускали паруса, стал приближаться к

чужой яхте. Даже не яхте, просто большому прогулочному прибрежному катеру. Скорость заметно упала, но яхта двигалась всё равно еще быстро, поэтому, чуть повернув штурвал, я впритирку прошелся рядом с бортом чужого катера и, пробежав по правому поплавку с причальным концом, прыгнул на катер и быстро намотал конец каната на один из причальных столбиков. Катер заметно дернуло, но «Ласточку» я остановил, последствий от сближения и касания тоже не было из-за опущенных у меня причальных матов.

«Черт, как же я так опростоволосился со скоростью, вот что значит теоретическое обучение, практика нужна, практика!» — думал я на бегу к другому борту катера.

Внутри, в одной из кают был отчетливо слышен детский плач, похоже даже младенческий.

— Помогите-е-е-е!!! — раздался вопль за бортом.

Подбежав ближе, я бросил в воду спасательный круг и, откинув защелку, сбросил вниз металлическую лестницу.

«Так вот почему они забраться на катер не смогли, попрыгали в воду, а лестницу не опустили!» — понял я, помогая дрожавшей крупным ознобом девушке подняться на борт. Вслед за ней поднялись три парня и еще одна девушка.

Посмотрев на красную муть, расплывшуюся неподалеку от борта, в которой стремительно мелькали хищные силуэты акул, и обернувшись к купальщикам, которые, похоже, были в шоке, и сейчас, сидя у бортов, пустыми глазами смотрели на палубу, я негромко пробормотал с вопросительной интонацией:

— Что-то мне все это напоминает? Где-то все это я уже видел...

Ребенок в каюте снова взвыл, из-за чего я поморщился. Посмотрев на девушек, прикинул, какая из них может быть матерью, и выбрав ту, у которой груди побольше, подошел к ней двумя стремительными шагами, дал ей хорошую затрещину и заорал в ухо:

— Ребенка накорми, коза! Не слышишь, орет?! — До ее морального состояния мне не было никакого дела, я ее не знал, поэтому больно-то и не напрягался успокаивать.

Однако после моего крика поднялась не только пышногрудая, но и вторая девушка, обе они как сомнамбулы двинулись к каюте и исчезли внутри.

— Эй, как вы вообще? — спросил у парней, с интересом следя за битвой за крупные куски в воде.

Ответа не последовало. Мне это очень не понравилось, не люблю, когда

меня игнорируют.

— Эй?.. Ты чего?.. Чего дерешься? Отстань!.. Уй, как больно! Да все-все, я нормальный! — воскликнул ближайший ко мне парень после семнадцатой по счету пощечины. Я вообще удивился, как он может говорить после моих ударов.

Посмотрев на его уже начавшее опухать красное лицо и хмыкнув, я сказал:

— Своих дружков в чувство сам приводи, у меня руки не казенные. — И направился в каюту, посмотреть, как там дела, а то мало ли что.

В каюте была тишь да благодать, ребенка кормила вовсе не полногрудая девушка, притом из бутылочки, что вызвало у меня разочарование — воздержание давало о себе знать. «Ну ошибся, подумаешь!» — вздохнул я, с интересом наблюдая за происходящим, но мне это быстро надоело и я слинял к рации. Спасенные могли вызвать помощь и сообщить об их спасателе, то есть обо мне, что мне было категорически не нужно. Поэтому я и направлялся к рации, надеясь немного с ней повозиться.

«Пусть лучше своим ходом дойдут, а там пока сообщат, пока то, пока се, меня уже и след простынет!» — думал я, подходя к висящей рядом со штурвалом радиостанции. Однако, к моей досаде, на месте рулевого сидел один из парней и из горлышка хлестал что-то спиртное.

— Тебе что, морской воды не хватило, решил в огненной утопиться? — поинтересовался я с любопытством. Парень в ответ что-то промычал, не отрываясь от бутылки.

— Не трогай его, у Алекса девушку акулы утащили, мы даже сделать ничего не успели, — сказал тот паренек, которого я привел в чувство, подтаскивая к дивану третьего парня, который, похоже, вообще вырубился.

С удовольствием посмотрев на его оплывающее лицо с симметричными синяками под глазами, я зевнул и с любопытством поинтересовался:

— Вы вообще кто такие? Что тут делаете?

— День рождения Майкла отмечали, — со стоном ответил он, плюхаясь на диван рядом с товарищем, которого затащил в каюту последним.

— Это который?

— Нет его здесь, Майкла третьим съели.

— Третьим? Так сколько же вас было всего?

— Одиннадцать.

Я невольно присвистнул:

— Шестерых схарчили? Ой, не нравится мне здесь. Ой, на берег

хочу, — вырвалось у меня, как только я представил себя на их месте.

«Уф, страх-то какой, нет, надо найти какой-нибудь необитаемый остров и пожить там месяц-другой, благо еды навалом, хватит», — подумал я после некоторого размышления.

Встав, парень подошел к рации и, нажав тангетку, сказал в микрофон:

— Мейдей, нападение акул, нужна медицинская помощь. Яхта «Аманда», нахожусь...

«Блин, валить надо, валить!» — подумал я, вскакивая.

Дождавшись, пока парень повесит микрофон обратно на держатель на рации, сказал, хлопнув его по плечу.

— Спасибо, что про меня ничего не сказал.

— Да я как-то не подумал, — смущенно ответил он, потирая затылок ладонью.

— Думал, не думал, но все равно спасибо. Если бы сказал, то вот... — показал я кулак, приблизив его к лицу парня, пояснив: —...что бы получил от отца, когда он узнал, что я брал его яхту.

Посмотрев на кулак, парень пожал плечами и, обойдя меня шаркающими шагами, приблизился к свободному креслу, сел в него и склонил голову.

Осмотрев народ в каюте с их траурным настроением, я в недоумении пожал плечами и, обойдя парня в капитанском кресле, уснувшего на сиденье, перешагнул пустую бутылку и зашел в другую каюту. Там тоже все спали.

«Вряд ли они меня запомнили и мою „Ласточку“ тоже, так что нечего тянуть время!» — подумал я, быстро выходя на палубу. Отвязав конец, перепрыгнул на «Ласточку» и, смотав бухту, побежал в рубку. Ударив по кнопке поднятия парусов и заведя двигатель, стал отходить от «Аманды», расширяя пространство между нами. Заметив, что паруса натянулись, о чем тут же засигналил датчик, отключил двигатель, поставил автопилоту курс по ветру, чтобы уйти от «Аманды» как можно дальше. По счастливому стечению обстоятельств довольно сильный ветер дул в нужную мне сторону, и я на семнадцати морских узлах уходил все дальше от берегов Америки, в глубь Тихого океана.

Мне повезло, за два часа, что прошли после моей встречи с «Амандой», я успел уйти довольно далеко, и главное — за это время кроме контейнеровоза мне так никто и не повстречался. Убедившись, что автопилот держит курс, я включил динамик радара погромче и направился на камбуз. Пора было заниматься ужином, так как уже давно стемнело, а я до сих пор не кормленный.

— ...Банана, банана-мама... — напевал я, стоя у плиты с открытой банкой тушенки в руках. Макароны уже сварились и сейчас шипели на раскаленной сковородке, испаряя остатки воды. Перевернув банку я, крутя ложкой, вывалил тушенку на макароны, после чего перемешал их, закрыл крышкой и, убавив жар до минимума, стал готовить морс.

Заметив, что снаружи совсем стемнело и появились звезды, я вышел на палубу и, подойдя к рубке, включил навигационные огни, чтобы не произошло столкновения. Посмотрев на чистое ночное небо, где множество звезд подмигивали мне издалека, и висящий на небосклоне серп луны, я огляделся вокруг и, счастливо вздохнув, направился обратно.

Поев, я вышел наружу и, плюхнувшись в растянутый между мачтами гамак, стал зубочисткой выковыривать из зубов остатки мяса, с легким скрипом покачиваясь над палубой.

«Ну все, пора лечь в дрейф, так как скоро начнутся островки и атоллы, как бы не налететь на какой-нибудь риф, так что только в дрейф».

Спустив паруса и сбросив на воду специальный плавучий якорь, который до этого лежал в трюме, я зафиксировал штурвал, потом отправился спать в каюту. Спать на ветру в гамаке я не собирался, больно мне надо простыть.

Проснулся я от сильной качки и легкого поскрипывания корпуса. Судя по заметным ударам волны в корпус, поднялось сильное волнение, встав и шатаясь не только спросонья, но и от качки, я направился в ванную. После всех водных процедур, накинув штормовку, вышел на палубу, и меня чуть не сбilo с ног. Мощный порыв ветра, свистевший в туго натянутых стальных канатах, передавал неповторимый гудящий звук.

— У-у-у, что-то тут не так, надо радио послушать!

Бегом вернувшись внутрь яхты, подбежал к закрепленной на стене рации и, включив ее, стал крутить ручку настройки, ища волну метеобюро.

— ...внимание все... ф-ф-ф шторм... едупреждение... ф-ф-ф-ф-ф...

Из динамиков постоянно были слышны помехи, и прорывался чей-то голос, пока я не попал на нужную волну.

— ...Всем-всем, внимание, на Гавайи идет сильный шторм, по шкале... ф-ф-ф... требуется укрыться в портах и других возможных укрытиях. Внимание-внимание, всем-всем повторяю!..

— Зашибись, если не понос, так золотуха! — зло прорычал я, быстро карабкаюсь по лестнице на палубу. Добежав до рубки, завел двигатель, и, пока он грелся, поднял и убрал в трюм плавучий якорь. После чего, немного приподняв паруса и зафиксировав их в таком положении, встал за штурвал, управляя быстро набирающей скорость яхтой.

Из-за того что паруса я поднял не очень высоко, они получились как бы штормовыми. Это, кстати, было изначально заложено в яхте как раз на такой случай, как мне объяснил кэп.

Переваливаясь через ставшие крупными волны, я смотрел вбок, там были видны черные грозовые тучи, которые двигались на меня, и через некоторое время понял, что они быстро меня догоняют.

«Если не убежишь, так можно в сторону уйти, плохо только, что грозовой фронт довольно широкий и больно-то не увернешься от него».

Повернув штурвал, я под свист ветра на заметно накренившейся от бокового ветра яхте летел в непонятном мне пока направлении.

Гонка длилась почти полтора часа, пока меня не накрыл шквал дождя и ветра. Поняв, что боковым ветром мне может переломать все, что только можно, я повернул по ветру и, убавив площадь парусов до минимума, что, кстати, не сильно-то помогло, полетел в полную неизвестность.

То, что «Ласточка» была тримаран, очень помогало мне, так как при таком ветре практически не было боковой качки, однако это не спасало яхту от крупных волн, которые перекатывались через палубу, захлестывая меня соленой водой вперемешку с пеной.

Выплюнув очередной раз попавшую в рот и нос воду, я, кашляя, но крепко удерживая штурвал, матерился, вспоминая Нептуна и его шуточки с погодой.

Яхта содрогнулась от догнавшего нас очередного крупного вала, и послышался треск.

«О нет, только не это! — подумал я, увидев, как вода водоворотом уходит под палубу. — Ну точно дверь снесло. Блин, теперь надо закрыть проем брезентом!»

Включив двигатель и обе водооткачивающие помпы, я крепко принайтовил штурвал и, поправив веревку, завязанную на поясе, стал пробираться к разбитой в щепки двери, до этого закрывающей проход внутрь яхты.

Заметив следующий вал, я крепко уцепился за попавшуюся на пути мачту и с громким воплем встретил волну. Вода моментально попала мне в рот, кашляя и отплеываясь, я орал:

— Да чтобы я... эхе... кхе... тьфу... еще раз в открытом море оказался?! Все моряки тайные мазохисты! Как такое море можно любить?!

Убедившись, что следующий вал еще далеко, я под сотрясение корпуса и наклон в сторону носа — «Ласточка» как раз взбиралась на очередную обычную волну — спустился внутрь яхты и, бредя в воде по колено, открыл ящик справа от входа на кухню и достал брезент, который был

специально припасен для таких случаев.

Переждав очередной вал и заметив, что «Ласточка» заметно потяжелела, приняв несколько тонн воды, стал быстро закрывать проем брезентом, укрепляя его досками от остатков двери. Завязав последний узел, я ударил по брезенту, который пружинисто оттолкнул руку.

«Порядок, выдержит!» — подумал я, возвращаясь к штурвалу. Затопления моторного отсека я не опасался, так как он был герметичный, и шанс попадания воды был минимальный. Заметив догоняющий нас очередной вал, я ухватился за леера и крепко сжал губы. Несколько попыток держать их открытыми мне хватило, чтобы понять, что рот нужно держать закрытым, тем более когда тебя накрывает волна.

Впопыхах схватившись за леера, я совершенно забыл, что мало того что они алюминиевые, так еще и съемные. Поэтому меня, орущего со страху, приподняло и кинуло на нос яхты, где я успел уцепиться ногой за один из канатов бушприта, который только что врезался в очередную волну, и я стал карабкаться наверх. Однако это было не все, резко отхлынувшая с палубы вода потащила меня за собой, и через секунду я оказался в открытом море.

Страховочный канат, обмотанный вокруг пояса, пребольно врезался мне под ребра, когда «Ласточка» потащила меня за собой. В это время сильный шквальный дождь, барабанивший по воде и яхте, заметно уменьшился, дав возможность хоть немного осмотреться, хотя мне было не до того.

Отшвырнув секцию леера, которую, как оказалось, я продолжал держать в руках, и ухватившись за канат, напрягая все силы, оставшиеся после трехчасового тяжелого плавания в эпицентре урагана, стал подтягивать к себе яхту. Эта борьба за жизнь так увлекла меня, что я пропустил приближение очередного вала.

— А-а-а!!! — заорал я, когда мощная водяная рука подняла меня и зашвырнула прямиком на палубу. Успев ухватиться за мачту, когда напор воды протащил мимо, я, крепко держась, любовно ее обнял и несколько раз поцеловал в благодарность. Наконец вода схлынула, я добрался до рубки и, забравшись в нее, еще раз привязал себя к сиденью.

Борьба за жизнь продолжалась еще четыре часа, полностью вымотав меня, когда вдруг «Ласточка», заметно кренясь на правый бок, так, что правый поплавок почти полностью ушел под воду, вдруг вылетела на вполне спокойную воду, где отсутствовали шквальный ветер, дождь и тучи, делавшие день ночью.

С удовольствием прикрыв глаза, я, тяжело дыша, отдыхал от

постоянной борьбы за жизнь.

«Десять секунд отдохнул — и хватит, надо осмотреться, куда я попал. В то, что ураган прошел, мало верится, вон он за спиной молниями сверкает, темной стеной до самого неба. Неба?»

Посмотрев наверх, я понял, что вижу совершенно чистое небо, это заставило меня оглядеться.

Внимательного осмотра в бинокль хватило, чтобы понять, что я оказался в эпицентре урагана, так называемом «оке». Еще в прошлой жизни я смотрел фильм о чем-то подобном, и сейчас хотя бы понимал, где нахожусь. Со всех сторон меня окружала стена грозových туч, где бушевали ветер и дождь, но в эпицентре было довольно тихо, так что, подняв паруса, я направился подальше от стены, из которой меня выбросило в «око».

«М-да, вот никак не думал, что попаду в эпицентр урагана. Блин, да я вообще не думал куда-нибудь попадать. О, а это что там? Что еще за херня?» — Скинув плотный прорезиненный плащ, в котором на солнце меня стало уже довольно сильно припекать, и достав из ящичка бинокль, стал разглядывать непонятный мне предмет.

— Мне кажется, или это подводная лодка? Да нет, хоть и далеко, но вроде лодка. Хотя рубки не видно. Надо подойти поближе, — решил я вслух и, посмотрев на обмякшие без ветра паруса, вспомнил, что в «оке» обычно бывает полный штиль, поэтому, убрав их, завел двигатель, включил полную скорость и направил «Ласточку» к подводной лодке, решив разобраться с разрушениями на яхте попозже.

При приближении подлодка становилась все «страньше и страньше», как сказала бы одна девочка из Зазеркалья. Снова достав бинокль, я понял, что ошибся, это была не лодка, а перевернутое вверх килем большое судно. Взобравшись на рубку, я снова огляделся, и мне показалось, что левее еще что-то темнеет, но возможностей бинокля не хватило разглядеть, что это, слишком большое было расстояние.

Спрыгнув обратно на палубу, я спустился в рубку и, сняв с держателя микрофон рации, сказал:

— Внимание, яхта «Ласточка», меня кто-нибудь слышит?

Ответа не было. Кроме сильных статических помех, не было ничего. Эфир молчал. Крутя ручки настройки, я повторял одно и то же, но ответа так и не дождался. Повесив микрофон на место, поднялся на палубу и, пройдя на нос яхты, всмотрелся в заметно приблизившееся перевернутое судно.

«Большое, очень большое. Кстати, никаких предметов в воде я не вижу, а ведь они должны быть. Это означает что? А то, что перевернуло судно

далеко отсюда и принесло в „око“ уже в таком виде. И если вспомнить фильм „Посейдон“, то уверен, что живые внутри должны быть, просто обязаны!»

Вернувшись в рубку, я убавил ход, и когда приблизился к покрытому ракушками корпусу, который лизали некрупные волны, то вообще вырубил дизель. Сбросив на воду плавучий якорь, чтобы «Ласточку» не отнесло далеко, я стал готовить к спуску лодку. Отцепив её с кронштейнов и заметив, что один из них надломан непогодой, с трудом спустил лодку на воду. Повезло, что с лодкой все было в порядке, как и с мотором. Я бросил на пол молоток, взятый из ремкомплекта, и, дав газу, понесся к корпусу судна. Ближе подплывать к корпусу я опасался, из-за того что резиновую лодку могло повредить об острые грани ракушек, налипших на корпус. Поэтому, подплыв, я уцепился за одну из крупных ракушек рукой, не давая лодке прикасаться к ним, и, прыгая на волне, стал долбить молотком по корпусу.

Подолбив в течение минуты, убрал молоток и прислушался, но ничего кроме шума волн о корпус не услышал. И хотел было уже облегченно вздохнуть, как на грани слышимости до меня донесся едва слышимый стук, причем, судя по звуку, били уже с той стороны.

«Вот блин, а? Все-таки придется нырять. Ну что же мне за наказание такое, то одно, то другое?!»

Лезть в темную воду, на глубину, мне категорически не хотелось. Одно дело — плавать в водолажном снаряжении где-нибудь у берега райского острова, в великолепной красоте рифовых островов, и совсем другое — нырять на неизвестную глубину. Я представил, какое тут расстояние до дна, и от этой мысли меня бросило в дрожь.

«Да ну на фиг, не думать, не думать. А может, там вообще американцы? Короче, если там они, то я этот перевертыш не видел, типа не заметил!»

Подплыв к корпусу обратно, так как меня уже отнесли волны, я, подумав, переплыл на другую сторону. После чего снова уцепился за одну из ракушек и стал морзянкой, международным кодом, отстукивать вопросы.

«Сколько вас?»

«Помогите, нас семнадцать».

«Кто вы?»

«Русские, сухогруз „Абхазия“».

— Класс, это надо же встретить в открытом море соотечественников! — пробормотал я и понял, что нырять все-таки придется.

«Как мне до вас добраться? У меня есть водолазное снаряжение».

«Через камбуз, там коридор!..»

Вернувшись на «Ласточку», я начал готовить снаряжение. Заведя двигатель, стал заправлять баллоны воздухом с помощью компрессора. И пока они заправлялись, надел водолазный костюм и приготовил второй, аккуратно его свернув. Дождавшись, пока баллоны заправятся, уложил оба в лодку вместе с поясами утяжеления и ластами, спустился в лодку и, заведя мотор, погнал к корпусу.

Облачившись в снаряжение, я плюнул на стекло маски и, прополоскав ее соленой морской водой, надел. После чего вставил в рот загубник и нырнул спиной в воду. Вывернувшись в пузырях воды лицом вниз, я несколько секунд метрах в трех от поверхности плавал без движения, привыкал, после чего, вынырнув, подхватил с лодки веревку, привязанную к запасному баллону и свертку с вещами. Привязав ее к поясу, нырнул обратно, баллон и снаряжение потянулись теперь за мной на расстоянии двух метров.

Не включая подводный фонарь, — солнце и так хорошо освещало судно, — я поплыл к проему окна радиорубки. Найдя рядом незапертую дверь, открыл ее, втиснулся вовнутрь, втянул вещи, и, следуя плану, который успел выучить после «разговора» со старпомом, направился по коридору к камбузу. Было забавно плыть по перевернутому вверх дном судну. При ярком свете фонаря было как-то непривычно видеть палубу наверху, а плафоны освещения внизу.

Оттолкнув плавающие диванные подушки, я внезапно увидел перед лицом чью-то руку, слегка покачивающуюся в воде. Покрутив фонарем туда-сюда, я понял, что рука принадлежит одному из погибших моряков, который не успел укрыться в помещении, где был воздух.

«Извини, браток, но нужно спешить, пока еще есть живые!»

Взяв матроса одной рукой за пояс, я затолкал его в открытый проем какого-то помещения, освобождая коридор, и поплыл дальше. Вскоре я достиг лестницы и, цепляясь за перила, проплыл наверх судна, если судить по тяготению, и вниз, как было запланировано конструкторами, и вынырнул в свободном от воды лестничном проеме, где меня уже ждали несколько человек.

Двое из них сразу же прыгнули в воду и помогли мне вылезти на сухое место.

Сняв маску, я, ухмыляясь, посмотрел на удивленных моряков, они никак не ожидали увидеть фактически подростка.

— Ну что, товарищи матросы, не ожидали увидеть соотечественника,

да еще и пацана, а? — спросил я с улыбкой.

— Не ожидали, — кивнул старший из них, с нашивками старпома на когда-то белой форменной рубашке.

— Не ожидали, а я пришел! — ответил я, крутя вентиль снятого баллона, чтобы перекрыть выход воздуха. Брезгливо принюхавшись, спросил: — А чем это у вас так пахнет?

— Углекислота, да и вынужденный туалет неподалеку, — ответил старпом, причем было видно, его что-то гложет.

— А в воду не догадались ходить, не было бы такого запаха? — поинтересовался я, зажимая нос.

— Не догадались, — кивнул старпом, и тут раздался странный скрежещущий звук.

— Нужно торопиться, сколько зараз можно вывести людей? — быстро спросил он меня.

— Трех, один со мной, другой на прицепе с выбранным вами водолазом, — так же быстро ответил я и спросил: — А что это было?

— Груз распирает, — ответил старпом и махнул рукой в сторону, где было едва видимое освещение от полусевших фонариков. — Скоро обшивку может порвать, и все, амба.

— А что за груз? — спросил я, помогая одному из моряков натягивать водолазный костюм.

— Рис!

Я представил себе, как в трюм, полный риса, попадает вода, и мне сразу поплохело. Поэтому, прикинув время, быстро спросил:

— И сколько же вы перевернутыми бултыхаетесь?

— Больше десяти часов... Да давайте быстрее! — крикнул он кому-то в темноту.

— Понятно... и потом вас вынесло в «око», — прикинул я вслух, судя по всему, времени практически не оставалось.

— Какое «око»?

— Мы в эпицентре урагана, вокруг нас так называемое «око», — пояснил я.

Моряки сразу начали материться, пока на них не рявкнул старпом. В это время к нам подошли две женщины лет по сорок, с опухшими от слез лицами.

— Наш повар и официантка, по совместительству библиотекарь, их нужно вывести первыми.

— Нужно, так выведем, — ответил я, показывая матросу, как пользоваться маской и загубником.

Вчетвером мы вошли в воду и минут пять потренировались, чтобы женщины привыкли меняться загубниками, то есть пользоваться кислородом по очереди. И убедившись, что они хоть немного адекватны, мы вчетвером, светя единственным фонариком, поплыли под водой на свет солнца.

Что было самым сложным, когда мы вынырнули у немного отплывшей лодки, так это отцепить пальцы женщины, что плыла со мной. Жалобно глядя на меня, она сказала посиневшими губами:

— Никак, как будто примерзли.

Отогнув каждый палец, я помог ей залезть на лодку, где уже сидела другая женщина и, взобравшись вслед за моряком, положил снятый в воде баллон на дно лодки. Заведя мотор, я погнал к яхте.

— Значит, так. Как вас зовут? — спросил я, как только они взошли на борт «Ласточки».

— Андрей Волков, старший матрос-плотник, — представился матрос.

— Алевтина Андреевна, повар, — сказала та, которую тащил я.

— Марина Васильевна, — представилась следующая.

— Значит, так. Вы, Марина Васильевна, занимаетесь уборкой. Вы, Алевтина Андреевна, займитесь кухней, скоро народ прибудет, нужно будет покормить, напоить. А теперь с вами, Андрей, яхту изрядно потрепало в урагане, так что посмотрите, что можно исправить, починить.

Быстро показав им где что лежит, я прыгнул обратно в лодку и, дав полный газ тарахтящего на холостом ходу мотора, рванул к остову судна, нужно было торопиться. Эксплуатировал я спасенных для того, чтобы они были заняты делом и не думали, как нам выбираться из «ока», о своем спасении и об оставшихся внизу. Трудотерапия в действии, короче.

Нырнув снова с грузом, привязанным к поясу, я уже по проторенному маршруту вынырнул там же, где собрались все выжившие во время трагедии с судном.

— Что-то долго вы, — сказал старпом.

Я объяснил, почему задержался, и ответил, что теперь уже спасение пойдет быстро.

— А это кто? — кивнул я на лежачего, всего перебинтованного человека.

— Боцман, его в двигательном придавило сорвавшейся балкой.

— Он в сознании? Вытащить сможем?

— Не знаю, сможем или нет, но он пока без сознания. Переправим его последним.

Как только один из матросов надел баллон, мы вчетвером нырнули в

воду и поплыли на выход, пробираясь по проходам сухогруза. С парнями было работать заметно легче.

Сделав так четыре рейса, я переправил всех наверх, пока не остались старпом и боцман.

— Давайте быстрее, там, кажется, уже шов разошелся, и судно заметно просело! — крикнул я, выныривая.

Быстро надев на старпома баллон, загубник которого он вставил в рот бессознательного боцмана, мы поплыли со всей возможной скоростью к выходу, пользуясь моим баллоном на двоих. Уже у самой поверхности кислород у моего баллона кончился, и мы с выпученными глазами вынырнули на поверхность, жадно хватая воздух открытыми ртами.

Рядом послышался шум мотора, и около нас притормозила лодка. Я почувствовал, как меня хватают сильные руки и затаскивают в лодку. А вот боцмана вытащили и уложили на дно лодки очень аккуратно, явно беспокоясь о раненом.

И как только в уже тесное пространство лодки втиснулся старпом, мы погнались к яхте, которую облепили матросы, устраняя видимые и невидимые повреждения. Все понимали, что именно от «Ласточки» зависит, выживут они или нет, так что старались все.

— Красавица, — сказал старпом, осматривая мою яхту.

— А то! Знаете, какие деньги пришлось за нее выложить? — сразу же загордился я.

— Триста тонн? — на глазок прикинул он тоннаж.

— Триста двадцать, — ответил я.

— Кстати, мы не представились друг другу. Бессонов Олег Владимирович, старший помощник сухогруза «Абхазия». Шли с грузом в Лос-Анджелес из Шанхая.

— Александров Артур, путешественник.

— Александров... Александров, уж не тот ли это Александров, который композитор?

— Тот, — скромно потупил я глазки.

— Так вас же убили, это еще по центральному телевидению показывали пару лет назад.

— Не убили, а только ранили. Вот меня и запрятали получше.

— То-то я смотрю, лицо я где-то видел, а тут вон оно как, — протянул Бессонов, глядя на меня.

Я пожал плечами, пускай сам домысливает, почему меня скрывали от общества после ранения, хотя он должен знать, «утка», из-за которой в меня стреляли, была запущена в народ уже давно.

Притормозив у трапа яхты, мы быстро взобрались на борт и стали помогать поднимать боцмана, который пока так и не пришел в сознание.

— Давайте его ко мне в каюту, — скомандовал я, как только поднялся на борт.

— Вроде дышит, — приложив пальцы к шее, облегченно вздохнул старпом.

— Доктор где?

— Его в Шанхае сняли, из-за аппендицита, а нового прислать не успели, — развел руками выходящий вслед за мной из каюты Бессонов, выпроводив сперва матросов.

— Ну ладно, сам осматрю, — сказал я.

Переодевшись, я вернулся в каюту и стал осторожно осматривать неумело намотанные бинты, как вдруг вспомнил кое-что.

— Олег Владимирович, пока я тут вожусь, вы не могли бы осмотреть территорию «ока»? Я на норд-вест видел какое-то непонятное пятно, возможно, еще один из неудачников, попавших сюда. Пытался связаться с ними по радию, но успеха не добился.

— Хорошо, если что, подойдем поближе.

— Ну это вряд ли. Я сомневаюсь, что вы разберетесь с управлением «Ласточки», уж больно оно специфическое. Лучше на лодке сгоняйте, возьмите запасную канистру с бензином — и вперед, а я пока тут.

— Опасно, вдруг «око» сдвинется.

— Кто не рискует, тот...

— ...не пьет шампанского, я в курсе.

— Да не беспокойтесь вы так, осматрю раненого — и сразу за вами. Да, и возьмите мобильную радиостанцию, у меня есть пяток штук.

Уложив в брезентовую сумку рацию, небольшой сухпай, не забыв пятилитровую канистру пресной воды, со старпомом отплыли на лодке еще три моряка, они уже подкрепились рыбной похлебкой, которую успела сварить Алевтина Андреевна.

— Счастливо, — крикнул я им, после чего, развернувшись, потопал в свою каюту, надо было заняться раненым.

Закончив разматывать бинты, я внимательно осмотрел боцмана.

«На груди небольшая ссадина, кровоточит, конечно, но не особо. Непонятно зачем забинтовали всю грудь, не из-за этой же царапинки? Так, а вот с головой похуже. Череп вроде не проломлен, но гематома присутствует, тут нужна томография, а не поверхностный осмотр!»

Легкое прощупывание ребер переломов не выявило, похоже, ребра целы. Заклеив лейкопластырем царапину на груди, я занялся головой,

перебинтовал, как было, но больше ничего делать не стал.

— Что там с боцманом, Артур Кириллович? — спросил у меня седовласый моряк, когда я вышел на палубу.

«Хм, похоже, матросики, которые в лодке с интересом прислушивались к нашему разговору со старпомом, язык за зубами держать не стали, уже все всё про меня знают».

— С головой серьезно, похоже на контузию. А грудь — так, царапина.

— А в сознание он когда придет?

— Да кто его знает? — пожал я плечами и прошел в рубку, где у радиостояла радист и что-то слушал, приложив динамик к уху. — Контузия она такая, ничего конкретного даже врачи не скажут, — добавил я и, взяв бинокль, стал с интересом обозревать окрестности.

— Эх, жаль Васильича, хороший мужик, — вздохнул матрос, продолжая строгать рубанком доску.

— Да, наверное, — ответил я, не отрываясь от окуляров. — О, а где сухогруз?

— Минут десять назад на дно ушел.

— Понятно. Хорошее было судно?

— Нормальное, старое, правда.

— Олег Владимирович не выходил на связь? — спросил я радиста, представившегося Славой.

— Минут двадцать назад сообщили, что видят полузатопленное судно, сказали, что подплывут поближе.

— Понятно, идем к ним, — ответил я и, нажимая кнопки на пульте, стал активировать систему «Ласточки». Загудел дизель в моторном отделении, с вжиканьем поползли паруса на мачты.

— Классно у вас тут все оборудовано, Артур Кириллович, — восхищенно сказал Слава, наблюдая за моими движениями.

— Можно просто Артур. А насчет яхты, то да, спецзаказ, рассчитана на одного человека.

— Электроника, — сказал вдруг продолжавший что-то строгать позади матрос, причем непонятно каким тоном, то ли похвалил, то ли отругал.

— Простите, как вас?.. Егор Владимирович, так она и сделана для одного человека, можно сказать, именно для путешествий в одиночку. И кстати, а что вы делаете?

— Дверь новую строгаю. Сейчас Сашка остатки старой двери с петель снимет, и мы новую повесим. А вот насчет одиночного плавания я не согласен, опасно это, ни помочь, если нужда будет, ни поговорить не с кем.

— Ну, кому как, мне вот, наоборот, в одиночестве как-то спокойней.

Так, болтая на разные темы, мы плыли вперед, под легкий бриз, гулявший по эпицентру урагана.

— Старпом на связи, — сказал вдруг от радики Слава. — Говорит, что обнаруженное судно оказалось морским буксиром. Людей на нем нет. Они его сейчас осматривают.

— Ну, скоро и мы увидим, через несколько минут должны показаться, — пробормотал я, слегка добавив обороты двигателю. Паруса пришлось убрать, ветер был встречный.

Через некоторое время вдали из маленького пятнышка выросла белая рубка буксира, насаженная на черный массивный корпус.

— Большой буксир, и тросы сзади оборванные висят. Похоже, что-то тащили на прицепе и в шторм попали, — сказал мне Геннадий, третий помощник капитана, который с командой только что закончил приводить «Ласточку» в порядок. Сам капитан, кстати, вместе со вторым помощником находились в рубке, и спастись они не успели.

— Я лодку не вижу. Где она?

— Может, с той стороны? Буксир, конечно, много воды набрал, вон как просел, но все равно высоко, что делается с другой стороны — ничего не видно.

— Ха, что-то мне все это напоминает «Пираты двадцатого века».

— А, да, хороший фильм... вы думаете?

— Думаю, не думаю, а проверить стоит, что-то я наших на палубе не вижу. Сейчас обойдем и посмотрим, что у нас с той стороны буксира.

— «Седой Генри».

— Что? — переспросил я.

— Название буксира «Седой Генри», порт приписки Лос-Анджелес.

— Задолбал уже этот город. Постоянно встречаю суда хоть чем-то с ним связанные.

— Нас имеешь в виду? — не отрываясь от бинокля, хмыкнув, спросил Геннадий.

— Ну да, и вас тоже.

Обойдя буксир по дуге, мы стали осматривать другой борт. Лодка находилась там. Теперь стало понятно, почему они именно там пристали к борту, в этом месте хорошо просевший борт буксира был довольно низким.

— Вызови их, пусть выйдут. Что-то мне это нравится все меньше и меньше.

— Ты думаешь, что на нас могут напасть, — с сомнением спросил у меня Гена.

— Ну, посуди сам. Буксир теперь на плаву держится только чудом.

Так?

— Так, — был вынужден подтвердить Геннадий, мельком глянув на «Генри».

— И чтобы спастись, им просто необходима хорошая посуда. Так?

— Возможно.

— Артур, Олег Владимирович на связи, просит вас, — окликнул меня от рации Слава.

Поставив за руль крутящегося рядом помощника рулевого, который с интересом наблюдал за моими манипуляциями, и подойдя к рации, я взял микрофон и, накручивая на палец витой шнур, сказал:

— Артур на связи, прием!

— Артур? У тебя шланги выносные для насосов есть? Прием!

— Воду откачивать? Прием!

— Да. Прием.

— Есть, гофрированные лежат какие-то. Прием.

— Хорошо. Подходите, есть возможность привести буксир в порядок.

Прием.

— Понял. Олег Владимирович, кроме вас на борту еще кто-нибудь есть? Прием.

Даже через шум атмосферных помех, которые создавали недалекие молнии, было слышно недоумение старпома.

— Я же говорил, что судно пустое. Прием.

— У нас стойкое подозрение, что вы можете быть... э-э-э... в заложниках, все-таки моя «Ласточка» — это лакомый кусочек. Прием.

— Да все в порядке, судно действительно покинутое. Прием.

— Олег Владимирович, вы выйдете все на открытую палубу, и мы прекратим этот бессмысленный спор. Прием.

— Хорошо. Прием.

И действительно, из-под рубки вылезла хорошо знакомая фигура старпома. А из люка над машинным отделением один за другим показались остальные три моряка. Похоже, все на самом деле было в порядке.

— Так нормально? Уже не боитесь? Прием, — в голосе старпома была отчетливо слышна смешинка.

— Нормально, подгоняйте лодку, мы все-таки сперва проверим. Прием.

Положив яхту в дрейф в кабельтове от буксира, я вместе с Геннадием, тоже собравшимся на судно, сел в лодку, которую подогнал один из матросов, и поплыл на ней к «Седому Генри».

— Ну что, параноик, убедился, что судно пустое? — спросил меня старпом, следуя повсюду и с интересом за мной наблюдая.

— Ну, вроде да... а почему эта дверь задраена?

— Э-э-э, не трогай, только из-за того что в этих помещениях создалась воздушная пробка, буксир и не тонет. Повезло, что двигатель, похоже, был заглушен, вода не попала ни в баки, ни в систему впрыска. Сейчас воду откачаем из полузатопленных помещений и будем осматривать его.

— Ну, это без меня. Я, честно говоря, сильно вымотался от шторма и вашего спасения, засыпаю на ходу, так что с насосом помогу, а дальше сами.

— Да, конечно. Еще нужно баллоны воздухом накачать, корпус проверить на герметичность.

— Хорошо, давайте закончим с этим, а пока вы приводите «Генку» в порядок, я посплю.

Старпом ухмыльнулся, услышав, как я окрестил буксир, и мы подошли к рубке, где я спросил:

— Команда бросила судно из-за того, что оно начало тонуть?

— Нет, вряд ли, не похоже. Подобные буксиры специально разрабатывались для хождения в этих водах, а тут ураган за ураганом, особенно в это время.

— Думаете, команды не было на судне, когда начался шторм?

— Судя по всему, кто-то был. Может, дежурный, может, еще кто. Буксир явно что-то буксировал, может, остановились где-то, кто знает. Море умеет хранить свои тайны.

— Это да, ладно, я на «Ласточку», подгоню — и начнем.

— Хорошо.

Вернувшись на яхту, я завел дизель и подогнал ее к правому борту «Седого Генри». Большинство матросов сразу же попрыгало на буксир и разбежалось по нему, следуя командам Геннадия, который успел облазить буксир сверху донизу.

— Давайте принимайте, — командовал я, наблюдая, как в отдалении парни передают свернутый шланг для моих насосов на буксир. На самом «Генри» было несколько бухт шланга, но крепления не подходили к насосу с «Ласточки», так что пришлось использовать мои.

Посматривая изредка на гудящий компрессор, закачивающий в баллоны воздух, я инструктировал матроса, выбранного старпомом для водолазных работ.

— Давай пошел... пошел... все норма. Артур, включай, — крикнули мне.

Потянувшись, я встал и врубил оба насоса, начав откачивать воду из буксира.

Зевая и стараясь не уснуть на ходу, помог будущему водолазу натянуть костюм и надеть баллон. После чего проинструктировав его до слез, махнул рукой старпому и потопал спать во вторую спальню.

...И когда красавица уже почти сняла халатик, оголив великолепное бедро и красивые плечи, кто-то затряс меня за плечо.

— Артур! Артур, вставай, «око» сдвинулось! Да вставай, тебе говорят! — громко произнесла красавица голосом старпома, и я проснулся. Причем проснулся в дурном настроении, что выразилось в вопросе:

— Ну и какого хрена надо было меня будить, она уже почти разделась!.. Подождите, мне смутно припоминается, вы что-то про «око» твердили?

— Да, я тебе говорю, «око» пошло вразнос! Как бы не попасть под удар, — сказал стоящий рядом с моей койкой старпом.

— Блин, — вскочив, я стал быстро натягивать на себя одежду.

— Давай быстрее, — поторопил меня от двери Бессонов.

— Сколько у нас времени? — спросил я, зашнуровывая ботинки.

— Кто знает? Может, минута, может, час.

— Тогда отходим от этого недотопленного и попытаемся выжить.

— Хм, недотопленный? Вообще-то мы привели его в порядок, пока ты спал... восемнадцать часов.

— Сколько?

— Восемнадцать.

— Однако. Подождите-подождите... — Я тряхнул головой, чтобы прийти в себя, сгоняя остатки сна. — Вы хотите сказать, что буксир в порядке и им можно пользоваться?

— В полном порядке. Где-то, конечно, вода повредила проводку на нижних уровнях, ими сейчас экстренно занимается наш электрик, но «Седой Генри» может выдержать этот шторм. Таково мое мнение. Так что переходи на буксир, на нем шансов выжить больше, чем на твоей «Ласточке».

— Ну нет, я свою красавицу не брошу, — ответил я категоричным отказом, выходя вслед за старпомом на палубу.

— Сам осмотришь и думай, — сказал тот, махнув рукой в сторону приближающегося ливня.

— Олег Владимирович, оно стало двигаться быстрее, — крикнул стоящий у рубки Геннадий, показывая на приближающийся небольшой водоворот.

— Решай быстрее, у нас мало времени, все мои люди уже на «Седом Генри», остался ты. Ну? — Было видно, что старпом торопится, он отвечал за жизни своих людей, но при этом старался спасти и меня.

— Нет, — твердо сказал я и, толкнув его к лодке, где сидел моряк, жестко сказал: — Я считаю свои шансы более высокими, чем ваши, так как уже проходил через шторм, и знаю, что делать. Уходите, у вас мало времени.

Несколько долгих секунд старпом смотрел на меня, после чего, резко развернувшись, бросился к лодке, он действительно торопился.

Махнув рукой, я крикнул вслед ребятам:

— Спасибо за помощь! — И бросился вниз, нужно было одеться в соответствующую одежду.

Когда я вылез на палубу в сапогах и непромокаемом плаще, то увидел,

что ветер заметно поднялся и трепал края плаща.

Подняв штормовые паруса и махая рукой идущему слева буксиру, получил ответный гудок. Чуть повернув руль, понесся по ветру, набирая скорость, прямо на стену урагана.

Молнии били в воду в стороне от меня, но все равно от ослепительных вспышек справа мне было жутковато. Вздвогнув от очередной молнии и последующего раската грома, я втянул голову в плечи, опасаясь удара в яхту. Мачты были желанной добычей для молний, так что, опасливо поглядывая в черное, затянутое тучами небо, я держал взбесившуюся от ураганного ветра и волн «Ласточку» по ветру, стараясь не уклоняться от курса и надеясь, что не встречу на пути какого-нибудь островка, кои во множестве попадались в этой части океана.

Как и в прошлый раз, меня стали нагонять валы. Сперва это была просто большая волна, качнувшая «Ласточку» с кормы на нос несколько раз, но чем дальше, тем они становились больше и больше. Пропустив под собой особенно большой вал, я, чуть добавив парусов, понесся за ним, стараясь не отстать. Но посмотрев на дугой выгибающиеся мачты, оставил это дело, убавив площадь паруса.

«Блин, четыре часа уже бултыхаюсь под этим грозовым небом, а конца и края не видно, мне все это уже начинает надоедать!» — размышлял я и, немного подумав, чуть повернул штурвал, идя немного наискосок по ветру, чтобы уйти с пути движения урагана, и кляня себя, что не сделал этого раньше.

Постоянно крутя головой, чтобы не столкнуться с чем-нибудь или с кем-нибудь, я посмотрел назад и заметил, что меня нагоняет что-то большое, странное. И только когда огромный, вызывающий ужас вал стал отчетливо виден, закричал от ужаса.

— Твою мать, ну что же я, идиот, не остался у таких добрых и милых американцев? — орал я и, довернув штурвал, чтобы встретить вал кормой, немного убавил парусность.

Вал просто гигантским монстром навис надо мной, пугая своими размерами.

— Здравствуй, Гулливер, — пробормотал я, с нервным смешком посмотрев на вал.

Корма «Ласточки» стала подниматься вверх, пока не встала почти вертикально, взбираясь на этого гиганта, размером с двенадцатиэтажный дом.

«Уф, думал, перевернусь», — мысленно вытер я лоб рукой, когда моя красавица все-таки взобралась на вершину вала.

Повинуясь мгновенному озарению, я ударил по кнопке поднятия основного паруса, увеличивая свою скорость, чтобы уровнять ее с этим валом.

— У-хо-хо, я лечу! — орал я в восторге, морщась от уже привычных брызг в лицо. Но, к моему сожалению, все это продолжалось не долго.

Был удар. Просто вал встретился с землей, и камень выдержал, в отличие от воды, которая с рокочущим ударом рекой перехлестнулась через скалы, и мою «Ласточку», как щепку, стало бросать туда-сюда по велению волн и бурунов.

Последнее, что я помню, это то, что успел убрать паруса и приготовиться ко всем неожиданностям. Проще говоря, я уцепился за поручень и орал, так как управлять яхтой уже не было никакой возможности, после был удар обо что-то твердое — и темнота.

Проснулся я от птичьего щебета. Попытавшись открыть глаза и пошевелиться, дернулся от резкой боли, пронзившей плечо.

— А, твою мать! — попробовал простонать я, но ничего кроме хриплого сипения у меня не вышло. Прокашлявшись, я все-таки смог открыть глаза и тупо посмотреть на сидящего на поручне попугая, который с любопытством, сверкая бусинками глаз, смотрел на меня.

— И де я? — снова прохрипел я, спугнув птичку.

Попытка осмотреться привела к тому, что в рот попала морская вода. Оказалось, что рубка до половины заполнена водой, в которой я плавал вверх лицом, чудом при этом не захлебнувшись. Попытка пошевелиться снова отдалась резкой болью в районе правого плеча. Пошевелив остальными конечностями, кроме легкой усталости ничего не почувствовал, они были в порядке.

Пользуясь здоровой рукой, я смог приподняться и выглянуть из рубки, стараясь не беспокоить раненую руку. И тут меня прорвало; похоже, литры воды, которой я нахлебался, просились наружу, и меня выгнуло дугой через спасительный бортик рубки.

«Зашибись я попал!» — ошарашенно подумал я, вытирая рот и осматриваясь, старательно при этом моргая глазами, так как мне под веки попал какой-то мусор.

Вокруг были джунгли, самые настоящие джунгли, то есть то, что от них осталось после вала. Посмотрев на это сочное зеленое море поваленных стволов, ветвей, листвы и торчащих корней, от которых, честно говоря, мало что осталось, снова осмотрелся. До моря, видневшегося через переплетения и завалы деревьев, было по моим прикидкам километра два,

не меньше.

Обернувшись на противоположную сторону, я с интересом осмотрел высокую гору, правда, без шапки снега наверху, но все равно очень высокую.

— Километров семь до склона точно будет, — прохрипел я, разглядывая гору. Сочные луга на склонах, большие пятна лесов и едва видневшийся на расстоянии водопад смотрелись красиво.

Любоваться на буйство зеленых красок мне быстро надоело, и я занялся той проблемой, что меня беспокоила больше всего, то есть своей рукой.

«Уф, просто вывих!» — облегченно вздохнул я после беглого осмотра.

Руку можно было дернуть, и она встанет на место, но была проблема, кто будет дергать? Поэтому я пошел на хитрость. Отвязав страхующий трос и достав левой рукой небольшой моток тонкой веревки, которую в последнее время постоянно носил в кармане, так, на всякий случай, я с трудом зубами развязал узел, размотал моток и стал осторожно привязывать руку к поручню.

«Помоги себе сам, — подумал я, любуясь на неловко привязанную руку. — Уф... сейчас... уф, и — раз...»

— А-а-а, твою ж мать!!! — сразу же вскрикнул я, как только плечо с щелчком встало на место. — Ой, е-мое. Голь на выдумку хитра, — простонал я, гордясь своей смекалкой. Стараясь не тревожить пока еще ноющую руку, я отвязал ее свободной, и, придерживая, взобрался на перекосившуюся палубу.

Яхты практически не было. Кроме основного корпуса уцелели остатки правого поплавка, врезавшегося в переплетенное лианами дерево, измочалив нос. Левого же поплавка не было вообще. Подойдя к обрубку первой мачты, я оперся на нее правым плечом и стал прикидывать, как мне добраться до горы.

Идти к берегу, заваленному мусором, я считал преждевременным, пока не разберусь, куда я попал. А для этого мне нужно подняться на гору. Посмотрев на грязевое месиво внизу, только вздохнул. Видимо, грязь с листвы смыл дождь, отчего она сейчас сверкала как новенькая, но жижа внизу... Идти до твердой почвы будет трудно и грязно. Нужно подготовиться.

С трудом открыв перекосившуюся дверь, которую мне смастерили моряки с «Абхазии» взамен разбитой, втиснулся внутрь помещений.

В гостиной все было перевернуто вверх дном, воды, к моему удивлению, не было, кроме небольших луж на ковре у дивана.

«Похоже, корпус треснул, иначе вода бы точно была, все иллюминаторы правого борта выбиты!» — подумал я, осмотревшись, после чего, подойдя к разбитому бару, взял пластиковую бутылку с водой и открутил крышку, осторожно помогая себе поврежденной рукой. Напившись и разбавив соленую морскую воду в желудке пресной, потопал приводить себя в порядок, так как не чувствовал себя в безопасности, если не ощущал приятной тяжести оружия на поясе.

К моей радости, сумка уцелела. Поэтому, разорвав целлофан, в который она была замотана, я стал вооружаться, уже увереннее поглядывая по сторонам.

— А не пора ли нам подкрепиться? — вслух подумал я, закинул сумку на плечо и, придерживая висевший на плече автомат, потопал на кухню, надеясь найти в шкафчиках хоть что-нибудь — голод я ощущал ну просто зверский.

Вскрыв одну из банок с тушенкой, стал с аппетитом поедать вкусное мясное блюдо, вприкуску с полусохшим хлебом, найденным мною на верхней полке. После плотного обеда я накидал в купленный в Лос-Анджелесе рюкзак десяток банок с тушенкой, спагетти, специи, консервный нож, простой нож, пару вилок, ложек и тарелок. Но главное, что я взял, это небольшой походный котелок, специально купленный мной для пикников на берегу. Не зная, сколько пробуду на этой суше, я старался подготовиться ко всему. Поэтому переодевшись в плотную одежду, в основном походную, и прихватив на всякий случай в шорты и пару маек, которые положил в рюкзак, а также свернутое одеяло, я вышел на палубу и, оставив сумку и рюкзак наверху, стал закрывать иллюминаторы и дверь, чтобы дикие звери не попали во внутренние помещения. Еще раз оглядев останки яхты, держа в одной руке остро наточенный топорик из ящика для инструментов, стал осторожно спускаться на землю, до которой было около двух метров.

Рука после вправления двигалась вполне нормально, видимо, вывих был легким, так что спуск на покрытую мокрой и сорванной листвой жижу оказался достаточно простым. Сапожки уходили в землю почти до среза, но идти в принципе было можно. Я обошел поваленное дерево, в которое и врезался один из поплавков, и, изредка срубая топориком лианы и редкие ветви, направился к горе, стараясь выбирать те места, где было меньше завалов.

Через два часа я начал подниматься по склону, дошел до того места, куда вал дойти не смог, и устроил там пикник.

— Уй, ё-мое! — воскликнул я от неожиданности, когда бревнышко, через которое я переступил, вдруг поползло в сторону. Подпрыгнув от неожиданности, я отшвырнул в сторону и сумку, и рюкзак, и топорик, и стал поливать из автомата непрерывной очередью то место, куда уползла змея.

— На, получай свинцовых конфет! — крикнул я, как только патроны кончились.

«Вот тварюга, и так весь на нервах, так еще эта склизкая образина под ногами ползает! — злобно подумал я, жалея о потраченных боеприпасах, так как запасы мне пополнять было негде. — Будем надеяться, что никто не слышал, как я испугался питона... или анаконды, уж не знаю, кто там был!»

Повесив обратно на плечо и рюкзак, и сумку, я шел, держа перезаряженный автомат наготове, внимательно просматривая кусты на предмет других змей, на остальных обитателей джунглей мне было плевать с высокой колокольни.

Посматривая на деревья, я стал замечать, что тропические деревья и пальмы понемногу заменяются другими деревьями, более северными, что ли.

По моим прикидкам, за час я прошел всего около километра, тяжело поднимаясь по склону, устраивая маленькие отдыхи, поэтому заметив сбоку небольшую полянку, когда проходил заросший лесом склон, решил немного передохнуть на срубленных листьях папоротника. Однако поляна оказалась занята... Несколько секунд я понаблюдал за суетящимися и прыгавшими по ветвям и самой поляне рыжими обезьянами, которые криками оповестили стаю о том, что заметили незнакомца, и стали громко обсуждать меня.

— Это еще что такое? А ну брысь отсюда! — махнул я рукой. Искать другое место для отдыха особой охоты не было, да и последствия борьбы с ураганом давали о себе знать, так что я был твердо намерен отдохнуть.

Рыжие обезьяны тоже завопили и стали прыгать с ветки на ветку.

Решив напугать обезьян, я стал прыгать и орать, чтобы спугнуть их. Несколько секунд понаблюдав за мной, они тоже стали прыгать, раскачиваться на ветках и орать. А вот некоторые обезьяны, к моему изумлению, стали копировать меня, вернее то, как я их пугаю. То есть встали на задние лапы и, прыгая с ноги на ногу, стали махать руками над головой и, почесывая ребра, угрожающе материться по-своему, что, в отличие от моего кривляния, было смешнее.

— Ах так, да? Ну, сами напросились! — возмутился я, заметив, что

самый здоровый копирует еще и мои ужимки. Придерживая автомат локтем, чтобы не мешался, я зашарил по рюкзаку, ища то, что мне нужно.

— Попробуйте скопировать это, пародисты, блин! — крикнул я, кидая на середину поляны светошумовую гранату, и молниеносно бросился под прикрытие ближайшего дерева, так как слышал, что некоторые виды обезьян умеют кидаться своими какашками, вдруг и до такого додумаются. Обезьяны с интересом посмотрели на черный камешек, брошенный на листву.

Закрыв уши руками, я зажмурил глаза, и, сидя на корточках, ждал разрыва. Судя по тому, что после хлопка послышался многоголосый вой, граната успешно поразила рыжих обезьян своим выступлением. Встав, я с интересом выглянул из-за ствола дерева, осматривая поляну. Ветви деревьев вокруг поляны были в основном пусты, обезьяны лежали на земле и в кустах, всего парочка, уцепившись хвостами за ветви, висела вниз головами, слегка покачиваясь.

— Вот что делает человека человеком, — пробормотал я и, вздохнув, добавил: — Нелогичные поступки делают.

Гордо задрав подбородок, я вышел на середину поляны, где по маленькому кругу ходил тот самый здоровый обезьян-пародист.

— А ну пошел отсюда! — сказал я, дав ему пинка под зад, после чего осмотрелся. Почти все обезьяны лежали без движения, но с дергающимися частями тела типа уха, как у молодой самки, и были без сознания, но живы.

— М-да, лучше бы я мимо прошел, — брезгливо пробормотал я. Судя по запаху и виду, все макаки успели обделаться, и теперь только ненормальный будет отдыхать на этой изгаженной поляне.

— Тьфу на вас, просил же по-доброму, дайте отдохнуть, — вздохнул я и, развернувшись, направился искать для отдыха более удобное место.

Его я нашел рядом с маленьким ручейком, который весело журчал вниз по склону по сглаженным водой камням.

— Хорошо-то как, — довольно простонал я, потягиваясь. Закинув руки за голову, стал смотреть на ярко-синее небо, давая отдых уставшему организму.

Попив воды, достал из сумки морской бинокль, снял предохраняющие чехлы и приложил окуляры к глазам.

Несмотря на то что подняться я успел не так высоко, как хотел, но океан видел хорошо, и ни одного судна как вблизи, так и вдали не заметил, а вот моя «Ласточка» отчетливо выделялась на берегу из-за своего белого корпуса.

«Темнеет, нужно искать безопасное место и устраиваться на ночлег!»

— подумал я, убирая бинокль.

Место для ночлега нашел в небольшой лощине, проход в которую вела тропа между высоких скал. Судя по протоптанной тропинке и следам зверей на ней, она была часто посещаемой. Что мне понравилось больше всего, так это следы маленьких козлиных копыт на мягкой траве рядом с тропой.

«Уже хорошо, с питанием на этой суше порядок, так что не пропадем», — решил я после небольшого осмотра. Заметив с краю лощины под нависающей скалой пару деревьев, направился туда, решив, что именно там буду устраивать лагерь, ходить по склонам горы мне уже изрядно надоело. В прошлой жизни находился.

Нарубив сушняка и срубив с дерева пару веток, которые тоже высохли, развел костерок, воспользовавшись зажигалкой. Из трех крепких веток соорудил перекладину, на которую повесил котелок с холодной родниковой водой из ручья, протекавшего неподалеку и уходившего куда-то под скалы. Пока вода закипала, я приготовил импровизированный спальник, проще говоря, нарубил и нарвал веток с густой листвой и травы и застелил одеялом, подумав, что надо было взять второе.

Как только вода закипела, бросил туда макароны и, помешивая, посолил, после чего, попробовав на вкус, стал при свете костра вскрывать одну из банок, решив остальные экономить, сделав НЗ, и жить пока охотой.

Поужинав макаронами по-флотски, я лег спать, укрывшись курткой, хотя ночь и не была холодной.

Проснувшись утром, первым делом проверил оружие, лежавшее рядом. Стряхнув с дробовика капли росы, я вскочил и стал привычно делать зарядку, после чего подхватил немытый котелок и тарелку и побежал к ручью умываться и мыть посуду.

На гору, где можно обозреть все окрестности, я добрался только к вечеру. Сложив вещи в компактную кучу, достал бинокль и осмотрелся. Переходя с края на край потухшего вулкана, я рассматривал остров. Да, я не ошибся — это был остров, и довольно большой. Где-то двадцать на пятнадцать километров. Осмотрев остров, стал внимательно разглядывать прибрежные воды, на предмет таких же невезучих или, наоборот, счастливых, как и я. Осмотрел также и берега, и сам остров. С противоположной стороны острова я заметил что-то большое, находящееся близко к берегу. Что именно — разглядеть не сумел, но то, что это какое-то судно, понял. Поэтому, спустившись метров на сто вниз с горы, я стал устраиваться на ночлег, решив еще раз осмотреться утром, а не сейчас, когда солнце почти село и начало темнеть.

— Нет, ну точно судно, только какое-то странное... нет, далеко, не разглядеть, — тихо пробормотал я, опуская бинокль.

Сейчас заходящее солнце не било мне в глаза, но все равно из-за большого расстояния ничего рассмотреть не удалось, понял только, что там что-то большое и белое.

— Ну и чего гадать? Сходим и посмотрим, только, надеюсь, там нет такой грязи, как рядом с «Ласточкой», опять отстирываться неохота, — сам с собой разговаривал я.

Решив не трогать НЗ, я пошел на охоту, прихватив снайперку и пистолет, остальные вещи оставил в лагере. Немного подумав, вернулся и взял глушитель, нечего пугать животных выстрелами, а то разбегутся еще, и ищи их потом.

Заметив в кустах, похожих на шиповник, какое-то шевеление, я подкрался ближе и, приложившись щекой к прикладу, всмотрелся в прицел.

«Сейчас прольется чья-то кровь, сейчас-сейчас!» — мысленно пропел я, заметив, что шевельнулись кусты на опушке справа, там явно кто-то рассматривал открытый склон, заросший густой травой.

«Пятница?» — с надеждой подумал я, наведя ствол винтовки на кусты. Однако меня ждало разочарование. То, что там человек, я не ошибся, однако, рассмотрев в прицел, кто там, только удивленно выругался.

— Да это издевательство какое-то, второй раз я с ними встречаюсь! — невольно тихо пробормотал я, разглядывая в прицел заросшее щетиной лицо старпома «Абхазии».

Что мне не понравилось сразу, так это какое-то загнанное выражение Олега Владимировича, когда он рассматривал заросший изумрудной травой открытый ветрам склон горы.

«Что бы это могло значить? Их что, кто-то преследует?» — Последняя мысль мне не понравилась сразу, и я стал осматривать склоны, деревья, кусты, ища опасность, но все мои попытки обнаружить хоть кого-то, кроме группы советских моряков, не увенчались успехом.

«Нет, никого. Кого же они боятся? Или я ошибся?» — подумал я, осматривая моряков. На виду было человек пять, но, судя по теням позади них, там находился кто-то еще. Нет, я все-таки не ошибся. Выглянувший из-под куста моряк с перевязанной головой, в котором я с удивлением узнал боцмана, тоже был не больно спокойным. Их явно кто-то гнал сюда.

«Смотри-ка, очнулся, значит!» — подумал я про боцмана, и тут краем

глаза заметил какое-то движение внизу по склону. В прицел я смотрел, как меня учили, то есть оба глаза открыты, вот так свободным глазом я и уловил движение группы людей, скрывшихся за большими валунами камней. Крутанувшись на месте, с интересом взгляделся в проход между валунами и высокой скалой.

Так и есть. Пятеро парней вполне европейской наружности, увешанные оружием, поднимались по склону явно по следам моряков.

Вопрос помогать или не помогать нашим не стоял, что я, совсем без совести? Конечно, я помогу им, да не себе в убыток. За просто так только кошки рождаются. Закон трофея еще никто не отменял.

Из своего укрытия я с интересом наблюдал, как за перемещением моряков, так и за преследующими их вооруженными людьми, кто они — не знаю, но судя по тому, что они наверняка прибыли морем, то, скорее всего, пираты.

Моряки видели преследователей и понимали, что если выйдут на открытое пространство, попадут под прицел преследователей, поэтому они продолжили движение по небольшому леску, заросшему кустарником, вверх по склону, где лесок упирался в отвесную скалу, по которой подняться не было никакой возможности. В тупик себя гнали ребята. И слева и справа они будут на виду.

Положив подбородок на руки, я с интересом наблюдал за их перемещениями, переводя глаза с одной группы на другую.

Для стрельбы по пиратам возможности я пока не видел. Ну, завалю одного, другого, остальные попрячутся, а это мне было не нужно. Обладая огромным опытом горных боев, я терпеливо ждал, пока мне не представится возможность действовать, а сейчас просто наблюдал, жалея, что нет пакета с семечками. Чипсы я не особо жаловал.

«Грамотно действуют, опыт явно присутствует!» — профессионально оценил я работу преследователей. По тому, как пираты загоняют моряков и прижимают их к отвесной скале, не давая обойти ее, было видно: подобный опыт у них был.

«О, один отошел, обходит кусты, другие его не видят!» — быстро оценил я ситуацию. Вскинув винтовку, произвел выстрел, целясь в голую грудь, перетянутую ремнями разгрузки.

Пронаблюдав, как пират молча падает от попадания в сердце, я перевел прицел на других пиратов и стал отслеживать их перемещение. Пропажу одного из своих они заметили не сразу.

«Ну ладно, нечего тянуть», — решил я.

Пираты уже вошли в ту зону, где укрыться от моего огня не было

никакой возможности, да и наблюдать мне уже надоело. Поэтому, наведя перекрестья на замыкающего, я нажал на спусковой крючок и так, переводя ствол винтовки с одного на другого, перестрелял всех, только второго, судя по виду, командира, я ранил в плечо, выбив из рук автомат.

Вскочив, рванул рваным зигзагом к пиратам, держа их на прицеле. Раненый, когда я подбежал ближе, начал отходить от шока и уже шарил глазами вокруг в поисках автомата, зажимая рану рукой.

— Куда?! Н-на, ка-азел! — выбил я у него из рук подобранный автомат и следующим ударом по голове отправил в нокаут.

Быстро достав пистолет, прошелся и сделал контроль, убрав подранков. После чего стал собирать оружие, складывая его в кучу.

— Ну, и долго вы еще будете прятаться? — спросил я по-русски, не оборачиваясь к кустам.

То, что там кто-то скрывается и наблюдает за мной, я уже понял, поэтому и начал первым, чтобы не тянуть время.

— Так это же Артур Александров! — послышался изумленный выдох, едва слышный из кустов.

Покрутившись на месте, чтобы меня можно было разглядеть получше, я принял позу фотомодели перед съемкой, уткнув приклад винтовки в бедро, и сказал:

— Можете выходить, плохие наказаны. И кстати... а они кто?

Из кустов показались Славик-радист и боцман, который настороженно наблюдал за мной.

В отличие от боцмана, Слава сразу подошел ко мне и поручкался, здороваясь.

— Классно ты их. Охотой занимался? — спросил он сразу же.

— Ага, — кивнул я. Не объяснять же ему, что охотился в основном на людей.

— Вы вооружайтесь пока, а то вдруг другие подойдут. Автомат не трогайте... не трогайте, говорю, это мой трофей и никому я его не отдам, — сказал я, заметив, что боцман подошел к отдельно лежащему новенькому семьдесят четвертому «калашу» и попытался его поднять вместе со старой десантной разгрузкой.

— Вы всегда стреляете в незнакомых людей? — спросил меня боцман, застегивая пояс с обоями для бельгийской винтовки, которую уже повесил на плечо.

— А что, вы против?

— Да нет. Вы все сделали правильно.

— И, между прочим, второй раз вас спасаю, где благодарность?! —

спросил я, возводя глаза к небу и говоря: — И этих людей я спасал, ну никакой благодарности!

Смутившийся боцман поблагодарил меня, как и Славик, который никак не мог выбрать, взять карабин или дробовик.

— Бери карабин, у него дальность поболее, — посоветовал я мучившемуся радисту.

В это время главарь начал приходить в себя, застонав.

— О, и этот чудик очнулся, сейчас его поспрашиваем. А пока объясните мне, что вообще происходит? Слава, давай ты.

Почесав затылок, радист объяснил, что с ними произошло и как они сюда попали.

Все оказалось проще некуда.

Шторм прибил их к острову, но, в отличие от меня, их кинуло на мель, где они напоролась на риф, когда ураган стал проходить. До предела облегчив судно, они сняли буксир с рифа и, подведя пластырь на место пробоины, как-то сумели доползти до бухты, где обнаружили лежащую на боку, метрах в пятидесяти от берега, большую океанскую яхту с площадкой для вертолета и пришвартованное к ней небольшое судно, которое оказалось пиратским. Пираты, понятное дело, не собирались оставлять свидетелей и, расчехлив небольшую пушку на носу, открыли по буксиру огонь.

— Нам сразу пластырь сорвало, и вода пошла в машинное отделение. Старпом повернул штурвал к берегу. Едва успели доползти. В берег ткнулись на оставшейся скорости, уже когда корма стала скрываться под водой...

Дальше под непрерывным орудийным огнем они и смогли уйти в ближайшие мангровые заросли деревьев, теряя на ходу людей.

— ...четверых потеряли. И Марину Васильевну убили, когда по пляжу бежали, — вздохнул Слава.

— Какие-то у вас прям мексиканские страсти. Пираты, бой, погибающее судно, жертвы пиратов, — покачал я головой сочувствующе.

— Вы издеваетесь? — спросил меня боцман, нахмутив брови.

— Да ни дай боже, — сразу же открестился я. — Просто сочувствие проявляю. И кстати, пора нам спросить, кто они и сколько их, — добавил я, доставая нож и склоняясь над главарем.

— Ну что, болезный, плечико бо-бо? — спросил я у главаря, который тупо смотрел на меня, явно пребывая в болевом шоке.

— Ум-м-м! — замычал он, получив пинок по ране.

— Не хочет говорить, — развел я руками, поворачиваясь к морякам.

— Раненый он, из-за этого не может, — ответил боцман, посмотрев на нож в моей руке.

Мельком глянув на нож, я убрал его в ножны и, посмотрев на оставшееся оружие, предложил:

— А почему бы вам не сходить за остальными, пока я вас тут жду?

— Да, надо привести остальных, — согласно кивнул боцман и добавил, повернувшись к Славику: — Беги к Владимировичу, объяснишь ситуацию.

— Ну, вообще-то я рассчитывал, что вы пойдете оба, — мягко намекнул я.

— Я останусь, Слава сходит, — достаточно твердо ответил боцман.

Мне пришлось только развести руками, подумав: «Ну как хочешь, сам напросился!»

Помахав вслед быстро уходящему Славику и бросив на боцмана быстрый взгляд, только покачал головой. «Вот служака подозрительный, все он хочет под контролем держать!» — подумал я беззлобно.

— Приступим к допросу, — сказал я, улыбнувшись боцману самой доброй улыбкой.

Боцман на это только пожал плечами, подходя поближе. Он явно сам хотел допрашивать. Сделав шаг назад, я предоставил ему эту возможность, напомнив:

— Он быстро истекает кровью, нужно торопиться.

«Боцман явно никогда не был в подобных ситуациях, вон как морщится. О, он что, его перевязывать собрался?!»

— Извините, как вас, а то запамятовал? — спросил я.

— Кирилл Васильевич, — хмуро сказал боцман, явно не испытывая радости от попытки допроса.

Возведя очи к небу, вздохнув, я сказал, отодвигая его в сторону:

— Кирилл Васильевич, я тут с вами уснуть успею, пока вы что-то сможете сделать. Запомните, в экстремальных ситуациях нужен экспресс-допрос. Смотрите и учитесь.

Когда толпа народу из десятка моряков показалась из-за леска и стала приближаться к нам, я мыл свой нож, поливая его из фляги, а боцман травил в кустах, как зеленый матрос при крупной волне.

— Добрый день, Олег Владимирович, я смотрю, мы с вами постоянно встречаемся? — сказал я, вытирая нож тряпочкой, срезанной с одежды одного из убитых.

— И не первый раз ты спасаешь нас. Здравствуй, — ответил мне старпом, устало присаживаясь рядом. Меня сразу же захлестнула волна

моряков, все хотели со мной поздороваться.

— Вот-вот... Привет, Серег... У меня даже появилась странная мысль... И тебе, Киря, не хворать... Снова помогу вам, и мы опять встретимся, — сказал я, поздоровавшись с последним.

— Сплюнь. Мы, моряки, народ суеверный.

— Ага, я уже понял. Особенно когда боцман стал крестить себя и приговаривать: «Спаси и сохрани».

— Боцман?! Да он же неверующий!

— Станешь тут... — сказал подходящий от кустов бледный боцман.

Я моментом сделал ангельское выражение лица после его слов.

— Что ты имеешь в виду? — сразу же залюбопытничал старпом.

— Видишь тело, прикрытое курткой?

— Это около которого Игорь стоит? — спросил старпом.

— Да, так ты сходи и курточку-то приподними, — посоветовал боцман.

Старпом не поленился, сходил. Несколько секунд разглядывая труп под курткой, потом опустил ее и вернулся к нам.

— Мертв, при перерезанном горле, точно мертв, — пожал он плечами, сказав очевидное.

— Вот-вот, а вы видели, как он допрашивал этого беднягу? Нож вгонял в живот почти до конца...

— Олег Владимирович, давайте уж расставим все точки над «і». То, что было, называется экстремальный допрос, и меня ему учили в соответствующих службах, уж поверьте, учили хорошо. Так что все ваши слова, что нельзя и что можно, оставьте при себе.

— Хм, как-то это необычно, но хорошо, я вас понял.

— Вот и отлично. А то, честно говоря, меня уже заколебали, то нельзя, этого нельзя, слышать уже не могу.

— Я понял. Но может, вы все-таки поведаете нам, что вам сообщил этот, хм, человек.

— Все что знал, он рассказал.

— Мы слушаем... Геннадий, подойди, — окликнул третьего помощника старпом.

Геннадий, придерживая раненую руку, направился к нам от тел бандитов, где дележ оружия шел полным ходом. Как я заметил, его давали тем, кто умел им пользоваться, даже отобрали карабин у Славика.

— Начинайте сначала, — попросил старпом, когда третий помощник, тряхнув своей рыжей шевелюрой, присел рядом.

— Хорошо, — пожал я плечами и начал: — Патрик Сторм, первый помощник рыболовного траулера «Святая Анна». Это пиратское судно,

хотя они себя называют «морские волки», уже второй год безобразничает в этих водах.

— И их до сих пор не обнаружили? — недоверчиво спросил боцман.

— Если бы вы не отошли в кусты «отдохнуть», то слышали бы ответ на этот вопрос. Чтобы о них узнали, нужны были свидетели, а они их не оставляли.

— Понятно, давайте дальше, — сказал старпом.

— Экипаж судна тридцать два человека. Командует ими капитан Вольф, тот еще отморозок и садист, и команду он подобрал соответствующую. В общем, ураган они встретили под прикрытием одного из островов, встав с подветренного берега, но вал-гигант сорвал их с якоря и унес в открытое море. Со стихией они справились без особых проблем для себя, и когда вошли в бухту этого острова, то обнаружили большую яхту, выкинутую на мель. Посчитав это удачей, они взяли ее на абордаж, уничтожив как команду, так и хозяина. Кстати, знаете, кто хозяин? Арабский шейх, и на судне был его гарем. Представляете, как там сейчас весело?

— М-да, — покачал головой старпом, остальные присутствующие согласились с ним.

Заметив, что нас окружили все моряки, прислушиваясь к моему рассказу, то я сразу же разогнал их по местам, пусть бдят, а то еще врасплох застанут.

— Так что у нас есть возможность для нападения, пока пираты заняты, — дал я намек. Да и, честно говоря, свалить отсюда уже охота, так почему бы для этого не воспользоваться судном пиратов?

Сперва я спросил, кто будет за командира. Все единодушно указали на старпома, на что я пожал плечами. Ну на самом деле, не мне же командовать-то?

К моему удивлению, Олег Владимирович назначил своим заместителем меня. Что меня озадачило, так это то, что формировать боевые группы старпом велел боцману.

«Ну, блин, они мне навоюют!» — сердито думал я, разбирая для чистки винтовку. Трофейный автомат я отдал Сереге Коломийцеву, бывшему бойцу ДШБР, который по сравнению с остальными был более или менее подготовлен.

Мы с Серегой сидели отдельно от остальных и занимались чисткой оружия, слушая дебаты моряков, временами переходящие в спор. Старпом больно-то в спор не вмешивался, но иногда вставлял фразы для поддержания разговора, а так больше слушал, изредка бросая на меня

вопросительные взгляды. Он понимал, что план у меня есть, но пока молчал, не спрашивал, ожидая, чем закончится совет из собранных офицеров.

— Жаль, подствольника нет, я из него в десяточку попадаю, — сказал Серега, с щелчком вставляя на место затвор.

Что-что, а с ним мне было проще всего. Серега сразу принял мое командование над собой, то ли почуяв, то ли уловив мой взгляд, которым я обычно еще в той жизни смотрел на бойцов, прежде чем что-то скомандовать. Так что напарник у меня уже был, и сейчас я присматривался к нему, составляя психологический портрет и решая, можно ли на него положиться в бою или нет.

В это время офицеры «Абхазии», к которым присоединился даже неприметный старший механик Власов, начали приходить к единому мнению. Они решили вплавь добраться до судна пиратов, пришвартованного к яхте, и захватить его. И все это под прикрытием товарищей с берега. Их рассуждения прервал мой гомерический смех. Всхлипывая от смеха, я пояснил повернувшись в мою сторону морякам.

— Ни хрена у вас не получится, командосы недоделанные. Вообще кто-нибудь знает, как штурмовать суда и освобождать заложников?

Заметив, как прояснилось лицо Геннадия и как он начал поднимать руку, я быстро сказал:

— Конечно, то, что показывают в фильмах и печатают в книгах — интересно, но имеет мало общего с реальностью.

Третий помощник сразу же опустил руку со смущенным видом.

— Кто-нибудь еще? — переспросил я.

— Если у тебя, Артур, есть какое-нибудь дельное предложение, так ты скажи, мы слушаем.

— Ну как я считаю, штурмовать — это глупость. Нужно выманить их с судна и перебить. Все просто, — невозмутимо пояснил я, набивая обойму винтовки патронами.

— Кхм, действительно просто, но как их выманить? Есть идеи? — спросил меня старпом под одобрительные возгласы офицеров.

— А как же! — ответил я с улыбкой. Мне как-то генерал сказал, что у меня располагающая улыбка, с тех пор старался скалиться почаще, чтобы люди не поняли, какой я есть в действительности.

Осмотрев ребят, которых боцман выбрал для предстоящего боя, вынужден был признать, что он справился с этим. Вооружить мы смогли всех, правда, большинство пистолетами. Обращаться с ними умели все, и мне пришлось сбегать на вершину за своими вещами. Как оказалось,

возможностью иметь оружие дома пользовалось много народу в Союзе, и некоторые моряки не были исключением.

— Эх, у меня дома СКС остался пристрелянный, с оптикой, — простонал дядя Женья, один из палубных матросов, вертя в руках полицейский дробовик, который я ему отдал. МП-5 я вручил старпому, пусть будет в резерве с ним.

— Ну что, морская пехота, идем воевать? — спросил я у шестерых увешанных оружием моряков, которые с воинственным видом строились в шеренгу.

— Не насмешничай. Лучше встань в строй! — скомандовал старпом.

«Ну в строй так в строй, что я буду с командиром спорить?» — подумал я и спросил, сдвинув панамку на затылок:

— А куда мне? Если по росту, так Газеев меньше, если по возрасту, так мне тут делать нечего.

— Марш в строй! — рявкнул старпом, на что я моментально оказался впереди строя, потеснив высокого Коломийцева.

— Если бы не твое умение стрелять, я бы тебя тут оставил, — пробурчал он.

— Так мы идем, или до вечера тут разговоры водить будем? — все-таки не удержался я, так как наш кок в это время приподняла крышку моего котелка и стала помешивать суп, который приготовила для тех, кто не идет с нами. А так как мы собрались, так сказать, воевать и возможность получить пулю в живот была не исключена, то старпом запретил есть до боя, так что мне надоело сглатывать голодную слюну, и я сделал предложение, с которым все согласились.

— Вперед, — скомандовал Олег Владимирович и возглавил строй.

— Ну, что не так? — спросил он у меня, услышав недовольное бормотание.

— Да все не так. Где охранение передовой? Почему не выслали разведку по пути нашего движения?

— Кхм, твои предложения?

— Мы с Серегой идем впереди, вы же, отстав на сотню метров, следуете за нами.

— Хорошо, так и поступим, — немного подумав, ответил старпом.

И вот теперь я топаю впереди семерых «отморозков», идущих освобождать заложников и захватывать судно.

«Интересно, это только у русских в крови защищать слабых? Или кто-то еще может похвастаться подобным поведением?» — размышлял я, осторожно шагая справа от следов пиратов.

До яхты мы дошли за два-три часа, причем по проторенному пути.

Я невольно с уважением подумал о моряках, это же надо, с ранеными на руках (это про Геннадия) и с женщиной они за пару часов смогли пройти почти до вершины. Сильны.

Отодвинув ветку чуть в сторону, чтобы не выдать своего присутствия, я всмотрелся в суда, находящиеся метрах в трехстах от нас.

— Ну что, мы начинаем? — спросил старпом, рассматривая яхту в бинокль.

Я посмотрел, как из кустов выходят два наших моряка и бегут к судам, всем своим видом выражая радость, что встретили живых людей.

— Напомню, я был против подобного привлечения внимания, — на всякий случай озвучил я, примериваясь к прицелу.

Оборудование своей позиции по всем правилам заняло у меня полчаса, так что к бою я был готов. Поэтому то, что старпом пристроился рядом, демаскируя меня, мне очень не понравилось, но менять лежку было уже поздно, хотя я и оборудовал две запасные позиции.

— Олег Владимирович, да уберите вы голову, демаскируете ведь, — наконец не выдержал я такого издевательства.

— Вот так?

— Угу, еще жопу спрятать, так совсем... хорошо будет, — пробурчал я себе под нос, но старпому сказал погромче: — Вы отползите за то дерево и укройтесь за ним.

— Но я же оттуда не буду видеть бандитов! — озадаченно сказал он, прикинув расстояние до дерева.

— Вот и хорошо, главное — они вас не увидят, если что будет, я вам скажу, — ответил я и приготовился. Парни уже были недалеко от яхты и лодки, лежащей на берегу.

План старпома, на мой взгляд, был так себе, на мое высказывание они ответили, мол, знают, что делают. Взрослые дяди, мать их, совсем детей не слушают!

По плану пара моряков изображают из себя потерпевших кораблекрушение, завидя яхту и людей на рядом расположенном судне, бросаются к ним, радостно крича, чтобы привлечь больше внимания. Возможность свалить для храбрецов, если пираты вдруг начнут стрелять, не сходя на берег, это мангровые деревья, растущие близко от кромки воды, так что спрятаться — дело пары секунд. Мое высказывание, что пули быстрее, было проигнорировано.

— Есть! — сказал я вслух.

— Что там? — немедленно отреагировал старпом, высовываясь из-за

дерева.

— Двое на пиратском мостике показались.

— Ага, хорошо, а что наши? — поинтересовался старпом.

— А что наши? Что-то кричат, руками машут. А-а-а, ветер слова относит, вот они жестами и общаются. О, еще один показался... похоже, капитан.

Я с интересом наблюдал за переговорами пиратов и наших моряков, обдумывая возможную реакцию пиратов на потерпевших кораблекрушение. По моему мнению, капитан должен был задуматься, что где двое-трое, там могут быть и остальные, а ведь свидетели им не нужны.

— О, все. Пираты поверили, что неподалеку есть еще пострадавшие. Ой, не могу, один из них взял медицинский чемоданчик, — фыркнул я.

— Ну им же нужно показать как-то, что они идут помогать, — с сомнением сказал старпом.

— Ну да... о, лодку подтянули к судну, она у них под кормой бултыхалась.

— Сколько их, видишь?

— Не, не вижу, они лодку за противоположный борт увели.

— Сколько сейчас пиратов на палубе?

— Да с десятков уже собралось, других не видно, — ответил я, продолжая разглядывать пиратский траулер.

— Будем надеяться, что они поверят Михалычу и пойдут в «лагерь» к «выжившим», — с надеждой сказал Олег Владимирович.

— Лодка появилась, — пробормотал я, внимательно «просеивая» пассажиров лодки.

— Сколько?

— Вроде одиннадцать, полная она.

— Что там дальше? К берегу подошли?

— Да уже носом ткнулись... ага, правильно, их одиннадцать, — ответил я, быстро пробежавшись по пиратам. Кстати, одеты они были в одежду рыбаков, явно стараясь показать себя настоящими рыболовами.

— Все, сошлись. Михалыч все пальцем тычет в сторону «лагеря». Зря, кстати, могут грохнуть его, самим дойти до «выживших» не проблема... Все идут в сторону «лагеря», — закончил я, заметив, что вся орава «рыболовов» следует за нашими моряками.

— У того, что с усами, под плащом автомат, у остальных, похоже, просто пистолеты. Плохо видно, их куртки закрывают.

— Понял. Ну все, я к нашим, — быстро сказал старпом и зашуршал травой, уползая.

Засада для «спасателей», организованная старпомом, была мной немного переработана и дополнена, а то перестреляли бы друг друга.

По плану товарищей офицеров, бандиты, которых вели наши Сусанины, должны были пройти по небольшой полянке, где на опушке засели наши стрелки, далее в течение скоротечного боя они должны были перестрелять пиратов.

План, конечно, был неплох, но исполнение!!!

Мало того что они засели по окружности, и возможность перестрелять друг друга не просто была вероятной, а убедительно мною доказана. Так что, усадив моряков с одной стороны опушки и нарезав им сектора стрельбы, мы со старпомом и Сусаниными, как их обозвал я, направились к берегу, где находились суда.

И сейчас одиннадцать бандитов следовали за двумя нашими парнями к засаде, где сидели моряки. Кстати, то, что в засаде нельзя курить, а они это делали, мне пришлось вдалбливать им в головы с помощью монотонных гнусавых нотаций, что сразу помогло. Это всегда помогает.

Убедившись, что процессия скрылась за кромкой леса, подкрутив прицел, я стал ждать. Засаду устроили в трех километрах от берега, и пираты не должны были услышать выстрелы, в чем я был уверен на все сто. Так что, прождав минут сорок, я прицелился и аккуратно снял двух пиратов, которые слонялись на палубе без дела, изображая из себя вахтенных, или, проще говоря, часовых. Проследив, как они повалились на палубу друг за другом, терпеливо стал ждать, держа судно пиратов под прицелом.

«Ну где же вы? Вы что, не видите, что у вас убитые на палубе валяются?!» — думал я, просматривая и лежащую на мели яхту, и траулер пиратов. Нет, я, конечно, мог стрелять и без глушителя, но выдавать свое местоположение?! Что я, дурак?! Поэтому-то сидел и терпеливо ждал, пока убитых обнаружат.

Крика я не услышал из-за ветра, да и шуршащие листья и ветки над головой вносили свою лепту в эту мелодию природы, но вот как забежали пираты на судне, заметил.

«Ох ты, да сколько же вас тут набежало-то?! Но вы мне пока не нужны, где капитан? Где капитан, я вас спрашиваю?! — Однако, как я ни вглядывался в прицел, капитана так и не увидел. — Вынужден признать, что эта часть не удалась, а я ведь предупреждал старпома, капитан Вольф может и не выйти, так нет, все на авось рассчитывают!»

Сплюнув, прицелился в плечистого громилу, который командовал кому и что делать, укрываясь при этом за одной из переборок. Только вот укрытие это было против тех, кто сидел в глубине леса, а не у кромки воды, где росла небольшая рощица деревьев. И укрывался я именно в этой роще, откуда на судно пиратов вид открывался просто замечательный.

«Ну что, гора мяса, получай гостинец! — Я нажал на спусковой крючок. — Ух, как забегали!» — восхитился я, быстро разряжая магазин.

В громилу, который, по моему предположению, был кем-то вроде боцмана, я попал с первого раза, несмотря на расстояние и сильный боковой ветер. Проследив, как здоровяк медленно сползает на палубу, цепляясь из последних сил за переборку и оставляя на ней красный след, выстрелил в следующего, который сложился от попадания пули в живот и застыл в такой позе, открыв рот. Наверное, кричал, этого я не мог слышать из-за расстояния, однако остальные пираты быстро разобрались в происходящем и попрятались по укрытиям. Вот только укрывались они, как и громила, от стрельбы со стороны леса, чем я и воспользовался. Успев подстрелить еще троих, я загнал пиратов, сообразивших, что они неправильно укрылись, внутрь траулера.

Воспользовавшись тем, что пираты спрятались и не показываются, я, тщательно укрываясь от возможного наблюдения, переместился на запасную позицию.

«Ну что там? А ни хрена там. Ни одного сурка, все попрятались... гады!»

Лениво поглядывая в сторону траулера, достал из разгрузочного жилета, который успел тиснуть у одного их убитых пиратов до того, как их обыскали матросы, патроны и стал перезаряжаться.

На траулере были попытки выглянуть и перебежать к зачехленной в брезент пушке, я на такое не обращал внимания, так как орудие стояло на носу совершенно открыто, и укрытий рядом не было. Тут я был уверен: это попытки вызвать огонь на себя, чтобы вычислить мою позицию.

«Да достал уже!» — наконец возмутился я наглостью одного из пиратов, молодого паренька, который постоянно перемещался, отвлекая меня от важного дела. Я ел шоколадный батончик с начинкой.

Заметив, что паренек вышел на открытую палубу и нагло стал крутиться, показывая, какой он храбрый, я навел прицел на парня и, тщательно прицелившись, нажал на спусковой крючок.

— Побудь теперь наживкой, — с ухмылкой сказал я, перекатываясь в сторону и прячась за дерево. Со стуком и свистом над головой пролетели несколько пуль и врезались в стволы деревьев. Со стороны яхты я не

только услышал выстрелы, но до моих ушей также донесся крик паренька, получившего пулю в колено. Шустро работая локтями и ногами, я попластунски переполз на следующее подготовленное к стрельбе место. Спугнув с одного из кореньев маленькую змею, на которую не обратил внимания, не до того как-то было, осторожно залез на лежку, и аккуратно, стараясь не потревожить ветви, просунул ствол винтовки в заранее подрезанные кусты.

— Ух ти моя лапочка, все лежишь, орешь, — ласково пробормотал я, наблюдая в прицел за бьющимся на палубе парнем. Держась за культю — похоже, разрывная пуля оторвала ногу ниже колена — и покачиваясь на спине, он широко открывал рот, явно вопя.

— Ну давай, давай, ори погромче, зови на помощь, — тихо просил я, наблюдая за раненым и контролируя все подступы к нему.

Я решил воспользоваться любимой тактикой чеченских боевиков. То есть, подстрелив одного, уничтожать спасателей, подбирающихся к подранку на его вопли и просьбы о помощи.

В общем, я знал, что и как делать, сам, честно говоря, не раз пользовался подобным способом, правда, без особого успеха. Ну не лезли боевики под пули, даже если рядом лежал и истекал кровью родной брат — были подобные случаи. Вот и посмотрим, какие они пираты, будут ли спасать своего.

— Не стали, — вздохнул я, заметив, что голова подранка лопнула от попадания пули.

«Наверняка капитан. Уважаю. Я бы на его месте поступил точно так же... Интересно, как там наши? Вроде уже должны были закончить. Время, прикинутое на глазок до засады, уже прошло, так что через пару часиков должны подойти, если не брать в расчет рефлексию после боя!» — размышлял я, с интересом наблюдая, как в борту траулера открывается иллюминатор, и оттуда спускают в воду веревку.

Запасная моя позиция была в пяти метрах от прибоя, где вода билась о корни деревьев, что давало мне возможность наблюдать и за противоположным бортом. Я не мог видеть только корму траулера, и не знал, что там происходит. Однако моя позиция меня устраивала.

В открытый иллюминатор показалась голова и, осмотревшись, быстро скрылась обратно.

— Правильно, меня надо бояться, — посоветовал я, продолжая следить за представлением. Голова снова показалась и, задержавшись немного дольше, скрылась опять.

«Похоже, пиратам уже хватило одной наживки и повторять опыт они не

хотят!» — подумал я, поняв, что голова — это что-то вроде чучела с матросской шапочкой на голове.

Наконец, после почти получасового травления, показалась рука, ухватилась за веревку, и наружу выскользнула гибкая фигура с автоматом на плече. Быстро перебирая руками, пират скользнул в воду без малейшего всплеска.

«Опытный, зараза, сразу видно!» — решил я, понаблюдав, как плывет под водой пират. Выплывал на поверхность он очень редко, явно имея хорошо разработанные легкие. Проследив, как он скрылся за кормой и корпусом яхты, я продолжил наблюдение за иллюминатором, изредка посматривая на берег, пытаясь обнаружить пловца.

Один пират погоды не сделает, так что я больше следил за оставшейся командой траулера, чем за пиратом-одиночкой.

«Что-то они задумали, только вот что?» — гадал я, усилив внимание.

Заметив, что веревку втянули обратно и закрыли иллюминатор, сосредоточил внимание на том месте, где скрылся пират, иногда переводя взгляд туда, где он мог показаться.

— Ах вы твари. Куда!!! — заорал я, поняв, что они делают, как только заработал двигатель траулера. Пират, который вынырнул в окно, убирал швартовы от яхты, якорь же можно было поднять, нажав на кнопку в рубке.

Быстро вытащив обойму, я заменил ее другой, набитой бронебойными патронами. Прицелившись в рубку, где были видны какие-то тени, стал стрелять по рубке так, чтобы там не оказалось мертвого, не простреливаемого пространства. Однако у пиратов в рубке все-таки было прикрытие. От длинной очереди в упор вылетело раздробленное и простреленное стекло в иллюминаторе, и в мою сторону полетела струйка пулеметного огня.

— Ой, бля! — успел крикнуть я, скатываясь в наполненную водой впадину. На голову мне падал мусор и срезанные ветки. У пиратов оказался опытный пулеметчик, который сейчас и демонстрировал свое умение.

— Ну нет, так просто вы у меня не отделаетесь, — пригрозил я пиратам. Вылезая на сухое место и отряхнувшись, перезарядил винтовку, убрав пустую обойму в кармашек разгрузки. После чего, ползя на животе, стал менять позицию. Заметив небольшой просвет, через который было видно оба судна, я пристроил ствол винтовки на торчащем высоко корне и, прицелившись, выстрелил в того резвого живчика, что отвязал швартовы и сейчас бежал по одному из боковых проходов. Не глядя, как тот,

перекувыркнувшись через поручни, летит в воду, выстрелил по пулеметчику и снова открыл прицельный огонь по рубке. Но было поздно, расстояние между яхтой и траулером стало увеличиваться. Пираты уходили.

Меня переполняло бешенство от подобной подставы. Свирепо дыша, я яростно смотрел на отходящий от яхты траулер.

«Стараешься-стараешься, а тут такая фигня случается!» — сердито подумал я, прикидывая свои шансы на успех, в случае если мне придется рвануть к лежащей на берегу резиновой лодке и на ней добраться до траулера пиратов.

Однако мой план был несбыточной мечтой, и я прекрасно это понимал — пулеметчик был жив. Я знал это, просто чувствовал. Поэтому, злобно поглядев на траулер, я отполз назад и, развернувшись, рванул в обход к тому месту, где вышли из леса наши Сусанины. По моим прикидкам, довольно высокий корпус яхты закрывал эту часть леса, и у меня был шанс добраться до берега незамеченным.

«Раз-два, раз-два, раз-два, ой-ёй-ёй, твою... е... рот, развелось змеюк, проходу не дают. И раз-два, раз-два, раз-два!» — бежал я, перепрыгивая через поваленные деревья, кусты и здоровенных или маленьких змей.

Добравшись до нужного места, я осторожно приблизился к опушке и выглянул из-за дерева.

— А-атлично, чистоган! — протянул я, заметив, что траулер закрыт яхтой, и быстро выскочил на прибрежный песок, образующий небольшой пляж, окруженный с трех сторон мангровыми деревьями. Вот к воде я и бежал, держа на весу винтовку.

Домчавшись до кромки берега, где на песок набегали маленькие волны, без раздумий бросился в воду и, загребая ее ботинками, отчего морская вода брызгами разлеталась от меня, побежал по мелководью к яхте.

Чем дальше я шагал, тем глубже становилось дно. Когда до яхты осталось метров пятнадцать, вода достигала уже до шеи, отчего мне пришлось, оттолкнувшись от дна, поплыть к яхте, держа на весу винтовку и судорожно загребая свободной рукой. Закинул ногу на поручень, подтянулся одной рукой и, дотянувшись до переборки, положил на нее винтовку, и только потом залез сам.

Осторожно нырнув в окно, я подхватил винтовку и, разбрызгивая воду в каюте, достиг двери, с трудом открыл ее и очутился в коридоре. Отбросив в сторону деревянный стул и оттолкнув плавающий вокруг мусор, я рванул в ту сторону, где виднелась витая лестница. По пути перепрыгнул через тело моряка с нашивками третьего помощника,

поднялся на палубу и, подползая к переборке, осторожно выглянул наружу.

«Какой прекрасный вид», — обрадованно подумал я, осматривая траулер. Приготовив винтовку, я просунул толстый ствол глушителя наружу и прицелился в широкоплечего здоровяка с ручным пулеметом в руках. Через всю грудь громилы были наспех навязаны бинты.

«Попал все-таки», — довольно подумал я. Даже поверхностный осмотр показал, что он ранен легко, так что он у меня был целью номер два. Целью номер один был капитан, который, прикрываясь двумя бронежилетами, надетыми на тело, стоял у штурвала. На третьего последнего я не особо обращал внимания: не вояка, шкет, типа «принеси-подай».

«Эй вы, трое, оба ко мне, я тебя узнал!» — мысленно пробормотал я, стреляя в пиратов. Если капитан свалился сразу, получив пулю в голову, то в громилу пришлось всадить аж три, пока он не перестал биться на палубе, разбрызгивая кровь. А вот третий был самым ловким, и моментально укрылся в одной из кают, которую я не просматривал.

Сменив позицию, снова выглянул, правда, уже в другом месте, и внимательно всмотрелся в судно, но никакого движения заметно не было, кроме того, что траулер продолжал удаляться от яхты, и сейчас расстояние до него было уже около семидесяти метров.

Прикрываясь переборками, я добрался до рубки яхты, половина которой была в воде и, поискав по ящикам и тумбам, нашел мегафон.

— Какой архаизм, — умилился я, разглядывая мегафон из тонкой жести.

Страхуясь, — вдруг на яхте еще есть кто-то, кроме меня, — снова посмотрел в сторону траулера и крикнул в мегафон:

— Товарищи пираты... э-э-э... Госпо... э-э-э... Мать вашу, а ну ты, шкет, выглянул быстро, пока я вообще тут эту лоханку не потопил! — взбешенно крикнул я и стал ждать реакции.

Никакой реакции так и не дождался.

«Ну хорек, поймаю — вы...бу!» — зло подумал я. И приподнявшись, выстрелил четыре раз по тем местам, где по моим прикидкам мог находиться этот мелкий типчик.

— Не стреляйте! — послышался тоненький голосок, едва различимый через тарахтение судового двигателя.

«Зашибись, судя по голосу, точно сопляк!» — подумал я, продолжая держать траулер под прицелом.

Пошарив не глядя по кармашкам разгрузки, вытащил все оставшиеся патроны и, спрятавшись от возможной стрельбы, быстро пересчитал, сколько осталось бронебойных пуль. Оказалось, что если считать и те, что

в обойме, то оставалось пять штук.

«Блин, и чем мне теперь этих пиратов дырывать? Простой пулей переборку не всегда пробьешь», — подумал я, почесывая затылок.

— Эй, парень, давай глуши движок, стрелять не буду! — крикнул я не высовываясь, а сам мысленно стал пересчитывать пиратов.

«Так, их было тридцать три, но одного волна слизнула за борт, так что оставалось тридцать два!..»

— Я не могу, не умею, — послышался ответ.

— Зайди в рубку, и возле штурвала найдешь тумблеры, двигатели, вот и переведи их в режим выключить, — крикнул я, быстро вспоминая компоновку подобных судов.

«Вроде нигде не ошибся, а... ладно», — подумал я, заметив, что в рубку скользнула тонкая фигура.

Через несколько секунд двигатель заглох, но судно все равно двигалось по инерции, продолжая удаляться от меня.

— Все, выключено, — крикнул паренек, не показываясь на глаза.

— Жди, сейчас буду, — тоже крикнул я и, откинувшись от матраса на шезлонге, продолжил вспоминать, сколько пиратов осталось.

«Так, значит, у тридцати двух нужно отнять пятерых, которые на горе, одиннадцать, что ушли на засаду, двух часовых, потом еще семерых, попрятавшихся при панике и беспорядке. Еще паренек с пулей в колене, живчик, что отвязал швартовы. Капитан, громила с пулеметом и шкет... ум-м-м... получается тридцать. Где еще двое?» — озадачился я, поняв, что судьба еще двоих пиратов мне неизвестна.

— Эй, шкет, — окликнул я паренька.

— Что?

— Сколько людей лежит в рубке? — спросил я, прикинув, где они могут находиться.

— Трое. Капитан, Седой Джек и Том.

«Ага, вот они где, не зря я тогда стрелял по рубке. Ну, будем надеяться, что рулевое управление не повреждено, а то, как говорится, „пуля-дура“!» — подумал я. После чего, еще раз осмотрев судно пиратов в прицел, отполз в сторону, меняя позицию.

Лезть на траулер один я не собирался, подожду, пусть матросики абордажем занимаются.

Ждать помощи мне пришлось почти два часа, на десять минут больше, чем думал. Моряки осторожничали, поэтому больно-то не выходили из леса, рассматривая суда из мангровых зарослей.

Меня они не видели. С их стороны меня закрывала большая белая

труба, поэтому я изредка выглядывал из-за нее и просматривал берег и опушку.

Так бы мы и сидели, ожидая действий друг от друга, поскольку не прорабатывали подобный момент, но нам помог случай.

Похоже, шкету надоело сидеть, и он метнулся в другое помещение, где находилось тело пулеметчика. Это движение, по-видимому, засек кто-то из моряков и выпустил очередь по беглецу, дав мне возможность понять, что они вернулись. Выглянув из-за трубы, я в прицел осмотрел опушку и почти сразу обнаружил троих человек, разглядывающих нас. В одном из них я узнал Серегу Коломийцева. Хмыкнув, я дополз до тела одного из моряков, убитых пиратами на яхте, и сняв с него окровавленную куртку, выглянул и замахал этим импровизированным флагом.

Заметив, что моряки внимательно наблюдают за мной, выглянул и замахал уже рукой, в готовности нырнуть обратно. Что такое дружественный огонь я знал не понаслышке.

— Ну что там? — спросил меня боцман, устраиваясь рядом.

Мельком глянув на траулер пиратов, который дрейфовал неподалеку, ответил:

— Пиратов я почти всех положил, один остался, там где-то прячется, — кивком указал я на судно.

— Однако. Их же тут около десятка оставалось?! — изумленно протянул боцман.

— Нет, больше. Вон, основная часть на палубе валяется, — пояснил я, протянув боцману винтовку, так как биноклей не было ни у меня, ни у него, поэтому пока он водил стволом туда-сюда, разглядывая траулер, я изредка пояснял, что и как.

— ...в общем, я вас прикрываю отсюда, а вы подходите на лодке и берете судно на abordаж. Ну как вам план? — спросил я, с интересом ожидая ответа боцмана.

— План хорош, нам нужно попасть на него, — кивнул боцман.

Посмотрев на троих моряков, я только печально вздохнул, жаль было старпома, но семеро непрофессиональных военных просто не могли без потерь выиграть этот бой. Сам старпом и двое моряков сложили головы в этой перестрелке, еще один раненый с раздробленным плечом остался на поляне дожидаться окончания захвата судна.

— Как же вы так? — наконец не выдержал я.

Боцман посмотрел на меня и скривился от воспоминаний. Ему также было неприятно вспоминать прошедший бой.

— Да как-то так... понимаешь, мы все сделали, как ты нам показал, и, честно говоря, должен теперь признать, что все бы у нас получилось, если бы не «закон подлости». У одного из наших, Степки Гаврилова, не выдержали нервы, и он открыл огонь без приказа, повезло, что хоть они все успели войти на поляну, а то даже не знаю, что бы мы делали.

— За такое по морде надо давать, — сказал я.

— Уже не дашь, он же первым пулю и словил, после него старпом, Женька, и под конец Андрюху, помощника механика, ранили... Злые были, добились подранков, как ты и говорил.

— Понятно, ну что, начнем, чего время-то тянуть? — спросил я, встряхивая головой. Посочувствовал погибшим морякам — и хватит, жизнь продолжается. Однако боцман был не такой толстокожий, как я, поэтому еще некоторое время сидел и смотрел в переборку ничего не видящим взглядом, пока я не пихнул его в плечо.

— Да, идем, — кивнул он, так же, как и я, тряхнув головой.

Под моим прикрытием они подобрались к лодке и, дотасив ее до воды, спустили на воду.

Затархтел маленький мотор, и лодка, чуть вздрогнув, начала набирать скорость в сторону траулера.

Я в прицел наблюдал, как они, подплыв к тому борту, который мне был хорошо виден, поднялись на борт, цепляясь за всякие технические отверстия и выступы. Минут сорок моряки тщательно осматривали судно, перебегая по палубе от одного люка к другому. Боцман стоял у рубки и с кем-то разговаривал, с тем, кто находился в рубке.

Кто там был, я не знаю, но не шкет точно, его сразу нашли и посадили у одного из бортов под моим присмотром и боцмана.

«Нет, все-таки с кем он разговаривает, там же одни трупы?!» — озадаченно думал я, продолжая страховать моряков.

Заметив, что Серега машет мне, показывая, что на траулере опасности нет, я сразу же побежал к корме яхты, так как заметил там привязанный спасательный плотик.

— Где гарем? Где гарем, я вас спрашиваю? — крикнул я боцману, в очередной раз пробегая мимо. Мои десятиминутные поиски пока не увенчались успехом, баб не было. Боцман от моих криков даже ухом не вел, он продолжал разговор с капитаном траулера, который, оказалось, был ранен в голову по касательной. Пуля не убила его, а просто оглушила, так что по решению боцмана, когда придет помощь, его и шкета ждал суд.

«Блин, да где же они? Может, в трюме?!» — Метнувшись к люку в

трюм, я откинул крышку и с надеждой заглянул внутрь, однако, кроме застаревшего запаха рыбы, ничего в нем не было.

— Серега, блин, а ну давай колись, где гарем? — угрожающе надвинулся я на него.

Чему-то усмехнувшись, он кивком указал на лестницу, ведущую во внутренние помещения, и ответил:

— Вторая дверь налево. — И тихо захихикал, но я уже не обращал внимания, потому как галопом неся по лестнице вниз.

— Вторая налево, вторая налево, а, вот она... Здравствуйте, красавицы, встречайте же своего спасителя, — сказал я, с улыбкой открывая кем-то заклиненную дверь.

Со стороны трапа послышался отчетливый смех.

— Мать моя женщина! — только и успел сказать я, как меня за грудки втащили вовнутрь.

Мне пришлось приложить все свои спецназовские навыки, чтобы вырваться из жарких объятий. Жарких, не потому что пышущих страстью, а потому что потных. Перепрыгивая через диваны и столики, я неся от четырех вопящих что-то на своем наречии толстущек, комплекции которых мог бы позавидовать борец сумо.

— Ну... Серега сволочь... я тебе... припомню... уй-ей! — вскричал я, когда толстые, как сосиски, пальцы чуть не ухватили меня за куртку.

Что вопят загоняющие меня озабоченные женщины, понять было не сложно:

— Загоняй справа... Зухра, лови самца слева... — И так далее и тому подобное.

Перепрыгнув через упавшую от моей подножки Зухру, я перекатился под столиком, шустро прополз между ног самой крикливой — и кинулся к свободе.

Захлопнув дверь, я снова заблокировал ее ломиком и, прижавшись к ней спиной, стал удерживать трясущуюся от ударов дверь.

— Ты чего? — удивленно спросил меня Славик, выглядывая из-за соседней двери и поправляя наушники на голове.

— Ничего, так, хе-хе, что-то мне сразу жить захотелось.

— А-а-а?

— Да нормально все, уф-ф-ф, убью я Серегу, поймаю и расчленю. — Я с садистской улыбкой вслух придумывал, что сделаю с шутником.

— Не понял, что ты сделаешь? — опять не понял Славик.

— Да ничего, замяли, как связь?

— А нету ее. Одной лампы не хватает, а без нее фиг выйдешь в эфир.

— Понятно, наверняка она у капитана, подстраховывается.

— Да, наверное, у него, схожу спрошу.

— Сиди уж, сам схожу, тем более у меня есть чем заняться, — сказал я, ища что-нибудь тяжелое, чем удобно бить.

Откинув крышку люка, я выглянул и с о-о-очень добренькой улыбкой громко спросил:

— Сереженька, а ты где?

— Серега где? — спросил я у боцмана, подбегая к рубке.

Недовольно дернув плечом, он ответил:

— Ушел за нашими минут пять назад.

— Вот гад!!! — подпрыгнул я от возмущения и, обернувшись, посмотрел на вытащенную на берег лодку.

— Что?

— Ничего, дело семейное. Там Славик говорит, что у рации какой-то лампы не хватает, в эфир выйти не может. Наверняка она у этого подранка, — сказал я, кивнув на капитана, лежащего на полу в рубке и придерживающего на голове окровавленный платок.

— Понял. Хорошо, я узнаю, а ты пока собери все оружие и закрой его на замок, а то оно тут всюду валяется.

— Лады, — кивнул я и побежал по палубе к пушке, перепрыгивая через трупы и стараясь не поскользнуться на полузасохших лужах крови.

«Ух ты, какой раритет, интересно, где они его откопали?» — подумал я, разглядывая пушку, сняв с нее защитный чехол.

— Кирилл Васильевич, — окрикнул я боцмана и, заметив, что он выглянул из рубки, поинтересовался: — А знаете, из чего они в вас стреляли? Чем буксир потопили? — кивнул я на торчащие из воды нос и рубку затопленного буксира.

— Пушкой же?

— Ага, а пушка-то русская, я бы даже сказал, еще царских времен.

— Старинная?

— Ага, Барановского, тут клеймо есть, образец тысяча восемьсот восемьдесят девятого года.

— Иди ты?!

— Сами посмотрите, — хмыкнул я.

— Потом посмотрю, тут этот капитан никак не хочет говорить про лампу, делает вид, что ничего не понимает.

— Нашли проблему, ща заговорит, — сказал я, двинувшись к рубке, но был остановлен боцманом.

— Не надо, знаю я, как ты допрашиваешь, и видеть этого больше не хочу.

— Кирилл Васильевич, ну вы как дитя, ей-богу. На вас жизни десятка ваших моряков висит, а вы как кисейная барышня. Не хотите видеть — отойдите в сторону и подумайте о дальнейших планах, вы же теперь пока командир, — посоветовал я ему, подойдя ближе.

— Ой, Артур, я надеюсь, что он будет в порядке, когда предстанет перед судом.

— Да не волнуйтесь, что я, зверь какой? — возмутился я.

— Ладно, я пойду на пушку погляжу, а ты давай... только осторожно, — велел мне боцман и, кинув на настороженного капитана сочувствующий взгляд, вышел из рубки.

— Ну что, главный злодей, поговорим? — спросил я капитана, перейдя на английский.

— Я не понимаю, что вы хотите, за радиорубку отвечал радист, но он убит, и спросить его у вас не получится.

— Хорош стрелки переводить, говори, где радиолампа?! — прорычал я, угрожающе выдвинув челюсть.

— Я вам повторяю, я не знаю, где на...

«Беретта» была закреплена у меня в разгрузке в специальном чехле, поэтому я не глядя выхватил пистолет и прострелил капитану плечо.

— Где лампа? И не смей мне врать... — чуть присев, я заглянул в рану и добавил: —... я тебя насквозь вижу.

— Что такое? — поинтересовался у меня боцман, подбегая к рубке.

— Да ничего особенного, лампа у него в сейфе, вот ключ, — ответил я, протягивая ему ключ, висящий на бечевке.

— Сам сходи и отдай ее Славе, — скомандовал боцман и, посмотрев на стонущего капитана, добавил: — Ну я же просил...

— Так вы просили, чтобы он дожил до суда, ну так пожалуйста, он точно доживет, — пожал я плечами и, не слушая ворчания боцмана, побежал на поиски капитанской каюты.

— Славик, ща, жди, я лампу принесу, — крикнул, пробегая мимо радиорубки.

— Ага, жду, — услышал я в ответ, и потянуло запахом канифоли.

«Так где эта долбаная каюта? Капитан говорил, сразу под рубкой, где кают-компания. Так, это, похоже, кают-компания, а значит, напротив и есть дверь в каюту капитана!» — сделал я логический вывод.

Открыв дверь, я зашел внутрь и осмотрелся. В каюте капитана было два сейфа, один хорошо известный команде, и второй тайный, который никому

кроме капитана известен не был.

Подойдя к стойке бара, я взялся за столешницу и, проведя рукой понизу, нащупал кнопку. После нажатия раздался щелчок, и небольшая тумбочка в углу отъехала в сторону.

«А ниче так сделано, удобно!» — подумал я, подходя поближе. Ухватился за бока тумбочки и откатил ее в сторону, она оказалась на колесиках, поэтому особых проблем у меня не было.

Достав ключ, сунул его в замочную скважину небольшого сейфа, который стал виден, когда отодвинул тумбочку.

После двух щелчков дверь чуть отошла в сторону. Ухватившись за ручку, открыл дверцу и заглянул внутрь.

— М-да хорошо работают, тоже, что ли, переквалифицироваться в пирата? — вслух невольно восхитился я, увидев все это драгоценное великолепие, лежащее на полках сейфа, и засверкавшее, как только открыл дверцу.

«Наверное, шейха. Раз у него была такая яхта, то и жены у этого извращенца должны были быть прикинута на все сто, и все эти „сто“ лежат теперь на полке!» — подумал я, схватил коробочку, где лежала лампа, закрыл дверцу, снова сделав все, как было до меня, и побежал к Славику, где, отдавая ему стекляшку, сказал:

— Давай быстрее вызывай, и не забудь добавить, что у нас раненые.

Сказав это обрадованно схватившему плату радисту, я направился наверх, мне еще оружие собрать надо было.

Мельком глянув на шкета, продолжавшего сидеть у борта с забитым видом, я направился к трупам на полубаке, чтобы собрать лежащее около них оружие.

Таскал я все в одну кучу, куда сложил не только само оружие, но и амуницию, то есть разгрузки и то, что их заменяло.

— Артур, подойди сюда, — окликнул меня боцман.

— Иду, — сказал я и легкой трусцой подбежал к рубке. — Что?

— Капитан сообщил мне, что их было не тридцать два, а тридцать шесть. Тот пленник, которого ты допрашивал на горе, обманул нас. Четверо ушли вчера на другую сторону острова, и они должны сегодня вернуться.

— Врет, — коротко сказал я и, прищурившись, посмотрел на капитана, которого боцман уже успел перевязать.

— Почему ты так решил?

— А я судовой журнал посмотреть успел, он у капитана на журнальном столике в каюте лежит, — пояснил лениво.

— Точно врет?

— Точно-точно, там есть список команды, и их было тридцать три. Одного смыло во время шторма, остальные сами знаете где. Сейчас спрошу, на фига ему это надо.

— Не надо, лучше я сам, ты с оружием наконец закончи, — достаточно твердо отказался боцман от моей помощи.

— А?..

— Иди-иди, — прогнал меня он.

Развернувшись, я направился к оружию, подойдя, с сомнением посмотрел на немалую кучу, которую венчал ручник. Таскать все это железо вниз мне было что-то неохота.

Осмотревшись, я заметил шкета, который испуганно смотрел на меня.

— О, бесплатная рабсила, — сказал я по-русски и, довольной улыбнувшись, крикнул шкету уже по-английски: — Эй ты, а ну давай иди сюда, ком-ком, арбайтничать будешь. Ты что, не понял?! Шнель ко мне!

Однако пиз...ныш продолжал сидеть у борта и только еще больше сжался.

«Вот гад, ща врежу!» — пообещал я себе, направляясь к нему. Схватив его, взвизгнувшего, за грудки я понял: что-то не так. Знакомые выпуклости на груди стряхнули пелену у меня с глаз.

«Так вот оно что, а я-то думаю, что за парень странный!» — подумал я, с довольной улыбкой щупая девичьи груди под скрывающей фигуру рубашкой. Спермотоксикоз, казалось бы, полностью задавленный из-за встречи толстушками, снова ударил мне в голову.

— А-а-а, убери руки, — завизжала девка, пытаясь закрыться руками от моих загребущих рук.

«Второй размер», — профессионально оценил я размер груди девушки.

— Что там, Артур? — спросил от рубки боцман.

Обернувшись в его сторону, я прижал к себе вырывающуюся девушку и твердо сказал:

— МОЁ!

Пытаясь ухватить девку поудобнее, я взял ее за рубашку и спеленал длинными рукавами.

— Я обещал, что «вы...бу». Пацан сказал, пацан сделает, — сказал я ей на ушко, вспомнив, что обещал шкету, когда он остался один на траулере.

— Артур, а ну прекрати немедленно! — приказал мне подходящий боцман, грозно нахмутив брови. Было видно, что эта сцена ему очень не нравится.

Я тоже хмуро посмотрел на Кирилла Васильевича, отпускать более или

менее нормальную женщину из рук я не собирался.

— В чем дело? Почему ты его держишь?

— Это баба! — пояснил я.

— Хм, да? — озадаченно осматривая девушку, спросил боцман.

— Согласен, не фонтан, но лучше хоть что-то, чем ничего, — согласился я, видя, что боцман о чем-то задумался.

— Артур, скоро подойдет помощь, ты сам понимаешь, в какое положение ты нас ставишь? — спросил меня он.

«В положение я собираюсь ставить ее, а не вас, многоуважаемый Кирилл Васильевич!» — подумал я, но вслух ответил другое.

— Да кто узнает?..

— Я знаю, Слава знает, Сережа про него знает, — сам себе подписывал приговор боцман.

— Правильные вы слова говорите, Кирилл Васильевич, правильные, — со вздохом согласился я, отпуская девку.

— Вот и хорошо, иди пока узнай, как там дела у Славы, — попросил меня ласковым тоном боцман.

— Уже иду. Кстати, девка не в моем вкусе, никогда таких не любил, но если бабы нет почти месяц, тут волком взвоешь.

— А не мал ли ты такие разговоры заводить? — спросил боцман, с сомнением осмотрев меня.

— Убивать не мал, а бабу завалить — так еще не вырос, что за люди? — бурчал я, спускаясь по лестнице на нижнюю палубу.

— Слава, как ты там? Связался? — крикнул я через весь коридор, вызвав новую волну стуков в дверь, где сидели толстушки.

— Норма, я сейчас... — услышал я из радиорубки. И тон мне сразу не понравился, так говорят, когда к горлу приложен нож.

Вытащив пистолет и держа на прицеле дверь, я тихо крался к двери в рубку.

— ...твою же мать. Слава, блин, ты когда пьешь, закусывай, а то я тут не знаю что подумал, — сказал я, облегченно убирая «беретту» обратно.

— Да ты меня как раз на выдохе поймал, вот я и...

— Да понял я. Это что, спирт? — спросил я, беря в руки бутылку с прозрачной жидкостью.

— Ага, медицинский. Его прошлый хозяин вместо технического использовал... придурок.

— На батончик, закуси, а то я закушу, тут такой аромат витает.

— Спасибо, — поблагодарил Слава, шурша оберткой.

— Так что там насчет вызова?

— Докричался. Судя по всему, мы где-то на островах Кука. Таити меня легко берет, как будто рядом. Велели сообщить наши координаты, ты знаешь?

— Ща узнаю. Тут в капитанской каюте судовой журнал лежит, там должны быть данные. Таити-Таити, я иду к вам, — пропел я, выскальзывая из радиорубки.

Вернувшись, я бухнул на стол журнал и сказал:

— Нету ни хрена. Запись есть до шторма, а новые он не писал, гад.

— Что же делать? У одного военного эсминца есть сканер, он по нему пытается найти нас, но это, сам понимаешь, долго.

— Американский?

— Что?

— Эсминец американский?

— Да.

— Блин, плохо дело. Не хотелось бы мне с ними встречаться. Слушай, а кто к нам ближе всего? Ну, чью станцию ты лучше слышишь?

— Танкер «Македония» — очень четкий сигнал. Точно где-то рядом, потом яхта «Пенелопа», эти тоже близко. Остальные подальше. Эсминец вообще далеко.

— Я у капитана секстант видел, сейчас определюсь и скажу тебе, где мы, — щелкнул я пальцами от пришедшей мне в голову мысли.

— Хорошо, только давай быстрее, — кивнул Слава.

— Угу.

Схватив секстант, карту, альманах и ручку с бумажкой для записей, я рванул наверх.

— Артур, что там? Связались с помощью?

— Да, только мы координаты не знаем точные. Ща я их дам, солнце еще не село.

Быстро составив таблицу, я высчитал нашу долготу и ширину.

— Славка, готово, держи, — протянул я ему листок с данными.

— Внимание всем, я «Абхазия», повторяю, я «Абхазия», получены наши координаты, у всех, кто меня слышит, прошу медицинской помощи... — сразу же забормотал в микрофон Слава.

Я сидел в стороне и с интересом наблюдал за ним.

— Уф, все. «Македония» ближе всего, через два часа они будут у острова, и главное — там есть судовой врач.

— Отлично, хоть что-то.

— А кстати, где мы? Что-то я не понял.

— Это один из северных островов Кука, до Таити всего триста миль, а

там девушки, и у всех четвертый размер, у-у-у, четверочка, — застонал я, представив полуголых «дикарок», танцующих вокруг меня.

— Четвертый? У всех? Да не может быть! — не поверил радист.

— Я тебе хоть раз врал?

— Нет.

— Во-от. Еще не врал. Так что представь, какой рай меня скоро ждет.

— А мы куда? Может, нас тоже туда отправят?

— Не знаю. Но тут наши пути-дорожки расходятся. Хватит, напомогался!

На столе вдруг звякнул телефон.

— Кто это? — удивленно спросил меня радист.

— Да боцман, кто же еще. Наверняка из рубки.

— Радиорубка слушает, — сказал Слава, сняв трубку. — Понял, Кирилл Васильевич, — ответил он, немного послушав, и положил ее обратно.

— Что там?

— Наши подошли, на берегу они.

— Ой, да там же мой закадычный друг Серега, — обрадовался я, вскакивая.

Выбежав на палубу, я крикнул боцману:

— Ну что, где они? Я не вижу.

Но отвечать боцману и вышедшему на палубу Славику не потребовалось. Я сам сперва увидел их в тени заходящего солнца, а потом уж и самих моряков, медленно бредущих по песку к лодке. Увидев показавшуюся первой из-за корпуса яхты фигуру Коломийцева, плотоядно оскалился.

— Давай-давай, иди сюда, — тихо пробормотал я под нос, не сводя взгляда с Сергея, тот как будто чувствовал мой взгляд и постоянно уходил за спины моряков. Наблюдая, как несколько моряков, несущих на носилках раненого, осторожно укладывают его на дно лодки, спросил у Славы:

— Когда, ты говоришь, подойдет «Македония»?

Слава, что-то в это время докладывающий боцману, стараясь при этом дышать в сторону, обернулся ко мне.

— Что? — не расслышал он.

— Когда танкер подойдет?

— Часа полтора подождать придется, — ответил он, мельком глянув на часы.

— Ага, может, успеют, надеюсь, вы перевязали раненого хорошо? Не истечет кровью? Это самое опасное.

— Не должен, его Коломийцев перевязывал, а он в этом хорошо смыслит, — ответил мне Кирилл Васильевич.

Раненого довольно быстро доставили к судну и попытались поднять, однако ничего не получилось. Тогда решили использовать кран-балку у трюма и поднять ею раненого. Двое прибывших моряков разбежались по местам. Вскоре затарахтел двигатель, и не до конца поднятый якорь стал опускаться, разматывая цепь. После чего боцман, сам пользуясь пультом управления, опустил крюк с тросами и поднял раненого на палубу.

Когда все поднялись на траулер и на берегу никого не осталось, я подошел к Сереге, настороженно наблюдающему за мной, и с веселой улыбкой сказал:

— Молодец, я сам пошутить люблю, но твоя... Честное слово, классная.

— Так ты не обиделся? — спросил он меня с подозрением.

— Я?! Да ты что, бог с тобой, посмеялся только, и все. — Хлопнув его по плечу, я добавил: — Ладно, я к боцману отойду, нужно узнать, что он планирует.

— Ага, давай, — кивнул Серега.

Подойдя к боцману и Геннадию, который продолжал баюкать раненую руку, спросил их:

— И что это вы, товарищи хорошие, собираетесь делать?

— Да пока ничего, ждать врача надо, — пожал плечами Геннадий и поморщился от движения.

«Хреновая у него рана, по движениям видно. Похоже, что кость задета!» — на глазок определил я.

— Это я понял, но как же наши погибшие товарищи? Их нужно доставить на берег, или хотя бы поставить людей около тел, чтобы хищники не съели, — сказал я, вложив в голос недоумение, мол, почему сами не додумались, почему подсказывать надо?

— Да, Артур, я думаю, что ты прав. Кирилл Васильевич, займитесь этим, хорошо?

— Хорошо, я понял, — кивнул боцман.

Отойдя от них, я нашел свою сумку, сваленную вместе с другими вещами в кучу, и стал инспектировать, что пропало, но к моей надежде и радости, честно говоря, не хотелось плохо думать о своих соотечественниках плохо, все было не тронут и лежало на месте. Утащив сумку вниз, прихватив также и рюкзак, я набил их боеприпасами и гранатами из арсенала пиратов, так, на всякий случай. Что мне понравилось больше всего, так это десять килограммов пластида с

электродетонаторами, найденными в железном ящике. Причем уложены они были правильно, видно, что местный подрывник знал азы, так что самоподрыва тут быть не могло.

Затарившись вкусняшками, я оттащил тяжелые ноши в неприметный уголок. Тащить из капитанского сейфа драгоценности я пока не собирался, решив оставить это на потом, правда, сообщив о них боцману и Геннадию, брать у своих не хотелось, это как-то крысятничеством пахивало.

Пока боцман сформировал команду из уцелевших моряков, в которую собралось аж четыре человека, подошел танкер.

Был он не таким большим, как я видел по телевизору. Так, среднеразмерное судно.

На мой вопрос, почему бы нам не сняться с якоря и не подойти к танкеру, который не мог приблизиться ближе к берегу и лег в дрейфе в километре от берега, Геннадий ответил:

— Не положено. В таких случаях мы должны дождаться представителей местной власти для передачи им преступников.

— Понятно, это что мы на лодках, что ли, к ним пойдём?

— Да, Андрею уже готовят лодку, — кивнул он на суетящихся у раненого Сергея и еще одного моряка. Остальные во главе с боцманом ушли на берег.

— А, тогда понятно, — сказал я и добавил: — Тогда я иду следующим рейсом.

Наблюдая, как с «Македонии» спускают шлюпки, и к нам идет помощь, я жевал сделанный поварихой бутерброд и обдумывал, что делать дальше.

«Во-первых, узнать, куда идет это корыто, и высадиться на ближайший берег. Во-вторых, узнать, где можно нанять частный самолет. В-третьих, свалить, изменив курс в полете, и высадиться там, где можно ОТДОХНУТЬ, и не одному. НО главное — это предвкушение сладкой мести Коломийцеву!»

Я всегда считал, бьют, бей в ответ, так что на шутку тоже собирался ответить шуткой, хотя и подозреваю, что Сереге она вряд ли понравится.

Послышалось близкое тарахтение лодочного мотора, к нам на свет прожектора, в сгустившейся темноте, приблизилась первая шлюпка, еще две, немного отстав, следовали за ней.

— Геннадий! — окликнул я третьего помощника.

— Что? — обернулся тот ко мне, отвлекшись от наблюдения за шлюпками.

— Поговорить надо, отойдем?

— Хорошо.

Зайдя за рубку, я более подробно рассказал о сейфе и драгоценностях, отдав ему ключ.

К моей радости, вместе с раненым отправляли и Коломийцева, решив, что он позаботится о нем, все-таки свой, русский.

Поэтому, подплывая на лодке к высокому, с пятнами ржавчины борту танкеру, я посмотрел на соседнюю шлюпку, где сидели, укутавшись в паранджу, две толстушки из гарема, другие две были уже на «Македонии». Сейчас, как ни странно, они были спокойны.

На танкер я попал последним рейсом, поэтому, отходя от острова, мы разминулись с идущим на всех парах эсминцем, держащим путь прямо на пляж, где в свете прожекторов виднелись и яхта и судно пиратов.

Убрав свои вещи в каюту, которую делил с Коломийцевым, вышел на палубу и спросил у матроса, где лазарет. Нужно было узнать, что там с раненым помощником механика, да и поинтересоваться спасенными нами красавицами из гарема.

С раненым было не все так хорошо, как я надеялся, поэтому мы на полном ходу направлялись на Таити, к местным врачам. Андрею требовалась срочная операция, которую местный врач с глазами алкаша провести просто не мог.

Устроившись на своей койке, включил плафон освещения и спросил у Сереги:

— Вы как договорились встретиться? Остальные тоже потом на Таити придут?

— Нет, вряд ли, но наши суда туда частенько заходят, так что долго одни не останемся.

— Понятно. Ладно, спокойной ночи.

Проснулся я, как и рассчитывал, часам к четырем утра.

«Не зря столько воды выпил, внутренний будильник не подвел!» — подумал я, возвращаясь из гальюна.

Убедившись, что Серега спит, я дошел до разведанной каюты с девушками из гарема и осторожно поскребся. Объяснить, что от них требуется, было не сложно, одна из них знала французский язык. Сложнее было ждать полтора часа, пока они приводят себя в порядок.

Дальше было как в той басне. Впереди крался паренек, а за ним четыре здоровенные бабищи, как и я, тоже на цыпочках, но, в отличие от меня, палуба под их ногами проминалась и гудела.

— Вот тут. Сразу предупреждаю, парень сильный, и вас четверых ему будет мало, так что я на вас надеюсь. — Сделав рукой «рот фронт», я открыл дверь в каюту и, придерживая дверь, чтобы петли не скрипнули,

пропустил четырех пышущих желанием в предвкушении секса девушек.

Прикрыв дверь, я заблокировал ее специально припасенным пожарным ломиком и, приложив ухо к двери, с любопытством прислушался.

Тишина и недоуменное бормотание.

Я нахмурился. Где вопли и крики о помощи, неужто Серега доволен моим подарком?

— Что там? — раздался у самого уха вопрос на русском.

Я резко выпрямился и боднул темечком Серегу в подбородок.

— Ты какого хрена тут шастаешь? Чего не спишь? — сердито спросил я, почесывая пострадавшую часть головы.

— В гальюн ходил, — озадаченно ответил он, держась за подбородок, ему тоже неслабо влетело.

«Вот гад, такую мстительную шутку испортил!» — расстроено подумал я.

— А ты чего ходишь? — Он взглянул на ломик, которым я заблокировал дверь, и в его глазах стало появляться понимание.

«Ой, щас он попробует меня прибить. У него, конечно, ничего не выйдет, но попытка!..» — понял я его намерения, поэтому сделал то, что должен был сделать.

Подскочив к двери, пока Серега открывал рот, чтобы выложить все, что обо мне думает, я откинул ломик и крикнул недоумевающим толстушкам, почему их привели в пустую комнату:

— Мужик стоит, ату его, ату, — а сам метнулся по коридору к лестнице вверх. За мной, с криками, топало множество ног, но я не оглядывался, жизнь дороже, да и здоровье тоже.

— Слезай, — кричал капитан «Македонии», придерживая разорванную рубаху.

— Не, не слезу, — отрицательно качал я головой, еще крепче ухватившись за мачту.

— Давайте я его багром сшибу? — предлагал мстительный Серега.

«Он-то чего? Он же от баб, в отличие от команды, благополучно сбежал и закрылся в гальюне, дорогу к которому отлично знал!» — недоумевающе подумал я, поглядывая на него.

Тогда, когда я торопливо карабкался на мачту, женщины, не сумевшие поймать Серегу, вылезли на верхнюю палубу по моим следам. Первым, кто попался им в руки, был капитан, выглянувший из рубки на шум, о чем, кстати, сильно пожалел. Команда — те из них, кто успел выглянуть на шум — тоже пожалела.

Сидя на краспице, я азартно комментировал гонки с препятствиями по палубе команды моряков «Македонии» от трех возбужденных толстушек. Четвертая, деловито сопя, уже затащила первую, оглушительно верещащую жертву в неприметный уголок, который с моего насеста был очень даже приметным.

«Это сколько же времени у них мужиков не было, раз они так взбесились?» — думал я, с интересом поглядывая на вторую жертву, которую Зухра тащила вниз под палубу.

Третья жертва, в отличие от двух первых, не орала, а довольно пыталась приобнять необъятные тела и не пыталась вырваться из профессионального захвата.

Четвертая оставшаяся загнала команду на нос и, широко расставив ноги и руки, загоняла их все дальше и дальше.

Заметив, что моряки о чем-то шепчутся, испуганно поглядывая на толстушку, я сообразил, что они что-то замышляют, но помочь тридцатилетней девушке ничем не мог, языков не знал. Зухра, с которой я более или менее умел общаться, сейчас развлекалась под палубой.

За дальнейшим я следил с таким же интересом. Один из команды принес себя в жертву, бросившись в объятия девушки. Но остальные не бросились в стороны, спасаясь. Нет, они поступили по-другому. Один из них поднырнул под толстушку и встал позади нее на колени, сразу трое толкнули ее, ошалевшую от такого подарка, в грудь и прыгнули сверху, когда она стала заваливаться на спину, споткнувшись о того, что встал сзади.

Я с любопытством наблюдал за кучей-малой, перекатывающейся по палубе к рубке.

Ошибся я или нет, но, кажется, двух матросиков двухсоткилограммовая «девушка» успела придавить.

— Держите ее! — кричали сразу двое моряков, подбегая с мотками веревки. Один из них сопоставил размер толстушки с тонкостью веревки и побежал обратно за другой, поняв, что веревка точно не выдержит.

Оставив обмотанный веревками до состояния кокона, шевелящийся и о чем-то разочарованно мычащий сверток у левого борта, моряки, вооружившись баграми, веревками и небольшими сетями, пошли спасать остальных.

Первую пару они обошли, судя по сладострастным стонам с обеих сторон, там было обоюдное согласие, а вот с той, которая прихватила капитана, пришлось повозиться.

Но моряки не были бы моряками, если бы не придумали, как поступить.

Пошептавшись, пятеро встали в стороне, держа наготове сети, остальные на всякий случай отошли подальше, а один рыжий моряк в ковбойских полусапожках, сделал петлю большого диаметра и стал раскручивать ее над головой.

Повозившись, чтобы устроиться поудобнее, я с интересом наблюдал за дальнейшим представлением, поставив на рыжего, больно уж профессиональными у него были движения.

Вот петля взлетела в воздух и, пролетев метров десять, упала на плечи толстушки, из-под которой были видны только ноги, скребущие каблуками по палубе. Дождавшись пока петля спадет до груди «девушки», рыжий мощным рывком затянул узел и, оперевшись ногами в палубу, стал пытаться подтащить толстушку к себе и снять ее с капитана.

«Угу, щас! Это тебе не бычков ловить!» — подумал я, глядя, как вскочившая толстушка сумела ухватить руками веревку и стала подтягивать ковбоя к себе, одновременно при этом шевеля плечами, чтобы скинуть петлю. На помощь рыжему бросились все свободные моряки в количестве пяти человек и, уцепившись, стали тянуть. Мне это все напоминало детскую игру в перетягивание каната.

Однако грубая мужская сила возобладала над слабой женской. И тут толстушка сделала хитрый ход, она перестала бороться и ринулась к ним, оглушительно вереща. Ухватившись за мачту, чтобы не упасть от звуковой волны, которая достигла меня, я продолжил наблюдать, с азартом болея за толстушку.

— Давай-давай, тараном его и через бедро. Во. Ногами-ногами топч... а-а-а, ушел, паразит, ловко ползает. Не туда-а-а! — крикнул я, но было поздно, ринувшаяся к свободе «девушка» налетела на ту пятерку, которая стояла с сетями.

— Эх ты, — только и вздохнул я, глядя на второй клубок. Захватом Зухры командовал уже сам капитан, ходил он при помощи двух моряков, держась при этом за спину. Кстати, никто не смеялся над ним или другими жертвами, наверное, сами ставили себя на их место.

Как только команда скрылась под палубой, я со вздохом огляделся, развлечение кончилось. К моему удивлению, неподалеку был какой-то берег и виднелся небольшой порт, от него шел белоснежный катер с людьми.

— Хм, похоже, комитет по встрече. Так, вон те — это наверняка местные полицейские, за капитаном плывут и «шкеткой». Эти с чемоданчиками — врачи, а третьи кто? Журналисты, что ли? — Я наблюдал за подплывающей лодкой, когда услышал вопль из люка.

— Артур, сволочь, молись, я тебя убивать иду! — Голос Сереги ни с чем не спутаешь, кричал именно он.

Через минуту он выскочил на палубу и, отобрав у одного из моряков багор, ринулся к мачте. Где и стал выкрикивать угрозы, благо на русском, который не знала команда «Македонии». После того как вытащили Зухру и спеленали добровольно вышедшую четвертую, к нему присоединился и капитан.

— А ну слазь, тебе говорят, — снова потребовал капитан.

— Ага, щаз-з, вы этого психа уберите. Вон, видите, у него уже пена изо рта пошла.

Серега в приступе бешенства действительно прыгал и вел себя неадекватно, поэтому, по знаку капитана, к нему со спины подкрались двое моряков и, броском прыгнув на него, спеленали, опыт в этом у них уже имелся.

«Все, валить надо, пока они не узнали, кто на них натравил толстух!» — думал я, быстро перебирая ногами и руками, спускаясь с мачты.

Пробежав мимо Сереги, что-то мычавшего сквозь кляп и со злостью глядящего на меня, я оббежал поднявшихся первыми на танкер полицейских, к которым уже спешил капитан «Македонии». По-тихому прошмыгнул мимо носилок с раненым Андреем, которого выносили вверх моряки, оттолкнул в сторону носилки с раненым капитаном пиратов и нырнул в люк, ведущий в нижние жилые палубы.

«Так, надо быстрее хватать сумки и валить отсюда!» — думал я, шустро

приготавливая вещи к переносу.

— Меня, меня подождите! — крикнул я, заметив, что раненых уже спустили в катер и спускают по трапу пиратку.

«Во, блин, за двадцать минут все сделали!» — изумился я быстроте местных служащих.

Волоча по палубе тяжеленные сумки, я добежал до Сереги, около которого суетилось двое врачей, и крикнул им:

— Да отпустите его. Нормальный он, это я довел его до такого состояния. — И пока они раздумывали, снес с трапа местного журналиста и стал спускаться в катер.

— А ну подвинься, — рявкнул я молодому полицейскому, сидевшему на бортике.

С железным грохотом перекинув сумки на палубу катера, я с довольным видом сел на свободное место у борта и, пару раз пихнув ногой застонавшего капитана, лежавшего на носилках, спросил его с ухмылкой:

— Ну что, Черная борода, вот и конец твоей карьере. — Но насладиться мимикой капитана я не успел, на меня, как коршун, налетела местная врачиха и отогнала в сторону.

— Да ладно-ладно, — ответил я на ее непонятные вопли, отодвинувшись к Андрюхе.

— Ну что, братуха? Как себя чувствуешь? Может, врачу позвать? — с сочувствием спросил я у него.

Безучастно глядевший в небо бледный механик медленно перевел на меня свой взгляд и тихо ответил:

— Не надо. Я себя нормально чувствую, они меня и так закололи всего.

— А, ну потерпи немного, а там, глядишь, и на ноги встанешь. Ты, главное, пойми, куда попал. Это же один из райских островов этого архипелага, видел бы ты, как красив остров, берега, прибрежная вода, а девушки? Эх.

— Я видел... когда меня спускали... красивый... правда!.. — стал он говорить с заметными паузами. Я немедленно всполошился и перепугал всех на катере.

— Все нормально, это лекарства действуют, — пояснила врачиха, осмотрев Андрюху, который успел заснуть.

— Сволочь, — только и сказал Серега, бросив рядом свою сумку с вещами. Подвинувшись, уступая ему место, поскольку и так занимал два, и чтобы никто не сел рядом, максимально раздвинул ноги и растопырил локти, чтобы было видно, что мест нет.

— Садись, видишь, место тебе занял, — сказал я.

Отдав швартовы, мы отошли от борта «Македонии» и, набирая скорость, помчались к порту.

— Что это за город? — спросил я у рулевого. Ну как спросил, крикнул. На весь катер крикнул. А то как он меня услышит, я на корме, а он чуть ли не на носу. Нет, конечно, можно встать подойти и спросить, но рядом паслась пара врачей, которым не досталось сидячих мест, а тут присутствовала поговорка, как говорится, «жопу поднял — место потерял», вот и пришлось кричать, не сходя с места.

— Папете, — передали мне цепочкой ответ рулевого.

— Понятно, что ничего не понятно, — ответил я с самым умным видом.

— Сидел бы молча, балаболка, — сказал лениво Серега, который уже порывался встать и уступить место шкетке, стоящей рядом. Пара намеков, и Серега понял, что я не для нее держал места. И сейчас, сидя на бортовом диванчике, он потирал ноющую после моих пинков лодыжку и разглядывал остров.

— Красив, нечего сказать. Только ведь и его не обошел ураган, следы видны, — кивнул он на полузатопленный сейнер, около которого стоял буксир с флагом на мачте, означающим, что работают водолазы.

— Да, похоже, — кивнул я. — Но пляжи от мусора почти очистили, видишь, до сих пор убирают.

— Андрюху устрою, немного обустроюсь и пойду осматривать остров, — мечтательно зажмурился, сказал Серега.

— Ага. Гуляешь по набережной, а везде девушки, девушки... и девушки. И все красивые, фигуристые, мечты маньяка, — говорил я, сглатывая слюну.

— Красивые? — скептически спросил Серега, посмотрев на врачиху.

— Это просто брак, насмешка природы, не обращай внимания, — отмахнулся я, разглядывая приближавшийся порт. У края причала стоял когда-то небольшой портовый кран, но сейчас на фундаменте осталось только погнутое основание железной конструкции.

Подходили мы к отдельному пирсу, где находилась заметная толпа народу.

— Блин, опять журналюги да зеваки, — простонал я, злобно поглядев при этом на журналистов, которые возвращались с нами.

— Ты и так знаменитый, чего фотокамер бояться? — пожал плечами Серега, рассматривая, как и я, толпу народу.

«Угу, вот цэрэушники порадуются, когда мои снимки увидят. Нет, блин, валить надо, и по-быстрому!» — решил я, когда с пирса кинули швартовый канат.

— Ну, парни, прощевайте, что ли, — сказал я, обернувшись к своим. Пожав руку Сереге, сказал смущенно: — Ты это... того... извиняй, если что. — Попросил его извиниться за меня у беспамятного Андрея, закинул на плечи сумки и, пошатываясь, направился к выходу с пирса, пинками разгоняя зевак.

Тормознули меня на выходе. Тетка в форме переступила мне дорогу и, упершись руками в бока, спросила ехидным тоном:

— Юноша, а кто в таможенном терминале отмечаться будет? Мать Тереза?

— Ой, извините, совсем меня журналисты своими вспышками замучили, — извинился я и покорно побрел за ней.

— Какие журналисты? У нас их всего два, причем один в запое, я это точно знаю, он мой муж.

— Подождите-ка, — торопливо зашевелил я ногами, догоняя ее.

— Вы хотите сказать, что шесть журналистов — это не с вашего острова? — Я быстро описал их внешность.

— Нет, этих не знаю, а я знаю всех коллег мужа.

— Вот даже как, — тихо пробормотал я, входя вслед за таможенницей в здание таможни.

Видимо, кондиционерный воздух прочистил мне мозги, и кусочки мозаики встали на свои места.

«Блин, старпом говорил же, что они воспользовались рацией „Седого Генри“. Да и Славка, пользуясь радиорубкой пиратов, говорил свой позывной, а американосы услышали. Быстро они меня вычислили. Странно только, что сразу не взяли, или у них другие планы? Непонятно!»

— Оружие, наркотики, взрывчатка? — спросила у меня таможенница, зайдя за стойку.

— Не, наркоты у меня нет, — ответил с задумчивым видом.

Я с интересом наблюдал за обстановкой за окном, контролируя мертвые зоны, краем глаза реагируя на движение, и немного запоздал со следующим вопросом.

— Другие запрещенные для перевозки предметы есть? — спросила таможенница, чем поставила меня в тупик.

— А вы что имеете в виду? — озадаченно спросил я, пытаюсь вспомнить, СИ-4 на Таити считается запрещенным предметом или нет? А гранаты, патроны, винтовки, пистолеты?

— А можно узнать, что конкретно вас интересует? — на всякий случай спросил я, и подумал: «У нас широкий выбор!»

Улыбнувшись, женщина ответила:

— Оружие!..

И тут я заметил краем глаза пару человек на улице, которые неторопливо прохаживались с фотоаппаратами, висящими на груди. Если другие прохожие не привлекали моего внимания, то эти были другие. Просто другие. Походка, движения, немного скованные позы, они готовились к чему-то, это было видно.

— Оружие?! — воскликнул я и расплылся в улыбке профессионального агента по продажам, которые ходят по домам и продают всякую дребедень. — И вы обратились по адресу, у нас прекрасный выбор! — Я одним движением приблизился к ней и, прижав руку ко рту, как будто нас кто-то мог услышать, тихо ей прошептал с самым загадочным видом: — Что вас интересует? Пистолеты? Автоматы? Винтовки?

Женщина изумленно открывала и закрывала рот, не зная, смеяться ей или приказать прекратить этот балаган.

— Винтовки, ну конечно же вас интересуют винтовки! — хлопнул я себя по лбу.

— Э-э-э...

— Вот, смотрите, специально для вас держал, — похвалился я, доставая из сумки снайперскую винтовку и, расхваливая ее, поворачивая так и эдак, чтобы потенциальный покупатель мог ее получше рассмотреть, навернул глушитель.

— ...жаль только патронов на ее пятизарядную обойму у меня осталось всего четыре. Но посмотрите на эти великолепные линии, и они скажут вам: «Да, я твое оружие», — простонал я в конце, прижав цевье винтовки к щеке.

Женщина, испуганно застыв, стояла и смотрела на оружие в моей руке, как кролик на удава.

— Вот, смотрите, я на ваших глазах заряжаю его. Слышите, как с жадным чмоканьем принимает она патроны. Этот звук просто сводит меня с ума! — Мельком глянув на женщину, я определил, что хватит шутить и прикалываться, а не то доведу ее до инфаркта.

— А теперь посмотрим, как она в работе, — сказал я и, чуть наклонив голову, посмотрел на прохожих из-за колонны, подпиравшей потолок. Заметив, что подозрительные прохожие увидели винтовку у меня в руках, быстро вскинул ее, крепко уперевшись прикладом в плечо.

Тихо пукнул глушитель, посылая пулю через большое панорамное окно на улицу в спину бегущему до угла парню в цветной рубашке, оставив в стекле маленькую аккуратную дырочку и множество трещин. Вторая пуля осыпала стекло на землю и пол в здании и догнала, попав в поясницу

второго парня.

Заметив, что к шевелящемуся второму парню подбегает еще один, я третьим, предпоследним патроном разнес ему коленную чашечку.

Наблюдая, как он с воем крутится на брусчатке, повернувшись к бледной полубессознательной таможеннице, которая что-то судорожно нажимала под столешницей, сказал с сожалением:

— Жалко, последняя бронебойная осталась. Достойных целей нет... А нет, есть, — добавил я, услышав звук приближающейся машины и скрип тормозов.

Мощный синий джип-пикап, со скрипом развернувшись на месте, прикрыл своим корпусом раненых, предоставив мне возможность пустить последнюю пулю в дело.

Бронебойная пуля прошла тонкую жесть крыла, пробила патрубки маслопровода и, войдя в третий цилиндр, разнесла его на куски, застряв в четвертом.

— Хорошая винтовка, так и просится, чтобы ее взяли в руки, — сказал я, повернувшись к таможеннице. — Возьмите, ну возьмите же, — просил я умоляюще.

И как только она взяла разряженную винтовку, я, продолжая отслеживать обстановку за окном, сказал радостно:

— И вы правы, она так идет к вашему форменному платью... и всего-то за какие-то девятьсот девяносто девять долларов девяносто девять центов! Нет, да? А сколько есть? И вы таки меня уговорили... давайте сюда ваши двадцать два доллара и пятнадцать центов.

Быстро вытащив автомат, я проверил его, повесил на плечо и, подхватив сумки, помчался к черному выходу, будучи уверенным, что он давно уже перекрыт, но и у меня были мысли на этот счет.

«Где-то тут должен быть выход на второй этаж, где он? Да где, блин?» — сам себя спрашивал я, крутясь по коридорам, пока не заметил на одной из дверей рисунок лестницы. Рывком распахнув дверь и держа на прицеле лестничный пролет, внимательно осмотрелся.

Поднявшись на второй этаж, я осматривал на ходу кабинеты. Некоторые были закрыты, некоторые нет. К моему удивлению, все кабинеты офисов были пусты.

«Чёй-то нет никого? Что, выходной, что ли? Или обед? Да нет, для обеда еще рано! — определил я по солнцу. — Наверное, все-таки выходной», — немного подумав, понял я.

Ввалившись в большой конференц-зал, видимо, местной администрации, закинул сумки на длинный стол, заставленный стульями,

подхватил автомат, сняв его с плеча, и рванул осматриваться.

«Так-так-так, это не то. Это тоже... а вот это вполне подойдет!» — решил я. Окно рабочего кабинета, замок которого я уже сломал, выходило на другое здание, которое стояло вплоты. Так что проблем с тем, чтобы перебраться на него, у меня не должно было быть.

В это время внизу раздался громкий визг и истошные крики.

«А, стрелка нашли. Интересно, будет ей за винтовку что-нибудь? Или она догадалась, как и я, скинуть ствол?»

Вернувшись в коридор и держа на прицеле автомата дверь и лестничный пролет за ней, я медленно пятился задом к конференц-залу.

Пока я собирал вещи, в здании началась стрельба, и были слышны не только пистолетные, но и автоматные выстрелы. Причем настоящие, а не как у моего пистолета-пулемета.

«Че за хрень? Неужто местные копы с цэрэушниками схлестнулись? Вот уж никогда не поверю».

Но, как бы там ни было, а это была помощь, и я решил не оставаться в стороне и помочь моим невольным союзникам.

Похватав из сумки гранаты и запасные магазины, как к автомату, так и к «беретте», я понесся вниз, страхуясь у каждого поворота или угла.

Осторожно спустившись вниз, я чуть приоткрыл дверь и выглянул на уровне пола.

«О как, мечта солдата, все враги стоят спиной... и стреляют, между прочим».

Уложив автомат на пол, я взял по гранате в каждую руку и большими пальцами выдернул по очереди кольца предохранителей. Дергать кольца зубами, как это делают в фильмах, не стал, что я, совсем идиот? Печальный опыт, когда был еще совсем зеленым лейтенантом, у меня уже был, так что ученый.

Отпустив чеку на обеих гранатах, выждал несколько секунд, пока наполовину перегорит замедлитель, и аккуратно катнул обе гранаты под ноги цэрэушникам, а в том, что это были они, я был уверен на сто процентов, среди них были и липовые журналисты.

— Граната! — сразу же заорал кто-то. Я не ошибся, обо мне помнили, кто-то присматривал за дверью и уловил мой бросок.

Переждав разрывы на лестничной площадке и подхватив автомат, я выглянул в открытый проем. От взрывной волны дверь слетела с петель, дав мне возможность рассмотреть американцев через клубы пыли, в которых кто-то шевелился и стонал.

— Эй, есть кто в живых? — спросил я в пыль.

— Да-да, я жив, — кто-то ответил мне по-английски.

Дав очередь на звук, я снова спросил:

— Еще есть кто-нибудь в живых?

— Да, сзади! — слышался позади меня чей-то смутно знакомый насмешливый голос.

Обернувшись, я радостно заорал:

— Игореха, ты-то тут откуда?

— Стреляли, — ответил он лениво.

— Угу, а ты мимо пробежал, — буркнул я себе под нос.

— Ты пистолет-то опусти, — посоветовал он мне, вставая с корточек и спускаясь с площадки лестничного пролета.

И только после его слов я заметил, что держу его на прицеле.

— Сам не заметил, как его вытащил, машинально, наверное, — сказал я, убирая пистолет обратно за пояс и снова мысленно посетовав, что нет кобуры.

— Машинально, — согласно кивнул Игорь, подходя и здороваясь со мной.

— Даже я, с моим-то опытом, не уловил, как ты берешь меня на прицел. Смазанное движение, и мне в лицо смотрит дуло пистолета.

Поручкавшись с ним, я сказал:

— Опыт не пропьешь. Валить отсюда надо, и, как мне кажется, нужно это сделать очень быстро.

— Согласен с тобой, нас тут всего трое, а американцев почти три десятка... откуда? Эсминец подошел, вот они и сняли с него морпехов, в гражданскую одежду одели... как раз штурмовали именно они.

— Да? Сколько твои напарники продержатся? — немного подумав, спросил я.

— Думаю, что они уже отошли, время. Так что уходим через крышу, и быстро.

— Так вот как ты попал в здание, как я и планировал уйти. Понятно.

Подхватив сумки, мы выскочили на карниз здания, и под вопль обнаружившего нас наблюдателя мы сперва кинули сумки, а потом уж прыгнули сами.

— Как надрывается, а? — сказал я, подхватывая одну сумку.

— Действительно голосистый попался, — согласно кивнув, ответил Игорь, поднимая вторую.

— Смотри, как я его, — хвастливым тоном заявил я, вытаскивая пистолет из-под полы легкой куртки.

Не глядя, я на звук прицелился и нажал на спусковой крючок. Крики

оборвались под бульканье горла упавшего наблюдателя.

— В горло попал. Не глядя! — добавил я тем же тоном.

— Неплохо, но можно было и лучше, — сказал Игорь, кидая вниз гранаты, которые достал из моей сумки. — Нужно было подождать, пока они соберутся внизу, и закидать их гранатами, как я только что сделал.

— Ну, можно и так, — согласился я.

— Побежали?

— Побежали, — согласно кивнул я.

И мы под выстрелы и вой одной полицейской сирены, прыгая с крыши на крышу, рванули вперед.

— Как ты тут оказался? — спросил я у Игоря на бегу.

— Радист с «Абхазии» вышел в эфир и произнес твою фамилию и имя. Наши перехватили не только его, но и американцев, так что нас послали к тебе на помощь.

— Так вы здесь были?

— Нет, но рядом, — ответил он, не вдаваясь в подробности. И это тот великий мастер сабли, который учил меня сабельному бою.

«Совсем меня за ребенка держит. Понятно же, что у них тут были свои дела, а их перенаправили на меня», — сердито подумал я, вслед за ним пролезая в большое слуховое окно и прыгая через стропила.

По жаркому, нагретому солнцем до состояния парной чердаку мы пронеслись к другому слуховому окну.

— Как уходить с острова будем? План уже есть?

— Да, есть, — ответил Игорь, рукавом утирая заливающий лицо пот. — Тут в горах аэродром, на нем несколько частных самолетов, можно на одном из них улететь. Я неплохой пилот.

— А если заблокировали его? — переводя дух, спросил я с сомнением.

— Там подальше есть еще одна полоса, вертолетная, на ней частенько садится один частник. Если повезет, мы его прихватим.

— А если его там нет?

— Там он, вчера вечером над нами пролетал, так что точно там.

— Ну так бежим, чего встал-то?

— Год не виделась, а ты ни на грамм не изменился, — сказал Игорь со вздохом.

Добежав до второго дома с краю, мы по лестнице спустились вниз.

— Давай до угла, я тебя прикрою, — сказал он, держа в руках мой дробовик.

Так, прикрывая друг друга, мы пересекли несколько совершенно пустых улиц, и только какой-то ошалелый турист пробежал вдали,

мелькнув яркой попугайской расцветкой рубашки.

Похоже, пиндосы разобрались с местными правоохранительными органами, которые влезли в наши разборки, так как они догнали нас у подножия горы в километре от города.

— Бегом до тех камней, там нас ждут! — крикнул Игорь, и короткими очередями из ПП, который забрал у меня, махнувшись на дробовик, стал прикрывать отход.

Волочить две тяжелые сумки было довольно проблематично, а уж бегом, то вообще адский труд, но я справился и рухнул, судорожно дыша, у большого выступа скалы.

Не пытаясь отдышаться, я залез в одну из сумок и стал в ней рыться, ища то, что могло пригодиться.

«Блин, да где? Там Игореха один остался!» — взвыл я, разгребая завалы из запасных магазинов, патронной россыпи, снаряженных гранат в коробках, брусков взрывчатки и нескольких экземпляров пистолетов.

Наконец я во второй сумке нашел то, что искал. Это был раритетный, на мой взгляд, «Маузер К96» с деревянной пристегивающейся кобурой. Первоклассный трофей с пирата. Тем более патронов к нему у меня было просто завалилось. Вытащив пистолет из кобуры, я быстро пристегнул ее к пистолету и, приведя его в боевую готовность, стал взбираться наверх, где был отличный вид на местность.

Найдя нормальное место, которое мне вполне подходило, я положил рядом коробку с гранатами и патронами и приготовился к бою.

«Ох, как вас много!» — подумал я, разглядывая с высоты нападающих.

Игоря не видел, но слышал.

«Жив курилка. Похоже, где-то в кустах заныкался!» — с теплотой подумал я, прицеливаясь в одного из морпехов. То, что атаковали нас именно они, понял сразу. Выправку никуда не денешь.

Отличная позиция и большой запас патронов сразу показали, кто главный на поле боя. Свалив пяток солдат в гражданском, но со служебными карабинами, заставил залечь остальных. В отличие от Игоря, я отлично видел их в кустарнике на опушке. Поэтому продолжил отстреливать их, выискивая в основном командиров. Небольшое расстояние было хоть и на пределе для моего длинноствольного пистолета, но хватало.

Засекли меня довольно быстро, но ответный огонь был неэффективным, разве что только небольшой каменный выступ, который закрывал меня, после непродолжительного обстрела стал заметно меньше.

«Что за люди? Нет, чтобы обидеться и уйти, так нет, в ответ стреляют,

гады!» — возмущался я, задом сползая с площадки.

Чтобы добраться до другой, мне пришлось проползти под колючим кустарником, растущим у подножья и на склонах скалы.

Самое плохое, так это то, что, судя по звукам стрельбы, Игорь находился в одном месте. А это означало, что его или зажали, или он ранен и не может двигаться. Поэтому, шустро перебирая ногами, я заполз на другую площадку и, найдя удобное место для стрельбы, стал устраиваться, отслеживая при этом обстановку.

«Черт, выстрелы смолкли!» — тревожно прислушивался я.

В кустах, откуда вел огонь Игорь, вдруг раздался одиночный выстрел, и мое сердце ухнуло вниз. Адреналин просто ударил в голову, и мне все стало пох...й, погиб мой друг.

Прицелившись в троих солдат, которые держали на прицеле мою скалу, несколькими выстрелами снял их.

«Ну все, уроды, вы разбудили во мне зверя! Мой хомячок в гневе!»

Дальше сидеть на скале было бессмысленно, или снайпера подтянут, или сами снимут. По моим подсчетам, пиндосов осталось едва десяток, и против меня они не тянули. Тем более командира у них я снял одним из первых выстрелов.

Скользя на заднице по склону вместе с мелкими камешками, похожими на гальку, скатился вниз и, перекатившись через плечо, чтобы погасить скорость, вскочил на ноги и рванул в кустарник, с помощью которого можно было подобраться к янки незаметно.

Сердито сопя, полз по-пластунски под острыми шипами кустарника, стараясь делать это незаметно.

Судя по всему, у амеров была своя светлая голова, и она послала штурмовую группу из пяти человек через тот же кустарник, там-то мы и встретились.

— Тревога! — заорал кто-то справа от меня.

Перекатившись в сторону, я врезался боком в ствол кустарника и, вскинув маузер, стал поливать огнем все, что шевелится. Крутнувшись в другую сторону, прислушался, перезаряжая пистолет. Сейчас его точный бой мне ой как пригодится.

По-видимому, тут были самые опытные, и ответного огня я не дождался, хотя и слышал где-то неподалеку чьи-то стоны.

Поводив глазами туда-сюда, стал осторожно отползать, страхуясь от неожиданных сюрпризов.

Отползя метров на двадцать, развернулся и, сделав крюк, обошел янки со стороны, зайдя в тыл.

Заползя под кустарник, я осторожно отодвинул ветку и аккуратно выглянул. На небольшом свободном от кустарника месте находилось трое парней в гражданском, и на траве лежало двое раненых.

«Ага, зацепил все-таки. Не разучился стрелять на звук», — подумал я, приглядываясь к своим врагам. А они точно для меня были врагами. Двое парней возились с ранеными, а один из них, по виду командир, страховал их, при этом бормоча что-то в микрофон рации.

Достав гранату, я выдернул чеку и, выждав время, чтобы они не смогли отшвырнуть ее обратно, кинул им под ноги.

— Граната! — заорал один из пиндосов, тот, который страховал остальных, заметив круглый ребристый корпус гранаты, катящийся к ним.

Дальнейшее меня изумило. Этот солдат бросился на гранату, закрыл ее своим телом и подскочил от разрыва, приняв на себя все осколки. И только через несколько секунд до меня дошло, что он банально споткнулся, бросаясь к гранате, чтобы откинуть ее в сторону.

Маузер загрохотал у меня в руке, отбрасывая ее от сильной отдачи.

Первым свалился крайний, сидящий ко мне спиной парень с закинутым на плечо карабином М-16. Он только начал приподниматься, как тяжелая маузеровская пуля буквально отшвырнула его в сторону от лежащего раненого. Вторым я свалил вскочившего на ноги и поворачивающегося в мою сторону крупного коротко стриженного морпеха, который уже срывал с плеча карабин.

«Да куда ты против пули-то?» — подумал я, вгоняя ему в живот вторую. И сразу же перевел огонь на третьего, задница которого уже виднелась среди веток кустарника. Именно он оказался самым умным, так как на крик «граната», не раздумывая, нырнул в заросли кустарника.

Пуля маузера попала ему прямо в очко, куда, честно говоря, я и не целился, так как стрелял навскидку. Вскочив, выбежал на поляну и, сделав контроль как своих только что подстреленных, не обойдя даже подорвавшегося, так и раненых. После чего, забравшись в кустарник к самому шустрому, успокоил и его, уже почти кончившегося от потери крови.

— Морпехи долбаные, — сплюнул я и, перезарядившись, подхватил один из карабинов, насовал в карманы обоймы к нему и хотел снять с подорвавшегося рацию, но она взрыв не пережила, что меня расстроило. У других раций не было.

М-16 не очень удобна для боя в кустарнике, поэтому я закинул ее за спину и, снова вооружившись маузером, двинулся дальше.

По-видимому, звуки боя, а также молчание рации насторожило

остальных, меня встречали.

«Идиоты, ну кто же противника в лоб ждет?» — спросил я сам себя, разглядывая амеров из-за большого валуна, который находился на опушке.

Хорошую видимость дополняло то, что я зашел им в спину, и с этой стороны они меня не ждали и поэтому не прятались.

Минут десять понаблюдав за ними, я вычислил, где схоронился каждый. Поэтому, приложив к плечу приклад карабина и еще раз пробежав цели глазами, открыл огонь.

Понятное дело, что всех разом завалить у меня не получилось, но и семеро подстреленных из одиннадцати, это тоже хорошо.

Сменив позицию, я снова стал выслеживать остальных, попрятавшихся в другие места. И только один из них, судя по всему, из новичков, продолжал поливать валун, меня обойму за обоймой с одного места.

Прикинув примерно, где он находится, я вытащил гранату и с задержкой бросил ее. Повезло мне в том, что гранаты были в основном РГН, то есть такого шума при воспламенении запала, как другие, не давали. Через несколько мгновений раздался взрыв, и карабин замолчал.

«Осталось трое. Нужно поторапливаться, а то как бы помощь не пришла. Насколько я помню, экипаж эсминца где-то в районе трехсот человек. Убивать каждого никакого времени не хватит, умучаешься!» — подумал я, продолжая осторожно осматриваться.

Приметив шевеление веток в еще одном месте, я тоже швырнул туда гранату. Причем кинул так, чтобы разрыв был в паре метров над землей, где сила взрыва не так рассеивается, как на земле. Судя по немедленно раздавшемуся крику, перешедшему в вой, осколки кого-то зацепили.

«Это вам не в Ираке расстреливать безоружных!» — сердито подумал я, прикидывая, где могут находиться остальные. Таких мест было четыре, а гранат у меня шесть.

«Будем бить по площадям!» — решил я, мстительно подкидывая гранату в руке. Начав кидать, я подранил еще одного и вызвал бросок последнего к спасительному кустарнику, но пуля из М-16 его остановила. Снова взобравшись на скалу, я начал отстреливать всех, кто лежал на поляне, подранки при приближении мне были не нужны. Как только я закончил с этим делом, расстреляв две обоймы, кинулся на поиски Игоря.

Его я обнаружил в расселине у скального обрыва, лежащего в россыпи гильз. Вздохнув, я присел рядом на корточки и горестно склонил голову. Игорь в последнее время был моим единственным другом. Я никогда не забуду, как он покрывал все мои проделки в убежище в течение двух лет.

Я с горькой улыбкой вспомнил, как проковырял дырочку в женскую

душевую и, поставив датчик движения, установил скрытую камеру, стащив ее в отделе секретных разработок.

В это время как раз должны были зайти в душ девушки из женского спецбатальона, которые тренировались в искусстве убивать, но их опередила тетя Глаша, объемистая раздатчица из столовой.

Смех смехом, но я тишком подсоединил камеру к телевизору в «читальном зале», где собирались курильщики, игроки в карты, шахматы и домино. В тот день там было около сорока человек. Нет, мне все-таки было нужно сперва посмотреть самому, а уж потом включать, чтобы порадовать мужиков, но что было, то было. Правда, те, кто был в «читальном зале» в тот день, в течение недели не могли зайти в столовую, морально были не готовы. Я тоже успел посмотреть ролик, с тех пор у меня и появилось стойкое отвращение к полным, а тетя Глаша была не просто полная, у нее жир складками висел со всех сторон, из-за которого не разобрать, где спина, а где грудь.

После недолгого колебания решил не хоронить Игоря, пусть местные это сделают. Все-таки разница в том, как я похороню, и как это сделают они, была существенная. Я только вынес его к амерам и положил в сторонке, прикрыв своей курткой.

Постояв рядом с ним, отдавая дань уважения, пошатываясь, побрел к сумкам и оттуда уже на поиски аэродрома.

Дойдя до сумок, я стал бороться со своей жадностью. Четыре новеньких карабина М-16, что взял трофеями, две радиостанции и множество патронов, которые дотащил до сумок, были неподъемным грузом, в случае если мне все это тащить одному, но и бросить их я не мог, жаба задушила.

Сев на одну из сумок, задумался.

«Нужен носильщик... или лучше два», — подумал я, мельком глянув на свои запасы.

Вздыхнув, достал трофейный бинокль и, воткнув динамик рации в ухо, прислушался к переговорам, а они были довольно интенсивные, пока какой-то гад не приказал перейти на запасную волну.

«И где они шляются? Мне носильщики нужны!» — подумал я сердито и, закинув один из карабинов на плечо, стал карабкаться обратно на скалу.

Когда я почти взобрался наверх, то где-то правее неподалеку началась и быстро смолкла стрельба.

«Это еще кто там? Может, напарники Игоря?»

Взобравшись на площадку и предварительно проверив, где солнце, не даст ли оно бликов, вскинул к глазам бинокль.

«Так-так-так!» — мысленно сказал я, увидев группу людей на открытом песчаном пляже. В двухстах метрах от них плескалась морская вода.

Увиденное мне сразу не понравилось. Десяток пиндосов окружили двоих парней, судя по всему, наших, причем один был то ли убит, то ли ранен, так как лежал без движения. Второй же стоял на коленях и держал поднятыми руки.

«Какого хрена они на открытое место выползли? Нас, что ли, искали? Непонятно!»

Положив рядом карабин, я поставил дальность прицела на четыреста метров и прицелился.

Помочь нашим, я посчитал, будет трудно, но и уйти, не предоставив им шансов спастись, я не мог.

Тщательно прицелившись, спустил спусковой крючок. Первым, крутнувшись волчком, упал здоровый морпех с ручным пулеметом в руках. Вторым рыжий со снайперкой. А дальше я выборочно отстреливал мечущихся по открытой местности амеров. Только двое из них упали на песок и, выяснив, где я нахожусь, открыли ответный огонь. Этого мне было не надо, поэтому я перенес огонь на них, несколькими выстрелами сняв обоих. Все-таки позиция на высоте дает немалое преимущество, я это еще по Кавказу знаю, так что у пиндосов не было никаких шансов.

Прицелившись в очередную цель, заметил, как она задержалась. Приглядевшись, увидел, что тот парень, что стоял с поднятыми руками, уже раздобыл где-то винтовку и сейчас азартно пулял, стоя на коленях.

— Ложись, придурок! — заорал я, но было поздно.

Заметив, как он дернулся от попаданий в него пуль, и на белой рубашке появились красные кляксы, только застонал от досады.

«Да что же это такое? Всех наших завалили, уроды!»

Заметив, что несколько пиндосов, которым я дал уйти, скрылись в кустарнике, я, перезарядившись, стал скатываться вниз по склону, опыт у меня уже был.

«Рабы, вы где? Я к вам иду!» — подумал я и, взяв карабин наизготовку, побежал в ту сторону, куда свалили амеры. Приблизившись и держа наготове карабин, стал осторожно подкрадываться к тому месту, где они вошли в заросли.

«Свалили, сволочи!» — возмутился я такой подлянке, поняв по следам, что бежали морпехи очень быстро, и не в мою сторону.

Выходить на открытое место и приближаться к телам своих парней я не стал, не идиот же. Вздохнув, понял, что нести все придется все-таки в одиночку. Развернувшись и даже не пытаясь догнать обосравшихся амеров,

потопал к сумкам, пора было сваливать.

Как ни душила жаба, но часть вооружения мне пришлось все-таки оставить, прикопав в песке. После чего, подхватив трещавшие по швам сумки и накачав себя: «Вспомни свои марш-броски!» — рванул в горы.

Прокляв все на свете, а особенно подлых морпехов, которые сбежали, из-за чего сумки пришлось нести мне лично, я вскарабкался на одну из живописных гор.

«Ну и где тут аэродром? А, вот он. М-да, похоже, до него еще топать и топать!» — мысленно прикинув расстояние, где стояли разные самолеты, начиная от «Кондоров» и заканчивая «Сеснами».

«Ой, как хорошо. Если „Сесну“ вон ту двухмоторную взять, да и еще с полными баками, то свалить можно будет очень далеко!» — прикинул я, разглядывая самолеты.

После чего со стоном подхватил сумки, удивляясь терпению ручек, — по моему мнению, они давно должны были оторваться, но тут терпели, просто фантастика какая-то, — стал спускаться в долину, где и находился аэродром.

«Понаставили заборов, хорошим людям через них не перелезть», — сердито думал я, вскрывая кусачками дыру в сетчатом заборе. В пяти метрах от забора находилась двухмоторная «Сесна», та самая, что присмотрел на горе.

Замерев, я всмотрелся в непонятный шум у вышки, но, оказалось, прибыла смена на служебном джипе.

«Оба-на с Угольниковым. Если есть возможность узнать, какой из этих самолетов заправлен, то нужно им пользоваться», — решил я, наблюдая, как отработавшая свое смена, прощаясь с прибывшими, садится в джип.

Спрятавшись в кустах, я приготовился, но в это время появилась полицейская машина, в открытом кузове которой сидели двое служителей закона, причем тот, что не за рулем, сжимал в руках винтовку.

Сердито проводив их машину глазами, снова вернулся к наблюдению за джипом работников аэродрома, заметив, что он, высадив одного пассажира, удаляется дальше. А сам высадившийся, помахивая подобранной веткой, стал подниматься куда-то в горы по едва заметной тропинке.

Догнал я его достаточно быстро и, слегка оглушив, утащил в кусты, сперва проверив их на наличие змей.

Рядом раздавались крики детей и лай собаки. Недоуменно приподняв брови, я сбегал по тропинке наверх и увидел на большой полянке довольно красивый коттедж, где на лужайке играли трое детей, рядом с ними

возилась собака, что-то раскапывая.

«Блин, придется этого папашу живым отпускать. Блин! Не люблю свидетелей оставлять!»

Развернувшись, я бросился обратно и несколькими хлопками по щекам привел его в сознание.

— Дую спик инглиш?

— Да, говорю, — осторожно кивнул он, опасливо покосившись наверх склона, где находился его дом.

— Да я знаю о твоей семье, — сказал я, чтобы надавить на него.

— Что вам нужно? — Парень был на удивление спокойным. Или не отошел от удара, или такой характер.

— Меня интересует тот самолет, который заправлен под пробку, и чтобы с дальностью у него было все в порядке.

Парень кочевряжиться не стал. А сразу выдал мне три самолета, которые были готовы к полетам. И один из них, Cessna-404 миллиардера Билла Сойера, был еще и комфортабельным самолетом, хотя и являлся турбовинтовым, а не реактивным, как у другого богатея.

Выяснив, где какой стоит, я снова вырубил его и, связав, оставил на месте, после чего рванул обратно.

— А, вот эта «Сесна», значит, принадлежит однофамильцу Тома Сойера. Отлично, ее-то мы и возьмем, тем более и стоит удобно, подобраться легко, и рулить не надо, а сразу взлетай.

Протиснувшись через проделанную мной дыру в заборе, я попластунски, пользуясь тем, что трава была достаточно высокой, чтобы укрыться, волоча за собой одну из сумок, подполз к хвосту окрашенного в серебристый цвет самолета. Сползав за второй, я подкрался к боковой двери в фюзеляже и попытался ее открыть.

«Хм, заперто. Они что, думают, его кто-то захочет угнать? Ну, правильно думают. Я хочу!» — подумал я, ковыряясь отверткой в замке. По-видимому, хозяин аэроплана частенько забывал ключи или терял их, поэтому замок был расверлен так, что его можно было открыть и пальцем.

Тихо щелкнув, дверца отворилась.

Втиснувшись в салон и осмотревшись, на коленях прополз к креслу пилота.

«Норма, это не на реактивных летать, как на спецкурсах, выдержу», — решил я, бегло осмотрев приборную доску. Что мне нравилось в этом самолете так это дальность, в три тысячи километров с копейками. Вернувшись обратно тем же макаром, чтобы меня не увидели в иллюминаторы, я втащил в салон сумки и пристроил их в середине салона,

чтобы вес был распределен по центру. После чего взобрался на место пилота и стал с интересом разбираться с приборной доской. Вспомнив о держателях под колесами и клипсах на крыльях, снова выполз наружу и, стараясь прикрываться корпусом самолета, быстро освободил колеса от стопоров, так же как и крылья. После чего, вернувшись в салон, снова принялся изучать приборную доску.

С полчаса повозившись с ней, заметил приближающихся к моему самолету двух парней, которые на ходу что-то активно обсуждали.

Стараясь делать это незаметно, я сполз с сиденья, оставив над приборной доской только верхнюю часть головы, и стал внимательно наблюдать за спорщиками, которые подходили все ближе и ближе.

«Заметили? Но почему тогда идут открыто, да еще и смеются?» — не совсем понял я их поведение. Но когда они прошли мимо моей «Сессны» и подошли к другому аппарату, который стоял через один самолет от меня, понял, что это просто хозяева аэроплана, и я пока не замечен.

«Вот уроды, шастают где ни попадя, честных людей пугают! — подумал я сердито, продолжая наблюдать за ними. — А ведь это шанс, если они заведут мотор, то это даст маскирующий меня шум и позволит, пока меня не заметили, прогреть двигатели», — понял я.

И как только мотор одномоторной «Сессны» взревел, я тоже, щелкая переключателями, запустил сперва один, потом уже и второй моторы.

В отличие от смотровой башни, где служба текла своим чередом и никакой суеты заметно не было, то оба парня на соседнем самолете меня заметили и приветливо помахали рукой.

«Да хрен с вами!» — подумал я и помахал в ответ, отслеживая датчики температуры двигателей.

Вот соседи вывели свой моноплан на стартовую площадку и, получив разрешение диспетчера, взревев двигателями, стали разбегаться.

И тут заметили меня. Даже не меня, а то, что вращаются винты. Увидев, что из административного здания выбегают люди и бегут к джипу, я отпустил тормоза и дал газу.

«Фух, успел!» — подумал я, когда колеса оторвались от бетонной полосы и охрана аэродрома осталась внизу.

Стараясь держаться пониже, экономичным ходом, повернул в сторону Австралии. Заметив, что оба двигателя прогрелись, стал подниматься выше и, перелетев через гору, вылетел на открытое пространство, где была видна вода и суда.

— Блин, суда! Долбаный эсминец! — заорал я, вспомнив об американцах.

Быстро завертев головой, заметил эсминец, который на полном ходу выруливал из-за мыса и шел в мою сторону. В наушниках были слышны панические вопли диспетчера об угнанном самолете.

«Уроды, не могли несколько минут подождать, я бы свалить успел!»

Заметив, что на эсминце стартовала зенитная ракета, я внимательно наблюдал за ней, но она, к моему удивлению, полетела не в меня, а в маленький одномоторный самолет, который взлетел раньше и сейчас бело-синей искоркой поднимался ввысь.

— Уроды! — только и сказал я, заметив вспышку от попадания. Резко повернув штурвал, со снижением пошел обратно, пытаясь укрыться за горой.

Пиндосы, похоже, сообразили что сбили не того, и с эсминца стартовали еще две ракеты, но я уже ушел за гору.

Я понимал, что шансов у меня нет, и решил: погибать — так с музыкой, поэтому, облетев гору, вылетел из-за нее прямо на идущий полным ходом корабль. Я просто задом чувствовал, как меня догоняют ракеты, поэтому, увернувшись от огня зенитной спарки, направил свою «Сессну» прямо на эсминец, крепко сжимая ягодицы.

Эсминец шел метрах в четырехстах от берега, так что достиг я его за пару секунд, идя на высоте пары метров.

«Блин, ну почему тут нет зеркал заднего обзора?» — сердито подумал я, не имея представления, где находятся ракеты. А вот на эсминце, похоже, прекрасно видели, и поняли мой замысел, так как там поднялась паника и спарка ударила по мне на расплав стволов, но все время опаздывая на доли секунды, и снаряды бессильно врезались в морскую воду позади меня. В очередной раз дернувшись в сторону, чтобы пропустить раскаленные шары снарядов, вернулся на боевой курс.

Когда до борта эсминца оставались практически метры, я изо всех сил потянул штурвал на себя и почти немедленно от себя, укрываясь от ракет за корпусом корабля. Едва не черпнув носом волну и лопастью винта все-таки задев, отчего на лобовое стекло полетели брызги воды, я, жаря на полной скорости, рванул дальше.

«Блин, зашибись, судя по удару, я у них крылом еще и часть антенны снес», — понял я и, чуть приподняв нос, с беспокойством осмотрел крылья, но кроме белого следа на одном из них, ничего существенного не заметил.

— А как там эсминец? — вслух поинтересовался я и, повернув штурвал, всмотрелся через боковое окно в удаляющийся корабль пиндосов.

Но ничего кроме двух черных столбов дыма на нем не заметил. Не рискуя возвращаться, я демонстративно направил «Сессну» в сторону

Австралии, на всякий случай снова укрываясь за горой и самим островом, если пиндосы не дураки, то снова выпустят по мне ракеты, но, похоже, им было не до этого, и никаких ракет я не дождался.

Держа высоту метров десять от поверхности океана, я летел все дальше и дальше, уходя от Таити, перейдя на экономичный режим полета.

Поднявшись на высоту километра, включил автопилот и стал осматривать, что у меня с самолетом, переходя от одного иллюминатора к другому.

Через пару часов, пролетая над островом Ниуэ, я снова снизился до десяти метров, чтобы уйти от радаров, и направил «Сессну» к Фиджи, до которого, по моим подсчетам, горючего с натяжкой должно было хватить.

Когда до Фиджи осталось меньше двадцати километров, у меня стал с перебоями работать левый мотор. Постучав пальцем по стеклу датчика топлива, который уже давно был на отметке ноль, вздохнул и посмотрел на правый, который пока работал нормально.

Всмотревшись в берега острова, который заметно приблизился, я осмотрел прибрежную воду на предмет аварийной посадки. Наконец, полностью заглох левый мотор. Выключив его, я стал медленно снижаться, летя на высоте пяти метров. До пляжа осталось около пяти километров, и по моим прикидкам, я должен был долететь до него.

«Ах ты блин!» — только и сказал я, когда заглох и правый двигатель.

Чуть приподняв нос, я стал планировать к берегу, до которого осталось около километра.

Мне повезло в том, что на этой стороне берег был скалистый, и кроме пары яхт на якоре вдали никого больше не было.

«Пора», — решил я и немного отдал штурвал от себя. Выпускать шасси не стал, да и глупо это при посадке на воду, поэтому, трясясь по волнам, самолет врезался носом в волну за волной, из-за чего лобовое стекло забрызгивало водой.

После того как «Сессна» закачалась на волнах и остановилась, я открыл окно и осмотрелся. До берега, по моим прикидкам, было метров двести, и глубина, судя по всему, в том месте, где пока держался на воде мой самолет, не превышала десяти метров.

«Не хватало еще и утонуть!» — подумал я и, отстегнув ремни безопасности, быстро пробрался к ящику в хвосте самолета, где хранились вещи для спасения в случае аварийной посадки.

Достав сверток с резиновой лодкой, я открыл дверь и, выбросив сверток, дернул за веревку. С шумом и свистом она быстро разложилась. Подтянув ее к самолету, который уже начал принимать воду через

открытую дверцу, я забросил в лодку сумки и запрыгнул сам, намочив левую штанину. Отстегнув весла, закрепленные в специальном чехле, отгреб в сторону и с любопытством смотрел, как «Сессна» погружается в воду.

Махнув хвостом, самолет ушел под воду.

— Эх, хороший был аппарат, — сказал я вслух, быстро гребя к берегу. Подплыв поближе и посмотрев на непроходимые заросли, отказался от мысли высадиться тут. Поэтому, гребя вдоль берега, я поплыл дальше, ища более или менее нормальное место для высадки.

Когда я проплывал небольшой живописный пролив, где у берега был маленький островок, из-за чего между ними и находился этот пролив, который так и просился на плакат турфирмы заманивать жаждущих райского отдыха туристов, то заметил в двухстах метрах от берега стоящую на якоре моторную океанскую яхту, тонн эдак тысячи на полторы.

«А что? Если экипаж небольшой, то шанс захватить ее у меня есть», — решил я, осматривая яхту.

Решив не мудрствовать, я просто погреб к белоснежной яхте. Подплыв к корме, где был специальный спуск для купальщиков, я перелез на него и, привязав сумки, вооружился.

Осторожно привстав, так чтобы над палубой были одни глаза, быстро стрельнул ими туда-сюда.

«Сиеста у них, что ли? Никого нет!» — внимательно осмотревшись, подумал я.

Закинув на плечо ремень МП-5, подобранный у тела Игоря, я, ухватившись руками за лакированные поручни трапа, поднялся на палубу и, подкравшись к двери в салон, заглянул в окно.

«Никого. Что за фигня? Тут, судя по размерам яхты, экипажа должно быть не меньше трех-четырёх человек плюс хозяева. Так где все?» — Осторожно открывая дверь за дверью, я быстро осмотрел яхту и обнаружил как и хозяев, так и команду.

Хозяева спали в своей спальне. Я правильно понял, у них была сиеста, а вот команда собралась в прохладном машинном отделении и, сидя за круглым столиком, банально резалась в карты.

«Пятеро. Тот, в фуражке, похоже, капитан», — решил я, осмотрев их. После чего так же тихо закрыв дверь в машинное отделение, как и открыл, я пробрался в радиорубку и повозился с рацией, воспользовавшись опытом капитана пиратов.

После чего прокравшись в рубку, достал из специального ящика судовую книгу и быстро пролистал ее.

«Так, судя по данным, тут пять человек экипажа и хозяева, некие, хм... Сойеры? Значит, неожиданностей не будет, а то мало ли что. Вдруг какой матросик прикорнул где, или еще кто помешает».

Вернувшись в двигательное отделение, я распахнул дверь и спокойно вошел внутрь, держа команду яхты «Красавица» на прицеле «беретты» с глушителем.

К моему удивлению, но они не сразу заметили, как я вошел. Мне пришлось громко потопать на месте, изображая ходьбу, пока, наконец, они не повернулись ко мне.

— Это захват, сидите на месте и не двигайтесь, — только и успел сказать я, как на меня бросился ближайший от меня моряк. Несколько раз тихо плюнул пули глушитель, и моряк, схватившись за грудь, упал в полуметре от меня.

Поморщившись, я сказал:

— Я же говорю, не стоит делать резких движений. Встать! К стене! Руки на переборку, ноги на ширине плеч.

Сбросив с плеча моток веревки и кинув ее под ноги морякам, велел одному из них связать всех, кто находился в помещении.

— Молодец, а теперь себя! — скомандовал я. И под злобными взглядами команды проверил все узлы.

— Ну как дитё, ей-богу, — только и сказал я, поняв, что моряк связал узлы так себе, их можно скинуть за пару минут. Поэтому я заново пробежался, связал их покрепче, причем привязав каждого к какой-нибудь железке, чтобы они не могли помочь освободиться друг другу.

— Ну вы тут посидите, а я вашими хозяевами займусь.

Толкнув дверь локтем, тихо вошел в спальню и, немного понаблюдав за

хозяевами, которые спали почти в полной темноте, пошарил по тумбочкам, стараясь их не потревожить. И мои поиски увенчались успехом. В тумбочке со стороны женщины я нашел короткоствольный револьвер.

Убрав его в карман, я подошел к шторам и стал их открывать. Яркий солнечный день ворвался в полутемное помещение, слепя светом. Отвернувшись от солнца, я стал смотреть на хозяев, которые даже и не думали просыпаться.

Подойдя поближе к кровати, я с интересом осмотрел их. Мужчине было лет шестьдесят, меньше никак не дашь. А вот женщина меня заинтересовала. Это была яркая представительница своего пола во всех смыслах.

«Тридцать пять, не больше», — профессионально оценил я. Она лежала на спине и тихо посапывала носиком, в отличие от ее мужа, который храпел.

Хмыкнув, я положил ладонь на роскошную грудь и чуть помял ее. Тихо застонав, она открыла глаза. Несколько секунд недоуменно разглядывая меня, она быстро стрельнула взглядом на мужа и тихо спросила:

— Ты кто? — причем речи о том, чтобы я убрал руку, даже не было.

— Пират. Теперь это моя яхта, — ответил я, убрал руку, обошел кровать и пинком разбудил всхрапнувшего хозяина.

— Ц-ц-ц, — зацыкал я зубом, когда женщина молниеносно открыла ящик тумбочки и стала шарить в ней в поисках револьвера. — Вы уж меня за дурака не держите, — сказал я, показывая ей ее же оружие.

— Что вам надо? — спросил хозяин, который холодно смотрел на меня, причем в его взгляде не было даже намека на страх. Опасный противник.

— Вашу яхту. Ничего более. Насчет того чтобы убить вас, у меня ПОКА планов нет. Я высажу вас на необитаемом острове, с запасом продуктов. А сейчас, прошу, свяжите себя этими веревками, — приказал я и кинул на кровать нарезанные кусками веревки.

Убрав хозяев к команде, я затащил сумки на палубу и поднял лодку наверх. Подняв якорь, на полном ходу стал удаляться от Фиджи, у меня были планы в Америке, и я возвращался обратно.

То, что похитили меня, я стерпел, и особенного урона не понес, так, небольшие приключения, но за то, что они убили моего друга, они должны понести заслуженное наказание. Чаша моего терпения переполнилась.

Сперва я хотел убить президента, но, подумав, понял, что это особого урона не нанесет, поставят другого х...я. Поэтому решил нанести им удар в самое больное место. Я уничтожу то, чем гордятся ВСЕ американцы. То, что они считают символом Америки. И вела меня моя месть в город Нью-

Йорк.

Вокруг Фиджи было очень много мелких островов, где можно было высадить «зайцев», однако мне многое мешало. Довольно быстро стемнело, из-за чего пришлось встать на якорь у одного из таких островов и кормить пленных. Правда, перед этим, с помощью одного из пленных моряков я вынес и похоронил по морским традициям убитого матроса, что произвело немалое впечатление на остальных. Сводив каждого в туалет, я устроился на ночлег, заблокировав дверь в машинное отделение, и, предупредив моряков и хозяев, что заминировал дверь, продемонстрировал им пару гранат.

Так что спал я спокойно... в хозяйской постели.

Утром же, снова покормив и сводив пленников в туалет, бросил все силы на то, чтобы избавиться от этого балласта, поэтому все острова, которые мне повстречались за день, я тщательно визуально проверял. И только одиннадцатый по счету остров, что я нашел под вечер, подходил по всем параметрам.

— Давайте-давайте, вылазьте, а то ишь, на дармовых харчах как рожито отъели, — ворчливо командовал я, выгоняя моряков наверх.

Выведя моряков на палубу, где уже находились привязанные к перилам хозяева, велел им спускаться на воду катер, развязав двоих моряков, поспокойней на вид.

Высадив их на берег и держа на прицеле автомата, я просто не мог отплыть просто так, без прощальной речи:

— Мистер Соьер, ваша яхта прославится в истории, и за это вы можете поблагодарить меня...

— Это не моя яхта, — коротко ответил Соьер, сбрасывая веревки с рук.

— Что?

— Она моя. «Красавица» подарок Билла мне на день рождения, — сказала миссис Соьер, стреляя глазками, было видно, что терять белоснежную красавицу она никак хотела.

— Да мне, честно говоря, все равно. Так, на чем я остановился? Ах да... и честно вам скажу: то, что я собираюсь сделать, я буду делать только в своих личных интересах, никакие государства тут не замешаны.

Поколебавшись секунду, спросил с сомнением:

— Соьер... Соьер, а у вас случайно «Сессны» на Таити нет?

— Да, есть, — кивнул он, насторожившись.

— Теперь уже нету, — ответил я с широкой улыбкой.

Сбросив пару сумок с продовольствием и десятилитровое ведро, на острове была вода, я специально искал такой, но позаботиться о таре

посчитал нужным, отплыл от берега и направился к яхте.

Вернувшись на яхту, я поднял катер на палубу, что получилось довольно просто, все было на механике.

И, подняв якорь, на всех парах дизельного двигателя направил «Красавицу» к Америке, благо баки были полные, что позволяло мне доплыть до нее без особых проблем.

Сидя в кресле капитана, положив одну ногу на штурвал, с интересом изучал карту морских глубин у берегов Калифорнии, к которой должен был подойти сегодня вечером.

За всю неделю пути, что я провел в океане, идя полным ходом, чтобы выиграть время, я постоянно слушал эфир, но ни о каких спасенных и угнанной яхте в эфире не упоминалось.

Найдя на карте Лос-Анджелес, а рядом Санта-Барбару, к которой был проложен мой маршрут, стал тщательно осматривать подходы к городу, чтобы высадиться незаметно на берег и войти в город. Именно из этого знаменитого и известного для любого русского из моего старого мира города я и решил начать свой путь.

Увидев впереди берега острова Санта-Крус, взял немного левее, чтобы пройти проливом между островами Санта-Роза и Санта-Крус. И еще через три часа, когда солнце начало садиться, вдали показались огоньки Санта-Барбары.

Пискнул локатор, сообщив о приближении чужого судна, и выдал метку, что неизвестный приближается с правой скулы со стороны берега.

— Это еще кто? Что за незваные гости? — спросил я сам себя и, включив автопилот, вышел из рубки на палубу, прихватив бинокль. У него, конечно, не было встроенной ПНВ, но просветленная оптика позволяла более или менее нормально смотреть в темноте.

«Хм, сторожевик. Этим-то что надо? — озадачился я. — Неужто бывших хозяев „Красавицы“ спасли, а я ничего не знаю?»

Подошедший сторожевик береговой охраны США, осветил яхту прожектором и, осмотрев ее с носа до кормы, стал вызывать меня по рации.

— Сторожевик номер семь береговой охраны вызывает «Красавицу», прием. «Красавица», ответьте, прием!

— «Красавица» на связи, прием.

— «Красавица», видели ли вы небольшую парусную яхту с красными парусами, прием?

— Да, видел, — припомнил я встречу с этой маленькой яхтой, которой управляли двое подростков у одного из островов, несколько часов назад, о чем тут же и сообщил по рации сторожевику.

— Спасибо, — ответили с него и, набирая ход, рванули к островам.

— Да что случилось-то? — спросил я у них.

— Дети сбежали, угнав яхту отца одного из них, — получил я ответ.

«Вот до чего правительство жителей страны довели, даже дети бегут из нее», — хмыкнул я, убирая микрофон на место, и, вернувшись в рубку, с малого хода переключился на полный, я опаздывал.

Когда до города осталось километров двадцать, застопорил ход и, спустив катер, предварительно наполнил его баки, взяв запасную канистру. Погрузил в него свои вещи и немного продовольствия. После чего, забежав в рубку и дав средний ход в сторону открытого океана, побежал на корму, где был привязан катер, и, обрубив концы, стал на полном ходу удаляться от яхты.

В порт я заплыл по-наглomu, просто найдя территорию местного яхт-клуба, где у них была стоянка малоразмерных судов, поставил катер туда, куда указал мне смотритель, и, заплатив за неделю стоянки, пошел в спящий город. До рассвета оставалось еще три часа.

Узнав у охранника стоянки, где ближайшая гостиница, направился туда, таща сумки, благо идти было недалеко.

— На сколько вы хотите снять номер, сэр? — спросил меня сонный портье, который вышел из подсобки, когда я зазвонил в звоночек.

— До обеда, а там посмотрим, — ответил я и, заплатив требуемую сумму, взял ключи и направился в номер, хорошо, что он был на первом этаже.

Утром, позавтракав в кафе, прошелся по городу и выяснил, где тут находится частный аэродром.

Взяв такси, я доехал до него и выяснил всю информацию по аэродрому, заплатив жуликоватому диспетчеру около ста долларов.

— Полет на частном самолете до другой стороны Америки будет стоить вам очень много...

— Сколько? — переспросил я.

— Очень много! — уже с нажимом намекнул диспетчер.

Дав ему еще одну десятку, я вопросительно приподнял бровь.

— У Тома Гризли финансовые проблемы, так что договориться с ним у вас проблем не будет, у него хороший самолет. Бичкрафт Кинг Эйр-триста пятьдесят.

— Вы мне прям понятно так сказали, что я сразу все понял, — сказал я сердито.

— Это вон тот, с синей полосой по борту, — пояснил диспетчер, ткнув пальцем в довольно приличных размеров самолет. Приличных — это если

сравнивать с одномоторной «Сессной».

Оценив стати красавца самолета, я вздохнул, но все-таки выяснил, где найти этого Гризли.

Еще через три часа мы на двухмоторном самолете поднялись в небо Америки и, пролетая над национальным заказником Махаве, о чем мне сообщил Том, я начал отсчет времени.

— Билл, просыпайся, — разбудил меня голос пилота.

— Что случилось? — спросил я его, зевая и потирая глаза.

— Канзас-Сити, дозаправка у нас. Ужинать пойдешь?

— Конечно, — кивнул я и, встав с кресла, потянулся и помахал руками, разминая и прогоняя кровь.

«Опять Канзас-Сити, был я уже тут, так ничего интересного в нем нет», — подумал я и вышел вслед за Томом, проверив наличие денег в заднем кармане и поправив полицейский револьвер под рубашкой.

— Куда идем? — спросил я у пилота, закрывающего дверь.

— Тут забегаловка есть, где летчики собираются, там и поужинаем, — ответил он, когда шли в диспетчерскую частного аэродрома, где мы приземлились.

Подождав, пока Том договорится и оплатит заправку своего самолета, мы направились к выходу с аэродрома, за территорией которого в пригороде города и находилось то кафе.

— Как поэтично, — восхитился я вслух, разглядывая вывеску кафе.

«Они бы ее еще „Гастелло“ назвали!» — подумал я, рассматривая надпись на фасаде одноэтажного здания.

— А что? «Камикадзе» довольно приличное кафе, может быть, я даже встречу там знакомых, — пожал плечами, сказал Том, толкая входную дверь.

— После таких кафе я начинаю с опаской думать о продолжении полета, — тихо пробурчал я себе под нос, входя вслед за Гризли.

И тут же захотел выскочить обратно. В помещении закуской была так накурено, что топор можно было не вешать, взлетит.

— И всегда так у вас? — спросил я, как аристократ в нанадцатом поколении прижимая платочек к носу.

— Бывает, — пожал плечами Том, отвечая на приветствия знакомых.

— Что будете заказывать? — почти сразу материализовалась рядом официантка, сумевшая как-то разглядеть нас в этом дыму.

— стакан чистого воздуха, — сразу заказал я.

— А вы? — спросила она у Тома.

— Бифштекс из баранины и картошку. Выпить соку, свежавыжатого, — после чего спросил: — Опять турнир?

— Да, — кивнула официантка и, приняв заказ у меня, ушла в сторону кухни.

— Что за турнир? — спросил я, с интересом поглядывая в сторону дальнего угла, где облако дыма было заметно больше.

— Да, года два назад кто-то придумал устраивать такие турниры, кто больше накурит, с тех пор и проводят их, — пояснил мне Гризли.

— Неужто и такая чушь есть? Я думал, что игра, кто дальше плюнет, верх идиотизма, а тут вон еще что есть?! — покачал я головой.

— Да это просто от безделья, — пожал мне в ответ плечами Том.

Пожинав, мы поторопились выйти из этой кунсткамеры и вернулись на аэродром, где находилась небольшая гостиница. Сняв там номера, мы поспешили разойтись по своим комнатам.

Подлетая к окрестностям Нью-Йорка, Гризли гордо ткнул в видневшуюся бетонную полосу неизвестного аэродрома в окружении ангаров и гордо сказал мне:

— Форт Ангор, я там служил.

— Что за форт такой? — спросил я с интересом, крутясь в кресле второго пилота.

— Там в основном авиачасти стоят. И моя «Кобра» где-то там.

— Так вы боевой летчик? — прибавив в голос восхищения, спросил я.

— Да, — гордо ответил Том и стал рассказывать разные байки про свою службу, причем многие с самым серьезным видом.

— Подождите, как это стоят на боевом дежурстве? — переспросил я то, что меня заинтересовало.

— С восемьдесят четвертого был издан приказ, что на каждом военном аэродроме должны на дежурстве стоять боевые машины в полном боевом снаряжении.

— Что, вот просто так стоят? — подпустив в голос недоверчивости, спросил я.

Через пару минут я уже знал, где они стоят и какие там дежурства у пилотов. Так что, пролетая слева от форта, я прилип к окну и рассматривал аэродром, запоминая его расположение.

— Увидел? — спросил меня Том насмешливым тоном.

— Нет, высоко летим, — соврал я.

— Да как же, вон они стоят, — ткнул пальцем Том, показывая мне на две «Кобры», принадлежащие частям морской пехоты, которые стояли на

специально оборудованных площадках. Мы пролетали чуть в стороне от части, но видно было.

Так, болтая с Гризли на разные темы, мы и долетели до одного из многочисленных частных аэродромов Нью-Йорка, где и сели после разрешения диспетчера.

Расплатившись наличкой, как и договорились, чем вызвал легкое недоумение Гризли, пройдя охрану, которая даже не сделала попытки досмотреть меня, вышел к стоянке такси, но ни одной машины там не застал. Пришлось мне вернуться в здание аэродрома и попросить вызвать такси.

Еще через час я въезжал на территорию одного самых больших городов в мире.

— Вот, сэр, это, я так думаю, то, что вам надо, — сказал таксист, останавливаясь у обшарпанной недорогой гостиницы.

— Да, мне это подойдет, — согласился я, осматриваясь. Высадившись, направился к входу в здание, неся тяжелые сумки.

Устроившись в гостинице, поехал к набережной, где стояли большие платные телескопы, из которых можно было рассматривать статую, где и задержался почти на час.

Через музей записался на экскурсию, которая будет завтра в одиннадцать часов дня.

Акцию проводить я, честно говоря, не собирался, решил пока просто изучить ее, но после небольших раздумий направился на поиски радиомагазинов, торгующих всякой электронной аппаратурой и запчастями к ней. После чего в магазин одежды. Вечером я решил прогуляться по ночному городу, да заодно по набережной, откуда видно статую.

Прогуливаясь по ночному городу, я с интересом разглядывал витрины и другую красоту ночного города. Ночные красотки тоже были ничего.

Вдруг сзади я услышал крики. Прислушавшись, определил, что кричали за полквартала от меня, пожав плечами, я направился дальше, с интересом крутя головой.

Визг тормозов услышал поздно и, привычно потянувшись за пистолетом, я получил два мощных удара в грудь. Падая, успел выдернуть из-за пояса «беретту» и немедленно открыл огонь по машине, из которой торчал ствол оружия и ревел музыка. На пистолете не было глушителя, поэтому быстрые выстрелы, похожие на очередь, разнеслись по всему кварталу. Упав на спину, я замер — умирая. Через несколько секунд понял, что ничего, кроме боли, не чувствую. Проведя рукой по груди, я посмотрел

на пальцы, потом понюхал их. Сомнений не было — это была краска. Подпрыгнув, я подбежал к машине и заглянул внутрь. Там в лужах крови плавало четыре подростка, хрипя пробитыми легкими, на полу и коленях лежали пейнтбольные ружья.

— Придурки!

Оглядевшись, я развел руками и выразил свои чувства одним словом:

— Американцы! — С таким выражением, как будто это самый грязный мат, что я знаю. После чего, сунув пистолет обратно и не обращая внимания на раненых подростков, побыстрее свалил подальше, а то уже где-то завывала полицейская сирена.

На следующий день я стоял в небольшой толпе экскурсантов и, высунув язык, с причмокиваниями лизал мороженое, на что многие оборачивались ко мне и уже с улыбками отворачивались.

Как говорил мой первый инструктор: «Главное не то, как ты замаскировался. А сделать это так, чтобы тебя принимали за общий фон местности и не обращали внимания, даже если ты не особо прячешься!»

Так что я воспользовался его советом, и теперь меня не видел только слепой. Ярко-красная куртка с Микки-Маусом на спине, синие джинсы, молодежная прическа «ирокез», которую мне сварганили за пару минут в ближайшей парикмахерской, и школьный рюкзак за спиной.

Так что я вписывался в местную молодежь, которой на экскурсии было ровно три штуки.

— Прошу вас, можете занять места в катере, — сказала гид, жестом указывая на трап.

Копируя поведение детишек моего возраста, я с криком первым бросился на катер и занял лучшее место. На меня насмешливо посмотрели не только взрослые, но и дети.

«Да хрен с вами, главное, чтобы не обыскали!» — думал я, заканчивая с мороженым.

Понятное дело, что все, что я планирую, это банальная авантюра, но я, как и все настоящие русские, надеюсь на народное «авось» и на свою везучесть.

Пискнул, изображая гудок, динамик катера, и мы отошли от набережной и под бормотание что-то говорившей гидши направились к пирсу у подножья статуи.

Осматриваясь, я следовал за всей группой.

«Они что, ее вообще не охраняют? Всего один охранник у входа и один у служебного помещения», — думал я, оглядываясь.

После чего, отделившись от группы, экскурсия для которой должна была продлиться около двух часов, шмыгнул в сторону и, доставая на ходу «беретту» из рюкзака, стал навинчивать на нее глушитель.

— Эй, парень, сюда нельзя. Твоя группа на противоположной стороне, — сказал охранник, сучающе прогуливающийся у дверей служебного входа.

— Да ну? — спросил я, стреляя от бедра. Охранник, не успевший схватиться за пистолет в кобуре, молча упал на брусчатку, заливая ее своей кровью. Тут все дело было в быстроте, с которой я буду действовать. Брать пленных я не мог из-за лимита времени.

С опаской подняв голову, посмотрел на видеокамеру, которая на штативе ходила туда-сюда. Выстрел пришелся как раз в тот момент, когда камера смотрела в другую сторону, так что на пульте еще не должны были знать, что произошло, но нужно действовать очень быстро.

Не трогая тело охранника, я подбежал к двери и, вставив ключ, снятый с пояса охранника, в замочную скважину, повернул его.

— Что за черт, Чарли? — слышался голос из-за приоткрытой двери. — Что случилось?

— Да ничего особенного, — сказал я, входя в помещение, где за монитором сидели толстячок в такой же форме и старший со стаканом кофе в руках.

Заметив в моей руке пистолет, он дернулся, выплескивая кофе, но тут же свалился, получив пулю в грудь.

— Извините, парни, но на войне, как на войне, — пробормотал я, поднимая ствол пистолета.

Проведя зачистку, вернулся к входу и затащил вовнутрь первого охранника. Вернувшись к мониторам, осмотрел их.

Экскурсия поднималась по лестнице в корону, что мне пока не мешало. Меня больше интересовал последний охранник, который прохаживался у пирса, где стоял наш катер.

«И как же тебя затащить сюда, гада?» — подумал я, продолжая наблюдать за ним. Так как если его не убрать, то акция теряла весь смысл, обнаружить исчезновение охраны могли не в минуты, в секунды, поэтому я и лихорадочно думал, смотря на экран монитора.

После некоторых размышлений снял с одного из охранников радиостанцию и, нажав на вызов, прогундосил в микрофон, копируя голос толстячка.

— Внимание! Всем сотрудникам охраны немедленно пройти в дежурное помещение.

Наблюдая в монитор, как охранник, чуть склонив голову, прислушивается к рации, удовлетворенно хмыкнул, когда он энергичным шагом двинулся ко второму входу. Подхватив лежащую на пульте «беретту», побежал встречать последнего охранника.

«Интересно, когда у них смена бывает? А то как бы не помешали!» — подумал я, волоком, за шиворот, затаскивая тело охранника в какое-то подсобное помещение. Этого я не убивал, просто оглушил и связал. Человеколюбие для меня темный лес, но и убивать налево-направо тоже надоедает.

После чего, забежав в комнату охраны, стал по очереди открывать личные шкафчики, осматривая их. В шестом по счету висела форма, которая более или менее подходила мне по росту и размеру.

Достав ее, я скривился, она принадлежала женщине, но делать было нечего, среди охраны, кроме женщины, миниатюрных не было, и мне пришлось облачаться в то, что есть.

Застегнув пояс, я подхватил найденную в одном из шкафчиков сумку, в которую положил содержимое моего рюкзака, и, закрыв все двери на ключ, направился к статуе, по пока пустым бетонированным тропинкам.

Подойдя к двери, я надвинул фуражку почти на глаза и, открыв ее ключом, быстро вошел внутрь.

Пройдя по переходу в следующее помещение, остановился у большой двери, на которой была табличка с надписью «Служебное помещение, вход только для технического персонала».

Сверившись с планом, который держал в руке, понял, что попал куда надо. Отшвырнув снятую со стены карту с планом технических помещений, открыл дверь ключом и оказался внутри статуи.

«Во, блин, всей моей взрывчатки тут не хватит. Нужно думать!» — профессионально оценил я железные балки статуи.

Но делать было нечего, и, прикинув, как мне действовать, я по специальной лесенке в виде приваренных скоб стал подниматься по одной из балок. Широкие в бедрах штаны напоминали те галифе, что были у солдат Второй мировой войны. Они трепетали на довольно сильном ветру внутри статуи, так и норовя сбросить меня, пока я прикручивал проводом один из килограммовых брусков тротила на одну из главных опорных балок.

Закончив и выведя антенну через щель наружу, я поспешил выйти и, вернувшись обратно в охранные помещения, переделался вновь в свою одежду, на которой и прибыл на остров.

Смешавшись с экскурсией, когда она возвращалась на катер, сел у

левого борта и безразлично уставился в воду, волнами отходящую от быстро идущего катера.

— А вы где были, молодой человек, что-то я вас не заметила? — спросила меня гид.

— В туалете сидел, — пожал я плечами.

Две девочки, примерно моих биологических лет дружно хихикнули в кулачки, но мне было пофиг. Я сделал то, что хотел, осталось последнее. Нажать на красную кнопку.

Посмотрев на встречный катер, который прошел мимо, направляясь к островку, понял, что это смена.

Поглядев на статую, которая все еще возвышалась над нами, я открыл лежащий на коленях рюкзак и достал из него полицейскую рацию, которую, настроив на нужный канал, сжал в руках.

Вспомнив, что я забыл кое-что, быстро залез в боковой карман рюкзака и достал красный маркер. После чего под любопытными взглядами девушек покрасил кнопку вызова в красный цвет.

«Вот, теперь правильно. Все должно быть симметрично», — с улыбкой подумал я, полюбовавшись на радиостанцию.

Когда мы подошли к берегу и пристали к пристани, гид собрала нас в полукруг и сказала:

— И на прощание хочу сказать, что статуя Свободы, является несомненным символом нашей страны...

Мне быстро надоело слушать эту языкастую, и я стал скучающе ковыряться в радиостанции, нажимая кнопки, когда произошло ЭТО.

Заминировать всю статую у меня просто не хватало взрывчатки, поэтому я заложил заряды только с одной стороны, со стороны берега. И сейчас подрубленная с одной стороны здоровенная медная баба с огоньком в руках стала сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее падать на спину.

Когда брызги воды скрыли упавшую статую, я услышал тонкий писк. Повернувшись, увидел гидшу, которая, чуть присев, наблюдала за тем, как расходятся волны Гудзона, и тонко пищала, пуча глаза.

«Все, валить надо», — подумал я и, еще раз удовлетворенно посмотрев на торчащие из воды обломки статуи, постарался незаметно уйти в сторону, что среди поднявшегося гвалта и испуганных воплей было не трудно.

До гостиницы мне пришлось добираться чуть ли не пешком, так как город замер в ошеломлении. Этот удар по чувствам американцев был сильнее, чем тараны двух башен-близнецов в моем старом мире.

К вечеру я выбрался из города и на попутке доехал до расположения форта Ангор.

Полусидя у внешней стороны забора, через мелкоячеистую сетку осматривал расположение жилых домиков, принадлежащих офицерам, на территории части. Заметив, что патрульный джип снова появился в прямой видимости, лег на недавно скошенную траву, стараясь не двигаться. Ночью патруль меня не видел и проезжал мимо. Как и прошлый раз из салона доносились пьяные крики солдат, пытавшихся утопить в вине свое горе за потерю национальной реликвии.

Самое удивительное, что многие офицеры, которых я увидел на своем наблюдательном пункте, тоже были подшофе, наверное, из-за этого пьяных солдат и не сняли с патрулирования, все были такими.

«Молодец, Артур. Одним нажатием кнопки отправил половину населения Америки в алкогольную нирвану. Молодец!» — похвалил я сам себя.

Проводив удаляющийся джип взглядом, я снова вернулся к наблюдению.

Наконец, двое офицеров, которые что-то не поделили и сейчас пьяно выражали свое неудовольствие друг другу, угомонились и ушли в сторону, что-то громко обсуждая на ходу.

«Пора!» — решил я, осматриваясь, но ничего кроме ярко горевших звезд на ночном небосклоне не увидел.

Перекинув свое тело через забор и перемещаясь под прикрытием деревьев, стал приближаться к одному из домов, в котором было на удивление тихо и не светились окна.

Подкравшись к задней двери, выходящей в небольшой дворик, я попытался открыть ее, но, к моему удивлению, она была открыта. Тихо проскользнул на кухню, которую хорошо можно было рассмотреть в полумраке, благодаря ярко светившей луне. Выйдя в коридор, тихо ступая, продолжил движение дальше, когда послышался какой-то шум, больше похожий на стоны.

Но не успел я осмыслить это, как на улице с визгом тормозов остановилась машина, и хлопнула дверца. Справа зажегся свет в комнате, и я услышал быстрый шепот и ругань. Ругалась женщина.

Услышав шум приближающихся шагов, спиной отступая, толкнул дверь в какое-то помещение и упал от неожиданности на спину. В полете я успел сгруппироваться, и особого шума не последовало. Быстро прикрыв дверь, в щелку наблюдал за коридором, в который стремительно ворвалась

довольно эффектная брюнетка, завязывая на ходу пояс фривольного халатика.

Через несколько секунд оттуда, куда она ушла, слышались ругань и крики:

— Я знаю, что он тут! Где он? — рычал мужской бас.

— Генри, ты ошибаешься. Здесь никого нет, — вторил ему женский голос.

«Ой, врешь, ой кто-то у тебя есть в соседней комнате», — подумал я, продолжая стоять на коленях у двери и прислушиваться.

После криков раздался громкий топот приближающихся шагов и вопль:

— Я знаю, он в спальне.

Быстро оглядевшись, я заметил еще одну дверь, и едва успел заскочить за нее, как в ту комнату, где я был, вошли рогоносец и хозяйка. Единственным местом, где я мог спрятаться, был шкаф.

«Зашибись, если меня тут найдут, даже версии, как я оказался в шкафу, не надо, и так понятно!» — подумал я, закрывая за собой дверцу шкафа.

— Видишь? Видишь? Нет тут никого, — бешено крикнула брюнетка, заходя и широко показывая рукой на спальню, куда меня занесло. В тонкую щелку я с интересом наблюдал за ними.

— Сам смотри, — сказала она, нагнувшись и приподняв покрывало, показывая, что под кроватью никого нет.

— Нет никого? Или ты еще хочешь посмотреть в шкаф?!

— Ну, Мэри, прекрати, похоже, я ошибся, — с легкой виной сказал мужчина в форме капитана с эмблемами технических войск, но женщину уже было не остановить.

Подбежав к шкафу с криком:

— И здесь смотри!.. — так и застыла с открытым ртом, увидев меня, но среагировала она быстро. Захлопнув дверь, она еще и прижалась к ней спиной.

— Видишь? Нет никого, — тоном ниже растерянно сказала она.

— Так он там?! — тут же взревел капитан и, отшвырнув жену в сторону, распахнул дверь.

— Слышь, мужик, я и сам в шоке! — только и смог сказать я, разводя руками.

— Да ты еще и с детьми забавляешься, — проревел мужик и попытался взять меня за грудки, но я не брался.

— Руки! — жестко сказал я, уперев ему в живот ствол глушителя.

Скосив взгляд вниз, капитан осторожно и медленно стал убирать руки от меня.

— Отойти в тот угол, встать на колени, скрестить ноги и сесть на них, — приказывал я по мере выполнения капитаном моих команд.

Повернувшись к женщине, явно пребывавшей в шоке, я скомандовал:

— Сесть на кровать, молчать. — Заметив, как она ведет себя при моих командах, спросил: — Вы понимаете меня?

С замедлением она кивнула.

«Шоковое состояние!» — определил я. В таких состояниях женщины опасны, от них можно ожидать чего угодно, поэтому, скользнув к ней, нанес хлесткий удар по щеке. Тихо взвизгнув, она изумленно уставилась на меня.

Скептически посмотрев на нее, спросил у капитана, который сидел в углу и, пыхтя, злобно смотрел на меня:

— Ты что ее вообще не бьешь?

— Зачем? — не понял он моего вопроса.

— Учить! Если она у тебя ходит и налево и направо, то поможет только вот это, — показал я ему кулак.

— Нет, я не могу, рука не поднимается, — глухо ответил он.

— Идиот. Есть такая народная мудрость «Бьет — значит, любит».

Говорил я это, продолжая держать их в поле зрения, чтобы у них не было повода сделать какую-нибудь глупость. Женщина сидела на кровати и испуганно смотрела то на меня, то на мужа. Кстати, когда я про мудрость говорил, то она оценивающе посмотрела на мужа, и на ее лице появилась задумчивость.

Подождав определенное время, я сказал:

— Убивать вас у меня нужды нет, так что свяжу — и пока.

Заметив, что капитан напрягся, посоветовал ему не дергаться, доставая из кармана заранее приготовленный моток веревки. Не то чтобы я планировал брать пленных, так, на всякий случай.

— ...ноги вы себе отсидели, так что броска не получится. Подумайте о семье, у вас еще есть шанс сохранить ее, хм... с другой женой.

Связав за спиной руки офицера, я занялся его женой, и тоже связал ее, еще и привязал к батарее отопления, чтобы не было желания добраться до мужа и освободить его с помощью зубов.

Закончив с хозяевами, снова подошел к шкафу и, скептически посмотрев на форму, висевшую в нем, сказал сам себе:

— Ну и на фигу я залез в этот дом, тут вся форма на три размера больше, чем мне надо.

Услышав шум за стеной, я на рефлексе выстрелил в источник шума, продырявив стену. В соседней комнате отчетливо послышался шум

падения тела.

«А про обезьянку-то я и забыл!» — подумал я, сокрушительно покачав головой.

Капитан свирепо посмотрел на жену, бешено вращая глазами и явно сожалея, что я сунул ему в рот кляп, но и по чувствам, горевшим в его глазах, я понимал, о чем он думает.

Он: «Сука, освобожусь — урою!»

Она: «А я что? Я ничего».

Он: «Кто это был?»

Она: «Не понимаю, о чем ты...»

Что было дальше, я уже не видел, так как, открыв дверь, подошел к тихо стонущему парню в трусах, у его головы комком были свалены вещи. Похоже, что он тихо крался с формой в руках, когда у него под ногами скрипнула половица, а дальше пуля в грудь и рассыпанные вещи.

Осмотрев рану парня, я подобрал форму и ворохом затащил ее в спальню.

— Во! Добыча, а то у вас выбора нет, а это как раз моя комплекция, — сказал я хозяевам, причем мое возвращение было встречено по-разному. Если капитан смотрел на меня с одобрением, то жена испуганно, с легким налетом сожаления.

Быстро надев комбинезон со знаками различия техника-сержанта, я поправил складки,дохнул на табличку на груди с именем хозяина, протерев ее рукавом, и сказал хозяевам:

— Как на меня сшито.

А вот с обувью у меня вышла промашка. Ботинки оказались слишком малы, не надевать свои же кроссовки. Задумчиво посмотрел на ботинки капитана, из-за чего он их поджал под себя. Почесал затылок и отобрал их у хозяина.

— Нормально, — притопнул я подошвой. — Ну все, прощевайте, — сказал я и выскользнул из спальни.

Нагло выйдя из дома через парадный выход, на тротуаре я столкнулся с парой женщин, которые, похоже, откуда-то возвращались, и услышал шепот за спиной.

— Опять эта Мэри завела себе нового кавалера, и куда только муж смотрит?!

— Да ладно тебе, я бы тоже не прочь провести ночку с этим парнем, смотри какая у него попка.

Мои движения сразу стали медленно-уверенными, гордо сопя и крутя

туда-сюда корпусом, я вразвалочку направился к выходу из военгородка, к воротам, ведущим на взлетную полосу форта Ангор.

У ворот шла драка, в которую чуть было не втянули и меня, но я, опустив козырек фуражки на глаза, успел протиснуться через ворота на территорию воинской части.

«Блин, скоро солнце встанет, валить надо!» — подумал я, заметив просветление на горизонте. Идя неторопливой походкой, чтобы не привлекать внимание, пропустил пролетевшие к воротам две машины, набитые солдатами, и, проводив их насмешливым взглядом, зашагал к уже видневшемуся хищному силуэту «Кобры».

Первым делом я проверил, чем он вооружен.

«Так, пушка. Двадцать миллиметров вроде... снаряженная. Не соврал Том. А на пилонах что? НУРсы... тоже нормально!» — решил я после тщательного осмотра техники.

Пользуясь тем, что в части творился бардак, по приставной лесенке залез в кабину на место пилота. Включив подсветку кабины, стал разбираться в управлении боевого вертолета. Не то чтобы я не знал его, честно скажу, читал описание, но модификаций у «Кобры» много, так что все равно осмотрел кабину, прежде чем включить запуск первого двигателя.

«Вот интересно, у меня уже десять минут лопасти крутятся и движки орут на всю округу, так хоть бы кто поинтересовался, что тут происходит!» — подумал я через некоторое время, после того как запустил двигатели и щелкал переключателями, готовя вертолет к полету.

«Ан нет, заметили-таки!» — понял я, увидев, как к вертолету бегут несколько человек, и возглавляет их офицер, полковник, с красным лицом самого последнего алкаша.

Помахав им ручкой, я до упора дернул ручку газа.

Взлетел я, как меня учили повоевавшие вертолетчики, резко, рывком, чтобы не схватить гранату на взлете. Поэтому, подскочив разом метров на пятьдесят, с опусканием носа «Кобры» и с ревом двигателей, стал набирать скорость, уходя в глубину чужой для меня страны.

Сделав полукруг и набрав скорость, вернулся к форту, где уже крутились лопасти второго вертолета.

«А вот этого нам не надо», — подумал я, откидывая защелку пушечной гашетки в сторону. За время небольшого разгонного полета я уже успел изучить систему управления огнем, так что сейчас уверенно наведя прицел на второй вертолет, играя джойстиком, нажал на гашетку.

От второго вертолета отлетело несколько частей фюзеляжа, и он стал

чадно дымить, выбрасывая в утреннее небо черные хлопья гари.

— Так-то вот, а то с дубинкой против меня идти надумали, — сказал я и, сделав над аэродромом круг, направил боевую машину в город, к Уолл-стрит. Я решил, что статуи Свободы маловато для моей мести, и надумал ударить по курсу доллара в прямом смысле этого слова.

Набрав высоту над городом и долетев до огрызка на пьедестале статуи Свободы, сделал круг над островом.

«Похоже, там работы велись даже ночью», — подумал я, разглядывая десяток судов вокруг обломков статуи.

Но долго любоваться своей работой я не мог. Скоро начало рабочего дня, а я не хотел, чтобы гражданские пострадали от моей атаки на фондовую биржу, поэтому, развернув «Кобру», направил вертолет к острову Манхеттен.

Когда после акции я сваливал из города, то простоял в пробке недалеко от Уолл-стрит, и таксист, отходя от психологического шока, когда по радио сообщили о «падении» статуи, заболтал меня про эту фондовую биржу... гад. После этого я и решил долбануть по ней. Четыре часа разговорного прессинга доведут кого угодно. Но так как практически всю взрывчатку я использовал на статуе, то мне и пришла в голову мысль воспользоваться стоявшим на дежурстве боевым вертолетом. Ну а то, что он был американским, придавало изюминку будущей акции.

Самое фиговое было то, что улица была очень узкой и вертушка там никак не могла поместиться, а стрелять сверху я посчитал не очень хорошей идеей, с моим-то опытом. Поэтому решил делать это, зависнув на перекрестке, откуда здание биржи было как на ладони.

Потоки воздуха, которые отбрасывал несущий винт вертолета, подняли пыль на улице и, опрокинув мусорные баки, погнали по улице их содержимое. Уже заполненная народом улица просто оцепенела от изумления, когда я завис и стал прицеливаться. Заметив, что несколько зевак стоят в зоне поражения осколками, включил громкоговоритель и сказал в микрофон:

— Внимание, дамы и господа, мои ракеты, которые сейчас вылетят с направляющих, поразят здание фондовой биржи, и в случае если вы не хотите получить ранения и увечья, я попрошу вас отойти от здания на безопасное расстояние. Заранее спасибо. — Самое трудное было пародировать гнусавых вокзальных дикторов, но я справился. Так что от меня рванули в стороны не только спереди, где находилась фондовая биржа, но и сзади.

«Умные люди!» — подумал я про них и, заметив, что из здания биржи выбежал охранник, открыл огонь из пушки, разнося стены по кирпичикам. Опустошив пушку до трех четвертей, я вдавил по гашетке, стреляя НУРСами, горизонтально поводя носом направо и налево. Изувеченное мощными двадцатимиллиметровыми снарядами здание фондовой биржи покрылось цепью разрывов. Некоторые ракеты влетали в окна и разрывались внутри. Здание стало медленно разгораться.

— Ха-ха-ха. Это вам не тут! — смеялся я, как вдруг что-то застучало. В бронестекло моей кабины сверху полетели пули, оставляя белесые разводы. Подняв голову, я заметил полицейский вертолет, из кабины которого, свесившись, стрелял коп из винтовки.

В это время НУРСы как раз кончились и, оставив внизу разгорающееся здание, я, рвя ручку газа, стал подниматься вверх. Пора было наказать эту «козьявку», что побеспокоила меня.

Заметив, что я поднимаюсь, коповский вертолет, клюнув носом, стал набирать скорость, уходя в сторону.

— Куда-а-а!!! — искренне возмущился я его намерениями.

Поднявшись над зданиями Манхеттена, погнался за наглыми копами. Лавируя над зданиями, сбивая мне прицел, они неслись к двум уже знакомым башням-близнецам. Я же летел выше, помня, что у тех, кто наверху, преимущество, и пытался поймать копов на мушку.

И тут внезапно заорал зуммер радара, кто-то брал меня на прицел.

— Ах ты черт! — заорал теперь уже я, поняв, что меня банально выманили наверх и сейчас намереваются сбить. Поражало другое, КАК они за такое короткое время успели подготовиться?!

Теперь уже я несясь, прижимаясь к зданиям, сбивая прицел, к башням-близнецам, отстреливая ЛТЦ.

Мелькнувший на мгновенье в прицеле полицейский вертолет, разваливаясь обломками, посыпался вниз, после того как я успел нажать на гашетки. Чуть в стороне от него, махая руками, падал один из пилотов. Но и мне это счастья не принесло, почувствовав мощный удар в хвостовую часть, я понял, что теряю управление тяжелой машиной.

«Блин, сто пудов — из пушки долбанули. Долбоклюю», — понял я и, заметив, что до ближайшей башни осталось всего несколько сотен метров, направил «Кобру» к ней, с трудом управляя машиной.

«Похоже, это становится традицией, таранить эти башни авиационными аппаратами. Жаль, самолета не было!» — подумал я, врезаясь в стеклянное здание.

Главная хитрость была в том, чтобы попасть между этажами и не

врезаться в перекрытие, но и попасть в междуоконные балки, и я смог это сделать.

Разнося вдребезги стекло, «Кобра» застряла между двух вертикальных балок так, что кабина оказалась в здании, а хвостовая часть снаружи.

Молясь, чтобы фонарь не заклинило, ударил по рукоятке аварийного отстрела командирской двери и, отстегнув ремни, вывалился наружу.

— Блин-блин-блин! — говорил я как заведенный. Если шансы свалить на вертолете из города еще были, то теперь они равнялись нулю. Вытащив из набедренного кармана комбинезона «беретту», держа её наизготовку, рванул к лифтам. Призрачный шанс, что они не успеют оцепить здание, пока спускаюсь, был, но я понимал, как он мал. Добежав до лифтового холла, выяснил, на каком этаже нахожусь. Он был двадцать девятым.

Лифт это ловушка, и я понимал это, поэтому и побежал к двери, на которой была табличка с рисунком лестницы.

Спускался осторожно и где-то на третьем этаже услышал легкий шум и топот ног. Посмотрев в пролет между перилами, увидел троих полицейских, которые поднимались по лестнице, страхуя друг друга.

Отойдя к стене, я терпеливо ждал, пока они поднимутся до второго этажа, и как только они это сделали, упал на бок так, что верхняя часть моего туловища оказалась на верхней площадке, и, вытянув руку, открыл огонь. Помня, что копы носят бронежилеты, я стрелял в головы. Быстро спустившись к ним, сделал по привычке контроль и стал собирать оружие, став обладателем двух дробовиков и трех пистолетов, причем один из них был самым настоящим «магнумом», вроде того, что носил «Грязный Гарри».

«Эх, жаль моя коллекция осталась припрятана в воздушной вентиляции гостиницы, где снимал комнату», — подумал я, рассматривая револьвер.

Мысль переодеться в полицейскую форму даже не возникла. Не настолько полиция омолодилась, чтобы поверить, что я коп, поэтому мне пришлось остаться в армейском комбинезоне техника-сержанта.

Спустившись на второй этаж, вошел в лифтовый холл и, держа дробовик наизготовку, направился к одному из окон, мне нужно было осмотреться.

Выбив замок прикладом, я вошел во второй по счету кабинет, который, по моим предположениям, выходил окнами на вход здания, и, осторожно подойдя к окну, посмотрел вниз. Прямо на моих глазах к парковке подлетел полицейский грузовичок и, остановившись у патрульных машин, которые перегородили улицу, посверкивая проблесковыми маячками, выпустил из нутра десятков спецназовцев в черной униформе.

— Ух ты. Это что, все мне? — восхитился я.

Оказалось, что да. Перемещаясь, полицейский спецназ направился к входу в торговый центр.

Отойдя от окна, я передернул затвор у дробовика и сказал холодно:

— Вы хотите войны? Вы ее получите!

Вздыхнув, поднял вылетевший из дробовика патрон и, снова запихав его обратно, направился к лестничной площадке. В том, что они воспользуются лифтом, я сомневался.

Взбежав на лестничный пролет третьего этажа, обеими ногами наступил в лужу крови, натекшую из-под одного из полицейских, и побежал вверх, оставляя за собой четкие следы.

«Интересно, этот след они заметят?» — подумал я, забегая на этаж.

Что мне нравилось в том месте, которое выбрал, так это то, что за дверью был узкий десятиметровый коридор, просто идеально подходивший для засады.

Добежав до конца коридора, скинул обувь и, зашвырнув ее под стол, побежал обратно к двери, стараясь не наступить на кровавый след. Отталкиваясь ногами и руками, поднялся под потолок и, встав на шпагат, настороженно стал следить за дверью, держа в руках два пистолета.

«Да где вы, уроды?!» — подумал я через десять минут, ноги уже начали понемногу затекать, как вдруг заметил, что ручка стала медленно опускаться.

«Блин, если вы не поторопитесь, то я свалюсь прямо вам на головы!» — подумал я, приготовившись.

Наконец дверь открылась, и коридор стал заполняться бойцами полицейского спецназа, о чем сообщала надпись на их бронежилетах.

Дождавшись, пока пройдет через дверь последний, я аккуратно закрыл ее стволом пистолета и открыл прицельный огонь.

Из-за того что глушитель у меня был только на одном пистолете, то я решил использовать трофейные, все равно будет шумно, что и произошло.

Спецы, они и в Африке спецы, но не в полицейском спецназе. Похоже, что у них была только одна мысль — спастись из-под шквального убийственного огня. Бросив один пистолет на пол, я перезарядил второй и, расслабив мышцы ног, тихо съехал вниз, спружинив ногами о пол. Пробежавшись, сделал зачистку и, подойдя к открытой двери, лег на пол и осторожно заглянул внутрь. Именно туда успел заскочить подранок, выбив замок в двери. Поняв, что тот в агонии от пули в шею, зашел и прервал его мучения.

— Нет, ведь какой шикарный план был. Угнать вертолет, разнести фондовую биржу и спокойно улететь на Кубу, а оттуда домой. Так нет, сбили. И что теперь? Легче стало, да? — ворчал я, затаскивая тело одного из спецназовцев в кабинет, куда заскочил подранок. Быстро сняв его униформу, надел ее на себя, не обращая внимания, как она липнет к телу, и кожа стягивается от пропитавшей ее крови.

Я решил воспользоваться той идеей, что воспользовался небезызвестный киллер Леон, когда, одевшись в спецназовскую униформу, почти вышел из здания, только концовка у меня будет другая. Хорошая.

Закончив со снаряжением, подхватил обнаженное тело бойца и затолкал его под стол. Сразу не обнаружат, а дальше мне уже пофиг. Я или выйду и свалю, или погибну.

Подхватив еще одно тело, также не особо упитанное, закинул его руку на плечо и потащил к лифту. Стекло моего шлема было забрызгано кровью, но я не стал вытирать, оставив для антуража. Ноги якобы раненного бойца волочились по полу, оставляя две красные полосы. Нажав на кнопку вызова лифта, стал терпеливо ждать.

Когда я спустился вниз, нас там уже ждали. Увидев десяток направленных на меня стволов, я чуть было не дернулся, но переборол себя и, таща «раненого», вышел в холл.

«Сейчас посмотрим, как у меня с маскировкой!» — подумал я, демонстративно падая с ношей в руках.

— Медиков сюда, — кто-то закричал рядом, и я увидел, как у моего лица остановились высокие шнурованные ботинки. Меня подхватили под руки и потащили наружу, где положили на носилки, и понесли к машине «скорой помощи».

«Куда вперед ногами?!» — мысленно заорал я, но продолжил лежать неподвижно. Рядом бежал то ли медик, то ли еще кто, и щупал у меня пульс.

— Он мертв, — сказал кто-то рядом.

«А, это про „раненого“» — понял я и слегка застонал для вида, когда носилки положили на полозья и затолкали внутрь санитарной машины.

— Снимайте с него форму, будем осматривать! — скомандовал кто-то рядом со мной.

Что мне не понравилось, так это то, что мы продолжали стоять, да и в больницу не сообщали, что везут раненого. Приоткрыв глаза, я быстро осмотрелся вокруг, пользуясь тем, что шлем с меня до сих пор не сняли.

Вокруг сидели трое парней в форме медиков и работали надо мной.

Один из них быстро освобождал меня от униформы, другой работал у

аппаратуры, готовя датчики, третий — ампулы и шприцы.

«Блин, сейчас меня разденут и поймут, что я липа. Надо действовать!»

Застонав, я полез рукой под бронежилет, где у меня была «беретта» с глушителем, но тут же мои руки кто-то крепко схватил, так что было не вырваться, и меня тут же освободили от пистолета. Остальное оружие сняли раньше, но тогда меня это не удивляло.

— Держим, — сказал один из медиков кому-то.

— Ну что, Артур, вот ты и попался, — сказал мне незнакомый голос.

«Как? Как меня вычислили?» — забились мысль у меня в голове. Страх не было, была пустота, я знал, что скоро умру, и уже перегорел. Поэтому, когда с меня содрали шлем и маску, нагло посмотрел на цэрэушника, а то, что это был именно он, я был уверен на сто процентов.

— Господин из ЦРУ, не знал, что вам разрешили проводить операции внутри страны, — сказал я после того, как осмотрелся. Шансов на побег не было, тут были одни волкодавы.

— Ну что вы. Я из ФБР, — сказал он.

— Врите кому угодно, но не мне. Я вашу шакалью породу везде узнаю. Сто пудов, документы, что вы предъявили, липа.

Взгляд одного из парней вильнул от моих слов.

— И вообще. Как там говорил небезызвестный Арчи? «Айл би бек».

Похоже что цэрэушник что-то понял, как тут же заорал:

— Держите его!!!

Но было поздно. Неприметная ниточка, лежащая у меня на крае воротника, уже была у меня во рту, и единственное, что я сделал, это резко дернул головой в сторону, инициируя детонатор.

Двести граммов пластида, что я сэкономил при подрыве статуи Свободы, все-таки пригодились. Люблю уходя громко хлопнуть дверью.

Со стороны казалось, что санитарный фургон просто вспух изнутри, разорвавшись облаком огня, но я этого уже не видел.

Меня приподняло легкое пушистое облако и стало возносить на небо, пока я не увидел яркий туннель, куда меня и затянуло.

Апостол Петр взял листок с данными следующей души.

— Так. Майкл Джексон, задушен фанатами в толчее после концерта... — начал было он, как увидел мою удивленную рожу, которая внимательно осматривалась, стоя в конце очереди.

— А-а-а!!! — заорал он, схватившись за сердце. И тут же ударил по большой красной кнопке. Немедленно взвыли сирены и засверкали мигалки.

Я и глазом моргнуть не успел, как налетевшие ангелы, стали сталкивать меня с облака. Но я не сталкивался, поэтому ангелы разлетались в разные стороны, но насакивали новые, и меня банально смяли массой.

— Выкиньте его! Выкиньте! Мы еще после последнего его посещения рай не отремонтировали, — орал Петр.

— Да что я вам сделал? — возмутился я, висая на руках над пропастью. Столкнули-таки.

— Да во время твоего последнего посещения у нас тут разве что содомии не было. Так что вернешься только тогда, когда умрешь своей смертью, — сказал он, кивая ангелам.

Взмах огненным мечом — и я полетел вниз, держа в руках кусок облака. Последнее, что помню, вопрос кого-то из ангелов Петру:

— Куда его на этот раз отправили? — Но ответа я так и не услышал.

— Разрешите? — спросил генерал Селиванов, заглянув в кабинет.

Романов, посмотрев на него поверх очков, приглашающе показал на кресло перед столом и сказал:

— Присаживайтесь. Есть новости об Артуре?

Генерал, единственный из близких людей Романова, мог без стука входить к нему, поэтому Григорий Васильевич не сильно удивился, когда Селиванов появился в дверях.

— Нет, мы пока не нашли его, хотя на это кинуты все доступные силы.

— Все?

— Ну-у-у, не наши. Мы просто отслеживаем все работы по поискам Артура спецслужб США и оперативно реагируем на любые изменения.

— Понятно. Что там нового? Знаете... а начните сначала, как только он пропал.

Селиванов поворошил бумаги, найдя нужные сведения, хотя и так помнил все наизусть, стал зачитывать:

— Хкм-м! Двадцать шестого июня этого года объект «Дитё» исчез из-под наблюдения. Одновременно поступила информация о пролете неизвестного самолета через нашу границу. Самолет визуально засекли пограничники заставы номер «N». Были немедленно предприняты все мероприятия по поиску пропавшего объекта. На месте последнего его местоположения обнаружено тело местного участкового милиции Опанаса Костюченко. Автомашина после некоторых поисков обнаружена в двадцати километрах, где также были найдены следы взлетевшего самолета, предположительно того же самого, что видели пограничники всего несколько часов назад. Дальше были подняты истребители стоящего

рядом авиаполка, но они также ничего не обнаружили. Как выяснилось позже, самолет пролетел над Черным морем — его видели рыбаки — на малой высоте, где его не засекли наши радары. Впоследствии удалось узнать, что он приземлился на воду у британского торгового судна, где и был поднят на борт. Судно заходило во множество портов, так что следы Артура потерялись. Через три недели наши сотрудники в Америке сообщили, что по внутренним каналам ЦРУ прошла информация о поимке особо опасного преступника. Нашим сотрудникам удалось достать описание сбежавшего. Сомнений не было — это Артур.

— Миша, один кофе и чай мне, — нажав на кнопку селектора, приказал Романов, прервав на минуту доклад генерала. — Продолжайте, — кивнул он, как только секретарь вышел.

— Первой ласточкой был захват школы. Мы вышли на его след, но он опять смог скрыться. Причем не только от нас, но и от цэрэушников. Взяв заложницу в школе, он смог угнать вертолет, который потом утопил в море. Я читал отчет сотрудников ФБР, когда они его поднимали. Далее пешком он дошел до ближайшей виллы семейства Сойеров, где отдыхали сын с женой. На вилле он забрал машину марки «феррари». Кстати, по отчету осматривающих виллу оперативников на стенном зеркале была сделана надпись губной помадой хозяйки. Там было написано: «Здесь был Вася!», а на обратной стороне «А Артур просто мимо проходил!».

— Шутник, — хмыкнул Романов, после чего приказал: — Продолжайте.

— Машину обнаружили в нескольких километрах от Лос-Анджелеса. Судя по тому, что написано в отчетах местных полицейских, они сперва посчитали, что хозяева утонули, однако, пробив номер кузова, поняли, что машина в угоне. Дальше следы объекта теряются. Следующим подал вести радист сухогруза «Абхазия», мимоходом сообщив, что их спас наш объект. Немедленно в тот район была отправлена спецгруппа во главе с подполковником Игорем Мирзугалиевым. При боевом столкновении на острове Таити спецгруппа была уничтожена, нанеся большие потери живой силе противника, но смогли дать уйти объекту. Сам же он угнал с ближайшего аэродрома частный самолет семейства Сойеров и смог не только отбиться от ракетных атак эсминца, но и нанести ему довольно серьезные повреждения путем обманного наведения своих же ракет на эсминец.

— Сойеры, вы, кажется, уже упоминали эту фамилию? — прервав генерала, спросил Романов.

— Да, это на их вилле был объект. Простая случайность, мы уже

выяснили.

— Хм, невезучие они какие-то. Ладно, продолжайте, — велел Романов, не обратив внимания, как тихо хрюкнул Селиванов.

— Сумев оторваться от преследователей, объект направил свой самолет к острову Фиджи, где и произвел вынужденную посадку в прибрежной воде. Воспользовавшись спасательской лодкой он, двигаясь рядом с берегом, обнаружил яхту семейства... Соьеров.

Отсмеявшись, Романов спросил:

— Не везет этому семейству, я погляжу. Продолжайте.

— Оставив хозяев и экипаж на необитаемом острове, где их обнаружили спустя восемь дней, объект направил яхту обратно к берегам Америки.

— Зачем? — спросил Григорий Васильевич.

— По-видимому, мстить за смерть Мурзагалиева, они были очень дружны.

— Это тот сабельник с нашей базы?

— Так точно.

— Как же, как же, помню. Продолжайте.

— Избавившись от яхты, он нанял частный самолет и на нем спокойно пересек всю страну, достигнув пункта своего назначения, города Нью-Йорка.

— Подожди! Месть, Нью-Йорк... Так это что, статуя его работа?

— Так точно, и Уолт-стрит тоже.

— А я еще понять не мог, что за ноту вручили мне представители МИДа Америки: «...за немотивированную агрессию к США со стороны одного из представителей Советского Союза...», — припомнил Романов.

Генерал молча слушал, как Романов возмущается такой наглостью правительства Америки.

— Это же надо, сами украли, сами же нам возмущенную ноту прислали!!! — продолжал возмущаться Романов.

Через полчаса, попив чаю, Романов приказал продолжать.

— После того как объект взорвал статую, что, кстати, по словам наших специалистов было нелегким делом, он угнал с базы морской пехоты боевой вертолет «Кобра», на котором и обстрелял Фондовую биржу, из-за чего и было такое падение курса доллара. Однако, начав перестрелку с полицейским вертолетом, он попал в прицел другого вертолета и был подбит, после чего совершил вынужденную посадку на одной из башен-близнецов. Вернее не совершил, а врезался в нее.

— Да-да, я помню, смотрел новости, — кивнул Романов.

— После боя он, одевшись в форму полицейского спецназа, вышел наружу, неся одного из убитых полицейских, но его уже ждали. Объект не учел, что в здании есть видеокamеры, и не все из них находятся на виду. «Взял» его некий специальный агент Лоуренс, звезда среди ищек ЦРУ. В помощи у него были трое сотрудников ФБР. По словам наблюдателей, его упаковали в медицинский фургон «скорой помощи», через сорок секунд после того как закрылись дверцы, он взорвался изнутри. Саперы, осматривающие остов, в заключении указали на двести граммов пластида.

— А что с объектом?

— Был проведен анализ ДНК останков. Обнаружены тела агента Лоуренса и привлеченных людей. НО объекта не обнаружили. Его останков в машине НЕ БЫЛО.

— Так где он? — спросил Романов, нахмутив брови.

— Поиски продолжаются не только нами, но и спецслужбами Америки.

— Ясно. Если обнаружите, подстрахуйте его, но не трогайте. Пусть еще по Америке побеждает. А я пока узнаю, сколько готовы заплатить Штаты, чтобы мы его забрали, — с чуть заметной улыбкой сказал Генеральный секретарь Советского Союза Григорий Васильевич Романов.

* * *

Боль в спине и ногах заставила меня очнуться. Как ни странно, чувствовал я себя нормально, и поэтому, пружинисто вскочив, осмотрелся, не обращая внимания на явно обожженную солнцем спину. Степь, меня со всех сторон окружала степь. Посмотрев на уже пожухлую траву, я определил время года: середина лета. Ничего не понимаю, где городские трущобы Нью-Йорка? Где преследователи? Последнее, что помню — это как подорвал себя. Бред про рай я не воспринимал серьезно. Еще раз осмотревшись, осторожно ступая босыми ногами, направился в сторону леса, видневшегося вдали. По ходу движения осмотрел себя. Я был совершенно раздет, и больших отличий с последнего раза в теле не нашел, хотя оно было мое, и судя по всему, оно осталось четырнадцатилетним. Размышляя на ходу, я шел неспешным шагом, стараясь уберечь ноги. Вытряхнув все мысли из головы, сосредоточился на выживании, и хотя путь до леса занял у меня почти три часа, шел осторожно, высматривая опасность, и готов был скрыться в густой — мне по пояс — траве. Зайдя под деревья, облегченно вздохнул, шевеля мускулами на спине, выгнув руку, провел ладонью по коже спины.

«М-да, на спине теперь можно яичницу жарить!» — такая она была горячая.

Пройдясь по опушке, я сорвал десяток подорожников и, потеряв их рукой, аккуратно прикрепил к спине, не знаю, поможет или нет, но пусть будут. Другого все равно ничего нет. Однако подорожники быстро начали осыпаться. Плюнув на них, я пошел дальше. Лес оказался не большим, километра три шириной, но зато так остро мучившую жажду я смог утолить в найденном роднике.

Подойдя к противоположной опушке и не выходя на открытое пространство, осмотрелся. И только когда осмотрелся еще раз, заметил невдалеке вдоль леса тонкий дымок от костра.

Бесшумно отступив обратно, по лесу, лавируя между деревьев, направился в ту сторону, по пути изумляясь чистоте опушки. Никаких тебе бумажек, бутылок и другого мусора, неужели я где-то в другой стране?

Путь до костра занял минут сорок. И тихо выйдя к опушке, всмотрелся в сидящих и лежащих у костра людей.

Увиденное меня изрядно озадачило. Там были татары, причем как будто снимали фильм про монгольское иго, невдалеке паслись низкорослые кони в количестве семи штук.

Пересчитав людей, обнаружил, что их пятеро. Быстро оглядевшись, я не обнаружил ни кинокамер, ни людей в нормальной одежде. Вывод был один: я опять провалился во времени. Но не это меня удивило, а то, что нет часового. Быстро осмотревшись, я его не обнаружил. Неужели они так уверены в своей безопасности?

Часовой все-таки был, он сам себя обнаружил, когда заорал что-то по-татарски. К моему удивлению, часовой, довольно молодой парнишка, сидел на самой верхушке ближайшего дерева. О чем-то поговорив со старшим, часовой продолжил бдение. Я с облегчением перевел дух, парнишка сидел на ветке спиной ко мне и лишь изредка кидал взгляд назад. Похоже, он меня так и не заметил.

Тут старший, встав и почесываясь, направился к спавшему немного в стороне человеку, он был закрыт от меня телом одного из татар, и я не смог внимательно рассмотреть его. Поднявший его татарин позволил немного рассмотреть пленника, то, что это пленник, было видно по связанным рукам. Поставив пленника в коленно-локтевую позу и задрал у него рубаху, оголив ягодицы, татарин, развязав завязки своих штанов, мощным толчком вошел в пленного.

Судя по ленивым взглядам, бросаемым на парочку, и молчавшего пленника, это уже проделывалось не раз. И только когда насильнику надоела эта поза и он мощным движением перевернул пленника на спину и, разрезав веревки, стянутые на руках, снова навалился на тело, я понял,

что это девушка, — по груди, которую грубо тискал насильник. Девушка продолжала молча сносить насилие, стиснув зубы. Я отступил в глубь леса, когда на девушку залез следующий, время пока не пришло, нужно подождать захода солнца.

Жалеть я их не собирался, помнил рассказы учителя истории, что творили на нашей земле татары. Отойдя немного в сторону, при этом не спуская глаз с часового и контролируя его боковым зрением, устроился ждать ночи, надеясь, что раньше они не сорвутся с места.

Пока было время, пытался обдумать, куда я попал. Судя по всему, куда-то в глубокое прошлое, но куда? После некоторых раздумий решил оставить эту проблему на потом. Узнаю позже.

Перед самым закатом часовой слез с дерева и больше на него не залезал, подойдя к девице и тоже поимев её, он завалился спать рядом с товарищами. На пост заступил другой молодой татарин и, взяв короткую пику, стал неторопливо прохаживаться.

Бросаться на них с голыми руками я не стал, а тихо подползая к ближайшему, замирая от любого шума, аккуратно вынул нож из лежащих рядом с татаринком поясных ножен. Также осторожно достал и саблю. Хлопнул по щеке спящего, и как только он открыл глаза, всадил ему нож прямо в сердце. Так же тихо я прошелся по остальным.

Часовой, в это время отошедший к лошадям, шелестя травой, возвращался, я ждал его на середине пути и, неожиданно вскочив из высокой травы, нанизал на саблю по самую рукоятку. Так же тихо, как и остальные, часовой умер. Посмотрев в сторону стреноженных лошадей, которые только сейчас почуяли кровь и чужого, насторожившись и прислушиваясь, направился обратно к лагерю, думая, что хорошо, что догадался подобраться с подветренной стороны и кони меня не почуяли.

Собрав все оружие и раздев убитых до исподнего, не подходя к спящей пленнице, завалился спать, утро вечера мудренее.

Проснулся я рано, еще не полностью встало солнце. Пошевелив лопатками, спина давала о себе знать, откинув один из халатов, которым укрывался, зевая, встал. Вонь от одежды сильно била по обонянию, что заставляло меня морщиться.

«На хрен я их надену. Если только после стирки!» — подумал я.

Протерев руками лицо, быстро осмотрелся, убитые продолжали лежать там, где я их оставил, были они голыми, после того как я снял с них одежду.

Открывая мешки, рассмотрел, что в них. Первым сюрпризом были новые ЧИСТЫЕ штаны, которые немедленно натянул. Найденная рубаха не блистала новизной, но была чистой, явно стиранной.

Полностью одевшись и разобравшись со всеми завязками, я подобрал себе обувь по ноге, повезло, что один из татарчат имел такой же размер.

Осмотрев все сабли, разочарованно вздохнул, хороших не было, все они оказались сделаны из плохого железа, но выбрать было не из чего, и я под правую руку нацепил саблю предводителя, а под левую ту, что получше.

Выбор ножей тоже был не долгим, один из них прекрасно подходил под метательный, другой изогнутый кинжал, к моему удивлению, был с довольно неплохим лезвием. По местным временам дорогое оружие, нож тоже был предводителя.

В это время проснулась девица, увидела рядом мертвых насильников, завизжала и, вскочив, метнулась в сторону леса. Но со связанными впереди руками и после насилия далеко она убежать не успела, быстро её нагнав, я пнул по аппетитной попке, которая вихляла передо мной.

От удара по волнующей мякоти девушка упала. Перевернув ее на спину, отчего она привычным движением раздвинула ноги, я разрезал стягивающие ее руки веревки и, сделав шаг назад, стал с интересом ее разглядывать.

Девица оказалась самой обычной татаркой с косичками, лежала она с закрытыми глазами и, поняв, что ее пока никто насиловать не будет, приоткрыла один глаз. Увидев перед собой русского мальчишку, она сдвинула ноги.

Показав жестом, чтобы она встала, я продолжил наблюдение. Девице было на вид лет шестнадцать, одета в одну коротенькую рубашку поверх бедер, кстати, прекрасных бедер, и грудь, мелькнувшая в вырезе рубахи, была очень даже ничего.

Встав, она с удивлением осмотрела меня и, похоже, решив, что я для нее опасности не представляю, что-то сердито сказала и замахнулась кулачком.

«Похоже, курва, привыкла бить рабов, ну-ну».

Ее даже не остановили мои сабли, висевшие на поясе.

Жалеть девицу я не собирался, поэтому, пробив ей прямой по печени и взяв на излом руку, повел поскуливающую от боли обратно в лагерь.

— Ну что, коза? Давай знакомиться. Я Хозяин. А кто ты?

Примечания

1

Песня из мультфильма «Подарок для слона».

2

Мюзикл «Нотр-Дам де Пари».

3

Песня из репертуара Максима Леонидова.